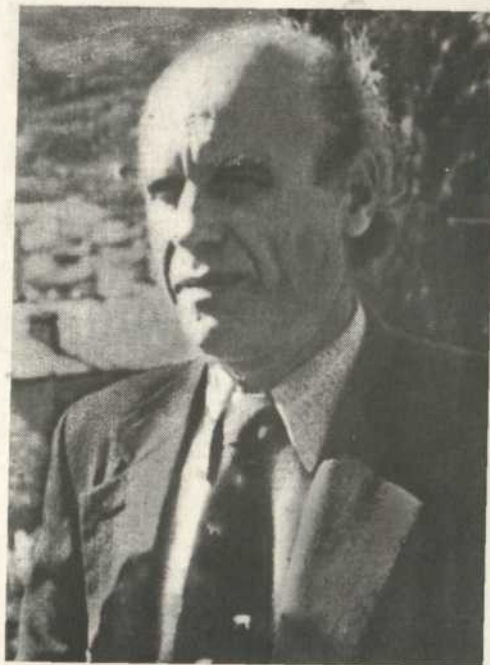

Эрик Григорьевич Юдин
(1930–1976)

СИСТЕМНЫЙ ПОДХОД
НАУЧНАЯ
ШКОЛА
SYSTEMS APPROACH

ФИЛОСОФЫ
РОССИИ
XX ВЕКА

Э.Г.ЮДИН

МЕТОДОЛОГИЯ
НАУКИ

СИСТЕМНОСТЬ

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ

Эдиториал УРСС
Москва • 1997

Издание
осуществлено при финансовой поддержке
Российского гуманитарного научного фонда
(РГНФ)

проект № 96-03-16183

Редакционная коллегия серии
«Философы России XX века»:

В.С.Степин (председатель),
Ф.Н.Блюхер (ученый секретарь),
А.А.Гусейнов, А.Ф.Зотов, В.А.Лекторский,
Л.А.Микешина, А.П.Огурцов

Составление, предисловия, библиография
А.П.Огурцова, Б.Г.Юдина

Э.Г.Юдин

Методология науки. Системность. Деятельность. — М.: Эдиториал УРСС, 1997.

Книга составлена на основе важнейших прижизненных и посмертных публикаций отечественного философа Эрика Григорьевича Юдина (1930–1976). В центре внимания автора — природа и особенности современного методологического знания как специфического типа рефлексии над наукой. Дается характеристика исходных предпосылок и понятийного аппарата системного подхода, в разработке которого автор был одним из первопроходцев. Всесторонне анализируется понятие деятельности, которое рассматривается Э.Г.Юдиным и как предельно широкая философская категория, и как концептуальное средство, применяемое во многих областях науки о человеке. В качестве приложений публикуются биографические материалы, рассказывающие о нелегком жизненном пути и творчестве Э.Г.Юдина.

ISBN 5-901006-07-0

- © Э.Г.Юдин
- © А.П.Огурцов, Б.Г.Юдин, составление, предисловия, библиография
- © РОССПЭН, художественное оформление серии
- © Эдиториал УРСС, 1997

ПРЕДИСЛОВИЕ

Настоящее издание включает работы, принадлежащие перу отечественного философа и методолога науки Эрика Григорьевича Юдина (1930–1976). В значительной мере оно содержит материалы, вошедшие в книгу Э.Г.Юдина «Системный подход и принцип деятельности. Методологические проблемы современной науки» (М., Наука, 1978). В нынешнем издании, однако, исключен ряд разделов, внесены уточнения, а также изъяты некоторые конъюнктурные высказывания, выражавшие не позицию автора, а обязательные для того времени идеологические привески. Кроме того, добавлены ранее не публиковавшиеся тексты Э.Г.Юдина.

В качестве приложений публикуются материалы, раскрывающие нелегкий жизненный путь Эрика Григорьевича. Приложение 1 охватывает время с конца 1956 г. до начала 1960 г. — годы его ареста, осуждения по политическим обвинениям и пребывания в исправительно-трудовых лагерях. Оно содержит выдержки из писем Э.Г.Юдина того периода, адресованных родным, а также документов, сохранившихся в семейном архиве. Наличие довольно большого количества писем позволило достаточно полно и связно воссоздать трагические события его жизни. Лишь в некоторых местах мне потребовалось снабдить текст примечаниями (они набраны наклонным шрифтом). Следует иметь в виду, что заявления и жалобы Э.Г.Юдина и родных были обращены ко вполне определенным адресатам, что предполагало соответствующие язык, стиль и аргументы. Что касается писем родным, то в большинстве своем они писались с учетом того, что первым читателем будет цензор; кроме того, автор, конечно, не хотел травмировать своих близких, в силу чего порой «приукрашивал» свое реальное положение и состояние.

Приложение 2 включает документы последующих лет. На мой взгляд, в своей совокупности они красноречиво отражают как жизненный путь Эрика Григорьевича после его

освобождения, так и все то, что связано с его реабилитацией (увы, посмертной).

Работая над изданием книги, я постоянно ощущал поддержку и помощь своих родных, а также близких друзей — Эрика Григорьевича и моих — Александра Павловича Огурцова, Вадима Николаевича Садовского, Эдуарда Михайловича Мирского. Им я выражаю свою глубочайшую благодарность.

Б.Г.Юдин

СЛОВО О ДРУГЕ*

Суть философского анализа заключается в отыскании проблематичности и ее истоков во всех сферах человеческого бытия.

Э. Юдин

Эрик Григорьевич Юдин был философом. Он был философом по призванию. К философии его привел опыт нелегкой жизни, опыт, подвинувший его к уяснению предельных оснований человеческого бытия. Совсем недолго, всего десять-двенадцать лет, занимался он философской работой и, словно зная заранее, как невелик отпущенный ему срок, он жил и мыслил жадно, не щадя себя, с удвоенной, утроенной интенсивностью. До самого последнего дня, до самого последнего часа он кипел замыслами, идеями, предложениями. Для реализации многих из них ему, к сожалению, не осталось времени. И эта интенсивность духовной жизни запечатлелась во всем его творчестве, в его работах, часть из которых собрана в настоящей книге.

Написанное и сделанное им — это не просто отчужденный продукт его профессиональной деятельности. Статьи Э. Г. Юдина несут на себе отблеск его личности. В них выразились и волевые усилия его ума, и его ценностные и нравственные позиции, и его восприятие жизни и отношение к ней. Для него работа философа никогда не была

* В книге Э. Г. Юдина «Системный подход и принцип деятельности» (М.: Наука, 1978) этот текст по цензурно-конъюнктурным соображениям был существенно сокращен и опубликован в качестве «Послесловия». В настоящем издании публикуется первоначальный вариант.

отвлеченным умствованием, далеким от того, что действительно волнует и его самого, и наше время. Он обладал «умным зрением», позволявшим ему выбрать наиболее значимые и серьезные темы, найти широкий и вместе с тем аналитичный, продуктивный подход, увидеть их в новом ракурсе. Свидетельство тому — прежде всего сам характер тем, разрабатывавшихся им в течение всего времени его научного творчества и нашедших отражение в этой книге. Таких тем четыре: это — наука, методология, системный подход, проблема деятельности. Нетрудно видеть, что каждая из них обладает множеством граней и что практически невозможно очертить круг «адресатов» — тех, кто заинтересован в осмыслении и обсуждении этих тем, поскольку осмысление их есть в то же время осмысление тенденций, характерных для нашей культуры, для нашей духовной жизни.

В этой широте и универсальности, объемности тем, изучению которых посвятил себя Э. Г. Юдин, отчетливо проявился не только его творческий почерк, но и склад его личности. Он никогда не действовал и не мыслил, втискиваясь в узость обстоятельств и примиряясь с их принудительностью. Он старался хотя бы как-то, хотя бы немного раздвинуть рамки этих обстоятельств, а тем самым раздвинуть горизонт возможностей и для всех нас. Каждый из нас понимает, что жизнь человека несводима к печатному слову. Для тех, кто знал этого рано скончавшегося философа, тем более невозможно представить его в одном — печатном измерении. Им далеко не всегда легко ответить на вопрос, что для них было важнее, что оказывало на них большее влияние: высказанные ли им идеи или само общение с ним, исходивший от него заряд духовной энергии, нравственной чистоты и человеческого тепла.

Ибо есть еще одно измерение его жизни и его труда — труд общения. Есть еще одно измерение его души — устремленность к другому, настроенность на диалог. Общение ободряло и вдохновляло его. Общение с ним ободряло и вдохновляло других. Его меньше всего можно представить себе как «кабинетного философа», в котором возникает усталость от прошлой книжной мудрости, остывает жар души и который постепенно превращается в мизантропа. Э. Г. Юдин до последнего своего часа был вовлечен в бытие людей, его окружавших, вовлечен мыслью, словом, делом, поступками, оценками, своими советами.

Он чувствовал и сознавал себя связанным зримыми и незримыми узами с людьми, борющимися за рост нашей философской культуры. Да и сам он был ее подвижником, был активным участником борьбы за компетентность и основательность философии, борьбы, которую он вел непрерывно — в своих статьях и редакторской работе, в своих докладах и лекциях, в беседах и спорах с другими. Он был солидарен с теми, кто стремился уяснить себе смысл и средства своего профессионального дела, кто стремился поднять голову и оторваться от затрепанных и узких тем, оглядеться и увидеть нити, связующие его с другими. Э. Г. Юдин чувствовал себя соратником в тех победах, которые одерживала наша компетентная, профессиональная в высоком смысле этого слова философская мысль за последние десятилетия, и испытывал глубокую тяжесть — вины, горечи, ответственности перед завтрашним поколением, когда поднимали голос догматизм и фразерство.

Любая сфера человеческой деятельности, специализируясь, формирует свой круг общения. Это постепенно ведет к обособлению, изоляции одной группы специалистов от других. Каждая из них вырабатывает свой собственный язык, свою систему профессиональных ценностей и норм научной работы. На долю же философии, которую называют «самосознанием эпохи» (Гегель), «духовной квинтэссенцией эпохи» (Маркс), выпадает критическое осмысление этой ситуации и выяснение общих основ, ориентиров, определяющих движение как науки, так и всей культуры.

Философ не может не быть профессионалом в своем деле. Но его профессионализм ни в коей мере не ограничивается логически отточенной техникой мышления. Призвание философа состоит в том, чтобы обнаружить общечеловеческий, общекультурный импульс, который так или иначе всегда движет любое специальное дело. В этом открывается возможность для взаимопонимания, а значит, и для плодотворного взаимодействия людей с разными профессиональными интересами.

За разговорами об усиливающейся специализации, о всякого рода информационных барьерах, вообще о некоммуникабельности мы порой забываем, что общение — это не просто одна из сфер человеческого существования, обслуживающая другие сферы, что оно обладает и собственной ценностью, поскольку оно есть подлинно личностное, творческое действие, в котором человек находит самовыражение.

Поэтому общение не может быть просто «дано» (как не может быть и отнято) социальными институтами, «ритмом современной жизни», сферой профессиональных и деловых интересов, если мы сами не будем открыты для общения, не будем прилагать собственных усилий к этому.

В этой связи можно напомнить слова Антуана де Сент-Экзюпери: «Величие всякого ремесла, быть может, прежде всего и состоит в том, что оно объединяет людей: ибо нет ничего в мире драгоценнее уз, соединяющих человека с человеком». Эти слова в гораздо большей степени, чем к чему-либо, относятся к «ремеслу» философа, назначение которого и состоит в осознании общего смысла культуры, в обращенности к узам, объединяющим людей, думающих так же или иначе, чем он, специалистов в той же или в других областях. В совместной работе выявить смысл своей работы и уяснить смысл профессионального дела других — тот глубокий человеческий смысл, который есть инвариантное, общее, стоящее за профессиональными перегородками и за многообразием исследовательских интересов и позиций, объединяющее усилия разных людей — в этом заключается тот творческий импульс, которым жил Э. Г. Юдин. Открытость общению была не только чертой его личности, но и основанием его философской позиции.

Общение как диалог с другим всегда является продолжением внутреннего диалога и наоборот, внутренний диалог выступает как продолжение внешнего. Такая их взаимоперекличка предполагает наличие множества внутренних размерностей и устремлений, что позволяет раскрываться навстречу каждому из многих окружающих людей, своеобразных, неповторимых, не похожих друг на друга. Эта многогранность внутреннего мира и есть условие подлинного, «чистого» общения, контакта, диалога с другим, с другом, ибо она есть условие понимания другого.

Для Э. Г. Юдина было совершенно неприемлемым замыкание теоретической работы на самой себе и самодовольные претензии на окончательное постижение того смысла, который бесконечен так же, как бесконечно человеческое бытие. Такого рода притязания были для него притязаниями ума, отсеченного от целостности человеческого бытия и тем самым обедненного в своих истоках. Единство мысли и дела, теории и жизни было для него не фразой, а исходным мотивом его исканий.

Обращенность к новым проблемам, умение по-новому поставить старые проблемы, критичность по отношению к ранее им самим принимавшимся посылкам и принципам, критичность, не вырождающаяся, однако, в скептицизм, постоянная корректировка своих идей, своего творческого аппарата — вот что отличало творчество Э. Г. Юдина. Он жил не только в диалогах с другими, но и в диалоге с самим собой, со своим только что найденным решением, тут же выдвигая против него контраргументы, осознавая и выявляя его границы и его возможности. Его менее всего можно представить в роли ментора, навязывающего неопровержимые, необсуждаемые теоретические максимы. Вся его творческая жизнь была непрерывной эволюцией, в ходе которой неуклонно расширялась область его научных интересов и все более острым становилось его теоретическое зрение.

Смысл своей методологической работы он видел не только и не столько в изучении сформировавшегося, устоявшегося знания, сколько в том, чтобы выявить точки роста знания, чтобы за нечеткостью и расплывчатостью, которые обычно сопутствуют формулировке новых научных проблем и облику зарождающихся научных направлений и дисциплин, увидеть конструктивное начало — то, что в дальнейшем может быть содержательно развернуто и стать ядром будущей теоретической концепции. В подобных случаях особенно необходим контакт теоретика и методолога — здесь методолог не просто оказывает помощь, сам оставаясь вне ситуации, в которой находится теоретик, а непосредственно участвует в процессе формирования нового знания. Э. Г. Юдину был присущ вкус к такого рода работе, к тому, что можно было бы назвать методологическим экспериментом.

Таким экспериментом были его работы по методологии системного подхода. Он пришел в эту область, когда было совсем еще неясно, каковы перспективы системных идей, какова сфера их компетенции и каковы их специфические методы. Более того, многие ставили под сомнение саму их правомерность как особого раздела научного знания.

Сегодня эта сфера исследований выглядит вполне респектабельно. В Академии Наук есть Институт системных исследований. Вышло уже десять выпусков ежегодника «Системные исследования», которые нелегко достать (кстати, в его организацию и издание много инициативы, настойчивости и труда вложил Эрик Григорьевич). Массив отече-

ственной литературы по проблемам методологии системных исследований перевалил уже за тысячу наименований. А те, кто в свое время считали системный подход чем-то почти криминальным, теперь, по выражению Э. Г. Юдина, предпочитают руководствоваться «известным еще со времен Екклезиаста принципом "все это уже было"».

Тогда же, когда системное движение только зарождалось, нужна была немалая смелость, и не только научная, чтобы поверить в его перспективность и с головой окунуться в методологический анализ и обоснование системных исследований.

Чуждый отвлеченного теоретического умствования, Э. Г. Юдин уяснял сущность, специфику и конструктивные возможности системного подхода на материале конкретных наук, в той или иной мере проводящих или хотя бы стремящихся проводить системные исследования. И это опять-таки становилось для него полем для встреч и открытого диалога с разными специалистами. Его общая культура, его философская позиция и несомненная одаренность делали такие диалоги плодотворными для всех участников. Об этом хорошо сказал психолог и лингвист А. А. Леонтьев: «...далеко не каждый философ может так свободно говорить с психологом на его языке, как это умел делать покойный Э. Г. Юдин».

Только ли с психологом? Очень показательна и его работа с экологами, его анализ методологических проблем экологии — именно с точки зрения системного подхода. Или другой пример: в последние месяцы своей жизни Эрик Григорьевич начал еще один методологический эксперимент в новой научной области — эргономике. Но эту работу, которая может привести к оформлению особого теоретического предмета эргономики, ему не удалось завершить.

Естественно, такой способ работы — в отличие от исследования того, что уже апробировано и общепринято, — сопряжен с известным риском, поскольку обоснование должен получить не готовый результат, а путь, ведущий к его отысканию. От методолога, ставящего перед собой такие задачи, требуется, наряду с логической культурой мышления, также и особая творческая смелость, тонкая научная интуиция, критичность ума, позволяющая отсеять все лишнее, наносное и бесперспективное, в сочетании с чуткой восприимчивостью, открытостью по отношению к новому.

Эти качества — в чем позволяет убедиться и данная книга — органически сочетались в творчестве Э. Г. Юдина.

Готовность к диалогу, открытость интеллектуального мира Э. Г. Юдина выражались в том, что для него текст — это завязка для обсуждения, приглашение к совместной работе, в которой выявляется общий смысл, открывается внутренняя близость и созвучность душевного настроя людей подчас незнакомых друг с другом и не всегда понимающих друг друга на уровне своих сугубо профессиональных интересов.

Постоянная «настроенность» Э. Г. Юдина на общение сказалась и на форме его научного творчества: в своих публикациях он нередко выступал в соавторстве. При подготовке этой книги к печати редакторы и составители использовали с согласия его соавторов ряд таких работ. Само собой разумеется, что в процессе их редактирования и консультаций с соавторами Э. Г. Юдина было отобрано то, что написано непосредственно им.

Интерес Э. Г. Юдина к методологии, своеобразие его позиции как методолога во многом обусловлены именно его «настроенностью на общение», устремленностью к конструктивному скрещению мысли людей разных специальностей.

Методологической работе присуща одна очень существенная особенность — в ходе ее выявляется и акцентируется устремленность представителей каждого уровня научного познания на рефлексивное, сознательное отношение к своему делу, его методам, нормам и регулятивам.

Методолог стремится превратить эту нечеткую вначале установку ученого в объект его осознанной работы. Тем самым он стимулирует общую заинтересованность в обсуждении проблем организации и построения знания в каждой области и находит способы коммуникации между специалистами разных отраслей современного научного производства. Такая устремленность в максимальной степени была присуща Э. Г. Юдину.

Его исследования — это ни в коей мере не развертывание предзаданной умозрительной схемы, они подвижны личностным видением проблем, их места в более широком идейном контексте. Предлагаемые им решения этих проблем оказываются в то же время выражением его личностного взгляда, взгляда человека, включенного в нашу культурную ситуацию, в ее поиски и альтернативы, человека, воспринимающего эту ситуацию как свою, как условие, предпосылку и поле для своей деятельности. Сейчас эти решения, отложившиеся в

опубликованных им работах и в том, что делают его подвижники и ученики, уже живут своей собственной жизнью. Тогда же, когда эти решения искались, они не были чем-то «уже ставшим» и не воспринимались самим Э. Г. Юдиным как нечто завершенное. Они были моментами его «вопросания», его поисков, моментами, в которых находили свое выражение и объективные проблемы, требующие философского размышления, и его собственная интеллектуальная и духовная работа.

Память об ученом может быть сохранена лишь утверждением и развитием интеллектуальной традиции. Подготавливая к печати монографию Э. Г. Юдина, составители стремились к тому, чтобы и в памяти следующих поколений остались его мысль и слово, чтобы его идеи стали одним из камешков в основаниях интеллектуальной традиции нашей культуры, — традиции, которая усваивается, развивается и передается дальше, в конце концов, не кем-то над нами стоящим, а нами самими же.

I

В первой части книги рассматривается проблематика методологии. Однако анализу — в разных плоскостях, с разных сторон, в разных взаимосвязях — методологических проблем, так же как и проблем системного подхода, деятельности, науки, посвящена практически вся книга, больше того — все научное творчество Э. Г. Юдина. О характерных для него приемах, о его стиле методологического исследования дают представление, в частности, некоторые примеры методологического анализа конкретных проблем, представленные в последующих частях. Если же говорить о содержании первой части, то в ней преобладают материалы, имеющие л/е/яметодологическую направленность, т. е. анализируется природа самого методологического знания. Подчеркнем, что в работах, подготовленных к публикации самим Э. Г. Юдиным, эти вопросы всегда ставятся и рассматриваются в контексте исследования конкретных методологических проблем научного познания.

Чем же обусловлена постановка такой задачи — уяснения природы методологического анализа?

Для ответа на этот вопрос необходимо коротко охарактеризовать основные направления разработки проблем методологии в отечественной литературе.

Период конца 50-х — начала 60-х годов был весьма примечательным для развития исследований в области философского анализа науки. Он отмечен существенным расширением круга вопросов, рассматриваемых в этих исследованиях, резким повышением интереса к логико-методологической проблематике. Знание вообще, и прежде всего научное знание, в этот период начинает исследоваться не только в плоскости соотношения истины и объекта, т. е. соответствия знания объекту, — оно анализируется и как деятельность, точнее — как результат и вместе с тем предпосылка собственно познавательной, а также и практической деятельности человека. При таком взгляде на знание, естественно, в центре внимания оказываются проблемы детерминации как результатов познания, так и познавательного процесса совокупностью используемых в этом процессе средств, а следовательно — и проблемы изучения самих средств познания.

Этот интерес к исследованию познавательной деятельности возникает, видимо, под влиянием целого спектра причин, а потому принимает самые разнообразные формы и

направления. Оглядываясь сейчас назад, с известной долей условности можно выделить несколько таких направлений, более четко обозначившихся в последующие годы. Речь идет, во-первых, об исследованиях в сфере логики науки, прежде всего — об анализе языка науки как важнейшего средства познания, причем анализе, осуществляемом главным образом с помощью аппарата современной формальной логики. Другое направление можно обозначить как *проблемы логики научного исследования*. Здесь в качестве основной единицы познавательной деятельности рассматривается процесс научного исследования как нечто целостное; изучаются возможные структурные расчленения этого процесса и составляющие его этапы и процедуры.

Наконец, третье направление не может быть охарактеризовано с такой определенностью, как первые два. Оно занимается проблематикой *методологии науки* и изучает практически всю совокупность *познавательных средств*, включая понятийный аппарат научного исследования, применяемые в нем методы и теоретические схемы, методологические принципы и установки, на которые оно опирается, и т. д.

Уже сам факт многоплановости современных методологических исследований свидетельствует о том, что каждое вновь проводимое исследование такого рода должно уяснить себе свой собственный смысл, свои задачи и возможности. Но более того, в этой ситуации возникает и особая проблема — проблема дифференциации, выявления и сравнительного изучения различных составляющих методологического знания. Речь идет о необходимости исследования функций, которые выполняет методологическое знание на разных этапах научного поиска, различных уровней самого этого знания, а также об анализе возможностей методологии и ее места в современном научном познании, — в частности, соотношения методологического и предметного, теоретического знания. Этот круг проблем, связанных с осознанием своеобразия как исследовательской позиции методолога, так и результатов, получаемых в ходе методологического исследования, и привлекал внимание Э. Г. Юдина.

Однако выявление и изучение многообразия форм, в которых существует современное методологическое знание, представляет собой лишь одну из задач его философского анализа. Решение этой задачи с необходимостью требует рассмотрения другой задачи, тесно связанной с первой и дополняющей ее. Эта вторая задача состоит в том, чтобы найти

способы объединения различных уровней методологии, проанализировать механизмы включения знаний, получаемых в рамках этих уровней, в ткань конкретного научного исследования. В этой связи Э. Г. Юдин обращается к изучению того уровня методологии, который называется *уровнем общенаучных методологических направлений*. В качестве примеров таких направлений в книге рассматриваются *системный подход* как общенаучная методологическая концепция; *деятельностный подход*, реализующийся в самых различных областях современного гуманитарного знания; здесь же — и проводимый автором анализ редукционизма и элементаризма как специфических методологических ориентации, характеризующих не только какую-либо одну научную дисциплину, но и стиль научного познания в целом в определенный период.

При непосредственном рассмотрении того или иного конкретно-научного исследования удастся зафиксировать, как правило, лишь то, что в нем применена определенная совокупность специально-научных методов, а также методических и технических средств, характерных для данной научной дисциплины. Если методологический анализ ограничивается фиксацией такого положения дел, т.е. трактует позицию исследователя натуралистически, не делая предметом рефлексии те предпосылки и основания, на которых она строится, или попросту не отдавая себе отчета в их наличии (это характерно, в частности, для многих версий позитивистского понимания методологии), — то при этом неизбежно оказывается вне поля зрения методологическая роль философского знания. Дело в том, что воздействие на научное исследование философской методологии как особого уровня методологического знания, как правило, не бывает прямым. Философия выполняет свою методологическую роль, воплощаясь в определенную совокупность исходных установок, причем в конкретно-научном исследовании эти установки реализуются благодаря наличию методологических знаний особого рода — тех знаний, которые автор относит к уровню общенаучных методологических направлений, методологических подходов и т. п.

По мере изучения конкретных методологических проблем, привлекавших внимание Э. Г. Юдина, он снова и снова обращался к вопросу о природе и задачах методологического исследования. Взгляды Э. Г. Юдина на этот вопрос претерпели заметную эволюцию, и в своих последних работах он приходит к широкой трактовке *методологии как учения*

о структуре, логической организации, методах и средствах деятельности. В этой трактовке представляются принципиально важными два момента. Во-первых, методология не ограничивается анализом одних лишь осознано, рационально используемых исследователем средств; ее интересуют также далеко не всегда фиксируемые основания, условия, предпосылки познавательной деятельности. Иными словами, методология выступает как рефлексия относительно смысла и направленности того или иного вида деятельности, причем рефлексия, цель которой не только рационализация деятельности, но и выявление ее человеческих мотивов, ее нравственных и ценностных регулятивов. Сама деятельность по получению и применению знаний выступает, таким образом, не как порождение одного лишь чистого интеллекта, а как реализация всех духовных, личностных сил человека.

Во-вторых, методология в понимании Э. Г. Юдина образует необходимый компонент не одной лишь научной, но вообще всякой деятельности в той мере, в какой последняя становится предметом осознания, обучения и рационализации. Это значит, что в определенном отношении методологическое знание помимо науки имеет своим объектом всю культуру в целом — в особенности культуру, в которой существенно деятельностное начало и связанный с ним мощный импульс рационализации, стимулирующий развитие научного знания и во многом определяющий его проникновение в самые разные сферы человеческой жизни. Такой подход позволяет избежать узкопрагматического понимания методологии, когда она фактически сводится к перечню рецептов для желающих делать научные открытия. Вместе с тем он открывает возможность для методологического по своему характеру анализа не только внутринаучных проблем, но и проблем взаимодействия науки и иных составляющих культуры и общества, а также проблем, связанных с оценкой научного знания с точки зрения развития всей культуры в целом. Это нашло отражение, в частности, в рассмотрении Э. Г. Юдиным проблемы соотношения философии и науки (глава III первой части), а также в исследовании понятия деятельности (третья часть).

В своих работах Э. Г. Юдин постоянно предостерегает от абсолютизации возможностей методологии, от такого «методологизма», который фактически подменяет работу с самим предметным содержанием и прикрывает худосочность собственно теоретических построений. Эта же критичность

лежит в основе его интереса к осмыслению места методологии в культуре, ее исторически изменяющихся функций. Той же критичностью обусловлено и его обращение к уяснению границ и возможностей предельного основания методологического анализа — понятия деятельности, стремление рассмотреть его в историческом контексте, критическое исследование существующих трактовок этого понятия и способов его расчленения.

Показательна также и разработка Э. Г. Юдиным вопроса о многообразии форм самосознания науки. Развивая широкую трактовку методологии, он вместе с тем чрезвычайно далек от того, чтобы считать методологию единственной формой этого самосознания и вообще универсализировать теоретическое отношение к действительности, которое в наши дни с наибольшей полнотой воплощается в научном знании. В проведенном им совместно с В. С. Швыревым анализе сциентизма и антисциентизма как мировоззренческих ориентаций, характерных для современной культуры, в своем обращении к этическим проблемам науки Э. Г. Юдин стремится показать, что теоретическое отношение не может быть не только универсальным, но и даже самодостаточным основанием для деятельности в сфере научного познания, — не говоря уже о других сферах культуры. Мировоззрение человека, его духовный мир с необходимостью включают в себя и то, что человек приобретает в своем художественном, этическом, чувственно-практическом опыте, в своем общении с другими людьми.

II

Среди тем, привлекавших внимание Э. Г. Юдина, особое место занимает *проблематика системных исследований*, разработку которой он проводил — во многом совместно с И. В. Блаубергом и В. Н. Садовским — практически на протяжении всей своей научной деятельности. Развитие взглядов Э. Г. Юдина на методологические проблемы системных исследований в какой-то мере отражает недолгую, но достаточно насыщенную эволюцию этой сферы познания в отечественной литературе.

Вопросы методологии системных исследований начали изучаться в нашей стране в начале 60-х годов. К этому времени в отечественной философской литературе уже сложилась традиция изучения проблем целостности, ставшая одним из оснований разработки системного подхода. Другим основанием оказался критический анализ системных концепций, предложенных зарубежными авторами. Одна часть этих авторов ставила своей задачей построение общей теории систем, различные варианты которой разрабатывались на основе понятий кибернетики (У. Росс Эшби, О. Ланге и др.), либо математики (М. Месарович, М. Тода и Э. Шуффорд, Дж. Клир и др.), либо органицистской биологии (например, Л. Берталанди). Наряду с этим развивалось и другое, более прагматически ориентированное направление исследования систем, связанное с именами, например, Р. Акоффа, К. Уэст Черчмена, Дж. Викерса и др. Представители этого направления опирались главным образом на понятийный аппарат исследования операций, принятия решений, системотехники и ряда других, по преимуществу прикладных, научных дисциплин.

В работах отечественных авторов, и в частности Э. Г. Юдина, с самого начала был взят курс на выявление и изучение методологических аспектов системного подхода. Была показана необоснованность попыток некоторых авторов представить системный подход как некую новую философию, стоящую над всеми предшествующими философскими направлениями, или как «науку наук» натурфилософского толка. Были проанализированы тенденции современного научного познания, определяющие широкое распространение в нем системных методов исследования. Началась работа по выделению и методологическому анализу ключевых понятий системного подхода, таких, как «система», «структура», «эле-

мент», «целостность», «связь», «организация», «управление» и т.п., а также по изучению специфических установок и принципов системного исследования.

Именно в этих первых публикациях Э. Г. Юдина и его соавторов, приведших к формулировке первых, пусть пока еще довольно общих и расплывчатых, представлений о существе и своеобразии системных методов познания, были заложены необходимые основы для последующего ретроспективного анализа исторических истоков системного подхода. Дело в том, что только исходя из достаточно развитого состояния разработки системного подхода и, самое главное, осознания его специфики, можно ставить задачу изучения **И** предистории его становления. Ведь исследователи, имеющие отношение к этой предистории, отнюдь не осознавали, да и не могли осознавать особенности применяемых ими средств и методов познания сквозь призму будущего состояния науки. Этот момент особенно важно подчеркнуть, поскольку непонимание его было источником многих критических выступлений в адрес системного подхода. В ходе такого ретроспективного анализа большое внимание уделялось системным идеям, содержащимся в работах выдающихся естествоиспытателей прошлого. Были выявлены также многие системные по своей сути аспекты методологии исследования социальных объектов, практически реализованной в трудах Маркса.

Дальнейшая разработка развивавшейся Э. Г. Юдиным концепции системного подхода осуществлялась им в тесной связи с последовательным вовлечением в сферу методологического анализа нового конкретно-научного материала. Более того, можно сказать, что обращение к материалу конкретных наук, в той или иной мере использующих или хотя бы стремящихся использовать системные методы исследования, а также непосредственное творческое сотрудничество с представителями этих наук были для Э. Г. Юдина основным импульсом в работе, направленной на уяснение сущности, специфики и конструктивных возможностей системного подхода.

Характерным в этом отношении является вовлечение в сферу интересов Э. Г. Юдина экологической проблематики. Ему удалось показать, что объект экологического исследования с самого начала строится как системный, причем системность этого объекта не дана исследователю изначально, а задается в ходе его методолого-теоретического конструирования. Выяснилось также, что экологу в его ра-

боте необходим не столько какой-либо развернутый вариант общей теории систем, сколько методологическое осмысление принципов, на основе которых конструируется, задается объект его исследования. Обращение к материалу экологии позволило, далее, переосмыслить и конкретизировать методологическое содержание таких понятий системного подхода, как «связь», «организация», «целостность».

Большое значение для разработки методологических проблем системного подхода имели материалы встречи-дискуссии «Системный подход в современной биологии» (см.: «Системные исследования. Ежегодник — 1970». М., 1970), одним из главных организаторов которой был Э. Г. Юдин. В этой дискуссии, в частности, была поставлена проблема соотношения организации и эволюции, или, в более широком плане, соотношения синхронического и диахронического аспектов в системном исследовании; были выявлены также те реальные проблемы методологического характера, которые заставляют биологов обращаться к системному подходу.

Опираясь на анализ попыток применения системных идей в различных областях науки, а также на представление о многоуровневом строении методологического знания, Э. Г. Юдин в своих последних работах (см., в частности, написанную им совместно с И. В. Блаубергом книгу «Становление и сущность системного подхода») выдвигает и обосновывает трактовку системного подхода как общенаучного методологического направления, характерного для современной науки. В такой трактовке системный подход выступает как форма внутринаучной рефлексии, фиксирующая момент общности, характерной для способов постановки проблем, а также для методов построения предмета исследования и получения теоретического знания в самых разных научных дисциплинах. При этом важной особенностью системного подхода является его антиредукционистская направленность.

За обращением представителей конкретных наук к идеям и принципам системного подхода кроется, как правило, неудовлетворенность существующими теоретическими конструкциями и признание их неадекватности накопленному эмпирическому материалу или проблемам (как теоретическим, так и прикладным), на решение которых направлено то или иное исследование, или, наконец, критериям методологического порядка.

Такая трактовка системного подхода позволила выделить и проанализировать различные по своим интенциям и

возможностям применения в специальных науках формы и направления системных исследований. На основании этой трактовки удастся провести методологически корректное различие системного подхода, структурно-функционального анализа, структурализма, кибернетического подхода как общенаучных методологических концепций, а также выявить связи, существующие между ними. Наконец, понимание системного подхода как общенаучного методологического направления позволяет абстрагироваться в аналитических целях от конкретного содержания той или иной концепции, воплощающей принципы системного подхода. Благодаря этому открывается возможность при обращении к историко-научной проблематике выявить системное содержание предшествующих научных концепций и теорий (работу такого рода Э. Г. Юдин проделал, в частности, на материале психологии).

Обоснование данной трактовки системного подхода осуществляется опять-таки в процессе обращения автора к новому научному материалу. Так, например, при рассмотрении эволюции деятельностной концепции в психологии Э. Г. Юдин показывает, что системный подход выполняет функцию критики существующего предмета психологического исследования и позволяет наметить пути построения нового предмета. Привлечение принципов системного подхода в эргономике обусловлено необходимостью создать собственный теоретический остов этой формирующейся научной дисциплины, которая оперирует данными, заимствованными из самых различных сфер познания, так или иначе связанных с изучением трудовой деятельности человека.

Помимо всего сказанного, развиваемая Э. Г. Юдиным и его соавторами концепция позволяет подвергнуть методологической критике универалистские притязания, нередко выдвигаемые от имени системного подхода, причем критике конструктивной, направленной на выявление его вполне реальных, но вместе с тем и отнюдь не безграничных возможностей в применении к конкретно-научному познанию. Будучи одним из методологических направлений, системный подход не может претендовать на решение специально-научных задач, подменять собой содержательное теоретическое исследование. Он способен ориентировать движение исследовательской мысли, но ни одна научная теория не может быть выведена дедуктивно из принципов системного подхода.

Вообще для системных исследований, поскольку они проводятся с осознанной методологической направленностью или фактически выполняют функции методологического знания, серьезной проблемой является, как отмечает Э. Г. Юдин, конструктивность, нетривиальность их конечных результатов. Конкретные науки в своем развитии нередко демонстрируют поразительную невосприимчивость ко всякого рода методологическим пожеланиям и рекомендациям, высказываемым в общем виде. С подобной ситуацией приходится сталкиваться и в сфере методологии системных исследований. И здесь существенно необходимым становится **диалог методолога** и теоретика, опирающийся на заинтересованность методолога в том, чтобы проверить, насколько его построения адекватны тому предметному содержанию, с которым работает теоретик, насколько они продуктивны в этом отношении. Именно такая заинтересованность характерна для работы Э. Г. Юдина в сфере методологии системного исследования.

Говоря о стремлении выявить реальный потенциал системного подхода, следует отметить и критическое отношение Э. Г. Юдина к получившей распространение в начальный период развития системных исследований точке зрения (которой придерживался тогда и он сам). Согласно этой позиции лишь системный подход может дать средства для получения синтетических теоретических представлений о таких сложных объектах, которые изучаются сразу несколькими научными дисциплинами. Как выяснилось в дальнейшем, для построения таких синтетических представлений недостаточно одних лишь средств методологического анализа; конечные основания корректной постановки и решения подобного рода проблем задаются собственно теоретическим движением, осуществляемым в рамках конкретных дисциплин, которые изучают данный объект. Решающую роль при этом играет соотносительная направленность и уровень теоретического развития каждой из дисциплин. Методология же в данном случае в состоянии сформулировать только самые общие требования к такому синтетическому предмету и способствовать его построению, позволяя осуществлять рефлексию, систематически контролирующую движение в теоретической плоскости.

Рассматривая системный подход как методологическое направление современной науки, Э. Г. Юдин не ограничивается изучением одной лишь внутринаучной «жизни» системного подхода. Это касается как исследования тех об-

щекультурных и социальных предпосылок, которые наряду с методологическими предпосылками привели к формированию и широкому распространению системных идей, так и анализа самого системного подхода, сфера действия которого наряду с наукой затрагивает также и социальную практику. Сам процесс проникновения в современную науку, в самые разные ее отрасли принципов системного подхода в значительной мере обусловлен изменением форм включения научного знания в жизнь общества, расширением социальных функций науки. Здесь можно отметить и распространение междисциплинарных исследований, и наличие целого спектра глобальных, комплексных проблем, которые ставит перед наукой современная практика, и многое другое.

Показателен в этом отношении интерес Э. Г. Юдина к процессам внедрения системной методологии в практику социального управления. Системная методология, воплощающаяся, например, в виде принципов системного анализа, выступает фактически как форма трансляции методов и приемов научного мышления, вообще стандартов научности, в разные сферы деятельности современного человека, прежде всего — в те сферы, которые связаны с управлением экономическими и социальными процессами. Таким образом, разработка методологической проблематики системного подхода приводит к необходимости обращаться к анализу целенаправленных систем, включающих такие компоненты, как деятельность, цель, сознание, ценности; иными словами, здесь задачи разработки системного подхода как одной из форм внутринаучной рефлексии перекликаются с кругом вопросов, относящихся к компетенции той рефлексии, которую Э. Г. Юдин называет внешней, «неспецифической» и предметом которой являются социальные условия и результаты процесса познания.

III

Третья часть книги охватывает основные публикации Э. Г. Юдина по *проблеме деятельности*. В своих исследованиях Э. Г. Юдин опирался на разработку проблематики деятельности в отечественной философской и психологической литературе, и он был по существу одним из первых отечественных философов, обратившихся к исследованию принципа деятельности, его методологического значения для различных отраслей научного знания.

Для понимания ценности проведенного Э. Г. Юдиным в третьей части данной книги философского анализа деятельности надо иметь в виду следующее. Теоретические взгляды Э. Г. Юдина формировались в тот период, когда в учебной литературе была распространена односторонняя трактовка всей деятельности лишь как материально-производственной по своему характеру. В результате этого не проводилось исследований, направленных на то, чтобы осмыслить увеличивающееся многообразие форм человеческой деятельности, выявить их фундаментальные характеристики и построить тот или иной вариант их типологии. Сложное взаимовлияние практики и теории, материальной и духовной деятельности при таком подходе крайне упрощалось, а практика оказывалась внешним по отношению к теории фактором. Иными словами, практика отчленялась от теоретической деятельности и истолковывалась как внетеоретическая по своей природе. Теория же трактовалась, по сути дела, лишь как систематическое изложение готового знания, как упорядоченная совокупность понятий, суждений, высказываний. В рамки этих представлений вообще не укладывается активная природа теоретического мышления, в их границах невозможно понимание теории как познавательной деятельности, отсутствует возможность анализа специфических средств и форм организации исследовательской работы.

В 50—60-х годах в отечественной философской литературе наметился существенный сдвиг в разработке этого круга проблем. Становилось все более очевидным, что дальше уже нельзя ограничиваться простым изложением представлений о роли практики как основания знания и критерия его истинности, необходимо на материале современных наук, их истории раскрыть смену функций понятия деятельности, показать происходящие в структуре деятельности изменения, выявить новые формы взаимоотношения теории и

практики. Именно в этом русле проводились исследования большой группой отечественных философов, в том числе и Э. Г. Юдиным.

Упрощенный, сугубо экстерналистский подход по существу дела выносит критерии истинности научного знания за пределы гносеологии. Кроме того, подобный взгляд упускает из виду сложную диалектику практики и теории, а именно то, что современные формы практической деятельности — и эксперимент, и материальное производство — нагружены теоретической компонентой, являются материальным воплощением, объективацией теоретической работы человеческого ума. В свою очередь и теория при этом не может быть понята как определенный способ диалектического снятия схем и структур практической деятельности.

Последняя инстанция, выступающая в функции обоснования и оправдания истинности знания, усматривается в этом случае в сфере, с самого начала определяемой как нечто внешнее по отношению к познавательному процессу. Нетрудно заметить, что превращение практики во внеположенный познанию и гносеологии фактор представляет собой апелляцию к внаучным критериям истинности. Подобный подход, помимо того, что он чреват вульгарным социологизмом, отнюдь не снимает вопроса об основаниях выбора этой внешней инстанции, выступающей в роли критерия истины, о возможности оправдания такого критерия.

В третьей части книги Э. Г. Юдин прослеживает те процессы, в ходе которых многие конкретно-научные дисциплины гуманитарного профиля обращаются к принципу деятельности как к эффективному методологическому средству построения своего предмета. Так, в 30-х годах в отечественной психологии сложилось успешно развивавшееся позднее так называемое культурно-историческое направление в изучении психики. По мере развития этого направления исходное понятие психологического анализа — предметное действие — все более и более конкретизировалось, выявлялись его новые аспекты, раскрывался механизм связи между предметным и мыслительным действием.

В середине нашего века формируются новые научные дисциплины, так или иначе обращающиеся к принципу деятельности. Среди них следует назвать эргономику, сделавшую предметом своего исследования трудовую деятельность, формы ее оптимального осуществления в условиях высочайшей технической оснащенности современного производства.

В это же время формируется и такая дисциплина, как науковедение, для которой весьма существенным оказывается анализ науки как разветвленной системы различных форм деятельности. Такой подход позволил понять науку и как специфическую сферу деятельности, цель которой — достижение нового научного знания, и как сложную сеть коммуникаций между учеными.

Принцип деятельности и его методологическое осмысление постоянно привлекали внимание Э. Г. Юдина. Его взгляды и на существо, и на методологическое значение этого принципа претерпели известную эволюцию, и наиболее весомые результаты получены им в последние годы его жизни. К числу самых важных и перспективных результатов относятся, во-первых, его интерпретация методологии и ее задач, во-вторых, предложенная им схема анализа функций принципа деятельности в различных формах духовного производства, в-третьих, применение идей системного подхода к анализу деятельности.

Принцип деятельности позволил автору уточнить трактовку вопроса о месте и функциях методологии в составе философского знания. Познание истолковывается им как процесс деятельности, как система различных познавательных актов; в свою очередь, деятельность предстает как предельное основание различных уровней методологического анализа. Именно этот деятельностный подход позволяет не только уяснить смысл методологии, но и выявить способы конструктивного построения предметов ряда наук (либо через процедуры измерения, либо благодаря эксперименту, либо сама деятельность оказывается предметом исследования или объектом конструирования). В третьей части книги изложена выдвинутая Э. П. Юдиным схема анализа различных функций понятия деятельности, в которых оно выступает в научном мышлении. Эта схема раскрывает переходы от объяснительного принципа к предмету исследования, от философского принципа — к изучению деятельности в ряде научных дисциплин, таких, как социология, психология, языковедение, науковедение, и, наконец, переход к новой «размерности» принципа деятельности, когда деятельность становится объектом конструирования в таких нормативных дисциплинах, как эргономика, системотехника, техническая эстетика и др.

На большом историко-философском и научном материале Э. Г. Юдин раскрывает эволюцию объяснительных принци-

пов в философском знании, направленную от идеи космоса к идее природы, а затем — к принципу деятельности, развитому на идеалистических основаниях в немецкой классической философии. Уже сам по себе такой подход к развитию философского мышления является оригинальным. Но Э. Г. Юдин не ограничивается этим и обращается к анализу перехода от объяснительного принципа к формированию специфического предмета исследования ряда научных дисциплин на базе понятия деятельности.

Переход от одного уровня анализа деятельности к другому, от одной функции принципа деятельности к другой — сложный процесс, предполагающий выработку специфических для каждой научной дисциплины единиц расчленения. Э. Г. Юдин одним из первых в нашей логико-методологической литературе обратил внимание на то, что единицы анализа задают специфические схемы объяснения в рамках тех или иных исследовательских программ даже внутри одной научной дисциплины. Так, он показывает различные методологические функции таких единиц психологического анализа деятельности, как предметное действие, операция, поведение, творчество, процесс и др. Деятельность, будучи предметом исследования, трактуется весьма различно в соответствии с выбранными в том или ином психологическом направлении единицей анализа и схемой объяснения. Однако принцип деятельности позволяет не только выявить многообразие единиц расчленения, но и рассмотреть их в некоторой общей перспективе. Подчеркивая, что принцип деятельности является своего рода общей системой отсчета для многообразных исследовательских направлений в психологии, Э. Г. Юдин ставит вопрос и о поиске новых единиц анализа, и о выработке более адекватного расчленения деятельности, нежели все существующие. Эта новая линия исследования, намеченная в его последних статьях, ждет дальнейшей разработки.

Говоря о тех перспективных результатах, которые достигнуты им в тонком и содержательном исследовании функций принципа деятельности, нельзя не отметить еще одной особенности этих исследований, а именно, критического отношения автора ко всякого рода абсолютизациям этого принципа. Причем следует особо подчеркнуть, что это критическое отношение было позитивным, оно не вырождалось в скептически-нигилистическое отношение к возможно-

стям принципа деятельности, а диктовалось стремлением вскрыть как культурно-исторические, так и методологические границы его применимости, выявить его эвристические возможности.

Так, анализируя процесс превращения деятельности в ведущую ценность западноевропейской культуры, Э. Г. Юдин обращает внимание на позитивные и негативные последствия этого процесса. Его исследование не ограничивается фиксацией исторического значения этой жизненной и культурной ценности; Э. Г. Юдин показывает те сдвиги, которые происходят в Сознании и мотивах поведения людей при абсолютизации этой ценности, при превращении ее в самоцель, при отсечении деятельности от внутреннего мира и нравственных устоев личности. В этом отношении показательны уже упоминавшееся ранее его исследование ценностных ориентаций и мировоззренческих оценок науки, таких, как сциентизм и антисциентизм. Философский анализ науки дополняется здесь уяснением специфических форм отношения к науке, складывающихся в том или ином типе культуры. В противовес активистской, технократически «деляческой» установке, приводящей в конце концов к сциентизму, Э. Г. Юдин видит в деятельности, наполненной духовным и нравственным содержанием, необходимый источник прогресса и личности, и культуры, и науки.

Иными словами, ведущей линией в анализе эволюции принципа деятельности у Э. Г. Юдина было стремление рассмотреть его в широком социальном и культурном контексте, выявить предельные основания самой деятельности и тем самым обозначить пределы и возможности использования этого принципа в методологической работе. Эти глубинные слои самой деятельности выявляются им в разных плоскостях — в обращении и к ценностям культуры, и к личности, прежде всего к ее мотивационным ориентациям и мировоззрению. Поиск такого рода фундаментальных оснований самой деятельности существенно осложняет ее методологический анализ, поскольку вводит в него новые параметры этического и социально-психологического плана. Этот поворот в исследованиях Э. Г. Юдина отвечает актуальным запросам нашего времени, для которого характерен обостренный интерес к нравственным проблемам, стремление выработать новые ориентиры для всех форм жизнедеятельности человека

в современном мире, в том числе и для его отношения к природе.

* * *

Давно было отмечено, что существует два типа ученых. Одни направляют силу своего интеллекта на решение уже поставленных вопросов, стремятся найти ответы, и притом такие, которые имели бы лик завершенности, неподвижные и ясные контуры некоего целого — философской системы, теории и т. п.

Есть и другой тип ученых. Их особенно привлекает постановка и обнаружение новых проблем, они остро чувствуют ограниченность близко лежащих решений, умеют спрашивать и не признают ответов, закрывающих путь для дальнейшего движения мысли. Это — тип ученых деятельных, динамичных, открывающих новые пласты смысла и не склонных замыкать его в неких системосозидающих конструкциях. Они нуждаются в аудитории, в непосредственном отклике на свои работы, в тесном общении с сотрудниками. Ученый такого типа полон воодушевления и умеет передавать его другим.

Эрик Григорьевич Юдин принадлежал, скорее всего, ко второму типу ученых. Может быть, особенности его исследовательского темперамента, не замыкающегося в сумме полученных ответов и в их систематизации, особенности его деятельной, энергичной натуры объясняют (не целиком, конечно) то обстоятельство, что не успел он выработать единой концепции и плана своей книги, что у него так и не хватило времени для определения ее структуры и выбора материалов, которые следовало бы включить в нее. Эти задачи пришлось решать его друзьям, подготовившим эту книгу, друзьям, которые знали круг интересовавших его вопросов и с которыми он делился своими замыслами. Составители этой книги стремились отразить в ней наиболее значительные публикации Э. Г. Юдина, эволюцию проблем, разрабатывавшихся им на протяжении жизни, включить в нее те неопубликованные материалы, которые свидетельствовали о новых поворотах его мысли, открывающих новые перспективы в методологическом осознании проблем науковедения, психологии, эргономики.

По всей вероятности, сам Эрик Григорьевич построил бы эту книгу в чем-то иначе, отказался бы от каких-то представленных здесь тезисов или изменил бы их. Думается,

однако, что эта книга все же позволяет читателю воссоздать творческий облик Э. Г. Юдина, понять направленность его духовных исканий, пафос его научной деятельности.

А. П. Огурцов, Б. Г. Юдин

Часть первая

СТРОЕНИЕ И ФУНКЦИИ МЕТОДОЛОГИЧЕСКОГО ЗНАНИЯ

Глава первая

РАЗВИТИЕ ФОРМ САМОСОЗНАНИЯ НАУКИ

Какие бы определения ни давались науке в целом, в них всегда так или иначе содержится указание на то, что наука представляет собой форму *теоретического* сознания. Тем самым принимается, что она принадлежит к определенному уровню организации знания. Одной из наиболее существенных имманентных черт этого уровня можно считать рефлексию — стремление не просто к воспроизведению, отображению в знании реальности, но к сознательному контролю за ходом, формами, условиями и основаниями процесса познания. Поэтому наука, именно в силу своей теоретичности, немыслима вне постоянно углубляющейся самокритики, а развитие научного познания выступает не только как накопление положительных знаний, но и как развитие самосознания науки.

Если результативная сторона научного прогресса выражается прежде всего в экстенсивных характеристиках (грубо говоря, в том, что расширяется сфера познанного), то продуктом развития рефлексии над наукой является все более глубокое проникновение в «механику» процесса познания, все более систематическое выявление его внутренних и внешних детерминант. Конечно, эти два процесса органически взаимообусловлены и неотделимы один от другого, однако это не исключает возможности их относительно изолированного рассмотрения. Такое рассмотрение тем более необходимо применительно к рефлексии над наукой, что превращение науки в предмет систематического изучения совершенно естественно привело к заметному умножению многообразия форм самосознания науки. Формы эти столь

разнородны, что возникает потребность в их систематизации и «инвентаризации».

Вплоть до начала XX в. рефлексия по поводу науки характеризовалась двумя важными специфическими моментами: во-первых, ее осуществление (как и вообще анализ познания) считалось исключительной прерогативой философии; во-вторых, рефлексия была внутренней по отношению к науке, имела своим предметом собственно процесс научного познания, и, следовательно, ее с полным основанием можно было бы аттестовать как методологическую рефлексию *par excellence*.

В наши дни оба эти момента выглядят совсем не так. С одной стороны, философия утратила прежнюю монополию на изучение познания и оказалась вынужденной поделить этот предмет с целым рядом других дисциплин (среди них наибольшее развитие получило науковедение, поскольку оно, помимо всего прочего, стремится осуществить синтез различных подходов к анализу науки и ее развития). С другой стороны, существенно расширилась и сфера рефлексии над наукой. В принципиальном плане самым значительным является здесь тот факт, что наряду с углублением и дифференциацией внутренней, специфической рефлексии, чрезвычайно быстро растет другая ее форма — внешняя, «неспецифическая» рефлексия, имеющая своим предметом не процесс познания как таковой, а его условия и социальные результаты. Вокруг этих двух форм группируются практически все существующие в настоящее время изображения науки. При этом, однако, основное внимание обращается на перенесение центра тяжести рефлексии с внутринаучных проблем на вопрос о социальной роли науки и об ответственности ученых за результаты своей деятельности". Здесь, действительно, заключен один из кардинальных вопросов современной культуры. Но для самой науки не менее важны и те трансформации, которые претерпела и продолжает претерпевать внутринаучная рефлексия. Схематически эти трансформации можно представить следующим образом.

" В частности, в чрезвычайно интересной статье К. Помяна [58] убедительно показано, что если в классической науке преобладала методологическая рефлексия, т.е. размышление о наиболее адекватных путях и способах решения научных проблем, то в XX в. в рефлексии ученых на передний план выступили социально-ценностные моменты. Соображения К. Помяна развиты в нескольких статьях С. Амстердамского (см., например, [54], [55]).

1. Изменение типа внутринаучной рефлексии

Первый тип рефлексии, практически безраздельно господствовавший на протяжении всего классического периода развития науки, характеризуется направленностью на объект познания. Самосознание науки движется вокруг связки «знание — объект», а субъект познания, поскольку он привлекается к анализу, рассматривается лишь в качестве посредника между объектом и знанием. Пользуясь удачным термином, предложенным П. П. Гайденом, этот тип рефлексии можно назвать *онтологизмом* [14]. Характерным моментом онтологизма является однозначная трактовка отношения объекта и знания, восходящая к аристотелевской концепции истины как *adaequatio intellectus ad rem*. В соответствии с этим при анализе научного знания принимается в расчет только его объективное содержание. Предполагается, что каждому определенному объекту соответствует вполне определенное знание (типологически единственное). Процесс получения знания рассматривается непосредственно как движение по пути к объективной истине. Поэтому целью рефлексии является контроль за истинностью движения исследовательской мысли и нахождение тех последних оснований в объекте, обращение к которым дает единственную истину. Эта модель типа рефлексии хорошо прослеживается на локковской концепции первичных и вторичных качеств, в рамках которой свойства субъекта толкуются как помеха к достижению истины. Наиболее отчетливым философским выражением онтологизма как типа рефлексии явился эмпиризм. А поскольку речь в данном случае идет о самосознании науки, то вполне понятно, почему философия эмпиризма была столь популярна во времена классической науки, исповедовавшей почти без исключений постулаты онтологизма.

Под влиянием достижений немецкой классической философии (в контексте рассматриваемой нами проблемы нелишне будет отметить, что на естественные науки особенно значительное воздействие оказала философия Канта, и примечательно, что научное познание ассимилировало прежде всего сильные, конструктивные стороны этой философской системы) примерно с середины XIX в. направление внутринаучной рефлексии начало изменяться. Самосознание науки концентрируется вокруг связки «субъект — объект»,

т.е. вокруг гносеологического отношения²¹. Сообразно этому соответствующий тип рефлексии можно (опять-таки вслед за П. П. Гайдено) назвать *гносеологизмом*. Центр тяжести здесь переносится на субъект, в специфических познавательных действиях которого (в том числе в формах его связи с объектом) отыскиваются фундаментальные предпосылки, последние основания научного познания как такового. В этой связи предметом рефлексии становится роль внутренней организации познания и его форм, влияние этих факторов на содержание и логическую организацию знания. Обнаружение множественности оснований познания позволило утвердить важный для самосознания науки тезис об относительности истины.

Если для онтологизма главным был вопрос о том, как достигнуть истинного знания об объекте, каковы предпосылки этого, то гносеологизм сосредоточивает размышления над проблемой тех познавательных предпосылок, которые увеличивают конструктивную силу познания. Иначе говоря, его интересуют те условия, при которых можно говорить об адекватности данных форм познания данной задаче, т.е. в конечном счете — данному способу овладения объектом.

В содержательном плане продуктами этого изменения типа рефлексии можно считать такие завоевания науки, как теория относительности, квантовая механика, концепция уровней организации в биологии (в методологическом плане опирающаяся на отказ от какого бы то ни было «центризма», по выражению К.М.Хайлова [45], т.е. от признания какого-то из уровней главным, определяющим). Такого рода теории и концепции, конечно, далеко не исчерпывают всего содержания современной науки, но вместе с тем вряд ли кто-нибудь будет отрицать, что они в высшей степени характерны для ее, так сказать, методологического облика.

Естественное развитие линии гносеологизма приводит в XX в. к ее довольно существенной модификации, суть которой состоит в том, что рефлексия направляется на средства познания в самом широком смысле этого слова (т.е. имея в виду принципы подхода к объекту изучения, фундаментальные категории и понятия научного познания, методы и процедуры исследования, схемы объяснения, способы построения научных теорий и т.д.). Этот тип рефлексии можно

²¹ Содержательный анализ этой проблемы в историко-философском плане проведен в работе В. А. Лекторского [25].

назвать *методологизмом*. В целом появление и развитие методологизма соответствует возрастанию роли и многообразия средств научного познания, однако нужно иметь в виду, что для XX в. такая общая характеристика становится недостаточной. Дело в том, что интенсивное развитие современной науки затрагивает далеко не только ее количественные аспекты. Как отмечается в философских, социологических и науковедческих работах, наука наших дней уже не является более внутренне однородным социальным институтом, порожденное современной научно-технической революцией различие фундаментальных и прикладных исследований в ряде существенных моментов уже приняло характер процесса дивергенции. Можно согласиться с С. Амстердамским [54], что развитие этого процесса затронуло как организационные, так и ценностные аспекты научной деятельности. В частности, если в фундаментальных или «чистых» исследованиях постановка новых проблем определяется по преимуществу логикой развития самого познания и инициативой исследователей, то в прикладных исследованиях и разработках решающую роль играют требования практики и прямые заказы с ее стороны. Если в фундаментальных исследованиях научная истина выступает в качестве высшей и самодостаточной ценности, то в прикладных исследованиях она является лишь инструментальной ценностью, служащей достижению иных целей и ценностей.

Это далеко идущее различие определяет и разные направления рефлексии. В прикладных (а в значительной части и в экспериментальных) исследованиях развитие методологизма приводит к тому, что анализ средств познания постепенно перерастает в их систематическое производство, а в некоторых частях — даже в своего рода индустрию, поскольку индустриальными становятся формы организации и характер научной деятельности. В этих условиях становится объективно необходимой и реализуется тенденция к формализации (в том числе алгоритмизации) и математизации самой системы деятельности в науке³¹. Одним из оснований этой тенденции является повышение удельного веса в науке массовых совокупностей и процессов. В этой связи, а также

³¹ В данном случае мы имеем в виду формализацию и математизацию не систем знания и методов исследования (процесс, достаточно широко описанный в современной методологической литературе), а именно научной Деятельности как таковой — ее организации и способов осуществления.

под влиянием индустриализации научного труда, меняются требования к виду научного результата: он должен не только удовлетворять общим логическим и семиотическим требованиям, но и получать «инженерную» форму, т.е. выступать в виде безличной конструкции, технического блока, который стандартными способами включается либо в систему эмпирического базиса науки (если речь идет об экспериментах или первичных наблюдениях), либо в систему исходных данных, расчетов и т. п. (в прикладных исследованиях и разработках). Иными словами, к принципам, диктуемым общими законами социальной организации знания, в этом направлении развития науки добавляются принципы, вытекающие из многосторонней и непосредственной кооперации большого числа исследователей, занятых решением одной общей проблемы. Понятно, что в такой ситуации рефлексия направляется на «стыковку», «увязывание» массовой по своему характеру деятельности. Это находит выражение как в бурном развитии исследований по различным аспектам организации научной деятельности, так и в создании многообразных методов и методик для собирания, обработки и оценки различных эмпирических данных. В философско-методологическом плане особенно интересно последнее обстоятельство: во второй половине XX в. характерным становится построение не только специализированных методов и методик, но и нормативных теорий с развитым формальным аппаратом и практически универсальной областью применения.

Иного типа изменения порождает развитие методологизма в фундаментальных науках. С одной стороны, осознание конструктивной роли понятийного базиса и вообще средств познания приводит к углубленному изучению логико-философских предпосылок научного мышления. На основе развития современной формальной логики проводится систематический анализ языка науки и логической структуры научного знания, в частности, способов построения научных теорий, различных форм логического вывода, применяемых в науке, особенно в ее методологически развитых областях. Развертывание этих исследований превращает методологию науки в самостоятельную область современного научного знания. Что же касается специальных научных дисциплин, то в них рефлексивный метод все более тесно переплетается с конструктивным: анализ существующих и построение новых средств исследования непосредственно соединяется (и в известном смысле даже подчиняется) с процессом конструктив-

ного освоения объекта исследования. Иначе говоря, средства познания теперь все чаще служат не только регулятивами собственно познавательного процесса, но и орудиями «конструирования» реальности, подлежащей исследованию, — орудиями предметно-содержательного анализа. Это хорошо видно не только в такой дисциплине, как экология, но и в современной физике, где привлечение нового математического аппарата оказывается одним из этапов построения новой картины объекта [10]. Благодаря такого рода трансформациям методологизм в целом принимает форму движения в направлении создания конструктивной специально-научной онтологии. Очевидно, что эта онтология практически ничего общего не имеет с наивным универсальным онтологизмом предшествующей науки и натурфилософии: там онтологизм был исследовательским постулатом, определявшим направление и цель научного поиска, тогда как современные средства конструктивной онтологии служат построению модели реальности, которая выступает не как цель, а лишь как средство исследовательского движения, как важнейший содержательный компонент предмета исследования.

С другой стороны, в качестве весьма специфического продукта современных форм самосознания науки выступают нефилософские общенаучные концепции и даже дисциплины. Их предпосылкой является, во-первых, универсализация средств научного познания, все более заметная как на уровне концептуального базиса науки, так и на уровне ее формальных средств, во-вторых — переход от «дисциплинарного» к проблемному способу постановки научных задач. Не претендуя на строгость и полноту, рассмотрим схематически основные типы подобного рода концепций и дисциплин, причем за основание классификации примем их предметную отнесенность и функции в научном познании.

2. Общенаучные концепции и дисциплины

Проблемно-содержательные теории выполняют функцию, с внешней стороны близкую к функции прежней натурфилософии: они непосредственно относятся к реальности (тракуемой, напомним, в универсальном, а не в узкоспециальном плане), определенным образом теоретически воспроизводят эту реальность и, следовательно, являются онтологическими с точки зрения типа получаемых в них конструкций. В функциональном аспекте их можно рассматривать как продукт

восполнения гносеологизма и методологизма, т. е. выражение необходимости воссоздания — с учетом, конечно, новых теоретических принципов и предпосылок — онтологического базиса науки, но науки в целом, взятой в основных тенденциях развития. В проблемно-содержательных теориях получают концептуализацию и онтологическую интерпретацию ведущие методологические идеи современной науки. В качестве примеров такого рода теорий можно привести концепцию ноосферы В. И. Вернадского и кибернетику, но не техническую, а теоретическую (как она выражена, например, у Н. Винера [13] или У. Росс Эшби [51], [52]). Их реальное и чрезвычайно сильное воздействие на науку проходит по двум линиям: во-первых, они дают предметное выражение новым типам исследовательской ориентации в различных областях знания; во-вторых, их появление вызывает более или менее активный процесс возникновения новых предметов изучения и соответствующих научных дисциплин. Характерно, например, что именно после создания теоретической кибернетики началось широкое изучение процессов управления, а концепция ноосферы явилась теоретическим фундаментом многообразных исследований по проблеме «человек и природа». Здесь интересно прежде всего то, что в чисто умозрительном плане обе эти группы проблем были известны и обсуждались задолго до появления кибернетики и учения о ноосфере, но именно теоретическая концептуализация этой проблематики, формулирование ее на уровне современных стандартов научного рассуждения и соответствующее методологическое оформление превратили ее в фактор реальной ориентации научного мышления. А уже на этой основе начали возникать новые дисциплины (такие, как бионика, теория распознавания образов, теория самоорганизации и др.).

Другой тип общенаучных концепций можно назвать *универсальными концептуальными системами*. Его примерами, могут служить тектология А. А. Богданова и «общая теория систем» Л. фон Берталанфи. Здесь также весьма существенную роль играет онтологическая направленность, т. е. стремление дать определенную концептуальную характеристику всему универсуму. Но если в первом случае постановку проблем можно охарактеризовать как содержательно-онтологическую, то во втором она является формально-онтологической. Это значит, что универсальные концептуальные системы направлены на выявление универсальных концептов научного мышления посредством анализа материала самой науки, ее

форм, характерных для нее сдвигов в постановке проблем. Онтологичны же такие системы потому, что «на выходе» они дают все-таки не картину научного познания (или, во всяком случае, не в первую очередь ее), а концептуализированную онтологию — реальность с тектологической точки зрения, реальность с точки зрения общей теории систем и т. п. (примечательно в этом смысле, что тектологию А. А. Богданов называл всеобщей организационной наукой, а первый раздел введения книги Л. фон Берталанфи [56] озаглавлен «Системы повсюду»). Такого рода концепции в силу заметного преобладания в них рефлексивного момента по сравнению с конструктивным не выполняют роли непосредственного стимулятора создания новых научных дисциплин, но зато способны оказывать весьма эффективное влияние на ориентацию социально-научных исследований.

Существо рассматриваемого типа концепций имеет смысл проиллюстрировать на примере тектологии А. А. Богданова [11], тем более что эта концепция до сих пор не перестала быть предметом споров и разноречивых оценок.

Надо сказать, что сам Богданов давал немалые основания для критического отношения к своей концепции, так как, в частности, утверждал, что с созданием тектологии становится излишней философия. Кроме того, в тектологии, как и в других работах Богданова, заметны элементы механицизма и влияния позитивистской философии. Современному читателю многие формулировки и рассуждения автора всеобщей организационной науки наверняка покажутся несколько наивными и устаревшими. И все-таки нельзя не отметить, что критики 20-х годов не только вскрыли действительные ошибки Богданова, но, к сожалению, попутно отбросили и положительное методологическое и естественнонаучное содержание тектологии.

Исходным пунктом тектологии, согласно Богданову, является положение о том, что законы организации систем едины для любых объектов, материальных и духовных, благодаря чему возможно их обобщенное изучение: «...структурные отношения могут быть обобщены до такой же степени формальной чистоты схем, как в математике отношения величин, и на такой основе организационные задачи могут решаться способами, аналогичными математическим» [И, т. III, с. 209]. Организационная система определяется в тектологии на основе принципа «целое больше суммы своих частей», а содержание этого принципа конкретизируется

как взаимодействие положительных проявлений отдельных частей («активностей») и противостоящих им нейтрализующих проявлений («сопротивлений»). Богданов подвергает специальному анализу основные организационные механизмы, т. е. механизмы формирования и регулирования систем. В связи с анализом развития систем большое внимание в тектологии уделяется принципу подбора, заимствованному Богдановым из биологии и обобщенному на все типы систем.

Реальность многих проблем, поднятых в тектологии, лучше всего доказывается тем фактом, что они вновь стали предметом обсуждения с возникновением кибернетики. Исследования советских авторов, проведенные в последние годы (см., в частности, [12], [28], [37], [39]), показали, что некоторые идеи, рассматриваемые в работах Н. Винера и особенно У. Росс Эшби, разительно напоминают то, о чем в свое время говорил Богданов. Это относится к постановке проблемы изучения общих принципов, характеризующих системы, различные по составу и происхождению, к вопросу о роли моделирования (которое рассматривалось Богдановым как один из видов тектологического эксперимента и понималось как изучение явлений из одной области при помощи средств, взятых из другой области), к проблеме общего для разных наук языка, облегчающего унификацию методов познания, к разработке принципа обратной связи, которую Богданов называл бирегулятором, к распространению принципа отбора на процессы мышления. Еще большая общность обнаруживается при сопоставлении тектологии и «общей теории систем» Л. фон Берталанфи, принадлежащих, по нашей классификации, к одному типу универсальных концепций общенаучного характера. В последние годы академик А. Л. Тахтаджян предпринял интересную попытку дать современную интерпретацию ряду тектологических идей и обобщений [39].

Еще одну разновидность общенаучных концепций образуют *методологические концепции*, такие, как структурализм в языкознании и этнографии, различные разновидности структурно-функционального анализа в социологии, системный анализ при решении проблем управления. В принципе такую же роль играют в современной науке дисциплины типа теории информации, теории игр и решений и т. п. Как видно из этого перечня, подобные концепции выступают либо в виде дисциплин современной прикладной математики, либо как относительно алгоритмизированные совокупности про-

цедур исследования, применимые к широкому кругу явлений (т. е. в виде техники исследования определенных массовых совокупностей), либо сочетают оба эти момента (как это имеет место в системном анализе). Понятно, что методологические концепции, поскольку они остаются таковыми, не претендуют на описание самой реальности. Точнее, в отличие от традиционных методологических исследований в такого рода концепциях описательная часть играет подчиненную роль, а то и вовсе практически отсутствует: по своему типу они являются нормативными. Поэтому их значение раскрывается лишь тогда, когда они выполняют свою основную функцию — функцию логической организации какого-то специально-научного содержания. Очень важной особенностью методологических концепций и дисциплин является формализация, которая играет в них большую роль. Это дает основание многим исследователям связывать с подобными концепциями надежды на унификацию языка и методов современной науки. Хотя мера оптимизма, заключенная в этих надеждах, довольно сильно колеблется у различных авторов, однако бесспорно, что в целом возникновение и развитие методологических концепций является одним из самых эффективных и перспективных выражений тенденции к интеграции современного научного знания.

К рассмотренному только что типу общенаучных концепций и дисциплин внешне близка и другая их разновидность — *универсальные формализованные концепции*. Эта близость обусловлена сходством структуры соответствующих конструкций и единством формального аппарата. Однако во всем остальном универсальные формализованные концепции весьма специфичны. Их специфика определяется прежде всего исходным замыслом: такие концепции преследуют цель формализованного описания некоторой широкой реальности или даже мира в целом под определенным углом зрения. Хорошим примером, раскрывающим суть подобных построений, является концепция целостности, сформулированная польским экономистом О. Ланге [24]. Мы еще вернемся к методологическому анализу этой концепции (см. часть II, гл. III), а сейчас в нескольких словах обрисуем ее схему. Эта схема в принципе ясна уже из названия работы Ланге — «Целое и развитие в свете кибернетики». Действительно, положив в основание концепции некоторые понятия кибернетики и используя аппарат векторной алгебры, Ланге строит формализованное описание статики и динамики целостных

систем, в том числе дает кибернетическую по содержанию схему диалектического процесса развития. В данном случае для нас существенны следующие моменты этой концепции. Во-первых, она направлена на описание любых, произвольно взятых, но реальных систем; иначе говоря, ее содержательное ядро образует определенная онтологическая модель, включающая в себя любой аспект реальности, если он может быть представлен в понятиях этой модели. Во-вторых, Ланге исходит из того, что содержательный анализ целостности и развития уже проделан до его работы и принимает его результаты как предпосылку своего исследовательского движения; поэтому его концепция фактически не претендует на содержательное объяснение описываемых феноменов и в принципе вообще не является объяснительной — это своего рода формализованная феноменология.

К этому же типу может быть отнесена и концепция, развитая в ряде работ Дж. Клира [19], [57]. Подобные концепции представляют собой специфический продукт развития методологизма и связанной с ним тенденции к формализации знания. Генетически их можно рассматривать как формальную надстройку над универсальными концептуальными системами типа общей теории систем и методологическими концепциями типа дисциплин современной прикладной математики. От распространенных в различных областях знания формализованных систем их отличают чрезвычайная широта предметной области (почему к ним применимо название универсальных) и отсутствие видимой содержательной интерпретации, которая бы существенно отличалась от системы принятых содержательных предпосылок. Иными словами, формализация предельно широкого содержания дает лишь феноменологический эффект, причем в силу сохранения существенной неопределенности содержательного базиса таких построений их конструктивные возможности далеко не очевидны и в каждом случае требуют доказательства или по крайней мере специального обсуждения с точки зрения той или иной конкретной исследовательской задачи. Поэтому статус подобных концепций в системе современного научного знания нельзя считать определившимся, а пути их дальнейшего развития остаются неясными, пока не будут найдены способы заметного увеличения их конструктивной силы. На примере этих концепций, пожалуй, особенно хорошо видны трудности, с которыми сопряжена формализация знания. С одной стороны, современная логи-

ческая техника чрезвычайно облегчила процесс построения самых разнообразных формальных систем, а тот факт, что научное познание широко оперирует крайне абстрактными понятиями и категориями, создает мощный стимул для многочисленных построений подобного рода. С другой стороны формализация оказывается оправданной лишь тогда, когда движение в формальной плоскости либо непосредственно способствует получению содержательного результата (за счет уточнения понятий и постановки проблем), либо вооружает исследователя аппаратом, который позволяет заметно ускорить решение задачи. Иначе говоря, формализация имеет смысл лишь в том случае, если она выступает средством, а не целью исследования.

3. Изменение схем объяснения в научном познании

Изменение типа внутринаучной рефлексии имеет в качестве одного из своих последствий и изменение схем объяснения, на которые ориентируется научное познание. Под схемой объяснения в данном случае понимается способ организации концептуального аппарата, задающий общую стратегию исследования.

В классической науке, в силу уже охарактеризованных особенностей ее строя, господствующим было аналитическое (элементаристское), сущностно-онтологическое объяснение. Оно строилось как сведение всей изучаемой реальности к единой субстанциональной первооснове. Иначе говоря, задача познания заключалась в том, чтобы отыскать реальную вещь, субстанцию, «ответственную» за специфику данной сферы реальности и обязательно элементарную. В первый период развития новоевропейской науки такой способ объяснения выступал в наивно онтологической форме (типа поисков теплорода и т. п. субстанций, генерирующих соответствующие качества объектов), подвергнутой впоследствии многочисленным осмеяниям. И в самом деле, современному изощренному методологическому уму кажется просто невероятным, как это можно было упорно доискиваться до фундаментальных «сил», не отдавая себе отчета в том, что сами эти «силы», субстанции, исходные элементы непременно должны обладать каким-то внутренним строением, т. е. быть далеко не элементарными.

Но все же осмеяния здесь были не вполне уместны. Во-первых, поиск первоначал — существенная черта всякого теоретического мышления, его важный стратегический ориентир. Можно согласиться с академиком М. А. Марковым относительно того, что «идея первоматерии как основа и мотив определенного подхода к анализу материального мира всегда являлась и является продуктивной» [30, с. 67]. И если в наше время такого рода идея не находит широкого отклика, то это следует объяснить, видимо, спецификой современного этапа организации и развития научного знания, когда существенно трансформируется само понимание первоначала, а единство познания достигается при помощи иных методологических средств. Однако это вовсе не значит, что в будущем интерес к поиску первоначал не возродится с новой силой, но, конечно, и в новых формах.

Во-вторых, сущностно-онтологическое объяснение применялось не только у колыбели науки или в натурфилософских системах XVII-XVIII вв. К нему прибегали и в гораздо более поздние эпохи. Достаточно сослаться на первоначальную трактовку гена при объяснении наследственности, на понимание деятельности как субстанции культуры и т.п., не говоря уже о концепциях «жизненной силы», «духа народа» и многих других, аналогичных им по способу построения, т. е. опять-таки по схеме объяснения.

Современное познание, по крайней мере в некоторых своих отраслях, отказывается или уже отказалось от сущностно-онтологического объяснения. Этот процесс начался уже в конце XIX в. и тогда же получил отражение в философии. В частности, позитивистски ориентированные направления подвергли резкой критике само понятие субстанции и основанное на нем мышление. Эта критика, однако, в подавляющем большинстве случаев содержала в себе слишком мало конструктивного. Значительно более глубокими и содержательными оказались соображения неокантианцев, особенно Э. Кассирера, который выдвинул идею теории познания, основанной на понятиях функции и отношения [17], и тем самым в значительной мере предвосхитил действительную перестройку схем объяснения в научном познании.

Сущность такой перестройки составил переход от субстанциальности к объяснениям, опирающимся на различного рода универсально-абстрактные конструкции. Типологически подобные конструкции можно разделить на три вида. В первом из них отыскивается универсальное свойство, во

втором — универсальное отношение, а в третьем — универсальный механизм преобразования. Примером конструкций первого вида могут служить объяснения, основанные на понятии информации: в объектах или процессах определенного рода отыскиваются информационные свойства, благодаря чему задается не только стратегия исследования, но также в значительной мере его содержание, и даже исследовательский аппарат. Универсальное отношение, выступающее в роли объяснительного принципа, хорошо иллюстрируется схемой «стимул — реакция», которая сыграла выдающуюся роль в развитии физиологии, а позднее составила основу психологических исследований бихевиористского направления. Наконец, поиску универсального механизма посвящена, в сущности, вся тектология А. А. Богданова, основное содержание которой составляют тектологические схемы возникновения и распада структур на базе подбора. Возможны, конечно, и комбинации этих трех схем.

Анализ показывает, что место субстанции в схемах объяснения такого рода занимает определенный всеобщий принцип или их совокупность. Как и субстанция, подобный принцип непременно обладает отчетливо выраженной онтологической отнесенностью и, следовательно, выступает в качестве характеристики самой реальности (очевидно, что таково необходимое свойство всякой схемы объяснения). Но в отличие от субстанциального объяснения оперирование универсальным принципом не предполагает отождествления этого последнего с каким-то конкретным материальным носителем. Если, скажем, ген на заре генетики рассматривался как вмещатель всей системы наследственности, то информация или схема «стимул — реакция» ставятся во вполне определенное соответствие с теми или иными материальными носителями, однако никоим образом не сводятся к ним. Например, анализ информационных свойств предполагает обращение к проблемам ценности информации, организованности и упорядоченности систем и т.п.; точно так же и схема «стимул — реакция», особенно в контексте психологических исследований, апеллирует не столько к проблемам мозговой локализации, сколько к психологическому содержанию соответствующих реакций, т. е. к принципам и схемам организации поведения, поскольку они могут быть интерпретированы в рамках этой схемы.

Эти примеры позволяют несколько более определенно охарактеризовать различие между субстанциалистским

объяснением и объяснением, основанным на универсально-абстрактных конструкциях. Субстанционалистское объяснение предполагает, так сказать, двойную онтологизацию: во-первых, онтологическую трактовку самой субстанции, а во-вторых, онтологическую редукцию исследуемой реальности, т.е. последовательное сведение этой реальности к исходной субстанции. Что же касается второй схемы объяснения, то в ней редукционизм либо не носит онтологического характера и является по своему существу методологическим, либо вообще отсутствует. Методологический редукционизм легче всего проиллюстрировать на примере той же кибернетики: тезис об универсальности информационных свойств имеет под собой онтологическое основание, но сам, как таковой, является принципиально методологическим, т.е. в той или иной форме учитывающим абстрагирующую деятельность исследователя, который реализует информационный подход. В силу этого в серьезном кибернетическом исследовании редукция к информации оказывается существенно ограниченной гносеологическими соображениями, почему она и не может быть названа онтологической⁴. При отсутствии же редукционизма его место занимает принцип, который можно назвать иерархическим плюрализмом. Суть его состоит в том, что объяснение строится на некотором множестве оснований, находящихся между собой в отношениях иерархической соподчиненности; чаще всего такая соподчиненность представляет собой систему уровней. Примерами реализации подобной схемы объяснения могут служить работы К. М. Хайлова [44], В. И. Кремянского [21], К. М. Завадского [15] и М. И. Сетрова [38], в которых рассматривается проблема биологической организации; в отчетливой методологической форме эта проблема рассмотрена в работе К. М. Хайлова [45], где «моноцентризм» классической биологии противопоставляется «полицентризму» современного теоретического мышления в биологии, т.е. такому подходу к биологической организации, который не отдает предпочтения (ни онтологического, ни методологического) ни одному из известных ныне уровней организации при построении общей картины биологического универсума (см. также [33, с. 87-124]).

⁴ Характер подобного редукционизма отчетливо виден и за пределами кибернетики, например при реализации информационного подхода в науковедении (см. об этом [16]), когда универсальность информационных моделей, т.е. их применимость к науке в целом, оказывается далеко не тождественной изображению науки в целом.

Таким образом, сдвиги в формах движения научной мысли, начавшиеся еще в XIX в., в большей или меньшей степени затронули фактически все компоненты структуры познавательной деятельности. Используя тезис Т. Куна о смене парадигм научного мышления [22], можно сказать, что на рубеже XIX-XX вв. парадигма классической науки уступила место новой парадигме. Понятно, что новая (как, впрочем, и предшествующая) парадигма не выступает в виде жестко фиксированной системы правил мышления. Ее компонентами являются кратко рассмотренные нами сдвиги в структуре научного познания, а сами эти сдвиги находят суммарное конструктивное выражение в новых методологических направлениях, хотя, конечно, далеко не исчерпываются ими, утверждаясь в науке и в менее очевидных формах. Именно поэтому обстоятельный анализ новых методологических направлений представляет отнюдь не частный интерес, а способствует уяснению методологического строя всей современной науки.

4. Функция, форма и время*

28. IV. 75

Дорогой Юлий Анатольевич!

Ваше письмо к Е. А. Равдель затрагивает несколько очень интересных вопросов. Я бы хотел высказать свое суждение по двум из них.

1. *О примате функции или формы.* По существу за этим стоит более фундаментальный, как мне кажется, вопрос об основаниях причинного объяснения в науке. Но прежде нужно все-таки внести ясность в термины. Боюсь, что тезис о первичности функции (динамики процесса) над формой (системой, структурой) в науке второй половины прошлого и первой половины нынешнего столетия звучит слишком категорически. О примате функции (а если говорить точнее — цели) говорил еще Аристотель. Наука же Нового времени положила в свое основание не функциональное, а субстанциональное объяснение (его самым ярким выражением было представление о силах разного рода). Во второй половине XIX в., действительно, этот способ объяснения начал терпеть крах — не функциональный, а субстанциональный

* Письмо Э. Г. Юдина, адресованное Ю. А. Шрейдеру. В настоящем издании публикуется впервые с согласия адресата. Е. А. Равдель — дочь биолога А. А. Любичева. Название дано составителями.

способ. И, пожалуй, верно, что на смену ему среди прочих — приходит функциональное объяснение. Это, однако, далеко не то объяснение, которое апеллирует к динамике процесса: последней скорее соответствует математическое понятие функции, а, например, в социологии или в биологии оперируют существенно иным понятием функции. Для понимания специфики его употребления здесь важно, мне кажется, учитывать одно довольно-таки тривиальное само по себе обстоятельство: понятие функции заставляет включать в предмет мысли представление о некоем *целом*, вне которого и увидеть-то функцию нельзя. Это, наверное, и обусловило огромную эвристическую роль функционального подхода в науке.

В самом деле, *научная биология*, как и *научная социология* начинается только с того момента, как удалось изобразить соответствующую реальность в виде функционально связанного целого. И в этом смысле понятие о функции сыграло колоссальную роль в расширении представления о причинности. И роль эта заключалась не только, даже не столько в самом по себе понятии функции, сколько в следующем из такого подхода представлении о функциональной системе (здесь нас не должно смущать то обстоятельство, что понятие функциональной системы изрядно опошлено частым и бессмысленным употреблением).

Я бы взялся утверждать, что современная наука еще очень мало прошла по пути изучения функциональных систем, она еще слишком часто представление о функциях сразу и непосредственно «сажает» на старое, классическое представление о субстрате, субстанции и т. п. (отсюда, например, очень характерная для психологии и физиологии проблема «локализации функций»). Даже кибернетика — в известном смысле действительно наиболее яркий пример «функциональной» науки — не может удержаться от того, чтобы не подпереть понятие функции понятием субстанции — информации.

Иное дело, конечно, что функциональное объяснение далеко не исчерпывает всех проблем. Это показала, в частности, история социологического функционализма, который в поисках полноты вынужден был очень сильно изменять и расширять систему своих постулатов. Проблема, наверное, в том, что функция не может давать «последнего», предельного объяснения — она сама нуждается в объяснении через какую-то причину — через форму или систему (кстати, форма

и система, как мне кажется, очень не одно и то же) или через что-то еще.

Вот здесь-то перед нами и возникает, по-видимому, самый принципиальный вопрос: если допустить неединственность (типологическую) причинного объяснения, то следует ли отсюда, что все известные нам типы причин должны быть расположены в некий иерархический ряд? Это и есть вопрос, который Вы обсуждаете: должна ли иметь приоритет форма или функция?

У меня складывается впечатление, что вопрос этот звучит слишком воинственно. Опыт науки показывает, что она долгое время пыталась непременно объединиться вокруг какого-то примата, но каждый раз ей это не удавалось, поэтому приходилось менять эти приматы. В итоге современное познание (и не только научное) начинает приходить к идее интеллектуального демократизма — к утверждению логического равноправия любых способов построения знания, лишь бы они отвечали общим критериям строгости (достаточно широко понятой). Этот интеллектуальный демократизм имеет своим основанием верховную, главенствующую роль *задачи* во всяком познании: именно изменение задачи заставляет менять и способ построения знания, в том числе способ причинного объяснения.

Думаю, что эта идея была одной из центральных и для А. А. Любищева. Косвенно это подтверждается его эмоционально неприязненным отношением к иерархическому изображению систем, а более непосредственно — его анализом факторов эволюции, особенно — анализом монофилии.

Короче говоря, мне кажется, что примат имеет не функция, не форма и не что-то третье в этом духе, а задача, точнее, **тип** задач, возникающих перед познанием или перед культурой в целом.

2. *Рушатся ли философские основания науки?* На этот вопрос, к сожалению, приходится ответить «диалектически»: и да, и нет.

Да — в том смысле, что наука на наших глазах явно меняет масштаб своего мышления. Это изменение протекает одновременно по многим направлениям. В социальном плане главным здесь является тот факт, что из служанки экономики, производства наука превращается (уже почти превратилась) в универсальное орудие культуры, со всеми вытекающими отсюда положительными и отрицательными последствиями. В плане же методологическом, философском

изменения в конечном счете связаны с вечной для всякого познания проблемой — проблемой Времени и его объективного изображения, а точнее — с очень показательными модификациями этой проблемы.

Опуская чрезвычайно интересную (и практически не исследованную) историю этой проблемы, заметим для себя только, что к началу XIX в. в научном познании начинает осознаваться исключительная роль направленных изменений реальности. Вероятно, в смысле норм мышления это было стимулировано христианской концепцией времени, его линейного (а не циклического, как было у греков) характера. Анализ процессов развития оказался первой попыткой ввести в научное исследование Время. Но вот что любопытно: не располагая средствами для изображения времени, и, следовательно, процесса как такового, наука могла фиксировать направленные изменения *только* в пространственной форме, раскладывая *процесс* на определенную совокупность *состояний* (мы ведь и вообще изображаем Время объективно исключительно в пространственном виде, причем, обратите внимание, циферблат наших часов *круглый*, он, следовательно, замыкает Время, представляя его циклически).

Огромный интерес к законосообразности процессов развития легко понять: знание законов развития необыкновенно усиливает прогностическую силу науки. Однако странным образом получилось почему-то так, что с относительной легкостью были получены общие, глобальные схемы развития, но возникли непреодолимые препятствия, когда начали переходить к «механике» реальных процессов изменения. Я думаю, что основной причиной трудностей оказалась как раз неуловимость Времени, очень точно указанная еще Кантом, который далеко не от глупости отнес Время к субъективным категориям.

Так или иначе, но внутренние механизмы изменений мы и сейчас умеем реконструировать лишь косвенно, сопоставляя их результаты, т. е. то, что изображимо пространственно. И в такой реконструкции, между прочим, огромную роль сыграло понятие функции. Оно-то и дало первую перестройку философских оснований науки, начавшуюся в XIX в., во второй его половине. Всякий косвенный метод, однако, ограничен, что и породило многочисленную критику функционализма. Теперь наука, вовсе не отказываясь от функционализма принципиально, пытается совершить новый заход на Время. Но она стала мудрее и понимает (или

по крайней мере ощущает) невозможность решить проблему в лоб. Поэтому движение ее приняло еще более обходный характер, на первый взгляд даже противный смыслу задачи изобразить Время: расширив понятие функции до значительно более богатых понятий структуры и системы (от которых функция, как объяснительное понятие, производна), она с растущей скрупулезностью вышелушивает в процессах развития, изменения то и только то, что *не* меняется. Ее основным объектом, следовательно, становятся инварианты процессов изменения. И это, я думаю, главное и самое интересное из всего, что происходит с философскими основаниями науки.

Немного продолжив этот же тезис, мы приходим к тому, что меняется в науке далеко не все. В ней ведь тоже существуют некие инварианты, в том числе и некоторые основоположения, которые неустранимы, пока она есть как наука. Пример — та же причинность, или принцип естественности изменений, который, конечно, трансформируется, но как таковой существует неотторжимо от науки.

И мне кажется очень важным учитывать одновременно оба эти момента — изменяемое и неизменное. Мы живем в эпоху поразительных крайностей, какого-то универсального экстремизма. Это рождает массу всяких иллюзий, в том числе и иллюзию легкости перемен. А она страшно опасна, потому что разрушительна по отношению к культуре, к ее основоположениям. Если верно, что в мире впереди Космос, а не Хаос, то мы обязаны отыскивать его во всем, улавливать какое-то изначальное совершенство, первичную и неустранимую гармонию. Ведь Космос — это не только должное, не только будущее, зависимое от нас; это и сущее, это наше настоящее и наше прошлое. А Космосом оно выступает постольку, поскольку оно воплотило в себе вечное, совершенное, требующее анализа, но вовсе не обязательно требующее революционных перемен, слома...

Это мой первый опыт в эпистолярном жанре, поэтому я еще не почуствовал формы и ее законов. Так что уж не обессудьте меня за вполне возможные огрехи. Постараюсь исправиться...

ОСНОВНЫЕ ЗАДАЧИ И ФОРМЫ МЕТОДОЛОГИЧЕСКОГО АНАЛИЗА

1. Природа методологического знания

Методология, трактуемая в широком смысле этого слова, есть учение о структуре, логической организации, методах и средствах деятельности. В таком понимании методология образует необходимый компонент всякой деятельности, поскольку последняя становится предметом осознания, обучения и рационализации. Основной функцией методологического знания является внутренняя организация и регулирование процесса познания или практического преобразования того или иного объекта.

В современной литературе под методологией обычно понимают прежде всего методологию научного познания, т.е. учение о принципах построения, формах и способах научно-познавательной деятельности. Методология науки дает характеристику компонентов научного исследования — его объекта, предмета анализа, задачи исследования (или проблемы), совокупности исследовательских средств, необходимых для решения задачи данного типа, а также формирует представление о последовательности движения исследователя в процессе решения задачи.

Таким образом, вводя понятие методологии, мы фактически различаем два типа знания — знание о мире и знание о знании (или, точнее, о познании). Первое указывает на то, что познается, второе — каким образом достигается знание о мире. Однако, как мы увидим несколько позже, это различие не абсолютно, оно в очень большой степени является функциональным.

Зачатки методологических знаний обнаруживаются уже на ранних ступенях развития культуры. Так, в древнем Египте геометрия выступала в форме методологических предписаний, которые определяли последовательность осуществления измерительных процедур при разделе и перераспределении земельных площадей. Специальной разработкой проблемы условий, соблюдение которых необходимо для получения знания, начинает заниматься древнегреческая философия; наиболее значительный вклад в анализ этой проблемы внес Аристотель. Он рассматривал созданную им логическую систему как «органон», т.е. как универсальное орудие истинного познания. В целом, однако, вплоть до нового времени проблемы методологии не занимали самостоятельного места в системе знания и включались в контекст натурфилософских или логических рассуждений.

Родоначальником методологии в собственном смысле считают Ф. Бэкона. Одно из главных его произведений, «Новый органон», представляло собой попытку вооружить науку системой методов, которые позволяют кратчайшим путем достигать истины. Громадная заслуга Бэкона состояла в том, что он показал решающую роль метода в успехе познания: поскольку главное препятствие на пути к истине заключено не в предмете, а в употреблении ума человека, считал Бэкон, постольку нужно направить усилия прежде всего на отыскание такого метода, который позволит правильно ориентировать теоретическую и практическую деятельность человека, поднять ее эффективность. Для последующего развития методологии огромное значение имело также данное Ф. Бэконом обоснование индуктивного, эмпирического подхода к научному познанию.

С этого времени проблема метода становится одной из центральных в философии. Первоначально она целиком совпадает с вопросом об условиях достижения истины; при этом ее обсуждение сильно отягощено натурфилософскими представлениями. Опираясь на правильный сам по себе тезис о том, что к истинному знанию ведет лишь истинный метод, именно его и пытаются сразу отыскать многие философы нового времени. При этом они полагают, что единственно истинный метод просто скрыт от непосредственного наблюдения и его надо лишь открыть, сделать ясным и общедоступным. Логическая же структура метода еще не рассматривается как самостоятельная проблема.

Следующий шаг в развитии методологии делает Р. Декарт, у которого методологический анализ приобретает отчетливую форму размышления об условиях и предпосылках познавательной деятельности (характерно, что одно из главных его произведений называется «Рассуждение о методе»). Сформулировав проблему познания как проблему отношения субъекта и объекта, он впервые ставит вопрос о специфичности мышления, его несводимости к простому и непосредственному отражению реальности; тем самым было положено начало специальному и систематическому обсуждению процесса познания, т. е. вопроса о том, как достижимо истинное знание — на каких интеллектуальных основаниях и с помощью каких методов рассуждения. Именно после Декарта проблема основания знания, поиска тех конечных предпосылок, которые делают знание необходимым и истинным, становится центральной в методологии.

Другая линия специализации методологии была связана с английским эмпиризмом, прежде всего с учениями Дж. Локка, выдвинувшего сенсуалистическую теорию познания, и Д. Юма, обосновавшего эмпиризм путем критики теоретического знания с позиций скептицизма. В английском эмпиризме получили свою философскую опору усиленные поиски методов опытной науки.

Вплоть до И. Канта, однако, проблемы методологии тесно переплетались с теорией познания. Кант впервые обосновал особый статус методологического знания, проведя различие между конститутивными, и регулятивными принципами познания, между объективным содержанием знания и формами, при помощи которых оно организуется в систему. Это, по существу, означало выделение в общем массиве знания той его части, которая призвана выполнять специфически методологические функции.

Начатая Кантом линия анализа познания как специфической деятельности со своими особыми формами внутренней организации была продолжена другими представителями немецкого классического идеализма. Своей вершины в рамках идеалистической философии эта линия достигла в системе Г. Гегеля, по существу представляющей собой методологию рационализированной деятельности абсолютного духа и производной от нее — согласно Гегелю — деятельности человеческого познания. Объективно важнейший результат, полученный немецким классическим идеализмом в изучении проблем методологии, состоял в подчеркивании роли

диалектики как всеобщего метода познания и духовной деятельности вообще.

Для развития науки в XX в. характерен быстрый рост методологических исследований и повышение их удельного веса в общем массиве научного знания. Этот процесс имеет своим источником два основания. Во-первых, научное познание осваивает все более сложные объекты как природной, так и социальной действительности, что ведет к возрастанию уровня его абстрактности и уменьшению наглядности. В результате этого вопрос о средствах исследования, о принципах подхода к объекту изучения становится одним из центральных и занимает относительно самостоятельное место в системе познавательной деятельности.

Во-вторых, в условиях современной научно-технической революции занятия наукой превращаются в массовую профессию, а это требует детализированной регламентации труда исследователей на различных уровнях, чтобы обеспечить стандартную форму представления научного результата. Оба эти обстоятельства решающим образом стимулируют развитие исследований в области методологии как «вглубь», т. е. в сторону все более обстоятельного раскрытия основных принципов и форм научного мышления, так и «вширь» — в сторону скрупулезного и специального конструирования средств научного познания.

Таким образом, если раньше понятие методологии охватывало прежде всего совокупность представлений о философских основах научно-познавательной деятельности, то теперь ему соответствует внутренне дифференцированная, достаточно развитая и специализированная область знания. От теории познания, исследующей процесс познавательной деятельности в целом, и прежде всего — его содержательные основания, методологию отличает акцент на средствах познания. От социологии науки и других отраслей науковедения методология отлична своей направленностью на внутренние механизмы, логику движения и организацию знания. Сущность и специфика методологии продолжают оставаться предметом споров, порождаемых, кроме всего прочего, отсутствием четко фиксированного статуса у методологического знания. В иерархической организации научного знания дело нередко обстоит таким образом, что знания более высокого уровня абстрактности выполняют методологические функции по отношению к более конкретному знанию. Так, например, кибернетические представления об управлении, информации,

обратной связи играют роль методологических постулатов в нейрокибернетике, бионике, при разработке электронно-вычислительной техники и т. п. Или другой пример: для молекулярной биологии раскрытие молекулярной структуры и механизмов передачи наследственности выступает как главная предметная задача; соответственно и получаемое ею знание об этом объекте выступает для нее как знание о мире. Но то же самое знание, скажем, для медицинской науки играет методологическую роль, служит предпосылкой и основанием для постановки и решения специфических задач этой области знания — борьбы с разными заболеваниями.

Подобная трансформация функций знания, вообще говоря, вполне естественна и даже необходима: всякое объективное знание служит людям дважды — сначала как объяснение окружающей реальной действительности, а затем в качестве средства, метода при решении тех или иных проблем. Фактически любая научная теория выполняет методологические функции, когда она используется за пределами ее собственного предмета, а научное знание в целом играет роль методологии по отношению к совокупной практической деятельности человека.

В этом проявляется общая диалектика взаимодействия цели и средства деятельности: то, что было целью в одной системе деятельности, становится средством в другой системе. В целом, однако, современные проблемы методологии отнюдь не исчерпываются этим взаимопревращением, поскольку стало реальностью существование знания, специально предназначенного для выполнения методологических функций. Рассмотрим этот вопрос более подробно.

2. Общая характеристика и уровни современного методологического знания

Если бы мысль человека была способна сразу и непосредственно воспроизводить реальность, «фотографировать» ее, то познание вовсе не нуждалось бы в специальном изучении способов получения знания о вещах. Но познание, как известно, не есть прямое, непосредственное отражение объективного мира, оно представляет собой особый и очень сложный вид деятельности, эффективность которого прямо зависит от степени совершенства наличных средств и орудий познания. А чтобы выработать такие средства и орудия, нужны также специальные знания — знания о собственно

познавательной деятельности, ее формах и средствах. Эту задачу как раз и выполняет методология.

Современная наука располагает мощным арсеналом весьма разнородных средств, предназначенных для решения познавательных задач самого различного характера. В свою очередь, это породило новую методологическую ситуацию: приступая к исследованию, современный научный работник нередко оказывается перед необходимостью выбора наиболее эффективного методологического средства (или их совокупности) из некоторого их набора. Наконец, особый круг проблем методологии создает чрезвычайно характерное для современного научно-технического развития тесное переплетение элементов науки и практики при решении крупных комплексных проблем (типа космических проектов, мероприятий по защите окружающей среды и т. п.). При этом возникает необходимость не только связать воедино усилия специалистов разного профиля, построив для этого соответствующий предмет изучения (т. е. комплексную, синтетическую модель объекта), но и объединить в одной системе научно-технические представления и решения, получаемые интуитивно-практическим путем в условиях принципиальной неполноты и неопределенности информации об объекте.

Вместе с тем если раньше развитие науки в значительной мере могло опираться на свободный поиск ученого, который фактически рисковал только своим успехом, то теперь, особенно в условиях развертывающейся научно-технической революции, общество не может позволить такой роскоши: современное исследование требует, как правило, привлечения очень значительных людских и материальных ресурсов, и потому ошибки обходятся слишком дорого. Конечно, в серьезной науке риск неизбежен — иначе нельзя рассчитывать на открытие нового. Но теперь границы допустимого риска перестали быть личным делом ученого, они требуют объяснения и обоснования.

Все это существенно изменило ситуацию в науке. Еще в XIX в. исследователь должен был обосновывать лишь полученный им результат: от него требовалось показать, что этот результат достигнут в соответствии с принятыми в данной области знания правилами и что он вполне определенным образом вписывается в более широкую систему знания. В настоящее же время исследование, как правило, должно быть обосновано еще до его реализации. Выдвигая исследовательскую программу, ученый или научный кол-

лектив обязан изложить соображения, которые позволяют оценить не только значимость предполагаемого результата, но и научные средства, а также иные ресурсы, которые с достаточно большой вероятностью способны обеспечить этот результат. Иными словами, предмет обоснования становится не только знание о мире, но и знание о знании — о способах получения знания, об общей схеме намечаемой познавательной деятельности. И если результат еще не проведенного исследования, естественно, остается в сфере предположений, то способ его получения должен быть указан без околичностей. Более того, именно эта сторона дела нередко служит основанием для общей оценки состоятельности всего проекта.

Подобная схема хорошо прослеживается, например, в работах по экономическому и научно-техническому обоснованию комплексных задач нашего хозяйственного строительства, где точные расчеты имеющихся ресурсов и возможностей, перспектив их изменения и роста, оценка ожидаемого эффекта выполнения планов и т.д. предполагают в первую очередь выбор и научное обоснование оптимальных методов и способов, которые должны применяться по всей программе работ для получения необходимых результатов. Другими словами, в обосновании предполагаемого исследования теперь решающую роль играют соображения методологического порядка — те, которые относятся к путям и методам исследования.

Почему же возможен и необходим такой подход? Он определяется диалектической природой самого научного познания. С одной стороны, всякое реальное исследование, чтобы стать вкладом в науку, непременно должно быть глубоко оригинальным, «хотя как раз эту оригинальность труднее всего обосновать наперед. С другой стороны, исследование, поскольку оно научное, должно подчиняться некоторым общим требованиям, сложившимся в науке и характеризующим научную деятельность в целом как особым образом организованный процесс. Эти требования, будучи зафиксированными, выступают в виде определенных норм организации познавательной деятельности. Их выявление и есть задача методологии.

В науке методологическая норма существует обычно в виде определенного принципа или их совокупности, причем такой принцип строится по форме: «если сделать то-то, получится то-то». В классической науке исследователь, как

правило, не осознавал многих из реально применявшихся им методологических норм, он действовал в соответствии с традицией. Так, в XVII—XVIII вв. традиция предписывала химику, физику, биологу во всяком изучаемом им явлении отыскивать его скрытую сущность, которую чаще всего называли силой того или иного рода. В рамках этой традиции существовали, например, теория теплорода (до создания механической теории теплоты) или флогистонная теория, опровергнутая работами А.Лавуазье и других. Традиция же запрещала математику (до создания первой системы неевклидовой геометрии Н.И.Лобачевского) саму мысль о возможности геометрии, построенной без пятого постулата Евклида.

В современной науке безотчетное оперирование методологическими нормами становится затруднительным, а порою и просто невозможным. Как мы говорили, познание теперь располагает множеством весьма дифференцированных и разнородных методологических средств, так что нередко исследователь стоит перед необходимостью самому найти подходящие для данного случая средства. Он, например, должен выбрать наиболее адекватный математический аппарат, наиболее эффективные методы обработки экспериментальных данных, оптимальный способ расчленения сложного объекта и т.п. Но чтобы произвести такой выбор сознательно, надо иметь ясное представление о сложном строении современного методологического знания, о его уровнях, многообразии форм и типов.

Как уже отмечалось, еще в прошлом веке понятие методологии было фактически тождественно философской методологии, а соответствующая проблематика разрабатывалась почти исключительно философами. Во второй половине XX в. методологическое знание значительно дифференцировалось — в его разработке в той или иной форме участвуют наряду с философией практически все конкретные науки. Мы с полным основанием говорим теперь о методах и аппарате биологии, о методологических средствах экономического анализа, о познавательном аппарате ядерной физики и т.п. Соответствующая литература становится весьма значительной и занимает видное место в подготовке специалистов во всех отраслях науки и техники.

В XX в. складывается, кроме того, новый тип методологического знания — *общенаучные концепции и направления*, которые по своему масштабу выходят далеко за рамки отдель-

ных научных дисциплин. Они выполняют в науке серьезные методологические функции, но вместе с тем не являются философскими. Таковы, например, современные методы математического обеспечения исследований, методы и понятия кибернетики, методологические принципы системного подхода.

Существенное различие в функциях, выполняемых методологией, определяется прежде всего тем, к какому типу относится методология — нормативному или дескриптивному. Вообще говоря, всякая методология выполняет нормативные функции, ибо именно в этом состоит ее общее назначение. Однако этим вовсе не отрицается тот факт, что методологическое знание выступает либо в нормативной, либо в дескриптивной форме (практически два эти типа знания обычно так или иначе соседствуют друг с другом, но в данном случае нам важно само по себе типологическое различие). В *нормативном* методологическом анализе, естественно, преобладают конструктивные задачи, связанные с разработкой положительных рекомендаций и правил осуществления научной деятельности. *Дескриптивный* же анализ имеет дело с ретроспективным описанием уже осуществленных процессов научного познания.

Если иметь в виду современные методологические исследования в целом, то в них заметно преобладает нормативный элемент. Нормативное методологическое знание выступает в форме предписаний и норм, в которых фиксируются содержание и последовательность определенных видов деятельности. Оно выполняет три основных функции: во-первых, оно обеспечивает правильную постановку проблемы как с содержательной, так и с формальной точки зрения; во-вторых, оно дает определенные средства для решения уже поставленных задач и проблем — то, что можно назвать интеллектуальной техникой научной деятельности; в-третьих, с помощью методологического нормативного знания оптимизируется организация исследований.

Что же касается дескриптивной методологии, то ее основной задачей можно считать изучение тенденций и форм развития познания со стороны его методов, категориального и понятийного строя, а также характерных для каждого конкретного этапа схем объяснения.

Видимая невооруженным глазом разнородность этих функций естественным образом приводит к тому, что они осуществляются не некоей единой дисциплиной со строго

очерченными границами, а разными дисциплинами и в разных формах. Поэтому можно и нужно говорить о разных типах и уровнях методологического анализа. В этом смысле мы вполне присоединяемся к В. А. Лекторскому и В. С. Швыреву, которые насколько нам известно, первыми в нашей литературе сформулировали тезис о типах и уровнях методологии [27].

Дело, конечно, обстоит не таким образом, что каждой из установленных функций можно поставить в прямое соответствие определенный уровень или тип методологического анализа. Но все же известная система соответствий имеет место. Не вдаваясь в детали, можно предложить следующую общую схему уровней методологии.

Высший уровень образует *философская методология*. Ее содержание составляют общие принципы познания и категориальный строй науки в целом. Очевидно, что эта сфера методологии представляет собой философское знание и, следовательно, разрабатывается специфическими для философии методами. Вместе с тем она не существует в виде какого-то особого раздела философии — методологические функции выполняет вся система философского знания.

Философский уровень методологии реально функционирует не в форме жесткой системы норм и «рецептов» или технических приемов — такая его трактовка неизбежно вела бы к догматизации научного познания, а в качестве системы предпосылок и ориентиров познавательной деятельности. Сюда входят как содержательные предпосылки (мировоззренческие основы научного мышления, философская «картина мира»), так и формальные, т.е. относящиеся к общим формам научного мышления, к его исторически определенному категориальному строю.

Одной из кардинальных методологических проблем, возникающих в этой связи, является определение специфики гуманитарного познания в сравнении с естественно-научным. Эта специфика определяется, в частности, фактом непосредственного участия в гуманитарном познании ценностных ориентации исследователя, а также необходимостью учитывать и давать соответствующую интерпретацию сложной структуры целесообразной человеческой деятельности и ее результатов. Конкретнее, философия играет двоякую методологическую роль. Во-первых, она осуществляет конструктивную критику наличного научного знания с точки зрения условий и границ его применения, адекватности

его методологического фундамента и общих тенденций его развития. Во-вторых, философия дает мировоззренческую интерпретацию результатов науки — в том числе и методологических результатов — с точки зрения той или иной картины мира. Если философская критика (разумеется, в философском смысле этого понятия, современная интерпретация которого берет начало от Канта) стимулирует внутринаучную рефлексию и тем самым способствует постановке новых проблем, поиску новых подходов к объектам научного изучения, то философская интерпретация результатов науки служит отправной точкой всякого действительно серьезного исследования, необходимой содержательной предпосылкой существования и развития теоретического знания и его интеграции в нечто целостное для каждого этапа развития познания".

Второй уровень методологии можно обозначить как *уровень общенаучных принципов и форм исследования*. Эта сфера методологии получила особенно широкое развитие в XX в., что и явилось главным фактором превращения методологических исследований в относительно самостоятельную область современного научного знания. Сюда входят как содержательные общенаучные концепции, выполняющие методологические функции и воздействующие на все или по крайней мере на некоторую совокупность фундаментальных научных дисциплин одновременно, хотя и необязательно в одинаковой степени, так и формальные разработки и теории, связанные с решением достаточно широкого круга методологических задач.

В связи с обсуждением вопроса об изменении типов самосознания науки в первой главе мы охарактеризовали главные направления в развитии методологических концеп-

" В. А. Лекторский и В. С. Швырев, давая общую характеристику методологического анализа, справедливо подчеркивают, что «потребность в рефлексии над наукой, в методологическом анализе, в адекватном научном самосознании не следует интерпретировать в духе узкого сциентизма, сводя все дело к «технологии» научного мышления... задача самосознания науки, ее методологического анализа имеет не только внутринаучное, но и широкое социально-культурное значение» [27, с. 8]. Иными словами, необходимым компонентом философской методологии следует считать и социально-культурный анализ науки. Полностью разделяя этот тезис, мы, однако, в данном случае рассматриваем философскую методологию лишь со стороны ее конструктивной внутринаучной роли, ее непосредственного участия в процессе порождения нового научного знания и потому не касаемся сложного вопроса о ее социально-культурных аспектах.

ций. Сейчас же для нас важно определить их место в общей системе методологических исследований и характер их реального воздействия на процесс научного познания.

Убедительным примером содержательных общенаучных методологических концепций может служить теоретическая кибернетика, широко проникшая в самые различные отрасли современного познания. Что касается формальных концепций, то к их разряду могут быть отнесены как упоминавшиеся нами ранее дисциплины прикладной математики (типа исследования операций, теории игр и т.п.), так и быстро развивающиеся исследования в области логики и методологии науки, которые связаны с анализом языка науки, способов построения научных теорий, логико-методологических особенностей таких общенаучных процедур и приемов, как идеализация, формализация, моделирование и т.п. Нелишне будет отметить, что общенаучный характер разрабатываемых на этом уровне проблем не означает, что они непременно относятся ко всем и любым отраслям науки: их специфика определяется относительным безразличием к конкретным типам предметного содержания и вместе с тем апелляцией к некоторым общим чертам процесса научного познания в его достаточно развитых формах.

Следующий уровень — это *конкретно-научная методология*, т.е. совокупность методов, приемов исследования и процедур, применяемых в той или иной специальной научной дисциплине. Понятно, что методология, например, биологии или химии включает в себя как проблемы специфически биологического или химического познания (правила и условия проведения экспериментов, требования к репрезентативности данных и к способам их обработки и т.д.), так и вопросы, выдвигаемые либо в смежных науках (например, использование в биологии математических, физических, химических и других методов), либо на более «высоких» уровнях методологии. Важно подчеркнуть, что привлечение методологических средств с вышележащих уровней не может носить характера механического переноса: чтобы дать действительный, а не мнимый эффект, эти средства непременно должны получить соответствующую предметную интерпретацию и разработку.

Если учесть, что современная наука глубоко дифференцирована, то в рамках конкретно-научной методологии следовало бы провести более детализированное расчленение. Скажем, можно говорить об общей методологии биологического исследования, о методологии молекулярной биологии,

которая, естественно, весьма заметно отличается от методологии экологии; в рамках этой последней нужно было бы указать еще на различия в методах и подходах наземной и водной экологии (которая в свою очередь делится на морскую и пресноводную, причем это деление опять-таки имеет под собой помимо всего прочего вполне определенные методологические основания). Такая картина была бы, несомненно, гораздо более полной и точной. Однако для наших целей в данном случае достаточно ограничиться общей постановкой вопроса.

Наконец, последний уровень методологии образуют *методика и техника исследования*, т.е. набор процедур, обеспечивающих получение единообразного и достоверного эмпирического материала и его первичную обработку, после которой он только и может включаться в массив наличного знания. На этом уровне мы имеем дело с высокоспециализированным методологическим знанием, которое в силу присущих ему функций непосредственной регламентации научной деятельности всегда носит четко выраженный нормативный характер.

Каждый из выделенных уровней методологического знания, таким образом, выполняет свои особые, только ему свойственные функции в научном познании. Благодаря этой своеобразной специализации все уровни методологии образуют сложную систему, в рамках которой между ними существует вполне определенное соподчинение. *Философский уровень выступает как содержательное основание всякого методологического знания.* Именно на этом, и только на этом, уровне формируются познавательные установки исследователя. Лишь на уровне философского анализа выявляются, далее, исторически конкретные границы каждой научной теории, каждого метода, осмысливаются переломные ситуации в развитии той или иной научной дисциплины. Первостепенное методологическое значение имеет также мировоззренческая интерпретация результатов науки, даваемая в рамках этого уровня методологии.

Вместе с тем очень важно учитывать, что философское знание «работает» в конкретном научном исследовании не само по себе, не изолированно, а в тесной взаимосвязи с другими уровнями методологического знания. Философско-методологические положения и принципы в современной науке преломляются, конкретизируются по меньшей мере

дважды: сначала на уровне общенаучных принципов и концепций, а затем на уровне специально-научной методологии.

Необходимо учитывать, что в настоящее время различные уровни методологического знания пока еще не образуют единой научной дисциплины. Их объединяет то, что все они представляют собой анализ способов получения нового знания. Именно поэтому в любом конкретном исследовании реально они тесно переплетены, хотя каждый из них выполняет свои особые функции.

3. Соотношение теоретического и методологического знания

Рассмотрев вопрос о соотношении различных уровней методологического анализа, мы можем теперь охарактеризовать некоторые особенности тех знаний, которые выполняют методологические функции в современной науке.

С этой целью прежде всего остановимся вкратце на понятии *методологического подхода*, получившем в современной литературе весьма широкое распространение.

Методологический подход можно определить как принципиальную методологическую ориентацию исследования, как точку зрения, с которой рассматривается объект изучения (способ определения объекта), как понятие или принцип, руководящий общей стратегией исследования. В методологической литературе это понятие употребляется в самых разнообразных контекстах. Чаще всего говорят о противостоящих друг другу подходах: диалектическом и метафизическом, аналитическом и синтетическом, элементаристском и целостном, качественном и количественном, динамическом и статистическом (вероятностном), синхроническом и диахроническом, энергетическом и информационном, алгоритмическом и эвристическом и т.п. Возможна, однако, и недихотомическая классификация подходов, например, предметная: применительно к некоторому объекту можно говорить о параллельном или последовательном проведении, скажем, биологического, психологического, социологического и т.д. подходов (так, в частности, обстоит дело с изучением психики).

Даже из приведенного нами перечня, далекого от полноты, хорошо видно, что понятие подхода применимо к самым различным уровням методологического анализа и, следовательно, включает в себе весьма широкое методологическое

содержание. В одних случаях подход полностью исчерпывается стратегическим принципом или их совокупностью (таковы, например, элементаристский и целостный, синхронический и диахронический подходы), в других — понятие подхода тождественно проведению в исследовании определенной мировоззренческой позиции (такова дихотомия диалектического и метафизического подходов), а в третьих — применение определенного подхода предполагает еще и одновременное применение набора процедур и приемов, служащих формой и условием реализации соответствующих принципов (это относится, в частности, к информационному подходу, если он проводится на уровне конкретного исследования, а не общих соображений о пользе понятия «информация»).

Очевидно также, что ни один отдельно взятый подход не исчерпывает методологической характеристики исследования: в каждом конкретном исследовании обычно реализуется некоторая совокупность подходов, при условии, конечно, что среди них нет взаимоисключающих. Между различными подходами, даже в том случае, если они связаны отношениями полярности, нет, как правило, оценочного противопоставления — в том смысле, что один из них «лучше», а другой — «хуже». Отношение здесь строится на основе адекватности соответствующих подходов определенным типам исследовательских задач; такая адекватность вообще является главным критерием в методологии научного познания. Но все же надо отметить, что в некоторых случаях отношение между полярными подходами отражает прогрессивное развитие методологии познания. Однако и в таких случаях следует избегать беспартийных оценок: например, смена элементаристского подхода целостным вовсе не означает, как мы уже отмечали, что один из них полностью исчерпал себя, в том числе и при изучении объектов, заведомо считающихся целостными. Точно так же из перспективности системного подхода вовсе не следует, что он вытесняет другие подходы.

Для наших целей полезно еще отметить, что в современной науке заметной становится тенденция превращения подходов в методологические теории или даже просто в теории, методологический смысл которых явным образом не фиксируется. Такое превращение соответствует отмеченной в первой главе тенденции к онтологизации методологии. Другим основанием этого процесса является также охарактеризованное нами ранее приобретение научной деятельностью массового характера и возникающая в этой связи потреб-

ность в развитой технике исследования, в стандартизации исследовательской деятельности. Вследствие этого форма ориентации — то, что определяет методологическое содержание подхода, — превращается в форму регламентации, а эвристическая сила заменяется силой организации. Смысл этих трансформаций становится понятным, если обратиться к предложенному нами различению уровней методологического анализа. Дело в том, что при всем разнообразии подходов они в целом все-таки должны быть отнесены к уровню философской методологии и уровню общенаучных принципов и процедур познания. Превращение же подходов в теории означает очевидный сдвиг в сторону двух следующих уровней — уровня конкретно-научной методологии и в еще большей степени уровня методики и техники исследования. Но надо заметить, что этот сдвиг далеко не всегда диктуется реальными методологическими потребностями самой науки: в значительной степени он является продуктом обособления методологии и ее имманентного развития.

В связи с таким обособлением методологии самостоятельной и отнюдь не тривиальной становится проблема приложений методологического знания к практике конкретно-научного исследования. Любые общенаучные методологические принципы и подходы, прежде чем они начнут играть конструктивную роль в специальных науках, должны пройти своеобразную переплавку, в результате которой они становятся не внешними той или иной конкретной дисциплине, а имманентными ее предмету и сложившейся в ней системе понятий. В этом, собственно, и заключается суть перехода от уровня общенаучных принципов к уровню конкретно-научной методологии. Поэтому можно говорить, например, о том, что методология современной биологии насыщается системными идеями и даже перестраивается в соответствии с ними, но она никогда не превратится и не может превратиться просто в системную методологию — это означало бы утрату биологией своих специфических методов, а вместе с ними и самого ее предмета.

Вообще надо сказать, что на высших этажах науки, там, где происходит движение в области смысла и теоретических оснований, методология «работает» отнюдь не внешним образом, она не «одалживается» у близких или далеких соседей на время построения теории. Она принципиально не представляема здесь в виде спускаемых откуда-то сверху поучений по поводу того, как надо и как не надо строить теорию. Как

показывает опыт развития науки, во всякой значительной научно-теоретической концепции методологические моменты органически сливаются с предметно-содержательными, и обычно требуется немалая специальная работа, чтобы разделить их друг от друга. Для примера можно сослаться на «Капитал» К. Маркса: здесь нет методологии, отделенной от теории, и именно поэтому методология выступает как орудие непосредственного проникновения в предмет исследования. В рассматриваемом нами плане такой же в сущности характер носят концепции биосферы В. И. Вернадского или генетическая эпистемология Ж. Пиаже: в них тоже методологические принципы не рядоположены теоретическим построениям, а как бы просвечиваются (при особом, конечно, взгляде) через форму последних.

Значит ли это, что в «высокой» науке вообще стираются грани между теорией и методологией? Такой вывод был бы весьма опрометчивым. И в этой сфере методология как таковая не создает непосредственно результата науки. Она выполняет свои специфические функции, отличные от функций теории (если под теорией понимать содержательный продукт развития науки, т. е. получение содержательных ответов на вопросы относительно реальности, независимо от того, выступает ли эта содержательность непосредственно или является результатом специально построенной интерпретации. Мы не касаемся здесь также рассмотренного ранее вопроса о том, что и методология в последнее время имеет тенденцию нередко выступать в форме теории: при всех условиях она остается теорией методологической, со всеми вытекающими отсюда следствиями относительно ее функций в процессе познания). Если теория направлена на *получение знания* о самой действительности, то методология направлена на *процесс получения знания*. Иначе говоря, между теорией и методологией всегда сохраняется отношение цели и средства.

Но если методология не утрачивает своих специфических функций, то как тогда истолковать ее органическое слияние с собственно теорией? А если такое слияние имеет место, то как обосновать самостоятельное место методологического знания в системе современного научного познания?

На наш взгляд, правильный подход к ответу на эти вопросы заключается в том, чтобы рассмотреть движение познания как **целостный** процесс, как нечто достаточно отграниченное и внутренне завершенное. Предварительно,

однако, необходимо остановиться на вопросе о структуре научного исследования.

4. Структура научного исследования

В соответствии со сказанным ранее, предмет методологии науки составляет внутреннее строение научно-исследовательской деятельности, рассматриваемой со стороны как ее содержания, так и организации.

Поскольку предметом методологии является научное познание в целом, постольку методология должна дать обобщенные характеристики научно-познавательной деятельности и построить расчлененное представление этой деятельности и ее компонентов. Чтобы получить такие характеристики, необходимы, естественно, соответствующие понятия.

С точки зрения методологии в целом центральными, на наш взгляд, являются понятия «познавательная ситуация», «объект исследования», «предмет исследования», «средства исследования», «эмпирическая область».

Первые два понятия являются наиболее общими методологическими понятиями. Говоря о *познавательной ситуации*, мы имеем в виду самую широкую характеристику как познавательной деятельности в целом, так и условий ее осуществления. Такое понятие, как нам представляется, позволяет охватить процесс научного исследования в его целостности и, с другой стороны, дает возможность осуществить необходимые расчленения, выделить составляющие целого, его связи и механизмы развертывания и развития. Характеристика познавательной ситуации как целого и выделение ее «внешних» связей позволяют, кроме того, рассмотреть данную ситуацию в более широкой системе развития научной дисциплины или даже науки в целом (что бывает необходимо в ряде методологических задач, при анализе становления и развития предмета той или иной науки).

Что касается состава этого понятия, то он включает в себя познавательную трудность, породившую данную ситуацию, т. е. разрыв между поставленной в науке проблемой и недостаточностью имеющихся для ее решения научных средств (по-видимому, вполне возможна классификация таких трудностей по различным основаниям), затем предмет исследования (понятие, требующее специального рассмотрения), требования к продукту, который должен быть получен

в результате исследования, и, наконец, средства организации и реализации научного исследования.

Приведенное расчленение не является, конечно, исчерпывающим, оно лишь намечает контуры области, охватываемой этим понятием. Но несомненно, что разработка его позволит выделить различные типы познавательных ситуаций, складывающихся в науке.

Объект исследования в методологическом смысле означает не просто внешнюю реальность (такое значение соответствует общепониманию, теоретико-познавательному значению понятия «объект»), а реальность, которая специально выделена и очерчена в своих границах наукой. Например, эволюция органического мира как реальность насчитывает многие миллионы лет, а объектом науки она стала лишь начиная с ближайших предшественников Ч. Дарвина, которые увидели в ней процесс, определяемый естественно-исторической необходимостью, и начали поиски ее объективных закономерностей и механизмов. Дарвин завершил эти поиски, построив научную картину эволюции как объекта изучения.

В выделении объекта исследования принимают участие методологические знания трех уровней. Философско-методологический анализ позволяет осмыслить сами процедуры определения объекта, при помощи которых осуществляется переход от объекта как непосредственно наблюдаемой реальности к собственно объекту исследования. Это достигается путем выявления устойчивых и необходимых связей явлений в данной области, отражаемых в определенных научных абстракциях (эволюция органического мира или история общества как естественно-исторические процессы). На этом же уровне методологический анализ помогает различить собственное содержание объекта, независимое от познающего субъекта, и познавательную форму, в которой выражено это содержание (понятие, суждение и т.д. как логические категории).

Общенаучные методологические принципы играют важную роль в характеристике типа объекта и конкретного способа определения его границ. Скажем, подход к объекту исследования как к системе предполагает выявление в нем определенной структуры, многообразных типов связей, способов взаимодействия с окружением и т.д. Наконец, специально-научный методологический подход позволяет включить данный объект в рамки определенной научной дисциплины

и таким образом сделать возможным его экспериментальное изучение, систематическое описание и т.п.

Превращение реальности или какого-то ее фрагмента в объект научного исследования не происходит автоматически. Всякий раз это процесс тесно связан с выдвижением определенной исследовательской задачи, научной проблемы. В самом деле, нельзя, оставаясь в рамках науки, говорить, скажем, о нациях вообще, наследственности вообще и т.п. как об объектах науки. Так, например, наследственность стала объектом изучения в генетике и молекулярной биологии лишь тогда, когда удалось сформулировать задачи, связанные со структурой, организацией и механизмами действия вещества наследственности.

Наличие реальной и достаточно строго зафиксированной исследовательской задачи в современной науке является чрезвычайно важным критерием для оценки обоснованности той или иной программы исследования. Это особенно относится к междисциплинарным исследованиям, в рамках которых решаются комплексные задачи. Здесь существенное значение приобретает максимально точная постановка проблемы, ибо от этого зависит сама возможность эффективной координации работы исследователей, привлекаемых к реализации программы.

Корректность и точность постановки научной проблемы и правильность выделения объекта изучения определяются адекватностью *средств исследования*. К ним относятся понятия, при помощи которых расчленяется объект изучения и формулируется исследовательская проблема, а также принципы и методы изучения объекта, исследовательские процедуры, многообразная экспериментальная техника, различные технические средства исследования. Очевидно, например, что без современных мощнейших технических средств были бы просто немыслимы работы в области ядерной физики, молекулярной биологии и многих других научных дисциплин.

Среди исследовательских средств особенно важная роль принадлежит фундаментальным понятиям науки, которые составляют основу всякого серьезного исследования и разработка которых непременно требует основательного философско-методологического анализа. Значительность таких понятий нередко оказывается скрытой от поверхностного взгляда, ибо после их введения в научную практику они кажутся само собой разумеющимися, очевидными. На самом же деле именно их создание определяет общий успех

исследования. Так было у К. Маркса, когда он выработал решающее методологическое средство научного анализа капиталистической экономики — понятие товара. Так было и у Эйнштейна, когда он ввел понятие относительности, которое сыграло кардинальную роль в построении современной физической картины мира.

Объект изучения, исследовательская задача, система методологических средств и последовательность их применения в своей совокупности создают особую познавательную конструкцию — *предмет исследования*. Это — одна из центральных категорий методологического анализа. Наука существует там и постольку, где и поскольку удастся построить предмет изучения во всей полноте его основных компонентов. Развитие науки может быть представлено как последовательное формирование и смена предметов изучения. Отсюда, в частности, вытекает, что предмет исследования — категория историческая. Это, впрочем, следует из того, что его существенный элемент образует исследовательская задача, и если она оказывается в принципе решенной, появляется необходимость выдвижения новой задачи и нового предмета исследования.

Предметы исследования могут очень заметно различаться по своим масштабам — от предмета целой отрасли науки до предмета конкретного научного исследования. При этом чем крупнее масштаб предмета, тем большую роль в его формировании играют философско-методологические положения, общенаучные методологические принципы. Это и понятно: предмет большого масштаба требует введения понятий и категорий высокой степени абстрактности, а это обычно связано с основательным философским переосмыслением существующей в науке системы понятий. Кроме того, подобного рода предмет, как правило, порождает множество более конкретных предметов исследования, по отношению к которым он выполняет методологические функции.

Здесь следует специально отметить вопрос о различении объекта и предмета исследования. Обычно в научной практике не различают понятия «объект» и «предмет» исследования. Более того, во многих случаях отсутствие такого различения не создает серьезных препятствий на пути к достижению успеха исследования, подобно тому как в практике разговорной речи собеседники обычно вполне хорошо понимают друг друга, не отдавая себе отчета в том, что их речь подчинена сложной системе законов языка. Лишь на опре-

деленной этапе развития культуры возникает необходимость в специальном изучении законов языка. Точно так же лишь на определенном уровне развития науки становится необходимым ее методологический анализ, в частности различение объекта и предмета исследования.

В «рядовом» научном исследовании ученому нередко бывает достаточно «естественной» точки зрения на процесс научного познания: в этом процессе он видит противостоящие друг другу объект и исследователя, во взаимодействии которых добывается знание об объекте. Исследование, основывающееся на подобной схеме рассуждения, опирается на определенную систему знания, исходные положения которой представляются абсолютно бесспорными и выступают как очевидные факты самой действительности.

Например, одним из оснований ньютоновской физики было убеждение в том, что скорость движения не имеет предела и что, следовательно, воздействие одного тела на другое может передаваться с бесконечно большой скоростью. Это убеждение выступало не только как основание теории, но и как непосредственно очевидный факт действительности.

Развитие познания в таких условиях осуществляется как логически последовательное и достаточно строгое (по принятым критериям) развертывание исходных понятий, как систематическое накопление все новых эмпирических фактов и обработка их в духе соответствующей теоретической схемы. Иными словами, перед исследователем не возникает вопроса о том, каков объект на самом деле, в отличие от существующего знания о нем. Система знания представляется совпадающей с объектом: объект таков, каким его рисует знание.

Такое понимание познания и его результатов правомерно и до известной степени даже необходимо. Эта необходимость основывается на двух фактах. Во-первых, всякая система научного знания непременно содержит в себе относительную истину и, следовательно, в той или иной мере согласуется с законами самого объекта, отраженного в этой системе. Во-вторых, основная масса знаний применяется и должна применяться, так сказать, автоматически, без специального размышления по поводу их истинности, их соответствия объекту. В огромном большинстве случаев истинность того или иного знания должна приниматься как факт, иначе его употребление окажется не только затрудненным, но и практически невозможным. Чтобы быстро писать или

читать, надо прежде всего научиться «автоматическому» умению воспроизводить знаки алфавита и «складывать» их в слова, не задумываясь при этом над тем, как пишутся эти знаки и слова. Нечто аналогичное происходит и в подавляющем большинстве познавательных операций: они должны осуществляться без рассуждений в каждом случае об их познавательной природе.

Однако развитие научного познания никоим образом не совпадает с процессом использования «готовой» системы знания. Это развитие не может быть представлено и как «плавный» процесс непрерывного накопления новых фактов и обобщений на основе раз навсегда данной исходной системы понятий. В развитии каждой науки наступает период, когда в ней система знания начинает «давать перебои», перестает «работать» с прежней безотказностью. В системе знания обнаруживаются парадоксы. Их возникновение является первым сигналом к анализу самого знания, т.е. к методологическому анализу процесса получения знания.

Парадоксы могут быть различными по своей природе. Например, существующая система знания может разрастись настолько, что ее применение станет весьма затруднительным, сложным. Так было, в частности, с системой Птолемея в астрономии. Ее истинность (в том числе истинность ее основного положения, гласящего, что Солнце вращается вокруг Земли) долгое время ни кого не вызывала сомнений, а получаемые на ее основе предсказания астрономических событий согласовывались с опытом: когда же обнаруживались отдельные противоречия, их устраняли путем некоторого усовершенствования системы (введения новых эпициклов). Однако со временем система Птолемея настолько обросла усовершенствованиями, что пользоваться ею стало исключительно трудно. Это и послужило поводом для поисков новой системы. Когда Коперник построил такую систему, он положил в ее основание идею гелиоцентризма, выдвигавшуюся еще до Птолемея, но обоснованную именно Коперником, а подтвержденную уже после него.

Второй тип парадоксов в системе знания связан с накоплением в науке новых фактов и экспериментальных данных. В определенный момент существующая система знания перестает выступать как средство, объясняющее основные факты, которые накоплены в эмпирической сфере соответствующей науки. Теория и действительность расходятся. Такая ситуация сложилась в биологии накануне создания Дарвином теории

происхождения видов, устранившей этот парадокс. Нечто подобное происходило в советской психологии в 20-е годы, когда многие психологические концепции строились на убеждении, что психическая деятельность может быть сведена к физиологическим реакциям, лежащим в ее основе. Однако целый ряд фактов (прежде всего относящихся к проблемам усвоения знаний и развития психики) не мог быть объяснен с этих позиций и тем самым оставался за пределами теории. Это несоответствие было устранено в концепции Л.С.Выготского, который исходил из социальной природы психики человека и искал специфически социальные пути ее формирования.

Наиболее резкое выражение парадоксы находят в тех случаях, когда развитие науки приводит систему знания к внутренним противоречиям: экспериментальные данные допускают лишь такое объяснение, которое противоречит некоторым основным положениям теории, подтвержденным на практике. Так произошло в классической механике после опыта Майкельсона с измерением скорости света и установлением независимости этой скорости от движения Земли. Лишь теория относительности Эйнштейна позволила устранить этот парадокс, дав объяснение опыту Майкельсона с позиций новой, релятивистской механики и одновременно показав, что классическая механика есть особый, предельный случай релятивистской механики, сохраняющий свое соответствие действительности при относительно небольших скоростях движения, но утрачивающий это соответствие при скоростях, близких к скорости света.

В реальном развитии науки разные типы парадоксов обычно выступают не в «чистом», а в «комбинированном» виде. Иными словами, та или иная система знания оказывается недостаточной или даже несостоятельной сразу по нескольким причинам.

Во всех рассмотренных выше примерах речь шла об особых ситуациях в развитии научного познания — о так называемых переломных точках развития той или иной научной дисциплины. Если поставить вопрос в самой общей форме — что меняется в этих точках, объект или знание о нем, — то ответ будет очевидным. Разумеется, меняется знание (мы не говорим о случаях, когда существенное изменение объекта приводит к созданию нового знания о нем: в подобных случаях перелом определяется именно изменением изучаемого объекта). Но такой ответ фиксирует лишь результат

познания, оставляя в стороне вопрос о том, как достигается этот результат, иными словами, какова структура процесса научного познания. Вместе с тем очевидно, что без раскрытия этой структуры нельзя понять «технология» познавательной деятельности, выявить внутренние закономерности процесса создания новых крупных открытий и теорий, составляющих значительные вехи в развитии познания действительности.

Единственный реальный путь, открывающий возможность проанализировать структуру процесса познания, состоит в том, чтобы конкретно выявить природу «тупиков», возникающих в развитии той или иной науки.

Пытаясь решить эту задачу, мы очень быстро убеждаемся в том, что понятия «объект» и «знание» явно недостаточны для уяснения сути дела. Мало помогает здесь и понятие «субъект», если подразумевать под ним индивидуального исследователя, — ведь нельзя же ограничиться просто констатацией того, что один ученый оказался гениальнее другого, если мы хотим понять логические закономерности развития науки.

Противопоставления «объект — субъект» и «объект — знание» необходимы для решения коренных философских вопросов; однако этих противопоставлений недостаточно для характеристики процесса познания в отличие от его результата. Для восполнения этой недостаточности и появляется понятие «предмет исследования», которое позволяет выразить структуру процесса научного познания.

Понятие предмета исследования возникает в результате существенного уточнения понятий «объект» и «субъект» познания. Такое уточнение связано с признанием того, что субъектом познания является не исследователь-одиночка, а общество в целом. Лишь поверхностному взгляду представляется, будто познание есть размышление некоего Робинзона от науки, сидящего в тиши кабинета (или даже в современной научной лаборатории) и внезапно озаряемого светом интуиции. Конечно, индивидуальные способности (в том числе и интуиция) играют гигантскую роль в работе ученого. Но они далеко не исчерпывают всех условий процесса познания.

Ни один исследователь никогда не имеет дела с объектом «как таковым». Объект всегда определенным образом «дан» исследователю. Это значит, что ученый смотрит (и не может не смотреть!) на объект через призму существующего в настоящий момент знания. Уровень развития знания задает

основные компоненты модели действительности, «картины мира».

«Видение» объекта в каждом конкретном научном исследовании так или иначе подчинено этой картине, особенно ее наиболее общим и глубоким понятиям — философским категориям. Та или иная система категорий и определяет тот или иной тип, уровень видения мира, а следовательно, и данной конкретной области исследования. Система философских категорий в глазах ученого дополняется системой фундаментальных понятий соответствующей научной дисциплины.

Понятие предмета исследования по своему смыслу выражает зависимость всякого конкретного акта познания от существующей в данное время системы знания. Поскольку эволюция любой научной дисциплины представляет собой процесс постепенного изменения всех компонентов ее предмета исследования, каждая наука, взятая в своем развитии, выступает как многопредметная, т. е. как непрестанно меняющая свой предмет, хотя ее самая общая задача может оставаться неизменной (например, исследование сущности жизни в биологии).

Многопредметность в науке выступает и в другом смысле: один объект является часто предметом сразу нескольких разных исследований. Это особенно характерно для науки наших дней, когда фактически любой объект исследуется методами не одной, а одновременно нескольких наук. Если относительно одного и того же объекта построено одновременно несколько предметов исследования, то может оказаться, что они пересекаются друг с другом, оставляя в то же время «нетронутыми» некоторые существенные стороны объекта. В этих условиях возникает новая задача, по своему типу почти неизвестная науке прошлого: задача построения особой картины объекта, которая бы увязывала между собой предметы разных наук, изучающих данный объект. Иными словами, исследование объектов в рамках разных предметов должно быть подчинено более широкому, единому, многопредметному исследованию.

Такие задачи существуют, например, в современной биологии, в науках о Земле, практически во всех общественных науках. Скажем, построение современных эффективных моделей экономической системы требует обязательного обращения к неэкономическим факторам, в частности, к проблемам духовных (а не только материальных) потребностей

общества и личности, к разным (помимо материальных) формам стимулирования труда и т.д. Подготовка и обеспечение космического полета предполагает решение, кроме чисто технических, целого ряда иных задач — медико-биологических, психологических, организационных. Применительно к наукам о Земле требование комплексного (многопредметного) исследования условий существования и развития нашей планеты было сформулировано академиком В. И. Вернадским. Идеи Вернадского в последние годы интенсивно разрабатываются многими учеными, представляющими совокупность многообразных наук о Земле. Во всех подобных случаях либо существенно расширяется прежний предмет исследования, либо строится новый предмет, исследование которого возможно лишь комплексным путем. Проблема увязывания разных предметов исследования при решении общей задачи по своей природе является чисто методологической.

Таким образом, различие объекта и предмета исследования есть, по сути дела, различие между простым описанием внешней стороны научного познания и выявлением его внутренней структуры, его механизмов и логики развития.

В каком же контексте должно рассматриваться понятие предмета исследования, с чем непосредственно оно должно соотноситься? Нам представляется, что предмет исследования включает в себя ту действительность, с которой имеет дело исследователь: задачу, решаемую в данном исследовании (или в системе исследований), различные научные описания, составляющие содержание этой действительности, как она дана исследователю, исследовательские средства, которые уже имеются или еще только должны быть построены для решения задачи, требования к продукту исследования, вытекающие из задачи и наличных средств, и, наконец, сам продукт исследования. Эта совокупность и составляет то, что можно назвать предметной действительностью — научной реальностью, в которой и с которой осуществляется исследование.

Так понятому предмету исследования естественно противопоставить не объект, а понятие *эмпирической области* — совокупности научных фактов и описаний, на которых разворачивается предмет исследования.

Вместе с тем становится более очевидной и специфически методологическая проблематика, возникающая в этой связи: как, по каким законам строится предмет исследования и

соответствующая ему эмпирическая область, каковы законы разворачивания предмета и т.д.?

5. Методологическая характеристика процесса научного исследования

Итак, мы рассмотрели структуру, состав научного знания с методологической точки зрения. Теперь можно обратиться к вопросу о методологических отличиях отдельных этапов исследовательского движения. Как уже отмечалось, движение познания выступает как целостный процесс. Говоря более конкретно, рамки такой целостности можно ограничить точками от выдвижения проблемы до построения теории (в широком смысле слова). В этих границах методология выступает как момент всего процесса, и функцией ее является организация этого процесса, определение его направления и форм. Характерными точками при реализации этой функции можно считать постановку проблемы, построение и обоснование предмета исследования, построение теории в рамках этого предмета и проверку полученного результата с точки зрения его истинности. (Процесс, конечно, можно рассматривать и за этими пределами, но тогда теория уже выступает как элемент другой целостности.) В каждой из этих точек методология играет разную роль.

Говоря о постановке проблемы, следует иметь в виду прежде всего то, что она отнюдь не тождественна простому формулированию вопроса относительно определенной реальности. Любая подлинно научная постановка проблемы органически соединяет в себе два момента: обнаружение неполноты сложившегося знания в соответствующей области и, хотя бы в самом общем виде, подход к способу преодоления этой неполноты. Иными словами, проблема должна, с одной стороны, фиксировать пробел, обнаруженный в системе знания, а с другой стороны, определить направление, на котором этот пробел может быть преодолен. Именно на этом этапе чаще всего совершаются методологические ошибки, приводящие к выдвижению псевдопроблем или существенно затрудняющие получение результата.

При постановке проблемы основная методологическая нагрузка падает на критическую рефлексию, позволяющую обнаружить изъяны в системе знания об определенной реальности, и на поиск нового подхода, новой точки зрения на эту

реальность. Здесь работа исследователя носит по преимуществу методологический характер и осуществляется главным образом в рамках двух первых уровней методологического анализа. Соответственно и эффективность деятельности исследователя измеряется прежде всего методологическими критериями. Значение этого момента особенно возрастает в науке наших дней, когда от правильной постановки проблемы зависит экономическая эффективность весьма значительных капиталовложений, а нередко также организационный, политический, военный и т. п. успех целых государств.

Методологические моменты продолжают преобладать и при построении и обосновании предмета исследования. Эта часть процесса представляет собой, по существу, развертывание проблемы, организацию ее в форму системы понятий, средств и методов исследования, а тем самым — включение ее в систему существующего научного знания. Но вместе с тем — это не чисто умозрительное движение: формирование предмета исследования невозможно без формирования адекватного ему предметного содержания. Вот здесь именно и происходит слияние методологии с содержательной стороной процесса познания. Движение в плоскости методологии позволяет получить каркас, форму предмета исследования, а движение в плоскости содержания (т.е. исследуемой реальности) дает собственно предметную область.

В ходе построения предмета методология как бы корректирует работу исследователя. Она побуждает его систематически «оглядываться» на проделанную работу, критически оценивать предмет изучения, его полноту, взаимную согласованность его компонентов. Пока предмет находится в стадии построения, методологический анализ способен помочь в выявлении возможных ошибок или ложных ходов исследовательской мысли. На этом этапе исследователю приходится преодолевать два основных типа трудностей.

Во-первых, добиваться, чтобы используемые им методологические средства соответствовали исследовательской задаче. Игнорирование этого требования иногда приводит к тому, что исследователь безуспешно стремится, например, применить математический аппарат к решению проблемы, которая поставлена в форме, делающей это бессмысленным. Во-вторых, очень часто исследователь не может ограничиться имеющимися средствами и вынужден строить новые, специально приспособленные для решения данной задачи. Это могут быть новое понятие, новый прибор, новый метод

обработки данных и т. п., причем создание такого средства выступает как решающее условие успеха всего исследования. Галилей, например, открыл закон свободного падения тел только после того, как построил модель движения тела по наклонной плоскости. Для В. И. Вернадского решающим условием создания концепции биосферы оказалось формулирование самого понятия биосферы. В современной физике элементарных частиц построение каждого нового предмета изучения во многом зависит от совершенствования техники эксперимента.

Если говорить о двух следующих этапах исследования — построении теории и проверке полученного результата, то для этих этапов на передний край выступает уже движение по предметному содержанию, включая необходимый набор эмпирических исследований и экспериментов, за методологией же остается функция корректировки движения исследователя. В каждой научной дисциплине существуют свои традиции, критерии и требования к теориям, методы и процедуры проверки данных. Их мы специально рассматривать не будем; заметим лишь, что эти традиции, конечно, вовсе не неизменны, но на каждом данном этапе развития научной дисциплины они все же достаточно устойчивы.

Научное исследование не могло бы называться научным, если бы за ним не стояла содержательная и напряженная работа мысли — если бы, иными словами, оно представляло собой простую реализацию методологических норм и предписаний. Научное познание, как и всякая творческая деятельность, в качестве своего исходного и неперемennого условия предполагает высокую концентрацию определенных личностных качеств исследователя — силы и гибкости ума, критичности и последовательности мышления, глубины и оригинальности воображения, умения трезво оценивать ситуацию и еще много других.

Таким образом, методология сама по себе не выполняет и не может выполнять в науке роль своего рода спасательного круга, и это несколько не умаляет ее роли. В частности, любая методология оказывается абсолютно бессильной в двух ситуациях: когда проблему пытаются решить за счет одной только методологии, не выполнив работы по построению адекватного проблеме предметного содержания (например, «просто» прилагают системный или какой-то иной подход к некоей реальности), и когда новую методологию чисто внешним образом накладывают на предметное содержание,

уже построенное ранее по законам другой методологии. И наоборот, методологические средства оказываются эффективными только тогда, когда они начинают выступать в качестве исследовательских орудий, при помощи которых удастся достигнуть выражения и формирования нового предметного содержания. При этом их эффективность самым прямым образом зависит от того, насколько это построенное исследователем предметное содержание адекватно как приемлемым методологическим средствам, так и исследуемой реальности.

Анализ уровней современного методологического знания, отношения собственно философской методологии и других уровней в реальной системе развивающегося знания, независимо от того, какие конкретные цели в каждом случае преследует такой анализ — неизбежно выводит нас в область более широкой и самостоятельной методологической проблемы соотношения науки и философии. Подтверждением тому является уже текст настоящей главы. И это естественно, ибо проблема соотношения философии и науки, традиционная для обеих этих областей духовной культуры, не могла не обнаружиться себя, коль скоро предметом нашего внимания стала система научного знания в ее логических и исторических аспектах.

Глава третья

ОТНОШЕНИЕ ФИЛОСОФИИ И НАУКИ КАК МЕТОДОЛОГИЧЕСКАЯ ПРОБЛЕМА

1. Наука в теоретическом самосознании нового времени

Тема отношения философии и науки имеет множество самых различных сторон. Это и вопрос о «мере научности» в философских построениях, и проблема достоверности философского знания, и специфика доказательства в философском споре, и вопрос о взаимовлиянии философии и специальных наук и т.д. В известном смысле над всеми этими проблемами стоит вопрос о том, как, в каком социально-культурном контексте возникает само различие и даже противопоставление философии и науки.

Хорошо известно, что такое противопоставление становится предметом систематических обсуждений со второй половины XIX в., хотя отдельные мыслители формулировали его значительно раньше". Это, конечно, нельзя считать случайным: видимо, именно к концу XIX в. стало обнаруживаться различие социально-культурных функций философии и науки, а вместе с ним — и различие соответствующих типов знания. Само это различие, однако, уходит своими корнями

" В частности, оно нашло достаточно резкое выражение у Б. Паскаля и С. Киркегора. Если же сформулировать тезис в более мягкой форме и говорить не о противопоставлении, а о несовпадении философского и научного знания, то в таком виде проблема была очевидна практически всем крупным исследователям Нового времени; именно это несовпадение послужило основой дуализма картезианской и кантовской систем.

глубже, в начало эпохи Нового времени, когда возникла наука в современном смысле этого понятия, а вместе с нею утверждался тот тип культуры, который позднее, уже в XX в., получил название «новоевропейский».

В нашу задачу, естественно, не входит анализ всех особенностей этого типа культуры — мы укажем лишь те из них, которые, с одной стороны, определяли принципы отношений между наукой и философией Нового времени, а с другой стороны, положили начало расхождению этих двух форм знания и способов их построения.

Получив бурно развивающуюся экспериментальную основу, наука Нового времени очень быстро выступила в качестве решающего фактора развития всей культуры. И этому нисколько не противоречит тот факт, что вплоть до XX в. путь от науки к социальной практике оставался весьма извилистым, а занятия научной деятельностью в собственном смысле этого слова являлись уделом Немногих одиночек. Во-первых, решающие сдвиги в сфере экономики были непосредственно связаны с вполне конкретными научными достижениями. Во-вторых, как это ни парадоксально на первый взгляд, именно в условиях ограниченных рамок и масштабов развития науки, отсутствия непосредственной включенности ее как целого в социально-экономический механизм открывалась возможность рассматривать роль и функции науки «в чистом виде», с точки зрения, так сказать, имманентного вклада науки в общий фонд мировой культуры, с точки зрения ее еще не раскрытых положительных потенций. В этом смысле наука, несущая, по мнению большинства мыслителей того времени, свет разума, выступала как антитеза всем коренным порокам и недостаткам социальной действительности; свет просвещения и образования выступал в качестве действенного оружия против невежества и безнравственности.

Поэтому нет ничего удивительного в том, что наука заняла ведущее место в теоретическом самосознании эпохи Нового времени. Если рассматривать культуру этой эпохи в целом, то можно сказать, что для нее наука выступала в качестве высшей ценности, на которую так или иначе ориентировалось и подавляющее большинство философских школ и направлений. Здесь надо, правда, оговориться, что при рассмотрении собственно философии такая характеристика была бы неточной: внутри философии уже наметились расхождения в типе ориентации между большинством философских систем и такими, например, построениями, как

концепции Б. Паскаля или Ж.-Ж. Руссо. Понятно, что иррационалистическая философия была далека от восторженного отношения к науке. Но, во-первых, и негативный пафос не был связан, как правило, с полным отрицанием науки как таковой и ее места в системе культуры. Во-вторых, говоря об ориентации на науку, мы имеем в виду в данном случае преобладающие ценностные характеристики типа культуры, взятого в основных направлениях и тенденциях его развития, а в этом плане именно рационалистическая философия наиболее точно выражала суть дела.

Господство такой ориентации было связано еще с двумя важными обстоятельствами. Первое из них заключается в том, что, хотя наука уже обнаружила свою мощь, ее реальное влияние на социальный прогресс было далеко не всесторонним. В этом смысле наука представляла собой относительно автономный социальный институт, весьма специфический для соответствующего типа культуры, но вместе с тем его фактические связи с другими социально-культурными формами (за исключением, пожалуй, производства в узком смысле этого слова) прорисовывались пока лишь эскизно, скорее в виде оптимистически окрашенных потенций. Эта относительная независимость науки создавала возможность нравственного и ценностного оптимизма в отношении к науке, который столь характерен для всей рассматриваемой эпохи.

Второе обстоятельство связано с духом своеобразного *активизма*, деятельностного подхода, начавшим утверждаться в европейской культуре с эпохи Реформации. С точки зрения сравнительно-типологического анализа этот дух столь же специфичен для европейской культуры, как и факт становления и развития науки в современном смысле этого слова. И вполне естественно, что эти две особенности сопутствуют друг другу: именно *деятельность* выступала в качестве реальной движущей силы всего развития культуры (притом деятельность не в форме репродукции заданных структур, а в форме активности, ориентированной вовне, на преобразование внешней человеку действительности); вместе с тем рациональный характер ориентированной таким образом деятельности и ее ближайших целей закономерно выдвигал науку (а может быть, даже и порождал ее) в качестве фактора разумной организации деятельности и конструирования ее все более многообразных форм и способов. В этом смысле нельзя считать случайным тот факт, что как раз в социальной

практике Нового времени сложилась деятельностная концепция культуры, фактически пронизывавшая все философские и социально-теоретические системы той эпохи, но наиболее отчетливое выражение получившая в немецкой классической философии, особенно у Фихте и Гегеля. И столь же естественно, что дух активизма в большинстве случаев смыкался с духом научности (хотя, конечно, нельзя не отметить, что такая «смычка» не была повсеместной, — достаточно вспомнить философию романтизма или концепции типа руссоистской, делавшие упор на нравственной проблематике). Такое соединение, безусловно, усиливало ценностную ориентацию философии на науку.

Был еще один момент, глубоко объединявший научное и философское мышление Нового времени: *субстанциональность* его типа или стиля, возникшая еще в античности, но непосредственно унаследованная от средневековья и взятая от него в заметно модифицированном виде. Перенесенный на почву науки, этот момент лишился мистической окраски, приданной ему схоластами и алхимиками², а в методологическом плане соединился с атомизмом или, точнее, элементаризмом. Все научные дисциплины этой эпохи исходили из существования некоей единой и элементарной первоосновы в изучаемой сфере действительности, причем, с одной стороны, эта первооснова полагалась глубоко скрытой в недрах вещей, а с другой — она, в соответствии с реальными ориентирами тогдашней науки, трактовалась обычно принципиально механистически (например, в виде сил или невесомого эфира). На субстанцию и ее свойства опиралось, по сути дела, всякое научно-теоретическое объяснение, она выступала в качестве руководящего методологического принципа стратегии научного исследования.

Руководящим и основополагающим принципом субстанциональность была и в философии Нового времени. В системах Декарта, Спинозы и Лейбница субстанциональный подход выступает настолько рельефно, что здесь не требуются какие-то дополнительные комментарии. Эта линия не утрачивается, а лишь изменяется по своему содержанию и углубляется в связи с тем переходом, который совершился с

² Очень примечательно в этой связи, что сама эта мистическая окраска была продуктом вполне определенной трактовки деятельности. В частности, В.Л.Рабинович убедительно показал, что деятельность средневекового ученого органически соединяла в себе элементы «действия» и «священнодействия» [34], [35].

утверждением немецкой классической философии и который можно назвать переходом от онтологизма к гносеологизму³. Для этой стадии, когда на первом плане в философии стояли онтологические проблемы, субстанциональность выражалась в стремлении отыскать субстанцию бытия «как такового». Но теперь это были не наивные в своей умозрительности попытки древних, а искания, подчиненные пафосу непрерывно множасьшихся достижений науки. В это время философская онтология, пожалуй, впервые начала строиться как продукт обобщения успехов познания в специальных науках, как синтетическая картина научного мышления своей эпохи. Правда, поскольку такие попытки оставались исключительно в плоскости онтологии, они довольно быстро привели к вырождению последней в натурфилософию с ее плоскими и весьма сомнительными по своей научной значимости сентенциями. Нужно, однако, заметить, что именно субстанциональный подход в сфере онтологии сделал возможной резкую постановку в современной форме проблемы, являющейся, по определению Ф.Энгельса, основным вопросом философии.

Что касается систем, ориентированных на гносеологическую проблематику, то в них субстанциональность выступала не менее отчетливо и ясно. Понятно, что поскольку главным предметом анализа оказывалось познание, постольку в качестве субстанции не мог рассматриваться мир объектов. Первооснова всего сущего усматривалась в так или иначе понятой активности познающего субъекта. Наиболее последовательное выражение эта линия получила в системах Фихте и Гегеля: Фихте впервые возвел на уровень субстанции деятельность и на этой основе построил самую грандиозную, пожалуй, систему, проникнутую духом активизма; Гегель же, пытаясь реализовать объективно-логический подход к деятельности, сформулировал тезис о субстанции-субъекте, посредством которого он выражал идеи тождества мышления и бытия, совпадения логики, гносеологии и онтологии. Нужно подчеркнуть, что этот второй тип субстанциональности сыграл важную роль в конструировании наук о духе в качестве самостоятельных областей современного научного знания. Достаточно сослаться на роль идеи деятельности (тракуемой как субстанция) в становлении научной психологии, современного языкознания, социологии.

³ Более подробно этот вопрос рассмотрен в главе I.

Все эти моменты решающим образом отразились на трактовке в Новое время отношения философии и науки. Требование научности философии было основополагающим и, как правило, не вызывало никаких сомнений. В соответствии с этим философия находила свое законное место в единой системе научного знания. Сами границы между философией и наукой были в значительной степени размытыми, и, как правильно отмечает Т. И. Ойзерман [31, с. 144-147], комментируя известное рассуждение Гегеля, многие теоретические изыскания в специальных науках зачислялись по ведомству философии: свою классификацию растений К. Линней назвал «Философией ботаники», а Ж. -Б. Ламарк озаглавил свой труд «Философия зоологии». Этому соответствовал идеал превращения философии в строгую науку, построенную по тем же принципам, что математика или механика⁴¹, идеал, который в непосредственной форме пытался реализовать даже такой глубокий мыслитель, как Спиноза. Отсутствие у философии достаточной строгости воспринималось как ее временная слабость, порожденная неравномерностью развития науки и безусловно преодолимая в сравнительно близком будущем.

Стремление к строгости, к получению выводов, равноценных по силе законам науки, находило свое яркое выражение в системосозидательном характере философии. Сама эта черта, правда, была унаследована не столько от науки Нового времени, сколько от предшествующей философии. Но если раньше системность философии была синонимом организованности и законченности философского знания (которое выступало как высшее, подлинное знание), т. е. соответствовала ситуации, когда философия в себе самой содержала эталон логической организации, то теперь этот эталон выносился за Пределы философии. Классическое естествознание убедительно показало, что в опоре на опыт могут добываться объективные истины, организуемые в стройную систему; еще большую, просто поразительную организо-

⁴¹ Здесь, кстати, необходимо отметить то обстоятельство, что научный идеал философии на самом деле был не единым, а двойственным: если философия эмпиризма ориентировалась на опытное естествознание, основу которого составлял экспериментальный метод, то рационализм считал эталоном математику и свойственный ей способ организации знания. Однако для нас существенно то, что в обоих случаях такой эталон выносился за пределы собственно философии, в те сферы знания, которые обнаруживали завидную способность к быстрому развитию и к совершенству формальной организации.

ванность демонстрировало математическое знание. Поэтому господствующим стало стремление приблизить философское знание с точки зрения его достоверности к естественно-научному или к математическому знанию.

Это не значит, конечно, что философия превратилась в простое средство восхваления науки и растворилась в ней в качестве одной из не очень приметных и почитаемых форм. В большинстве случаев даже те школы и направления, которые безусловно ориентировались на науку и разделяли ее исходные установки, стремились сохранить специфический предмет философского анализа. Философия продолжала выступать как самосознание культуры. А поскольку средоточием нового типа культуры стала наука, постольку и философия развивалась прежде всего как самосознание науки. Это выражалось, в частности, в огромном преобладании методологической и гносеологической проблематики почти во всех философских школах и системах классического периода, причем гносеология мыслилась обычно как теория научного познания. Начиная с «Нового органа» Ф. Бэкона, философия систематически занимается проблемой научного метода и видит в этом одну из главных своих задач. Даже в тех случаях, когда, как это было у Декарта, она обращается к сферам, еще не ставшим объектом научного исследования (таким, например, как духовный мир человека), на первый план все-таки выступает вопрос о методе их изучения, т. е. о том, как обеспечить объективный результат анализа или, иначе, гарантировать «дух научности». И самая критическая (в смысле последовательности и глубины критики) в своем отношении к науке того времени философия Канта не утрачивает этого «духа научности». Напротив, именно благодаря этому кантовская система стала одним из наиболее глубоких выражений развитого самосознания науки и оказала значительное влияние на последующее развитие методологии самой науки.

Органическая взаимосвязь философии и науки в сочетании с общей схемой социального прогресса, как она рисовалась тогдашним мыслителям (по крайней мере, большинству из них), делала вполне естественным тот факт, что в качестве социального идеала для всех значительных философских систем выступало Просвещение. И это лишний раз свидетельствовало о безусловной ориентации философии на науку как на самое эффективное средство решения всех социальных и человеческих проблем. Чтобы завершить характеристику классической эпохи в рассматриваемом нами плане, следует

указать на еще одно весьма существенное обстоятельство. Именно в Новое время и именно на основе развития и специализации науки начало складываться и усугубляться различие двух типов мышления — специально-научного и спекулятивно-философского. Это различие особенно сильно было подчеркнуто в дуалистических системах Декарта и Канта. Первый из них зафиксировал принципиальную несводимость материальной и духовной субстанций и таким образом фактически подошел к выводу (этот вывод за него сделали его последователи) о невозможности построить познание на единой субстанциональной основе. Кант пошел дальше и наряду с различием чистого и практического разума впервые отчетливо указал на различие норм, регулирующих каждый из этих двух типов мыслительной деятельности.

Хотя нельзя считать, что картезианская и кантовская системы воплотили все особенности философии своей эпохи, тем не менее заключенная в них постановка вопроса о несводимости философского и конкретно-научного познания оказалась очень важной для последующего развития философии. Она не только зафиксировала факт наметившейся дифференциации двух видов познания действительности, но указала на различие предметных областей, соответствующих каждому из них. Философия еще не выводилась за пределы науки, но уже была поставлена в отношение известной оппозиции к наличной совокупности конкретно-научного знания. Это особенно характерно для системы Канта, где наука рассматривается не только «изнутри», со стороны принимаемых ею философско-методологических оснований, но и «извне», со стороны ее отношения к нравственно-гуманистической проблематике. Можно утверждать, что сознательным различием этих двух аспектов проблемы Кант заложил основания для многих современных подходов к вопросу об отношении философии и науки.

Правда, в условиях сохраняющейся и даже развивающейся ориентации на науку зафиксированная им суверенность философского мышления получила весьма своеобразную интерпретацию: поскольку философия все-таки не выводилась за рамки науки, но в то же время и не сводилась к конкретным наукам, постольку специфика ее статуса в системе знания на протяжении длительного времени выражалась в тезисе о философии как науке наук. Двойственность положения философии, вытекавшая из этого тезиса, с наибольшей, пожалуй, силой была подчеркнута в гегелевской системе.

2. Трансформация представлений об отношении науки и философии

Отношения между наукой и философией начали меняться в конце XIX в. Мы не будем проследивать эти изменения в исторической последовательности, а ограничимся схематическим перечислением их результатов в той мере, в какой они повлияли на трансформацию представлений об отношении науки и философии. Это тем более целесообразно, что о некоторых существенных сторонах процесса такой трансформации уже шла речь в предыдущем изложении.

Изменились прежде всего место науки в обществе и ее роль в социальном процессе. С одной стороны, в науку вовлекались все новые и новые объекты изучения; вместе с тем начал заметно сокращаться путь от науки к практике, благодаря чему научные достижения стали определять не только перспективы развития производительных сил, но — во все большей мере — и текущую социальную конъюнктуру. Когда эта тенденция, уже в XX в., стала всеобщей, марксистская социальная мысль охарактеризовала ее как превращение науки в непосредственную производительную силу, опираясь при этом на теоретическое предсказание, задолго до наших дней сделанное К. Марксом.

С другой стороны, по мере расширения и углубления влияния науки на общественную жизнь все более обнаруживалось, что наука отнюдь не универсальна и всемогуща в своих возможностях воздействия на социальную действительность. Чем больше наука раскрывала свои реальные потенции, тем более очевидным становилось, что сама по себе она является лишь одной из форм культуры как целого, что она служит лишь средством (и опять-таки не единственным) видоизменения и преобразования общественной жизни, что научные достижения не обязательно в каждом случае дают позитивный эффект.

К началу XX в. ряд направлений философии начинает решительно отказываться от ориентации на науку и пытается отыскать первооснову человеческого бытия в других формах культуры (речь, разумеется, идет о тех направлениях, которые генетически выросли из ориентации на науку, а не о религиозно-философских системах, которые всегда отводили науке подчиненную роль в социальной жизни). Этот процесс не носил всеобщего характера: в некоторых школах (прежде всего в различных направлениях неопо-

зитивистской философии) ориентация на науку, напротив, принимает еще более жесткий характер, поскольку признается, что естественно-научное знание является эталонным с точки зрения его логической организации. Еще раньше отдельные мыслители (главным образом представители религиозно-философских направлений) позволяли себе скепсис в оценке науки и ее возможностей, но теперь отношение к науке становится одним из главных пунктов дифференциации философских школ и направлений. Именно по этому пункту буржуазная философия распадается на сциентистские и антисциентистские течения.

Факт заметного изменения типов ориентации буржуазной философии отражал зачастую не только изменение социально-культурного статуса науки, но и более глубокие процессы, охватившие культуру в целом. Ориентация на науку могла выступать в качестве ведущей лишь постольку, поскольку сама наука выступала в качестве всеобщего эталона восходящего движения буржуазного общества, поскольку она, следовательно, могла претендовать на роль фактора интеграции всей культуры. Кризис, охвативший общество на рубеже XIX—XX вв., существенно изменил ситуацию. Культура все более осознавалась как особого рода целое, различные компоненты которого связаны друг с другом весьма сложными связями. А поскольку культура буржуазного общества покоится на антагонистических началах, постольку и ее формы стали обнаруживать разные, даже противоположные направления движения и взаимную оппозицию. Одним словом, за тем или иным пониманием отношения философии и науки стоял вопрос о существенно различных способах формирования мировоззрения в условиях кризиса культуры, о различных путях достижения подлинной целостности культуры и, следовательно, о различном понимании предмета и направленности философского размышления.

Обнаружившееся отсутствие единства культуры и разнонаправленный характер развития ее различных компонентов привели к утрате социального оптимизма. Одной из причин такого поворота в настроениях явилось постепенное изменение роли деятельности как «культурообразующего» фактора: первоначальный просветительский активизм все более вытеснялся активизмом техникстским; деятельность все более переставала быть субстанцией культуры и сама требовала обоснования. Все это привело к подрыву авторитета прин-

ципа деятельности, к попыткам искать недеятельные начала культуры.

Деятельность, видимо, оказалась последней сущностью, которой еще можно было приписать статус субстанции в традиционном философском понимании этого термина. Во всяком случае, после того как она была развенчана в этом качестве, начался почти повсеместный отказ от субстанциональности в философии (отметим, что нечто аналогичное в то же самое время начало переживать и научное мышление, хотя здесь эта тенденция приняла более сложные формы и получила отчетливое выражение несколько позднее, в 30-40-е годы). Теперь уже почти никто, за исключением направлений, тяготеющих к традиционной метафизике, не ищет единой первоосновы всего сущего; каждая школа анализирует лишь ту сторону реальности, в которой видит средоточие кризиса культуры, обычно сознавая при этом частичность поля своего анализа.

Естественным результатом всех этих трансформаций явилось растущее расхождение науки и философии (в лице подавляющего большинства ее направлений на Западе) с точки зрения как исследуемых ими предметных областей, так и исходных принципов организации. Уже в 20-е годы значительное влияние получают направления, рассматривающие науку как силу, враждебную человеку. Так расхождение науки и философии превращается в их прямое противопоставление, и на поверхность выходят антисциентистские течения, долгое время остававшиеся в тени и не оказывавшие серьезного влияния на опорные точки историко-философского процесса. Как известно, антисциентистскую позицию наиболее последовательно провел экзистенциализм, особенно в своем религиозном варианте.

Но картина, конечно, была бы неполной, если бы мы еще раз не подчеркнули, что в современной философии наряду в открыто антинаучными существуют и направления, однозначно ориентирующиеся на науку (таков, в частности, неопозитивизм), а между двумя этими крайними позициями располагается целый ряд промежуточных⁵¹.

⁵¹ В работах советских философов, в частности В. С. Швырева и Э. Ю. Соловьева, убедительно показано, что экзистенциализм и неопозитивизм, в сущности, одинаково толкуют в теоретическом плане отношение философии и науки, но расставляют в этом толковании противоположные знаки.

Таким образом, отношение философии и науки получает в современной философии весьма различную интерпретацию. Сам факт множественности точек зрения свидетельствует, несомненно, о большой сложности проблемы и предостерегает от слишком поспешных и прямолинейных выводов. В самом деле, проще всего было бы, наверное, ограничиться утверждением безусловной принадлежности философии к науке вообще, а все бурные споры сциентизма и антисциентизма отнести на счет извращений со стороны современной буржуазной философии. Но такой подход игнорировал бы тот факт, что эти споры отражают реальные моменты современной социально-культурной ситуации, иначе говоря, возникновение вопроса об отношении науки и философии имеет под собой глубокие основания как социально-культурного, так и методологического порядка.

Особая острота всей проблемы определяется, с одной стороны, огромным ростом роли науки в жизни современного общества, а с другой — тем фактом, что наука не содержит внутри себя критериев социальной значимости ее результатов и потому может равно употребляться как на пользу, так и во вред человечеству. Социальная практика убедительно показывает, что развитие научно-технической революции постоянно сопровождается появлением все новых и новых проблем и конфликтов самого различного свойства, осмысливание этих конфликтов и заставляет философию сделать предметом размышления науку как целое, ее место в системе культуры. В принципе, такого рода функция является изначальной для философии, ибо философия всегда обращалась к проблемам, не покрываемым научным анализом, да и в самой науке она отыскивала такие проблемы, которые требуют, так сказать, Взгляда со стороны. Но ранее подобная оппозиция настолько стиралась в силу рассмотренных нами причин, что обычно она даже не была предметом осознания. Теперь же она стала насущной проблемой.

3. Различие конкретно-научного и философского типов знания

По-видимому, такие различия были в какой-то мере свойственны любому типу развития культуры, но вполне естественно, что они начинают становиться значимыми с тех пор, как наука превращается в автономную силу и разработка ее специфического инструментария делается во все большей

степени ее собственной задачей. На этой основе конкретно-научное познание формирует свои особые эталоны знания и его организации.

Вопрос об отношении философии и конкретных наук в какой-то момент оказался бы снятым, если бы расхождение этих двух типов знания приняло абсолютный характер, т.е. если бы обнаружилось, что они во всех существенных чертах подчиняются различным законам построения и организации. Сам факт существования проблемы заставляет сделать вывод, что дело обстоит не так. По-видимому, философия и наука не только разнятся в определенных важных моментах, но и имеют нечто глубоко общее в других, не менее важных моментах. Именно это и порождает методологический аспект вопроса об отношении философии и науки. Рассмотрим его подробнее, имея в виду, во-первых, сопоставление философского и конкретно-научного знания, а во-вторых, сопоставление действительности, изучаемой в философии и в конкретных науках.

Одна из важных особенностей философского знания становится очевидной на фоне сопоставления истории философии и истории научного познания, взятых в самом общем виде. Для любой естественной или гуманитарной научной дисциплины процесс ее развития выступает прежде всего как процесс накопления позитивных знаний. В определенных точках истории соответствующей дисциплины он дополняется более или менее радикальной сменой методов научного исследования. Наиболее адекватным выражением такой линии является тенденция к формализации, рано или поздно возникающая в развитии любой конкретной научной дисциплины и служащая одним из важнейших свидетельств методологической зрелости этой дисциплины. Во всех фундаментальных научных дисциплинах, за исключением математики, можно достаточно четко различить описательную и собственно теоретическую сферы. В первой из них главным принципом является объективность описания (в этом смысле характерно, что психология, например, стала превращаться в самостоятельную науку именно тогда, когда в противовес интроспекции в ней начали утверждаться объективные методы исследования)⁶¹. Для теоретической сферы в рассматриваемом нами плане особенно важна однознач-

⁶¹ Этот процесс убедительно обрисован, в частности, в работе И. Фресс [42].

ность теоретических выводов. Конечно, в процессе своего развития наука непременно проходит стадии, когда еще нет единой теории и ее функции выполняет определенная совокупность гипотез; но в перспективе такая ситуация является лишь моментом в развитии знания, поскольку строгое, в логически точном смысле этого слова, знание не допускает многозначности.

В развитии философии все эти моменты выглядят существенно иным образом. Ее историю нельзя представить только как историю последовательного разрешения возникавших проблем и накопления положительных знаний. Одна из специфических черт философии состоит в том, что в ней ряд проблем, будучи сформулированы много лет и даже веков назад, затем мигрировали из эпохи в эпоху, из системы в систему и до сих пор не получили однозначного решения. Более того, в постановке этих проблем последующее развитие философии нередко выявляло новые дополнительные трудности. К такого рода проблемам относится, например, сформулированная Декартом психофизическая проблема. Ее кардинальное значение неоспоримо, однако вряд ли можно определить ее историю как историю ее разрешения. Скорее наоборот, развитие самой философии и других наук открыло новые трудности и парадоксы в этой проблеме. Другим примером подобной проблемы может служить та, которую Ф.Энгельс охарактеризовал как основной вопрос философии: она возникла еще в античной философии, но продолжает существовать и по сей день, выступая именно в качестве основного вопроса философии, разделяющего материалистическую и идеалистическую линии. Конечно, нужно учитывать, что тот или иной подход к решению основного вопроса философии, определяется не только познавательными, но и идеологическими (прежде всего классовыми) соображениями. Однако обе борющиеся линии в философии для доказательства правильности своего решения оперируют по преимуществу логическими аргументами, а не простыми ссылками на идеологический интерес. Видимо, дело здесь в самой природе проблемы, заставляющей философов вновь и вновь возвращаться к ее постановке.

Разумеется, нельзя абсолютизировать эту сторону философского знания. В истории философии получено немало позитивных и бесспорных результатов, и современный философ не может не учитывать того, что было открыто, скажем, Аристотелем или Декартом. Но все же для философии ха-

рактерно то, что в ней всегда есть совокупность проблем, которые относятся к области предпосылок всякого мышления, его исходных постулатов и антиномий и в конкретных формах решения которых немалую роль играет выбор, совершаемый под руководством внелогических соображений — классовых, нравственных, ценностных и т.д.

По-видимому, это объясняется той фундаментальной особенностью, которая отличает философское знание от всех других видов знания и которая состоит в том, что философия специфически *теоретическими* средствами (и это обстоятельство определяет ее глубокую общность с наукой) выполняет *мировоззренческую* функцию (а этим определяется отличие философского знания от конкретно-научного и его близость другим формам мировоззрения — фольклорно-мифологической, нравственной и пр.)⁷¹.

Это значит, что прерогативой философии является формирование системы представлений, которая определяет роль и место человека в мире и тем самым задает совокупность исходных ориентиров, обуславливающих программу социального поведения человека, причем эта задача реализуется философией на основе теоретического отношения к действительности. Стремление к дискурсивному мышлению, к углубленному и логически отчетливому самосознанию достаточно резко отделяет философию от фольклорно-мифологической и других форм мировоззрения, которые, как показали исследования этнографов-структуралистов, опираются на вполне определенные ментальные структуры, но содержат их лишь имплицитно, не делая предметом специального рассмотрения. Именно теоретичность позволяет философии доходить до самых оснований мировоззрения. В то же время от

⁷¹ В данном случае едва ли нужно специально останавливаться на том, что результаты конкретно-научных исследований непосредственно как таковые не включаются в систему мировоззрения; они входят в нее лишь после определенной философской интерпретации, т. е. опосредуются философским анализом. Так, например, в мировоззрение не включаются в качестве его собственных элементов знания о структуре генетического кода или сведения о строении лунных пород. Научное знание становится элементом мировоззрения лишь тогда и постольку, когда и поскольку оно «спроектировано» на бытие человека и участвует в формировании его жизненной позиции. А такую проекцию дает как раз философский анализ, причем здесь не имеет значения, кем производится этот анализ — профессионалом-философом или человеком, не имеющим вовсе никакой философской подготовки: важен именно факт вполне определенной переработки и освоения конкретно-научного знания.

конкретно-научного мышления, для которого форма теории также является наивысшей, философское мышление отличается претензией на выдвижение и исследование «предельных оснований», т.е. таких представлений, которые выступали бы в качестве абсолютной предельной опосредствующей нормы всякого сознательного отношения к действительности. (Подробнее об этой проблеме см. [40], [47].)

Установка на выдвижение «предельных оснований», в явном или неявном виде присущая всякому философскому знанию, связана со стремлением к такому охвату человеческого опыта, который вместил бы в себя все богатство и многообразие отношения человека к действительности, к такому знанию о мире, которое включало бы представление о роли и месте человека, о «смысле жизни», о направленности мирового процесса и т. п. Конечно, не надо доказывать, что представления о «предельных основаниях» всегда носят конкретно-исторический характер, не являются раз навсегда данными, как не являются всегда одними и теми же «опорные точки» культуры. Напротив, для каждого типа культуры, для каждой формы общественного устройства существуют свои особые пределы и в связи с этим — свои проблемы (это, разумеется, не исключает возрождения некоторых проблем на протяжении целого ряда исторических эпох). Но поскольку такие проблемы существуют именно как проблемы, постольку теоретическому сознанию важно в таком виде их и зафиксировать. Человеческое бытие всегда проблематично, и не только на уровне частных задач, порождаемых житейской неустроенностью. Одна из специфических функций философии состоит как раз в том, чтобы выразить эту проблематичность теоретически, довести ее до уровня антиномии (если, конечно, таковая реально заключена в природе проблемы).

Все это и придает специфический вид философскому знанию и его развитию. Будучи по своему характеру теоретическим, оно не может принимать профетический вид и всегда нуждается в доказательности, в подчинении законам логики рассуждения и изложения. Но вместе с тем, поскольку философия охватывает не только действительность, уже освоенную наукой, а и всю культуру в ее целостности (в данном случае не столь важно, что такой охват далеко не всегда оказывается адекватным, — важна сама направленность), постольку содержание и организация ее собственных проблем отнюдь не сводятся к суммарной совокупности про-

блем специальных наук. Разумеется, отсюда не следует, что задачей философии является восполнение неполноты данной конкретной совокупности специально-научных знаний за счет не имеющих научного значения прорицаний. Дело здесь в другом: в том, что объект философского размышления не тождествен объекту специально-научного исследования, даже взятому в его совокупном виде.

Это особенно хорошо видно в тех сферах, где философский анализ близко подходит к проблематике, исследуемой специальными научными дисциплинами. Таковы, например, философские аспекты кибернетики или системного подхода. Возникающие здесь вопросы мы специально рассмотрим во второй части работы.

Обращаясь к проблемам, которые в известном смысле являются «вечными», затрагивающими коренные стороны человеческого бытия, философия неизбежно оказывается связанной природой этих проблем, и потому предлагаемые ею решения нередко ценны скорее постановкой вопросов, чем позитивным ответом на них. Даже в отношении к науке положительная задача философии во многом (хотя и не во всем) состоит в том, чтобы, двигаясь по логике проблем самой науки, дойти, так сказать, до исходных рубежей — до той точки, где возникает сам тип подобных проблем и где задается эта самая логика движения. Суть философского анализа заключается в отыскании проблематичности и ее истоков во всех сферах человеческого бытия. И философия вынуждена вновь и вновь возвращаться к «вечным» проблемам постольку, поскольку они вновь и вновь обнаруживают свою неисчерпаемость. Но как социальная практика не исчерпывается одними лишь инвариантами бытия, так и философия не ограничивается обсуждением одних «вечных» проблем, хотя эти последние являются ее специфическим и существенным достоянием.

В отличие от подавляющего большинства специальных наук, где, как уже говорилось, существенное значение имеет различие описательной и теоретической сфер, в философии такое различие провести невозможно. Правда, некоторые философские направления выдвигали в качестве своего принципа описание определенным образом понятой действительности, однако едва ли построения, скажем, Ф. Брентано или Э. Гуссерля можно отождествить с объективным описанием в любой из специальных наук: в этих феноменологических концепциях центральное место занимает

не собственно описание, а предварительное конструирование специфически философского предмета (мира человеческого сознания) и специфически философских средств его анализа (это особенно заметно в системе понятий Гуссерля). Что же касается теоретических философских построений, то они, как мы стремились показать, не всегда удовлетворяют важному для специальных наук требованию однозначности результата и не всегда стремятся к такой однозначности (если, конечно, брать всю совокупность наличного философского знания, поскольку в каждой конкретной системе обычно предлагается какой-то способ решения той или иной выявленной антиномии)⁸¹. Особого обсуждения заслуживает специфика философского метода. Прежде всего очевидно, что в отличие от конкретных наук развитие методической стороны философии никоим образом не связано с привлечением «точных» методов и с внедрением в философский анализ процедур измерения, хотя истории известно немало безуспешных попыток превращения философии в точную науку. Дело здесь в том, что философская проблематика по самой своей природе не требует точности в специально-научном смысле этого слова, и у нее, вероятно, есть своя особая мера строгости, не связанная с необходимостью измерения. В этом смысле весьма примечательно, что от философии «отпочковывались» как раз те и только те ее разделы, в которых открывалась возможность для измерений, для получения знаний по самым «строгим» канонам науки (из этого, кстати, было бы опрометчивым делать вывод о постепенном сужении философской проблематики и о сведении ее в перспективе к нулю: «отпочкование» от философии специальных наук лишь освобождало философию от несвойственных ей проблем и, следовательно, делало ее предмет более «строгим» (см., например, [18]).

Можно ли применительно к философии говорить об едином для нее специфическом методе рассуждения? В философской традиции, особенно после Канта, в качестве метода рассуждения, специфического для философии, чаще всего называется *рефлексия*, под которой понимается так или иначе трактуемое самосознание духа. Вообще говоря, рефлексия свойственна всякой духовной деятельности и состоит просто в размышлении о самой этой деятельности — о

⁸¹ Важнейшие особенности специфически философской теории очень удачно рассмотрены в статье В. А. Лекторского [26].

ее структуре, целях, средствах и результатах. В этом смысле лавинообразно растущий поток методологических исследований в современной науке отражает усиливающуюся, по целому ряду причин, потребность во внутринаучной рефлексии, продукты которой — методологические знания различного рода — выступают в качестве одного из главных источников и средств организации и рационализации научной деятельности. Философская рефлексия есть самосознание духовной деятельности вообще, а не какого-то ее определенного вида; это, если угодно, методология всякого познания — как научного, так и любого иного. Ее своеобразие определяется своеобразием философского предмета, т.е. поисками «предельных оснований», о которых уже шла речь. Характерными примерами специфики философской рефлексии могут служить постановка и разработка Платоном проблемы относительно самостоятельной и устойчивой жизни понятий, картезианское радикальное сомнение, кантовская проблема априорных условий познания. В качестве примера рефлексии может быть приведена и вся совокупность марксовых тезисов о Фейербахе. Таким образом, философская рефлексия — это поиск логических и иных (нравственных, ценностных, эмоциональных и пр.) оснований и форм духовной жизни, культуры в целом.

Таким образом, истолкование философской рефлексии как специфического метода философского мышления дает возможность более широко поставить проблему метода в философии. Вместе с тем при таком подходе к методу философского познания историю философии можно изобразить как историю углубления самосознания и самопознания человеческой культуры, как восхождение на все более высокие уровни такого самосознания. А это, несомненно, более широкая и плодотворная точка зрения, чем та, которая представляет философию и ее историю как историю ошибок в истолковании растущего фонда «позитивных» научных знаний. Принятие этого тезиса позволяет построить целостное изображение развития философии как процесса углубления и расширения философской проблематики на основе углубления философского метода и, наоборот, совершенствования метода на основе развития проблематики.

Рассмотрим теперь кратко вопрос о специфике действительности, исследуемой в философии. Со времен Канта в буржуазной литературе бытует представление, согласно которому объектом философии является мир как таковой, взятый

в его собственных характеристиках. При этом предполагается, что философия синтезирует данные всех специальных наук, переводит их в «наиболее общую» форму, оставаясь в принципе ограниченной рамками совокупного объекта научного познания на данном уровне его развития и довольствуясь лишь чисто методологическими экстраполяциями за эти рамки. Такое представление само по себе не дает возможности выявить специфику собственного, только философией исследуемого объекта. Ограничившись им, мы неизбежно теряем в высшей степени характерную для философии интенцию на субъект-объектное отношение и, больше того, оказываемся вынужденными исключить из сферы философского анализа всю этико-гуманистическую и ценностную проблематику, объект которой не воспроизводится в других науках или воспроизводится лишь частично. Неправомерность такого исключения едва ли можно оспаривать.

Подобное представление особенно характерно для точки зрения позитивизма, согласно которой философия должна иметь дело только с «позитивным» научным знанием, за рамками которого она просто не имеет смысла. Но этот тезис не соответствует общей линии развития философии. Конечно, и проблему человека можно попытаться целиком решить в рамках «науки о человеке». Но то, что изучается специальными науками, относится к компетенции антропологии, психологии, социологии и т.д. А то, что имеется в виду под проблемой человека, по самому своему существу составляет предмет философского анализа. Разумеется, исследуя проблему человека, философы обращаются к данным психологии, социологии, демографии и других наук, но философское исследование — в данном случае это особенно очевидно — отнюдь не сводится к «обобщению» данных этих специальных наук.

Чтобы преодолеть эту позицию, надо исходить из более точного представления о реальном объекте философского анализа. Дело здесь не просто в том, что философия охватывает предельно широкий круг объектов изучения, наряду с наукой включая в него этические нормы, моральные ценности и т.д.; отношение философии к этим объектам в принципе такое же, как и отношение к науке. Объектом философии является не непосредственно то, что уже освоено в научном или нравственном сознании, не предмет, как он дан в специальной науке или в этике, а способ, каким дан этот предмет. Для философского анализа социальная

действительность — это не просто человек и мир, а определенное *отношение* человека к миру, *способ ориентации*, способ осознания себя в мире. Поэтому философия имеет своим специфическим объектом не просто действительность, освоенную в других формах сознания, а типы ориентации и осознания своего места в действительности; она сопоставляет тип ориентации, задаваемый наукой, и все иные типы ориентации. Поэтому-то философия и является самосознанием культуры и еще шире — эпохи в целом, а не одной только науки; именно поэтому она способна задавать ориентиры и самой науке — как своими выводами, так и формами своей рефлексии. В этом (но только в этом!) смысле философия стоит над наукой, рассматривая ее как один из объектов своего изучения.

В этом плане чрезвычайно примечательным оказывается тот факт, что многие представители современной буржуазной философии, в том числе и те, которые занимают критическую позицию по отношению к буржуазной культуре, большое внимание уделяют разработке онтологической проблематики. При этом речь идет не о возрождении докантовской онтологии с ее наукообразием и не о современной версии натурфилософии, а о попытках поднять новые пласты проблем, связанных с повседневным существованием человека в драматической действительности капиталистического мира. При всех недостатках в проведении этой линии, характерных, например, для экзистенциализма и родственных ему школ, нельзя не признать, что сама эта тенденция отражает требования углубления философской рефлексии, приобщения философии к злободневным проблемам своей эпохи. Философская онтология в данном случае выступает как форма постановки специфически философских проблем, и этот факт важен независимо от того, что мы не принимаем делаемых в этой связи выводов.

Поскольку движение культуры в принципе невозможно без противоречий, постольку каждый тип культуры характеризуется своими особыми проблемами, связанными с теоретическим осмыслением этих противоречий и с построением такой модели действительности, которая сочетает в себе представления о должном с картиной сущего. Только такое сочетание и делает деятельность человека подлинно сознательной. И так как сама история подтверждает своим движением этот факт, то можно утверждать, что социально-культурной практике не задан строго однозначный путь

решения всех без исключения проблем. Благодаря этому обстоятельству сохраняется и даже усиливается значение поиска предельных оснований бытия человека, а в соединении с усилением роли сознания в социальных процессах это приводит к повышению личной ответственности человека и, следовательно, делает более актуальной проблему выбора, хотя основания выбора, естественно, отличны в разных социально-исторических системах и условиях. Конечно, проблема социально-исторических предпосылок деятельности огромна и требует вполне самостоятельного обсуждения. Мы в данном случае коснулись этой проблемы лишь постольку, поскольку она позволяет яснее увидеть некоторые специфические моменты философского знания, уходящие своими корнями в специфику объекта исследования.

Все эти особенности философского знания и его объекта определяют общий тип реального отношения между философией и наукой, реального в том смысле, что оно складывается и осуществляется как некая равнодействующая, в известной степени независимая от отношения к научному знанию со стороны той или иной конкретной философской школы. Трактовка философии как науки, обобщающей данные других наук и возвращающей им эти данные в виде всеобщих категорий и законов, не выражает сущности отношения философского и специально-научного знания, фактически возрождая интерпретацию философии как науки. Функции философии по отношению к научному познанию являются более сложными и содержательными, чем рисует эта схема. Столь же односторонней (а в социально-практическом плане гораздо более вредной) является и точка зрения, основанная на радикальном размежевании философии и науки, на попытках исключить всякую общность между этими двумя формами культуры и знания.

Будучи теоретическим самосознанием эпохи, философия, естественно, делает одним из важных объектов своего анализа и науку — важнейший компонент духовной жизни современного общества. Более того, философию роднит с наукой и общность ряда фундаментальных принципов, характеризующих строение и логическую структуру всякого теоретического знания. Вместе с тем философия, как мы старались показать, ни по объекту, ни по некоторым существенным характеристикам получаемого ею знания не тождественна специальным наукам или даже их совокупности. Отсюда следует, что и функции философии в развитии научного познания являются

специфическими. Ее отношение к науке не является просто метанаучным, как это имеет место, например, в науковедении, социологии науки или в таких научно-методологических направлениях и концепциях, как структурализм, общая теория систем и т. п. Образно говоря, если представить науку в виде некоторого отрезка, то метанаучный анализ, в строгом смысле этого слова (т.е. исключая многочисленные и разнообразные околонаучные рассуждения), целиком остается в пределах этого отрезка. Что же касается философии, то она в своем анализе науки как бы стремится выйти за пределы отрезка, ограничивающего собственно науку, причем выйти в обе стороны — как в направлении поиска оснований науки, принимаемого ею строя исходных идей, так и в направлении изучения реального действия и последствия науки в социальном организме. Конечно, такой выход невозможен без непосредственного обращения к исследованию самой науки; иначе говоря, философский анализ принципиально не является вненаучным. Но вместе с тем и при изучении собственно науки и ее движения философия не оставляет этих более широких целей.

Это интегральное представление можно конкретизировать в виде трех основных функций философии по отношению к научному познанию: во-первых, функции чисто конструктивного исследования предпосылок и условий, лежащих в основании данного типа научного мышления; во-вторых, функции определения исторически конкретных границ научного познания при данном способе его организации, т.е. выявления тех социально-культурных и гносеологических рамок, в которых движется данная форма организации науки; в-третьих, функции выявления того типа социально-практической ориентации, который определяется тем или иным местом науки в системе культуры. Продуктом выполнения первой из этих функций является представление о категориальном строе научного мышления и о принятых в нем принципиальных схемах объяснения; продуктом реализации второй — предельная характеристика совокупности проблем, доступных научному познанию на данном его уровне, т.е. установление для этого уровня критерия различения научного и ненаучного знания; продуктом выполнения третьей — функциональная характеристика науки как социально-культурного феномена, выявление ее роли в решении мировоззренческих проблем и, в частности, анализ нравственных аспектов развития и применения науки. Легко

видеть, что реализация всех этих функций позволяет философии играть не столько негативную, сколько эвристически-конструктивную роль в движении научного познания.

Развитое здесь представление о принципах отношения философии и науки, в сущности, лишь суммирует факты истории философии, относящиеся к этой проблеме. Уже в «Критике чистого разума» Кант наметил некоторые существенные моменты такого подхода, хотя его позиция здесь, как и в других случаях, была дуалистически непоследовательной. Эта проблема постоянно — в явной или неявной форме — воспроизводится во всех современных философских школах и направлениях, с той, однако, весьма существенной разницей, что в одних случаях доминирует та или иная форма скептицизма в отношении к науке и ее продуктам, а в других — различные разновидности сциентистской фетишизации науки.

Литература к части первой

1. Маркс К, Энгельс Ф. Святое семейство // Соч., т. 2.
2. Маркс К. Нищета философии // Маркс К, Энгельс Ф. Соч., т. 4.
3. Маркс К. Введение (Из экономических рукописей 1857—1858 годов) // Маркс К, Энгельс Ф. Соч., т. 12.
4. Маркс К. Экономические рукописи 1857-1858 годов // Маркс К, Энгельс Ф. Соч., т. 46, ч. I.
5. Маркс К, Энгельс Ф. Соч., т. 20.
6. Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 4.
7. Ленин В. И. Материализм и эмпириокритицизм // Полн. собр. соч., т. 18.
8. Ленин В. И. Философские тетради // Полн. собр. соч., т. 29.
9. Ленин В. И. О значении воинствующего материализма // Полн. собр. соч., т. 45.
10. Алексеев И., Румер Ю. Физика // Философская энциклопедия, т. 5. М., 1970.
11. Богданов А. А. Всеобщая организационная наука (тектология) // 3-е изд., т. I. М., 1925; т. II, Берлин, 1927; т. III, Берлин, 1929.
12. Богданов А. А. // БСЭ, т. 3. М., 1970.
13. Винер Н. Кибернетика. 2-е изд. М., 1968.

14. Гайденок П. П. Категория времени в буржуазной европейской философии истории, XX века // Философские проблемы исторической науки. М., 1969.
15. Завадский К. М. Основные формы организации живого и их подразделения // Философские проблемы современной биологии. М.-Л., 1956.
16. Игнатъев А. А. Наука как объект управления // Вопросы философии, 1971, № 12.
17. Кассирер Э. Познание и действительность: СПб., 1912.
18. Кедров Б. М. Философия как общая наука в ее соотношении с частными науками // Философия и наука. М., 1972.
19. Клир Дж. Абстрактное понятие системы как методологическое средство // Исследования по общей теории систем. М., 1969.
20. Котин П. В. Диалектика как логика и теория познания. М., 1973.
21. Кремянский В. И. Структурные уровни живой материи. М., 1969.
22. Кун Т. Структура научных революций. М., 1975.
23. Лакатос И. Доказательства и опровержения. М., 1965.
24. Ланге О. Целое и развитие в свете кибернетики // Исследования по общей теории систем. М., 1969.
25. Лекторский В. А. Проблема субъекта и объекта в классической и современной буржуазной философии. М., 1965.
26. Лекторский В. А. Теория познания // Философская энциклопедия, т. 5. М., 1970.
27. Лекторский В. А., Швырев В. С. Методологический анализ науки (типы и уровни) // Философия, методология, наука. М., 1972.
28. Малиновский А. Тектология // Философская энциклопедия, т. 5. М., 1970.
29. Мамардашвили М. К. Формы и содержание мышления. М., 1968.
30. Марков М. А. О понятии первоматерии // Вопросы философии, 1970, № 4.
31. Ойзерман Т. И. Проблемы историко-философской науки. М., 1969.
32. Попович М. В. О философском анализе языка науки. Киев, 1966.
33. Проблемы методологии системного исследования. М., 1970.

34. Рабинович В. Л. Ученый средневековья. Психологический очерк // Научное творчество. М., 1969.
35. Рабинович В. Л. Стиль творческого мышления как предмет исторической психологии (постановка проблемы) // Проблемы научного творчества в современной психологии. М., 1971.
36. Ракитов А. И. Принципы научного мышления. М., 1975.
37. Сетров М. И. Об общих элементах тектологии А. Богданова, кибернетики и теории систем // Учен. зав. кафедр обществ. наук вузов Ленинграда. Философия, 1967, вып. VIII.
38. Сетров М. И. Организация биосистем. Методологический очерк принципов организации живых систем. Л., 1971.
39. Тахтаджян А. Л. Тектология: история и современные проблемы // Системные исследования. Ежегодник 1971. М., 1972.
40. Философия // Философская энциклопедия, т. 5. М., 1970.
41. Франк Ф. Философия науки. М., 1960.
42. Фресс П. Развитие экспериментальной психологии // Экспериментальная психология. Редакторы-составители П. Фресс и Ж. Пиаже. М., 1966.
43. Фролов И. Т. Очерки методологии биологического исследования. М., 1965.
44. Хайлов К. М. Системы и систематизация в биологии // В кн.: Проблемы методологии системного исследования. М., 1970.
45. Хайлов К. М. К эволюции теоретического мышления в биологии: от моноцентризма к полицентризму // Системные исследования. Ежегодник 1973. М., 1973.
46. Швырев В. С. Неопозитивизм и проблемы эмпирического обоснования науки. М., 1966.
47. Швырев В. С., Юдин Э. Г. О так называемом сциентизме в философии // Вопросы философии, 1969, № 8.
48. Штофф В. А. Введение в методологию научного познания. Л., 1972.
49. Энгельгардт В. А. Интегрatism — путь от простого к сложному в познании явлений жизни // Вопросы философии, 1970, № 11.
50. Энгельгардт В. А. Часть и целое в биологических системах // Природа, 1971, № 1.
51. Эшби У. Росс Введение в кибернетику. М., 1959.
52. Эшби У. Росс Конструкция мозга. М., 1962.

53. Юдин Б. Г. Понятие целостности в структуре научного познания // Вопросы философии, 1970, № 12.
54. Amsterdamski S. Nauka wspolczesna a wartosci // Zag. naukozn., 1971 t.VII, zesz.I.
55. Amsterdamski S. Scjentyzm a rewolucja naukowo-techniczna 11 Zag. naukozn., 1970 t.VI, zesz.3.
56. Bertalanffy L. von General systems theory. Foundations, development, applications. N.Y., 1968.
57. Klir G.J. An approach to general systems theory. N.Y., 1969.
58. Pomian K. Dzialanie i sumienie II Stud. fil., 1967, № 3.
59. Popper K.R. The logic of scientific discovery. L., 1959.

Часть вторая

СИСТЕМНЫЙ ПОДХОД:
ЕГО РАЗВИТИЕ
И МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ

Глава первая

СИСТЕМНЫЙ ПОДХОД В СОВРЕМЕННОЙ НАУКЕ

1. О некоторых средствах методологии системно-структурных исследований*

Методология и логика в системно-структурных исследованиях

1. В современном научном знании центральное место заняли проблемы системно-структурного исследования объектов. Такого рода задачи отчетливо выступают в биологии и лингвистике, социологии и физике, географии и криминологии, математике и педагогике, логике и психологии. Некоторые научные дисциплины, возникшие в последние годы и десятилетия, с самого начала сформировали свои предметы исследования как специфически структурные и системные. К их числу относятся кибернетика, семиотика, системотехника (исследование и проектирование больших систем).

Однако попытки выявить структуру объектов наталкиваются на серьезные трудности, причем эти трудности при всей специфике каждой дисциплины обнаруживают много общего. Вследствие этого возникли особые направления исследования, поставившие своей целью определить и систематизировать то *общее*, что обнаруживает структурный анализ в различных областях. Продуктом этих исследований должен был явиться некоторый аппарат понятий и

* Данный раздел представляет статью, написанную для журнала «Вопросы философии» в 1965 г. в соавторстве с В. А. Лефевром и Г. П. Щедровидким, которая так и не была опубликована. В настоящем издании публикуется впервые.

средств, облегчающих выявление структур объектов и получение выражающих их специфических системных описаний. Именно так возникла, например, «общая теория систем», начало которой положили работы Л. Берталани. Подобное направление анализа можно обнаружить и в кибернетике. В частности, именно кибернетике термин «система» обязан своим чрезвычайно широким распространением в настоящее время.

Вместе с тем надо сказать, что частое употребление этого термина пока не привело к существенным сдвигам в исследовании структурных объектов. Не вдаваясь в подробный анализ существующих подходов к проблеме, мы ограничимся лишь констатацией того, что все они, как правило, имеют один и тот же исходный пункт — стремление выявить так называемые «общие признаки», которые бы характеризовали все системы вообще или по крайней мере достаточно широкие их классы.

При этом центральной оказывается проблема редукции множества характеристик систем, накопленных в различных областях знания, к небольшому числу *самых общих* характеристик и законов (см., например, [276a]).

Характерно, что при поисках «общих признаков» структур и систем каждый раз пытаются отталкиваться от аппарата и методов той или иной *конкретной* науки — биологии, математики, термодинамики, кибернетики. В связи с этим проблема редукции знания выступает как проблема сведения всей самых разнообразных знаний к аппарату и законам соответствующей исходной научной дисциплины, которая по тем или иным соображениям признается более общей, более абстрактной.

Таким образом, «обобщающий анализ структур и систем» целиком переводится в специально научный план, а сами они выступают, по сути дела, лишь как новый объект соответствующей дисциплины, который в принципе сходен с прежними ее объектами и на который нужно экстраполировать ее законы. Такая экстраполяция и должна обеспечить выделение общих признаков систем, описываемых в языке какой-либо науки. Подобный подход к исследованию систем, является чисто *натурфилософским*, поскольку он оставляет исследователя на уровне одних лишь объективных описаний и фактически закрывает путь к выявлению познавательной специфики постановки и решения проблемы.

2. Но многочисленные факты (некоторые из них мы рассмотрим в дальнейшем) показывают, что подобные натурфилософские подходы и методы рассуждения не могут привести к кардинальным сдвигам в исследовании структурных объектов. Дело в том, что в такого рода исследованиях наука сталкивается не только с совершенно новой областью действительности, но и с совершенно новой, неизвестной ранее познавательной ситуацией. Научная практика свидетельствует о том, что такие ситуации не могут быть «разрешены» только за счет уже имеющихся средств и методов исследования. Само развитие системных исследований все острее и настоятельнее ставит вопрос о необходимости создания *познавательных средств и методов, специфических именно для решения этих задач*. Более того, можно с полным основанием утверждать, что как раз отсутствие таких специфических средств является в настоящее время основным препятствием и, следовательно, основной проблемой в развитии системно-структурных исследований. Этот факт начинают осознавать и сами исследователи. Так, в исследованиях самоорганизующихся систем, широко развернувшихся в самые последние годы, в центре внимания находится не описание тех или иных систем как таковых, а поиск, создание особых познавательных конструкций (главным образом моделей), которые могли бы явиться средством анализа самоорганизации (см., например, [146; 274a]).

Но *выработка новых средств исследования составляет прерогативу не собственно теории, а методологии и логики*.

Как особое и относительно обособленное подразделение в общей системе теоретических исследований логико-методологический анализ становится возможным лишь тогда, когда накоплены уже сравнительно обширные разнообразные знания об объекте. Можно сказать, что он и появляется именно потому, что они накоплены, и потому что с ними надо особым образом работать. Но тем самым определяется и тот специфический предмет, в котором идет логико-методологический анализ: он направлен на эти знания, на их взаимные отношения, на задачи исследования и исследовательские процедуры, наконец, на отношения знаний, задач и процедур к объектам. Таким образом, логика и методолога интересует не объект как таковой, а другое, значительно более сложное образование: система взаимоотношений между объектом, задачами изучения его, знаниями об объекте и действиями исследователя. Двигаясь в этом предмете, логик и методолог

не могут строить теорию объекта, но зато они могут давать рекомендации в отношении будущих процедур исследования объекта.

Совершенно очевидно, что те или иные методологические знания применяются в любом научном исследовании. Но когда имеют дело со сравнительно простыми объектами, методологический анализ осуществляется, как правило, интуитивно, и у исследователя обычно не бывает специально выделенных логических знаний. Когда же начинается исследование сложных и очень сложных объектов, положение резко меняется. Здесь уже недостаточно одних интуитивных методологических представлений, они должны принять форму расчлененных и четко выраженных знаний. Поэтому в структурно-системных исследованиях специально логический и более общий логико-методологический анализ становятся неотъемлемыми, органическими частями процесса исследования объекта.

Проблема синтеза знаний, относимых к одному объекту

3. Одна из важнейших задач системно-структурного исследования, которая требует специальных средств, получаемых лишь в логико-методологическом анализе, — это синтез в единой теоретической системе различных знаний (частных систем знания) об одном объекте (или группе взаимосвязанных объектов).

Каждое из знаний об объекте вырабатывается в ходе решения определенных частных задач. Оно отражает объект с какой-то одной стороны, выделяет в нем небольшую группу свойств, необходимых для решения именно этой практической задачи. То, что важно для решения одной задачи, нередко оказывается неважным, несущественным для решения других задач. Поэтому появление новых практических или теоретических задач, во-первых, заставляет брать объект с новых сторон, выделять в нем новые свойства и образовывать новые знания, а во-вторых, ставит вопрос об отношении к уже имеющимся знаниям, заставляет выяснять, можно ли использовать их для решения вновь вставших практических задач или для получения новых знаний об объекте.

Когда накоплено достаточно большое число таких односторонних частных знаний, возникает особая теоретическая задача — объединить их в одном многостороннем знании об объекте. Решение этой задачи имеет не только абстрактное, но и сугубо практическое значение: оно позволяет рацио-

нализовать, уплотнить накопленные знания и тем самым ведет к экономии в работе с ними.

Но как можно объединять в единой системе односторонние знания об объекте, полученные в связи с решением частных задач? Нередко их соединяют чисто механически, союзом «и». Тогда изучаемый объект выступает как сумма тех сторон, свойств, которые в нем раньше были выделены. Схематически эту процедуру можно изобразить так:

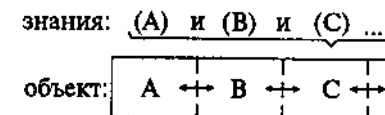

Схема 1.

Методологическое основание такого представления (хотя оно обычно не выражается в явном виде) состоит в том, что каждое из зафиксированных в знании свойств трактуется как субстанциальная часть объекта, а реальная структура объекта понимается как «сложенная» из этих частей. При этом формальные связи, устанавливаемые в плоскости знаний, просто переносятся «внутри» самого объекта и изображаются как его *структурные связи*.

Именно таким образом обычно пытаются строить теорию мышления как целого. При этом опираются, с одной стороны, на выработанные в истории логики и психологии представления о собственно мышлении, а с другой — на выработанное в лингвистике представление о языке. «Мышление» и «язык» в таком анализе рассматриваются как две «части» единого объекта, и задача состоит в том, чтобы определить характер объективной связи между ними. Но, несмотря на долгую историю исследований, дело здесь не пошло дальше формулирования самых общих положений, вроде того, что язык невозможен без мышления, а мышление — без языка.

Укажем в этой связи еще на семиотику. Попытки построить общую теорию знака стали особенно интенсивными с конца XIX века и к настоящему времени породили целый ряд различных концепций — логических, логико-философских, логико-психологических, лингвистических, психологических. Но ни одной из них не удалось построить сколько-нибудь удовлетворительной (то есть непротиворечивой и достаточно полной) теории знака, которая обеспечила бы решение

стоящих в настоящее время практических задач. Такой итог, на наш взгляд, вполне закономерен. Он вытекает из самого характера указанных концепций: все они анализируют знак лишь с одной, в лучшем случае с двух, трех сторон, и не имеют средств и методов рассмотреть его как целостное образование. Это вполне естественно с точки зрения истории исследований. Логика, психология, языкознание, антропология и другие науки рассматривали знак не как самостоятельный предмет исследования, а лишь как внешний материал, или, в лучшем случае, как элементы других предметов изучения — знаний и науки, процессов вывода и процессов мышления, деятельности индивида по решению задач или общения с другими индивидами. При построении каждого из этих предметов достаточно было учесть лишь некоторые, а не все стороны знака; соответственно и методы анализа, характерные для каждой из этих наук, позволяли понять лишь эти отдельные стороны знака и не давали возможности исследовать его в целом. Например, при выявлении логической структуры рассуждения надо рассмотреть материал знаков в отношении к замещаемому в них объективному содержанию и совсем не требуется учитывать отношение этого материала к генетически предшествующим видам деятельности индивида и их развитию. С другой стороны, многие закономерности речевой деятельности индивидов можно определить, не обращаясь к анализу и описанию содержаний и значений знаков.

Когда же встала задача построения общей теории знака, подобные методы «отказали». В самом деле, по своей объективной природе знак может быть выделен в качестве самостоятельного предмета изучения только в том случае, если он берется в единстве всех своих основных функций. По сути дела, само возникновение семиотики, начиная с первых идей, выдвинутых еще Локком, Лейбницем и Кондильяком, было продиктовано необходимостью преодолеть односторонность, свойственную логике, психологии или языкознанию в подходе к анализу знака, и синтезировать методы всех этих наук. Однако эта тенденция получила совершенно извращенное представление, в первую очередь, в лингвистических исследованиях, но в несколько меньшей степени также в логике и психологии. В каждом из этих подходов семиотика мыслится как простое расширение соответствующей науки, как приложение ее понятий и методов к новой области объектов (см., в частности, [153a]). В результате сложились

самостоятельные, обособленные друг от друга логический, лингвистический и психологический подходы к разработке семиотики, и каждый из них стремится охватить всю область знаковой действительности.

В конечном счете в каждом случае картина получается такой: отдельные, частные знания об объекте пытаются свести в общую теоретическую систему чисто механически, рассматривая содержание этих знаний как части самого объекта. При этом структура объекта всегда в конечном итоге рассматривается как изоморфная той системе знания, которая может быть получена путем непосредственного объединения уже существующих, полученных независимо друг от друга частных знаний.

4. Если учесть специфическую природу знаний и их отношений к объекту изучения, то подход к проблеме синтеза знаний, относимых к одному объекту, может (на наш взгляд, и должен) быть совершенно иным. Суть дела в том, что абстракции далеко не всегда являются выделениями частей изучаемого объекта. Как правило, они образуются иначе. Содержание знаний, вырабатываемых при решении частных практических задач, можно уподобить проекциям, которые «снимаются» с объекта при разных его «поворотах». Это можно изобразить так:

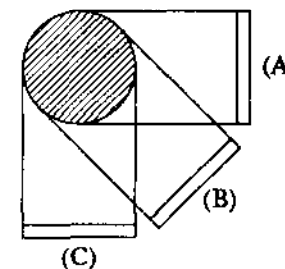

Схема 2.

Здесь заштрихованный круг — сам объект, а линии (A), (B), (C)... изображают знания, фиксирующие разные стороны этого объекта.

Если такое представление абстракций справедливо (а против него не видно принципиальных возражений), и существующие знания являются проекциями, снятыми с объекта, то, очевидно, чисто механическое объединение этих проекций не может дать представления о действительной структуре

объекта. Попытки такого объединения с последующим «вынесением» полученной подобным образом системы на объект столь же бесперспективны, как и попытки получить представление о структуре детали путем простого присоединения друг к другу двух ее чертежных проекций.

Но как же в таком случае должен осуществляться синтез различных односторонних знаний об одном объекте?

5. Обоснованный методологический подход к этой проблеме требует прежде всего четкого и резкого разграничения понятий об *объекте* и *предмете* изучения. Такое разграничение имеет принципиальное значение в любом методологическом анализе, а в методологии системного исследования оно особенно значимо, являясь, по сути дела, исходным пунктом всей работы (см. [200]).

Объект — это та реальность, которая изучается, осваивается и которая всегда отлична от имеющегося в данный момент исторически ограниченного, относительного знания.

Предмет изучения, напротив, формируется самим исследованием; это реальность, созданная самой наукой, существующая лишь постольку, поскольку есть знание об объекте. Приступая к изучению какого-либо объекта, мы берем его с одной или нескольких сторон. Выделенные стороны становятся «заместителем» всего объекта. Поскольку это знание об объективно существующем, оно всегда объективируется нами и как таковое образует предмет науки". Если воспользоваться изображениями схемы 2, то предмет и его отношение к объекту можно представить так:

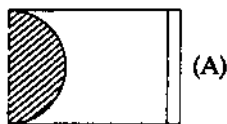

Схема 3.

Здесь часть круга изображает выделяемую в исследовании «сторону» объекта, линия (А) — знание по поводу этой стороны, а все в целом — предмет.

В специально научных исследованиях предмет знания рассматривается как «адекватный» объекту. Это вполне пра-

" Мы оставляем сейчас в стороне чисто социальные аспекты проблемы, имеющие исключительно важное значение в формировании предмета науки. Эта сторона дела требует особого анализа, а здесь нам достаточно дать одну лишь логическую характеристику этого процесса.

вильно и обоснованно, пока исследовательское движение идет в рамках данного предмета. Когда же относительно одного объекта построено несколько различных предметов исследования (как это показано на схеме 2) или когда этот объект выступает в предметах различных наук, такая позиция становится препятствием к синтезу этих различных предметов, порождает парадоксы или противоречия в развитии знания. Единственным средством избежать их является логический анализ, который рассматривает предмет исследования как результат и продукт деятельности человеческого мышления, не тождественный объекту и не сводимый к нему, существующий в особых средствах науки как особое создание человеческого общества, подчиняющееся особым закономерностям жизни, не совпадающим с закономерностями жизни самого объекта.

Характер предмета зависит не только от того, какой объект он отражает, но и от того, зачем этот предмет сформирован, для решения какой задачи. Задача исследования и объект являются теми двумя факторами, которые определяют, как, *с помощью каких средств* — приемов и способов исследования будет сформирован необходимый для решения данной задачи предмет.

Указанная особенность формирования предметов изучения и, соответственно, знаний об объектах приводит к тому, что системы знаковых изображений сильно отличаются от реальной структуры объектов. Это расхождение не следует считать каким-то аномальным, недопустимым явлением. Наоборот. Всякая формальная (знаковая) система изображений объекта является особой *оперативной системой*, в которой и с которой действуют совершенно иначе, нежели действовали бы с самим объектом. Как известно, оперативные системы именно так и именно для того и создаются, чтобы оперирование с ними существенно отличалось от непосредственного оперирования с объектами. Поэтому в принципе мы не можем и не должны стремиться к тому, чтобы системы изображений обязательно совпадали со структурами объекта. Очевидно, нужно прямо противоположное, — чтобы это несовпадение было осознано как принцип и чтобы из него исходили при решении методологических проблем.

Чертежные проекции не являются изображениями частей детали, но это нисколько не мешает их использованию, поскольку существуют особые процедуры, позволяющие переходить от одних проекций к другим (например, к аксо-

неметрической проекции) или от проекций к самой детали в процессе ее изготовления. То же самое можно сказать о различных типах радиотехнических схем (блок-схемы, принципиальные схемы, монтажные схемы), где заданы жесткие правила перехода от одной схемы к другой. Следовательно, главное в том, чтобы существовали эти процедуры переходов между различными представлениями, а это будет означать одновременно и существование связей между ними.

6. Нетрудно заметить, что эти процедуры могут существовать и «работать» только в том случае, если имеются подходящие, специально для этого приспособленные проекции; отнюдь не для всех и всяких произвольно взятых проекций можно установить процедуры связи. Следовательно, всякий способ синтеза абстракций оказывается жестко связанным со специфическим способом их получения. Мы можем переходить от одних чертежных проекций к другим и «строить» по проекциям объект именно потому, что сами эти проекции получены особым образом — так, как этого требуют последующие процедуры связи. Иначе можно сказать, что процедуры абстракции и процедуры синтеза представлений, полученных посредством их, должны быть органически связаны между собой, должны образовывать *единый познавательный механизм*.

Конфигуратор-модель

7. Сформулированный выше принцип может быть применен к любым теоретическим представлениям, которые мы хотим объяснить. Учитывая его, прежде всего необходимо сделать вывод, что сам по себе факт наличия нескольких теоретических представлений, полученных независимо одно от другого при решении различных задач, еще не дает достаточных оснований для постановки вопроса о возможной связи между этими представлениями.

Поясним это на графическом изображении многопредметного исследования объекта (схема 2). Предположим, что проекции (А), (В), (С) и т.д., обозначенные там, «снимались» с объекта без всяких строгих правил, определяемых «природой» объекта и процедурами последующего синтеза полученных проекций (в общем виде такая ситуация довольно типична для ряда отраслей современной науки). При этих условиях одни части и элементы объекта будут отражены несколько раз в разных проекциях и, следовательно, в разном контексте. Это приведет к «удвоению сущностей», к запутыванию

характеристик объекта, поскольку одни и те же «точки» его будут изображаться по-разному, с различной функциональной нагрузкой в этих системах. С другой стороны, некоторые элементы и стороны вообще не будут воспроизведены, а это создаст существенные «пустоты» в наших представлениях.

Совершенно очевидно, что при таком анализе и описании объекта, по сути дела, никакая процедура объединения не может дать необходимых результатов. Нечто подобное происходило в домарксовой политической экономии, когда В. Петти, А. Смит, Д. Рикардо и другие исследователи пытались построить общую экономическую теорию, механически связывая уже имеющиеся категории, такие как товар, труд, капитал, стоимость и т.д. Все попытки объединить эти категории ни к чему не привели и не могли привести, поскольку определенные стороны экономики как объекта исследования «проходили» через несколько понятий и описаний, а другие существенные аспекты вообще не были «схвачены». В том виде, как они существовали до К.Маркса, эти понятия и описания и не могли быть сведены в единую систему, так как они были выработаны безотносительно к задаче синтеза. Успех марксова анализа, напротив, с методологической точки зрения может быть объяснен тем, что Маркс построил принципиально иную исходную позицию, которая позволила ему с самого начала разворачивать структуру предмета исследования и именно в этом контексте представить категории как систему. Методологической основой этого исследования явился, как известно, метод восхождения от абстрактного к конкретному, в котором были связаны в едином узле способ образования абстракций со способом их синтеза в процессе восхождения (см. [53а; 285]).

В этом примере, по сути дела, уже содержится ответ на вопрос о том, каким образом должен осуществляться синтез различных теоретических представлений, если эти представления получены «хаотично», вне связи друг с другом и без всякой ориентировки на последующий синтез. Очевидно, в такой ситуации первый шаг должен состоять в том, чтобы *перестроить* сами исходные представления, освободить их от одинаковых, многократно повторяющихся содержания, дополнить другими представлениями, которые окажутся необходимыми с точки зрения задачи синтеза, и т.д.

Попытка проделать такой цикл движения сразу же наталкивается на видимый парадокс: чтобы исходные абстракции действительно образовывали систему и увязывались с задачей

синтеза, исследователь должен уже в исходном пункте иметь представление о действительной структуре объекта и соотносить с этим представлением все существующие односторонние проекции. Иными словами, построение теории структурного объекта предполагает в качестве своей предпосылки наличие представления о структуре объекта. Но это действительно так, и другого способа решить задачу не существует. Суть дела в том, что исходное структурное представление еще не есть теория структуры объекта, оно лежит в особой плоскости знаний об объекте — методологической — и выполняет особую методологическую функцию в процессе исследования, являясь лишь *средством для построения теории*.

Такой вывод означает очень многое в плане анализа. Он задает линию того движения, которое должно быть осуществлено для синтеза уже существующих знаний об объекте. Прежде всего он подчеркивает, что нельзя получить решения этой проблемы, оставаясь в плоскости одних лишь уже имеющихся знаний. Он показывает, что в это движение обязательно должен войти анализ тех абстракций (а говоря более широко, всех тех процедур), посредством которых были получены существующие знания. Он показывает также, что нужно будет — и это непереносимое условие осуществления предыдущего требования — проделать особую работу по воссозданию структуры того объекта, проекциями которого являются уже имеющиеся знания.

По смыслу всех предыдущих рассуждений воссоздать структуру объекта — это значит построить *особый новый предмет*, причем построить его, имея в виду строго определенную специфическую задачу — осуществить синтез имеющихся знаний. •

Схематически идея такого движения в исследовании может быть изображена так:

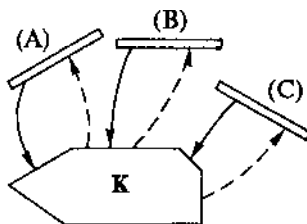

Схема 4.

Здесь К изображает новый предмет, воспроизводящий структуру объекта, группа сплошных стрелок показывает теоретико-методологическое движение по построению этого предмета, а группа штриховых стрелок — характеристику имеющихся знаний (А), (В), (С)... как проекций его.

Схема наглядно показывает, что решая задачу синтеза различных знаний об одном объекте, нужно, вместо того чтобы искать какие-то связи между ними в их собственной плоскости, каким-то образом воспроизвести структуру объекта, а затем, исходя из нее, восстановить те «повороты» абстракции, которые привели к имеющимся знаниям. И только таким путем можно получить необходимую связь между разными представлениями одного объекта.

8. Но что значит воспроизвести структуру объекта в чем-то сверх уже имеющихся знаний о нем и в дополнение к ним? На наш взгляд, это значит ввести в систему совокупного знания особое образование — структурную модель объекта.

Модели и их специфические функции в развитии знания требуют специального методологического анализа. В данном случае речь идет об особой модели с особой функцией в системе создаваемой теории: она является изображением объекта, созданным специально для того, чтобы объединить уже существующие знания. (Исходя из этого, можно говорить, что именно набор объединяемых знаний реально задает и определяет характер вводимой модели). Одновременно эта модель объясняет уже существующие знания и служит (вместе с логическим описанием произведенных абстракций) их обоснованием.

Мы будем называть изображения объекта, создаваемые в указанных целях, «конфигураторами» (ср. [80а]). Простейшие конфигураторы встречаются во всех задачах, решение которых требует оперирования не с одним, а с двумя или многими представлениями объекта. При построении теории объекта конфигуратор принимает более сложный вид, становясь достаточно разветвленной и детализированной системой системных представлений объекта. Само построение такой системы выступает как особая и очень сложная задача теоретического исследования, причем от ее успешного решения в первую очередь зависит успех всей работы.

Если с этой точки зрения рассмотреть уже упоминавшиеся исследования в области семиотики, теории мышления и других наук, то можно утверждать, что развитие их в настоящее время упирается именно в отсутствие адекватных

задаче *структурных моделей* изучаемых объектов, то есть в отсутствие «конфигураторов». Бесспорно, попытки построить такие модели предпринимаются, притом с возрастающей интенсивностью. Но из-за отсутствия специально для этого выработанных средств исследователь нередко с самого начала избирает методологически бесперспективный путь: вместо того, чтобы строить конфигуратор, логически обосновывающий и объясняющий существующие разнообразные знания, он принимает одно из имеющихся системных представлений объекта за исходное и уже одним этим закрывает себе дорогу к выявлению действительной структуры объекта.

Между тем во многих отраслях знания уже сейчас имеются возможности для построения эффективных структурных моделей исследуемых объектов. Модели такого типа лежат в основании кибернетики и системотехники, они сыграли большую роль в развитии современной генетики, хотя методологическая часть работы в этих случаях далеко не всегда осознавалась в полном объеме.

Перспективной представляется также структурная модель обучения, намечаемая сейчас в ряде работ. Педагогические исследования, как они обычно проводятся до сих пор, не в состоянии оказать решающего влияния на преодоление усиливающегося разрыва между системой образования и требованиями науки и производства к выпускникам школы. Это наводит на мысль, что слишком узкой является сама сфера педагогических исследований. Действительно, эти исследования проводятся почти исключительно как психолого-педагогические, причем и здесь трудно обнаружить единую систему теории. Но ведь обучение представляет собой сложный структурный объект. Оно далеко не ограничивается проблемами психологического развития индивида. Поэтому необходимо расширить предмет педагогических исследований: он должен охватывать проблемы целей обучения и воспитания, моделирование человека будущего (то есть того «продукта», который нужен обществу от обучения через 10-20 лет), динамику малых групп, содержание обучения, проблемы усвоения и развития, роль учителя в обучении, и воспитании, стимулы учебной деятельности и т.д. Чтобы охватить этот очень широкий круг проблем, необходимо особым образом синтезировать представления и методы ряда научных дисциплин — социологии, логики, психологии, лингвистики, этики, эстетики. Но такой синтез приводит

опять-таки к необходимости строить конфигуратор (см. об этом «Вопросы философии», 1964, №7).

Аналогичные методологические проблемы стоят и перед семиотикой. На наш взгляд, ей не хватает в настоящее время в первую очередь исходной структурной модели знака как целостного объекта, в которой были бы объединены все представления о знаке, выработанные в логике, психологии, лингвистике, социологии и эстетике.

Только путем построения особого конфигулятора может быть решена, на наш взгляд, и проблема объяснения жизни, стоящая сейчас перед теоретической биологией. Она точно так же выступает как проблема синтеза различных уровней описания биологической действительности. Именно так ее понимает, например, А. Сент-Дьердьи (см. [151а, с. 16]). В последнее время уже многие биологи приходят к выводу, что объяснить сущность жизни, взяв за исходный какой-то из существующих уровней описания, вряд ли удастся. В общем виде можно сказать, что необходимая биологам структурная модель должна возникнуть, фигурально выражаясь, как «перпендикулярная» по отношению к существующим уровням описания. Это означает, что для ее построения необходим логический анализ появления и развертывания каждого из имеющихся в настоящее время уровней. Такой анализ и явится предпосылкой создания конфигулятора, а последний выступит как исходный пункт в построении общей теории жизни. Можно было бы показать значение построения конфигулятора и в некоторых других отраслях современного знания, например, в математике, в исследовании и проектировании больших систем, в криминологии, лингвистике, в экономико-математическом моделировании и т.д. Но это требует специального обсуждения. Сейчас же нам важно подчеркнуть органическую необходимость этого логико-методологического средства в исследовании структур сложных объектов, относительно которых построены (или необходимо должны быть построены) различные системные представления со специфическими способами расчленения объекта и специфическими единицами анализа в каждом из них. При этом, конечно, было бы большим упрощением представлять дело так, будто сама по себе идея конфигулятора-модели решает все вопросы, связанные с созданием системно-структурной теории: и построение модели, и последующая работа с нею требуют преодоления немалых

трудностей, но построение модели, на наш взгляд, делает работу более перспективной.

9. Соотнесение уже существующих знаний об объекте с вновь построенным конфигуратором ведет к *перестройке* их, часто очень существенной. Такая перестройка составляет одну из важнейших целей методологической работы, ибо дает возможность затем на этой основе объединить существующие представления непосредственно в плоскости исходных описаний. Схематически это может быть представлено так:

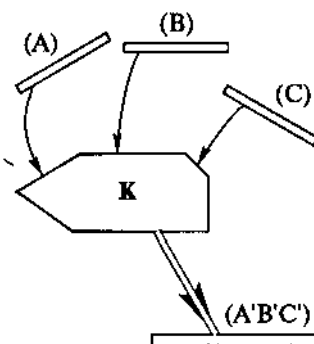

Схема 5.

На этой схеме двойная стрелка изображает логико-методологическую реконструкцию существующих знаний об объекте, а линия (A'B'C') — синтетическую систему их. Подобное объединение имеет неоспоримую практическую ценность: его итогом является своеобразное «сплющивание» различных системных представлений, расположенных на разных уровнях и непосредственно несводимых одно к другому, в единую Теорию объекта, которая строится «линейно». Это существенно облегчает оперирование системой знаний и, в частности, является необходимым условием ее формализации.

Конфигуратор-план

10. Когда объединение знаний осуществлено, конфигураторы становятся ненужными и могут быть опущены в системе теории. Но обычно они сохраняются и, более того, начинают жить и развиваться по своей собственной «логике», становясь иногда даже *особым слоем теории*. Это объясняется тем, что модели, построенные в целях синтеза существующих знаний об объекте, могут использоваться и очень часто используются

и в других методологических функциях, в частности как модели объекта, позволяющие наметить пути и схемы решения вновь встающих практических и теоретических задач.

Важнейшая специфическая задача методологического анализа состоит в формулировании рекомендаций относительно предстоящих процедур исследования и описания объекта. Здесь методолог исходит из вновь вставших или намечающихся практических и теоретических проблем и должен ответить на вопрос, какие предметы изучения нужно сформировать и как в них нужно двигаться, чтобы эти проблемы решить. Образно говоря, методолог должен еще до начала специального исследования объекта построить *план-карту* этого исследования, наметить все его узлы и подразделения, определить метод работы в каждом из них. При этом он должен двигаться в особом — методологическом — слое знания. Картина выглядит так, как будто мы начинаем строить все здание знаний с «верхнего этажа» и затем «подвешиваем» к нему все остальное, вплоть до фундамента, то есть собственно теории объекта. Схематически это можно изобразить так:

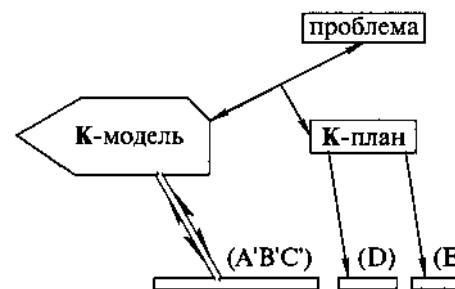

Схема 6.

(Д) и (Е) изображают в схеме новые специальные знания об объекте, получаемые уже по заранее составленному методологическому плану.

Подобное упреждающее описание необходимых процедур исследования объекта возможно благодаря тому, что методологический анализ всегда имеет *большую общность*, нежели соответствующий специальный анализ. Он переносит понятия, принципы, схемы расчленения из одной, уже исследованной области в другие, еще не исследованные. При этом методолог апеллирует как к общим логическим принципам и

понятиям, в которых отложился весь опыт нашей исследовательской деятельности, так и к специальным, но всегда более общим предметным знаниям. Но и то и другое по отношению к непосредственно изучаемому объекту будет выступать как *методологическое*, а не специально предметное знание. Обязательным элементом такого движения является сопоставление имеющейся модели изучаемого объекта с моделями уже изученных объектов, а новых проблем, встающих относительно этого объекта, с теми проблемами, которые решались для других объектов (для этого, конечно, сами проблемы должны быть представлены в достаточно расчлененном виде). На основе таких сопоставлений вводятся новые расчленения изучаемого объекта, а его модель достраивается и подвергается дальнейшему разворачиванию. Если результаты такого сопоставления указывают на сходство проблем и объектов — уже изученного и изучаемого, — то мы можем перенести на новый объект те схемы расчленения и анализа, которые были разработаны или применены при работе с изученным объектом. Результаты этого переноса и фиксируются как раз в методологической план-карте исследования.

Такая план-карта — особый предмет со своими особыми принципами и методами построения и разворачивания. Это, по сути дела, тоже конфигуратор, но с несколько иной функцией и иным строением, нежели конфигуратор-структурная модель. Это своеобразная блок-схема объекта; она фиксирует все те предметы изучения, которые необходимо образовать, чтобы решить поставленную проблему, и, что особенно важно, определяет последовательность их рассмотрения. Если конфигуратор-модель должен представить объект как таковой, как единое целое, безотносительно к различным задачам его изучения, то конфигуратор второго рода — план-карта, — напротив, должен представить объект разложенным на ряд параметров, причем само это разложение и способ связи его элементов определяются задачами, которые должны быть в данном случае решены. В этом смысле план-карта является уже не столько «изображением» объекта, сколько схемой или «правилом», определяющим (регулирующим) деятельность исследователя.

Важно подчеркнуть, что эти два типа конфигулятора тесно связаны. Структурная модель строится на основе существующих частных предметов исследования данного объекта и является по отношению к ним своеобразным «метапредметом», охватывающим объект в целом. Но поскольку объект

не может быть изучен «в одном измерении», его необходимо расчленить на отдельные элементы. Это новое расчленение, основанное на особым образом построенном соотношении структурной модели с вновь вставшими задачами, и реализуется в план-карте. Следовательно, расчленение в план-карте не воспроизводит членения на прежние предметы изучения. Наоборот, оно обязательно должно быть новым, подчиняющимся логике разворачивания «метапредмета» на основе новых задач исследования.

План-карта, фиксирующая предметы изучения и процедуры анализа, является чрезвычайно эффективным методологическим средством, позволяющим организовать исследования в определенном направлении, подчинить их согласованному движению к единой цели. Необходимость ее, особенно в сложных синтетических науках, подтверждается многими примерами, в частности опытом педагогики и новой быстро развивающейся дисциплины — «системотехники».

В качестве еще одного интересного примера, иллюстрирующего важность подобной методологической разработки при исследовании сложных объектов, можно привести так называемый «морфологический метод», созданный известным швейцарским астрономом Ф. Цвикки (работающим в США). На основе этого метода в настоящее время производятся большие астрономические исследования группой ученых, объединяемых «Society for Morphological Research». Не вдаваясь в подробный анализ самого метода по существу (см. об этом [277a]), укажем только, что он представляет собой перечисление в определенной последовательности различных процедур астрономического исследования. Сама их систематизация и последовательное применение позволили очень эффективно организовать работу большого исследовательского коллектива и достичь значительных успехов, в частности выдвинуть гипотезы о природе спиральных туманностей и темной межгалактической материи.

План-карта предстоящего исследования является вторым продуктом методологического анализа, задающим общую схему строяемой теории. На этой основе затем может разворачиваться третья часть методологической работы, направленная на выяснение процедур исследования и описания каждого из выделенных предметов. Но она составляет предмет особого анализа и выходит за границы темы нашего обсуждения.

* * *

Успешное развитие системно-структурных исследований в значительной мере зависит от выработки новых, специфических для них познавательных средств. Задача построения таких средств может быть решена только в методологическом анализе. Это с необходимостью приводит к выделению методологии в особую область системно-структурных исследований. Специфика ее определяется тем, что методологический анализ имеет свой особый аппарат понятий, опирающийся на общую логическую теорию мышления, и свои особые знаковые средства для изображения объектов и предметов знания (примеры некоторых изображений такого рода мы приводили). Одним из таких специфически методологических средств исследования является конфигуратор.

2. Общая характеристика системного порода

Еще в начале XX в. внимание ученого-биолога, химика, психолога и т.д. было целиком приковано к объекту исследования. Что касается принципов и структуры самого исследования, то обычно их в явном или неявном виде строил и определял сам исследователь, соединяя в одном лице и теоретика, и методолога, и разработчика. Во второй половине XX в. такое соединение все чаще оказывается не только затруднительным, но и практически невозможным. Проблемы методологии научного исследования настоятельно требуют специального изучения, и на этой основе логика и методология науки все более превращаются в самостоятельную научную дисциплину.

Одной из важных задач этой дисциплины как раз и является выработка средств соотносительной оценки эффективности различных подходов к исследованию, а также анализ логической структуры и условий применимости каждого из них. Среди других научно-исследовательских подходов логико-методологическому анализу следует подвергнуть и *системный подход*, широко распространяющийся в науке и технике со второй половины XX в.

К настоящему времени довольно обширная литература, посвященная тем или иным аспектам системного подхода, обнаруживает не столько единство мнений, сколько значительные расхождения принципиальных точек зрения на сущность этого подхода и способы его реализации. Тем не менее о системном подходе вполне можно и даже нужно

говорить как о едином направлении в развитии современного научного познания. Главное основание для этого состоит в том, что все исследования, проводимые в рамках этого подхода, так или иначе направлены на изучение специфических характеристик сложноорганизованных объектов — систем.

Одной из первых наук, в которой объекты исследования начали рассматриваться как системы, явилась *биология*. Главный предмет системных исследований в биологии составляет многообразие связей в живой природе, их разнокачественность и соподчинение. При этом на каждом уровне биологической организации выделяются свои особые ведущие связи. Именно на путях углубления представлений о системе связей отыскивается в настоящее время решение проблемы иерархического строения (соподчинения уровней) живой природы, а также связанной с этим проблемы управления. Представление о биологических объектах как о системах позволяет вместе с тем по-новому подойти и к некоторым проблемам, издавна стоявшим в биологии. Одним из примеров может служить развитие некоторых аспектов проблемы взаимоотношения организма и среды. Как известно, У. Росс Эшби сделал важный шаг вперед в трактовке этой проблемы, акцентируя внимание на идее гомеостазиса. Тем самым в центр исследования был поставлен динамический аспект взаимодействия организма со средой; это существенно углубило прежние представления, основывавшиеся, как правило, на тезисе о простом равновесии. Важно подчеркнуть, что само понятие гомеостазиса выросло из понимания организма как системы.

Системные идеи сравнительно давно получили выражение и в некоторых *психологических концепциях*. Принципы системного подхода нашли воплощение в культурно-исторической концепции психики Л. С. Выготского, в «генетической эпистемологии» Ж. Пиаже, в «физиологии активности» Н. А. Бернштейна, а также в работах С. И. Рубинштейна, А. Н. Леонтьева и других советских психологов.

Системная направленность исследований пробивает себе дорогу и в ряде других областей современной науки. Среди них прежде всего следует упомянуть *кибернетику*, в которой понятие «система» является одним из основных. Решаемые кибернетикой задачи по информационному моделированию функций живых организмов, исследования по бионике, развитие теории самоорганизующихся систем, приложения

кибернетики к социальным исследованиям и т. д. — для всех этих направлений исследования характерны постановка и решение системных задач. Принципы системно-структурного анализа все шире проникают в науки об обществе, науки о Земле, в языкознание и т. д.

Помимо науки не менее важной сферой внедрения в общественное сознание идей системного подхода является современная техника. Начавшаяся в последние десятилетия научно-техническая революция уже сейчас существенно изменила исходные принципы конструирования современных технических сооружений. Для этих сооружений характерны: 1) большие масштабы — по числу частей, по объему выполняемых функций, по абсолютной стоимости и т. д.; 2) наличие определенной целостности, функционального единства (общей цели, общего назначения и т. д.), что приводит к сложному иерархическому строению системы; 3) сложность (полифункциональность) поведения; 4) высокая степень автоматизации, означающая, в частности, повышение степени самостоятельности системы в ее поведении; 5) нерегулярное, статистически распределяющееся во времени поступление внешних воздействий и, наконец; 6) наличие в целом ряде случаев состязательного момента, т. е. такого функционирования технической системы, при котором необходимо учитывать конкуренцию отдельных частей создаваемого сооружения [50, с. 6, 17-19]. Такие сооружения получили название больших систем; примерами *вс* являются системы управления уличным движением в городах, железнодорожным и другими сообщениями, автоматические системы обработки научной и иной информации, системы управления ПВО и т. д.

Разработка и конструирование таких систем принесли изменения в общие методы технического мышления: системный подход стал рассматриваться как важнейший, даже определяющий компонент современной техники (см., например, [242], [50]). Единство технической системы, подчинение изделия системе, стратегия поведения системы, системность в проектировании системы и т. д. — таковы исходные установки этих новых методов технического мышления. Их рождение, естественно, связано с аналогичными движениями в различных технических науках.

Наконец, *организация производства и управление им* — третий основной источник современных системных представлений. Гигантское возрастание сложности технических

объектов с неизбежностью привело к тому, что в процессе их конструирования оказываются связанными в единое целое тысячи предприятий, сотни тысяч исполнителей. В результате этого наряду и даже задолго до создания самой по себе технической системы складывается и живет по своим законам другая неразрывно связанная с ней система — система по созданию системы.

Даже из этой краткой характеристики основных направлений становления системного подхода нетрудно убедиться, что в каждом случае задачи системного исследования весьма специфичны, так что вряд ли возможно отождествить проблематику этих направлений. Тем не менее некоторые важные моменты с несомненностью указывают на существенную общность перечисленных нами направлений разработок в науке, технике и организации производства. Именно эта общность и позволяет говорить о системном подходе как некоторой особой и внутренне единой исследовательской позиции.

Каковы же основные черты этой позиции?

При методологическом анализе проблем современной науки нередко (явно или неявно) проводится мысль о том, что развитие познания связано с возрастанием сложности принципиальных подходов к исследованию и методов научного познания. Конкретные обоснования этого взгляда весьма многообразны, но с известным огрублением их можно свести в одну достаточно общую схему. Согласно этой схеме иерархия усложнения способов исследования выглядит примерно следующим образом.

Простейшей формой научного описания и соответственно исходным уровнем исследования любого объекта является основанное на эмпирических наблюдениях описание свойств, признаков и отношений исследуемого объекта. Этот уровень анализа можно назвать *параметрическим описанием*.

Когда выявлены параметры объекта, познание переходит к определению поэлементного состава, строения исследуемого объекта. Основная задача состоит здесь в том, чтобы определить взаимосвязи свойств, признаков и отношений, выявленных на первом этапе (уровне) исследования. Эту стадию можно назвать *морфологическим (субстратным) описанием* объекта.

Дальнейшее усложнение познания связано с переходом к *функциональному описанию*, которое в свою очередь может

исходить из функциональных зависимостей между параметрами (функционально-параметрическое описание), между «частями» как элементами объекта (функционально-морфологическое описание) или между параметрами и строением объекта. Методологическая специфика функционального подхода состоит в том, что функция элемента или «части» (подсистемы) объекта задается на основе принципа «включения», т. е. выводится из характеристик и потребностей более широкого целого.

В ряде современных работ в качестве особой, самой сложной формы научного исследования рассматривается исследование *поведения объекта*, т.е. выявление целостной картины «жизни» объекта и механизмов, обеспечивающих смену направлений и «режимов» его работы.

Такая схема действительно выражает постепенное усложнение способов подхода к объекту исследования, поскольку каждый последующий способ включает в себя все предыдущие и, кроме того, решает некоторые новые задачи. В рамках этой последовательности системный подход связывается или с функциональным описанием, или с описанием поведения, или, наконец, рассматривается как новый, еще более сложный, «комбинированный» способ исследования.

Следует, однако, отметить, что функционализм представляет собой лишь одно из необходимых условий системного подхода, притом условие, ограниченное по сфере своего применения. Пока мы имеем дело с системой, внутренняя иерархия которой более или менее ясна, и рассматриваем любой k -й из n уровней этой иерархии, функциональное описание оказывается очень мощным средством анализа. Но дело меняется в двух случаях: 1) когда от описания иерархии уровней переходят к анализу взаимосвязи «слоев» (сфер) системы (например, соподчинения экономики, политики, права, нравственности и т.д. в социальных системах); 2) когда описывают предельно широкую (для данных условий) систему, например общество в целом. В этих случаях функциональное описание либо утрачивает смысл, либо становится тривиальным, не выражая специфики соответствующей системы (подробнее о соотношении функционального и системного подходов см. [22]). Исследование поведения также связано с достаточно определенными ограничениями и отнюдь не охватывает всех аспектов системного подхода.

По-видимому, систему — с той или иной степенью точности — можно описывать во всех четырех перечисленных

нами «измерениях». В процессе последовательного восхождения по ним формируются условия адекватного применения в научном познании идей системного подхода. Вместе с тем необходимо отметить, что специфика системного исследования определяется не только и не столько усложнением методов анализа (в известном смысле эти методы могут даже подвергаться упрощению), а выдвижением *новых принципов подхода к объекту изучения*, новой ориентации всего движения исследователя. В самом общем виде эта ориентация выражается в стремлении построить целостную картину объекта. Более конкретно она обнаруживается в следующих моментах:

1. При исследовании объекта как системы описание элементов не носит самодовлеющего характера, поскольку элемент описывается не «как таковой», а с учетом его «места» в целом.

2. Один и тот же «материал», субстрат, выступает в системном исследовании как обладающий одновременно разными характеристиками, параметрами, функциями и даже разными принципами строения. Одним из проявлений этого является иерархичность строения систем, причем тот факт, что все уровни иерархии «выполнены» из одного материала, делает особенно трудной проблему поиска специфических механизмов взаимосвязи различных уровней (плоскостей) системного объекта. Конкретной (хотя, быть может, и не единственной) формой реализации этой взаимосвязи является управление. Именно поэтому проблема управления возникает практически в любом системном исследовании.

3. Исследование системы оказывается, как правило, неотделимым от исследования условий ее существования.

4. Специфической для системного подхода является проблема порождения свойств целого из свойств элементов и, наоборот, порождения свойств элементов из характеристик целого.

5. Как правило, в системном исследовании оказываются недостаточными чисто причинные (в узком смысле этого слова) объяснения функционирования и развития объекта; в частности, для большого класса систем характерна целесообразность как неотъемлемая черта их поведения, а целесообразное поведение не всегда может быть уложено в рамки причинно-следственной схемы.

6. Источник преобразований системы или ее функций лежит обычно в самой системе; поскольку это связано с целесообразным характером поведения систем, существеннейшая

черта целого ряда системных объектов состоит в том, что они являются не просто системами, а самоорганизующимися системами. С этим тесно связана и другая особенность, присущая многим системным исследованиям: в этих исследованиях нередко приходится обязательно допускать наличие у системы (или ее элементов) некоторого множества индивидуальных характеристик и степеней свободы.

Все эти моменты в той или иной мере стали предметом методологического осознания еще в науке XIX в. С одной стороны, была подвергнута систематической критике ограниченность принципов механистического мировоззрения, исповедовавшихся «классической» наукой. С другой стороны, началась конструктивная работа по созданию нового методологического инструментария научного познания.

Глава вторая

СТАНОВЛЕНИЕ СИСТЕМНОГО ПОДХОДА

1. Общенаучные предпосылки возникновения системного подхода

Системный подход явился одним из тех методологических направлений современной науки, становление которых было связано с преодолением кризиса, охватившего научное познание на рубеже XIX—XX вв. Близкими к системному подходу по своему основному методологическому пафосу являются также структурно-функциональный анализ в социологии и структурализм, получивший распространение в ряде гуманитарных наук. В их истоках много общего. В частности, все они выросли из критики некоторых общих оснований классической науки и представляют собой единокобразную по духу попытку найти позитивный подход к решению новых научных проблем путем выдвижения новых принципов ориентации научного исследования.

Ранее — в первой части данной работы — мы подробно рассмотрели существенные сдвиги в философских основаниях научного познания, которые произошли на рубеже XIX—XX вв., а также охарактеризовали основные типы рефлексии в науке. Теперь же — при анализе становления системного подхода — мы обратим основное внимание на то, как эти революционные изменения отразились на специальных областях знания.

В конце XIX-начале XX в. предпринимается целый ряд попыток построить специально-научные концепции, опирающиеся на новые методологические идеи (принципы

целостности и системности, решительный отказ от элементаристских и механистических представлений, переход от концепции однозначного детерминизма к более широкой трактовке причинных связей и т.д.). Строго говоря, эти попытки не прекратились и по сей день, хотя характер предлагаемых концепций заметно изменился по сравнению с началом века. Пожалуй, ни одна из созданных концепций не оправдала первоначально возлагавшихся на нее надежд. Все они оказались в той или иной степени уязвимыми, породив развернутую и нередко беспощадную критику. Однако каждая из них внесла вклад в формирование системного подхода к изучению сложных объектов.

В биологии в этом смысле примечательную роль сыграли так называемые *организмические концепции* [68, с. 16—108]. Главным противником, против которого они направлялись, был механицизм. Ему противопоставлялось убеждение, что интегративные характеристики живого не могут быть выведены из элементаристских представлений. Правда, в ряде случаев это убеждение соседствовало с модернизированными идеями витализма (как это имело место, например, в холизме, в концепции эмерджентной эволюции). Но для многих представителей органицизма наряду с механицизмом был неприемлем и витализм. В частности, Л. фон Берталанфи, начинавший свою теоретическую деятельность в качестве представителя органицизма, теоретически и экспериментально показал несостоятельность виталистической трактовки Г. Дришом принципа эквивинальности¹⁾ и дал этому принципу естественнонаучное объяснение, продемонстрировав, кроме всего прочего, что он действует не только в биологических, но и в химических системах [234, с. 132-134]. Обратим внимание на то, что в концептуальном плане такое объяснение опиралось на введение понятия открытой системы.

Развитие организмических идей позволило по-новому поставить проблему целостности в биологии: целостность перестала быть только постулатом, поскольку были открыты конкретные пути к обнаружению и изучению ее механизмов.

¹⁾ В соответствии с этим принципом система достигает некоторого фиксированного конечного состояния независимо от начальных условий. Таково развитие эмбриона во взрослый организм. Дриш показал, что даже при механистическом делении эмбрионов голотурии из каждой части развивается нормальный организм, и объяснил этот факт наличием в эмбрионе энтелехии.

Еще одна мощная линия перестройки и обогащения концептуального аппарата биологии была связана с развитием *экологии*, в рамках которой живая природа предстала как сложная многоуровневая система. В интересующем нас сейчас плане экологические исследования особенно важны тем, что они по существу завершили формирование предпосылок для систематической разработки проблем биологической организации. В результате *организованность* живой материи была признана не менее важным фактором, чем способность к эволюции [191]. На этой базе биология раньше, чем какая-либо другая область знания, пришла к осознанию не только множественности связей изучаемого объекта, но и многообразия типов этих связей. Этот вывод стал одним из главных тезисов системного подхода.

Особая ветвь организмических концепций возникла в *психологии*, причем очень характерен методологический фон, на котором выдвигались эти концепции. С одной стороны, начавшееся еще в XIX в. внедрение в психологию объективных методов способствовало оформлению ее в качестве самостоятельной научной дисциплины, опирающейся на контролируемый эксперимент. С другой стороны, из всего арсенала методологических средств на перестройку психологии поначалу наибольшее влияние оказывали именно методы исследования, а другие компоненты методологии (прежде всего концептуальные средства и схемы объяснения) формировались под непосредственным воздействием методов. Поскольку же эти последние заимствовались из гораздо более развитой в то время физиологии высшей нервной деятельности, постольку и обновление концептуально-объяснительного аппарата приняло отчетливо выраженную физиологическую окраску. В методологическом плане это привело к тому, что на смену одной неадекватной схеме объяснения — ассоцианизму, опирающемуся на элементаристский принцип, — пришла другая, чисто методологически, быть может, еще менее адекватная. В ее основании лежал физиологический редукционизм, т.е. стремление свести психику к мозговым процессам. Крайней формы эта линия достигла в бихевиоризме, который объявил лишены всякого научного содержания собственно психологические понятия, такие, как «сознание», «воля» и т. п., а в качестве единственного первоэлемента психической жизни выдвинул связку «стимул — реакция».

Вскоре было обнаружено, что такая трактовка сферы психического принципиально недостаточна и в сущности ведет к утрате психологией собственного предмета. Это стимулировало попытки построения концепций, опирающихся на существенно иные принципы подхода к психике. Первой из таких концепций явилась *гештальтпсихология*. Ее основоположники — В. Келер, М. Вертгаймер и К. Коффка — показали, что в психологических процессах важнейшую роль играют так называемые структурированные целые — гештальты. Этот принципиальный вывод был подтвержден основательным экспериментальным материалом (см. в этой связи [8], [203], [217], [254], [255], [283]). В результате и в психологии проблема целостности была поставлена в научной форме. Концепция гештальтистов, не была свободна от существенных недостатков, скрупулезно и основательно раскритикованных в литературе. Однако конструктивный методологический подход, провозглашенный этой школой, был удержан и развит практически всей последующей психологией (см. [39], [203], [217]).

В дальнейшее методологическое перевооружение психологии особенно заметный вклад внесла *культурно-историческая концепция* Л.С.Выготского [39], развитая в работах ряда советских психологов, и «*генетическая эпистемология*» Ж.Пиаже [117], [138], одна из самых влиятельных школ современной психологии. Трактую психику как исключительно сложное образование, не допускающее элементаристского подхода, Выготский и Пиаже сделали два новых шага в понимании ее системного строения. Первый из них состоял в утверждении принципа развития — генетического подхода к психологическим структурам. Второй шаг выражал в высшей степени характерный антиредукционизм, направленный против физиологизации психики: вместо поисков объяснения психического, образно говоря, «внизу», в его физиологической подоснове, Пиаже и особенно Выготский предприняли попытку вывести специфические черты психики человека из социальных форм его жизни, т.е. «сверху». Правда, в дальнейшем и этот путь при его практической реализации обнаружил на себе черты редукционизма — ведь в сущности редукция может равно заключаться как в сведении к низшему, так и в сведении к высшему. И тем не менее такой подход, если только он не подвергается универсализации и абсолютизации, ведет к существенному углублению представлений о психике. Можно утверждать, что он позволяет

сделать решающий шаг к системной трактовке психики. Этот момент особенно отчетливо выступает в работах Пиаже, в частности, в характерном для него стремлении рассматривать психику со стороны ее двойной обусловленности — биологической и социальной. Такому способу анализа соответствует и выдвигаемое Пиаже требование создания особой «логики целостностей», которая была бы специально приспособлена к изучению психики как системного образования [117].

В развитии новых методологических идей заметную роль сыграли *структуралистские концепции*, возникшие сначала в лингвистике, а затем в этнографии. Лингвистическая концепция Ф.деСоссюра [164], считавшегося отцом современного структурализма в языкознании, показала самостоятельную роль системного плана анализа языка и связанную с этим относительную независимость синхронного и диахронного аспектов его изучения. Хотя из этого тезиса нередко делались (и продолжают до сих пор делаться) крайние выводы в духе отрицания научной плодотворности диахронического анализа, нельзя не заметить, что без методологически (но, конечно, не онтологически) обоснованного разведения синхронии и диахронии вряд ли возможно построение содержательных и конструктивных научных предметов, посвященных специальному изучению процессов функционирования. Реализация этого тезиса в конкретных областях знания сопровождалась в ряде случаев обособлением синхронического и диахронического, функционального и генетического аспектов изучения одного и того же объекта. Порой это обособление становилось настолько значительным, что приводило к формированию практически не связанных между собой предметов изучения. В этой связи возникали взаимные упреки (нередко не лишённые основания): сторонникам синхронического анализа инкриминировалось пренебрежение к принципу историзма, а приверженцы изучения истории объекта обвинялись в отсутствии конструктивности, в телеологизме и субъективизме. Однако рассмотренное в историко-методологической перспективе, такое обособление было в каком-то смысле неизбежной издержкой на пути углубления методологического базиса научного познания, имеющего своим предметом развивающиеся объекты. Положительным результатом этого процесса явилось осознание существенных различий между механизмами функционирования и механизмами развития объекта.

Новые принципы подхода к действительности начинают применяться не только в отдельных специальных науках, но и для решения комплексных проблем, все более настойчиво выдвигаемых перед наукой и практикой в XX в. Попытки решения этих проблем приводят к созданию концепций большой обобщающей силы, причем в их методологическом фундаменте значительное место занимают системно-структурные идеи.

Одним из блестящих примеров в этом отношении может служить учение о биосфере В.И.Вернадского [35], [36] — одного из величайших ученых нашего столетия. В концепции Вернадского на современном научном уровне рассматривается вопрос о глубоком единстве биотических и абиотических факторов существования и развития жизни на Земле, а понятие ноосферы (введенное, правда, не самим Вернадским, а Ле Руа и Тейяром де Шарденом, но на основе идей Вернадского) ставит в связь с этими факторами и развитие человеческой цивилизации [37]. С методологической точки зрения концепция Вернадского существенным образом опирается на принцип целостности, причем впервые в истории познания этот принцип в последовательной научной форме проводится в столь грандиозных масштабах. Если в предшествующей науке речь шла почти исключительно о целостности некоторого заранее данного объекта, достаточно ясно отграниченного от своей среды, то для Вернадского целостность биосферы является не постулатом, а предметом и в известном смысле даже результатом исследования. Иначе говоря, в традиционном исследовании целостность рассматривается как нечто безусловно наличное еще до самого исследования, и задача заключается в том, чтобы выявить специфические связи, делающие эту целостность реальной. Концепция биосферы в этом смысле строится противоположным образом: из детального анализа определенных типов связей делается вывод о целостности объекта, ограниченного этими связями.

Такой тип движения научной мысли получает все более широкое развитие в современной науке. В частности, он составляет одно из методологических оснований экологии²⁾,

²⁾В качестве примера можно привести работу К. М. Хайлова [194], первая глава которой фактически целиком посвящена чисто методологической проблеме — как обычно строится и как может строиться теоретическая модель морского биоценоза. В зависимости от того, какой тип связей принимается в качестве основы анализа, получают три существенно различ-

и не случайно, конечно, концепция Вернадского до сих пор продолжает сохранять роль теоретического фундамента этой дисциплины. Можно, наверное, утверждать, что подобный подход, ставящий во главу угла отыскание реальной системы по некоторому типу (или типам) связей, является специфическим если не для всех, то для значительной части системных исследований³⁾. Очевидно, например, проведение этого принципа при проектировании современных технических систем, при решении комплексных проблем управления. В сущности, из этой методологической предпосылки вырастает столь характерная для наших дней проблемная, а не предметная (т. е. привязанная к какой-то уже существующей научной дисциплине) организация научных исследований.

2. Методологические предпосылки системного подхода

Мы рассмотрели некоторые общенаучные предпосылки возникновения и развития системных идей — изменение ряда существенных сторон научного мышления. Ранее уже было отмечено, что это повлекло за собой и изменения в формах самосознания науки. Не менее серьезным сдвигам подверглась (и продолжает подвергаться) также форма движения научного познания — его общая структура, а в особенности то, что в последнее время принято называть стилем мышления. Наиболее важные из этих сдвигов заключаются в следующем.

ные «проекции» системы: биотопическую (критерием биоценологического единства в ней является наиболее очевидный интегрирующий фактор — общность место обитания) и две трофодинамические (в первой критерием биоценологического единства являются межорганизменные трофические связи «хищник — жертва», во второй — более скрытые трофические связи, которые включают в себя нехищные отношения, основанные на передаче вещества и энергии в форме растворенных соединений, выделяемых одними видами и потребляемых другими). При этом «некоторые организмы, входящие в состав биоценозов, выделенных на основе биотопического критерия, могут не входить в состав биоценоза, выделенного с помощью первого трофодинамического критерия» [194, с. 8]. Реальная система особенно неочевидна в случае третьей модели: легко понять, что она просто не может быть постулирована до исследования, до специального изучения особого типа биоценологических связей.

• Любопытно, что проблема конструирования системного объекта как специфическая для науки XX в. уже в 1928 г. была поставлена в общей методологической форме в работе советского логика Гр. Грузинцева [48], причем поставлена в специфически системных терминах.

Изменения в области проблематики научных исследований с неизбежностью порождают изменение типа решаемых научных задач. Действительно, в методологической литературе постоянно подчеркивается тот факт, что в современной науке происходит быстрый рост удельного веса и роли задач синтеза. Это выражается как в переходе от дисциплинарного к проблемному способу постановки и решения научных задач, так и во все более широком развитии междисциплинарных исследований⁴ и комплексных дисциплин. Другая характерная особенность современной науки связана с возрастанием в ней роли сравнительно-типологических исследований, получающих распространение не только в естествознании, но и в гуманитаристике, особенно в языкознании, этнографии, истории и в изучении культуры. В сущности, это одна из конкретных модификаций той же задачи синтеза, поскольку сравнительно-типологический анализ выполняет функцию содержательно-теоретической и логической организации обширного и разветвленного научного материала. Для современного уровня постановки такого рода задач специфическим является переход от разнообразных эмпирических классификаций к теоретически обоснованным системам типологии. В качестве примера можно привести этнологию К. Леви-Стросса, в которой структурно-типологический анализ является основным методом исследования. Особенно большое значение эта проблематика приобрела в современной биологии, в результате чего биологическая таксономия превратилась в высокоразвитую дисциплину, широко использующую методы и аппарат математики⁵.

Изменение типа задач естественным образом ведет к изменению типа предметного содержания, которым оперируют научные дисциплины. Конкретнее говоря, речь идет о том, что направленность на синтез, характерная для многих областей познания в наше время, методологически удовлетворяется конструированием определенной последовательности предметов изучения.

Наиболее простой в методологическом отношении синтез строится на основе функционального представления объекта изучения: различные характеристики объекта синтезируются

⁴ Методологическим проблемам междисциплинарных исследований специально посвящена работа Э. М. Мирского [106].

⁵ Философская проблематика современной таксономии обстоятельно рассматривается в очень интересной статье А.А.Любшцева [84].

в целостную картину при помощи системы функций, причем функция понимается не в математическом, а скорее в более широком и менее строгом биологическом смысле — как взаимосвязь, определяющая порядок включения части в целое. Совокупность же функций позволяет представить объект как иерархически организованную систему. Однако самое главное заключается в том, что функциональный подход дает возможность перейти от понятия морфологии к понятию структуры, т.е. от представления о строении объекта к представлению о его организации. Именно в этом заключена возможность дальнейшего развертывания предметного содержания.

Структурный подход порождает проблематику упорядоченности и организованности. Результатом методологического осознания этой проблематики является расширение понятия о связях и их типологии, а тем самым создаются непосредственные методологические предпосылки для перехода к понятию системы как центральному в ориентации научного исследования. Сообразно различным типам связей в понятии системы можно выделить два разных методологических акцента.

Когда предметом изучения являются системы с глубокой внутренней интеграцией (типа организма), морфологически и функционально ясно отграниченные от среды, акцент в исследовании делается на проблему целостности. При этом система дана исследователю с самого начала, и ее целостность, как таковая, не требует обоснования. Основная проблематика исследования сосредоточивается вокруг двух моментов: поиска специфических механизмов и связей целостности (этим системная постановка проблемы целостности отличается от предшествующей, досистемной, когда постулировалось, что целостность объекта должна иметь локализованного, непосредственно вещественного носителя) и определения наиболее существенных и характерных форм взаимодействия целостного объекта со средой. В другой методологической ситуации исследователю дан лишь объект во множестве своих проявлений, и систему еще предстоит вычлениить, в известном смысле сконструировать из имеющегося эмпирического материала. На примере экологических исследований мы уже имели случай убедиться, что построение системы в подобных ситуациях является главной теоретической целью изучения объекта, а достигается эта цель на основе постулирования и последующего исследова-

ния определенной совокупности связей, причем добавление хотя бы одного нового типа связей существенно меняет вид, «конструкцию» системы. Поэтому можно сказать, что если в первом случае акцент сделан на целостности, то во втором — на связности объекта.

Онтологически эта грань выглядит достаточно условной. В самом деле, как целостность немыслима без связей, так и наличие связности создает ту или иную, большую или меньшую степень целостности. Более того, постулировав наличие целостности, исследователь фактически приступает к изучению реально воплощающей ее связности объекта, а постулатом связности определяется движение в направлении установления целостности объекта. В этом смысле спорной представляется точка зрения В. Е. Заики [155, с. 124-128], согласно которой наличие связей не обязательно должно приводить к представлению о целостности. (Более точно, В. Е. Заика говорит об ограниченной, неорганической целостности объектов экологии, для характеристики которых, по его мнению, скорее подходит понятие изоморфизма. Однако, во-первых, изоморфизм и целостность выражают существенно различные и отнюдь не контрарные аспекты систем, а во-вторых, целостность, сколько бы она ни была ограничена, остается все-таки целостностью, т.е. чем-то органическим, жизненно существенным и необходимым для системы. Именно этим целостная система отличается от простого целого, и такое отличие вполне работает для экологических систем, как фактически признает и сам В. Е. Заика, когда говорит о степенях и мере целостности.)

Вместе с тем методологическое различие между этими двумя акцентами очень значительно, и в этом смысле рассуждение В. Е. Заики представляется справедливым. Дело, правда, не в том, что одни системы являются более целостными, чем другие: при всей, так сказать, первоначальной неочевидности экологических связей или по крайней мере многих из них, они, как показывает хозяйственная практика человека и материал экологии, оказываются весьма сильными, в определенных аспектах даже более сильными и значительными, чем связи организменного типа. Видимо, правильнее было бы говорить о разных типах целостности со специфическими для каждого из них связями; именно связность и могла бы стать предметом меры и, следовательно, сравнения различных целостных систем. Но этот вопрос возникает тогда, когда мы уже располагаем некоторым рядом

разных систем и решаем задачу теоретической организации этого ряда по определенному основанию. Что же касается изучения конкретных типов систем, то здесь отмеченное нами различие методологических акцентов состоит в том, что оно определяет различие исследовательских стратегий: при акценте на целостность движение осуществляется от заданной целостности к подлежащим выяснению связям, а при акценте на связность — наоборот, от заданной связности к определению целостной системы и ее границ (как правило, пространственно-временных или функциональных).

Изменение типа предметного содержания, которым оперирует научное познание, непосредственно отражается на *категориальном строе* науки в целом и отдельных ее отраслей.

В традиционной, классической науке основу концептуального каркаса составляли «вещные», субстратные категории и понятия. Типичными их представителями могут служить понятия абсолютного элемента как онтологической первоосновы предмета, силы, массы, индивида (в разных аспектах этого понятия) и т. п. Это соответствовало механистическим и элементаристским представлениям об универсальной монотонности миропорядка и убеждению в том, что сущность вещи непременно и непосредственно скрыта в ней самой. В противоположность этому современная наука все более склонна оперировать понятиями и категориями, которые выражают различные типы связей и отношений. Таковы понятия управления, организации, системы, вероятности и т. п., не говоря уже о самих по себе категориях отношения и связи, без которых не обходится ни одна современная научная дисциплина. Этот сдвиг соответствует смещению акцента на проблемы синтеза и вызванному им изменению типа предметного содержания: для изображения в знании функций, организованности, системности принципиально не подходят субстратные понятия, которые могут давать лишь картину «морфологии» объекта, его, так сказать, органического состава. Уже анализ простейших взаимоотношений требует иного понятийного аппарата, а когда познание переходит к изучению системных объектов, то даже их строение, не говоря уже о динамике, оказывается возможным описывать только при наличии достаточно адекватной совокупности специфических средств.

Последнее требование, правда, нередко нарушается, в том числе и в литературе, посвященной системным проблемам.

Можно, например, встретить попытки построения теории систем, основанной на понятии силы. Но практика показывает, что эвристические возможности таких построений просто мизерны: в сущности, они удовлетворяют лишь их создателей. К тому же и «логическая экономия» здесь оказывается мнимой, поскольку к центральному понятию приходится присоединять целый ряд других, как правило, чрезвычайно разнородных и в лучшем случае не проясняющих сути дела. Поэтому и такие попытки фактически служат лишь негативной формой подтверждения тезиса о том, что объекты современного научного познания требуют не просто расширения существующего концептуального аппарата, а именно нового категориального строя, новой *системы понятий*.

Особенность современного этапа развития научного познания состоит в том, что эта новая система понятий пока еще не сложилась в качестве «содержательного формализма», т.е. в качестве совокупности понятий с четко фиксированным содержанием и с однозначно заданными связями и переходами между ними (как это имело место, например, в классической физике при описании механического движения, в традиционной биологической систематике и даже в периодической системе элементов в химии). Однако поскольку потребность в такой системе существует и находит хотя бы частичное удовлетворение, постольку новые понятия, призванные способствовать решению нового типа задач, непосредственно соседствуют в современной науке со старым концептуальным аппаратом.

При решении конкретных научных задач это обычно не создает трудностей. Даже наоборот: привлечение новых понятийных средств стимулирует поиски новых исследовательских подходов и* таким образом, способствует более быстрому достижению успеха. Но на уровне науки в целом такое состояние может рассматриваться лишь как переходное.

Конечно, характер этой ситуации осознается многими исследователями. Отсюда, наверное, и рождается (особенно в последнее время) немалое число попыток построить методологические теории, чтобы тем самым содействовать быстрейшему переходу науки на новые методологические рельсы. Наука, однако, не воспринимает автоматически те или иные методологические идеи. Как показывает история науки, познание обычно остается удивительно индифферентным к навязываемой ему извне методологической помощи, особенно в тех случаях, когда эта последняя предлагает-

ся в виде детализированного, скрупулезно разработанного регламента. Поэтому и новый концептуальный каркас может возникнуть и действительно возникает не как результат проводимой кем-то сверху методологической реформы, а как продукт внутренних процессов, совершающихся в самой науке. Что же касается методологических исследований в специальном смысле этого слова, то они в лучшем случае могут выступать катализаторами этих процессов, интенсифицируя самосознание науки, но ни в коем случае не подменяя его.

Завершая анализ методологических предпосылок возникновения системного подхода, мы хотим обратить внимание читателя на проведенное нами ранее (в первой части) описание изменения *схем объяснения* в научном познании. При этом под схемой объяснения понимается способ организации концептуального аппарата, задающий общую стратегию научного исследования. Выделенный нами переход от элементаристского, сущностно-онтологического объяснения к объяснению, основанному на универсально-абстрактных конструкциях (отыскании универсального свойства, универсального отношения или универсального механизма преобразования), представляет собой, несомненно, одну из важнейших методологических предпосылок системного подхода.

Глава третья

СИСТЕМНЫЙ ПОДХОД КАК МЕТОДОЛОГИЧЕСКОЕ НАПРАВЛЕНИЕ НАУЧНОГО ИССЛЕДОВАНИЯ

1. Место и функции системного подхода в современном методологическом знании

В связи с развитием системного подхода в современной науке и технике возникает целый ряд *методологических* вопросов. Какие специфические средства познания вырабатываются или должны вырабатываться в рамках системного подхода как особой области исследований? Каковы вообще конкретные пути и формы методологического анализа научного знания и каково среди них место, занимаемое системным подходом и аналогичными ему методологическими направлениями? Лак строятся или должны строиться отношения между системным подходом и содержательными специально-научными теориями, опирающимися на этот подход? Может ли и должен ли системный подход выступать в форме научной теории или ему более адекватны иные формы выражения?

На все эти вопросы обширная системная литература не дает определенных ответов. В работах Л.фон Берталанфи пропагандируется «общая теория систем» в чрезвычайно широком смысле слова (эта широта хорошо видна по содержанию книги Л.фон Берталанфи [234]). Другие авторы основное внимание уделяют разработке многообразных вариантов общесистемных концепций и при этом, как правило,

стремятся придать им строгую теоретическую форму. Но в том и другом случае одинаково выносятся за скобки проблема конкретных методологических функций, выполняемых системным подходом и конструкциями типа общей теории систем.

Своеобразным косвенным подтверждением недостаточной проясненности методологического статуса системного подхода является тот факт, что в последнее время некоторые исследователи предпочитают говорить о нем в более осторожных и менее обязывающих выражениях. Б. Г. Юдин, например, в работе [214] говорит о системной ориентации как совокупности принципов, задающих общую стратегию исследования. Понятие «системная ориентация» употребляется и в работах В.Н.Садовского (см., например, [141]). Можно, пожалуй, согласиться, что этим понятием, несомненно навеянным куновской парадигматикой, удачно схватывается общий методологический контекст, в котором возникает и развивается системный подход. Выигрыш, который дает такая осторожность, заключается в том, что открывается возможность заменить антитезы, почти неизбежно связанные с термином «подход» (типа «системный — несистемный»), простыми сопоставлениями, а вместо системной методологии, которая трудно поддается полному и четкому выражению, можно говорить о системном мышлении — предмете, конечно, не столь строгом. В результате рамки методологического анализа заметно расширяются, однако это в свою очередь дает и дополнительный негативный эффект — недостаточную определенность предмета анализа.

Когда речь идет о применении системного подхода в специальных науках или при решении комплексных междисциплинарных проблем, такая неопределенность не создает обычно особых трудностей, поскольку процесс внедрения тех или иных методологических идей в научное познание протекает в крайне сложных формах, подчиняется своим особым, далеко еще не исследованным закономерностям и, во всяком случае, не обнаруживает жесткой связи с наличием или отсутствием соответствующих дистинкций в методологической литературе. Скажем, практика управления убедительно свидетельствует о том, что даже простое осознание в ясной форме системных принципов, без развертывания их в теоретическую систему, позволяет чрезвычайно существенно повысить эффективность деятельности управления. С этой точки зрения для системного анализа как методологии

решения проблем управления оказывается достаточной опорой на новую парадигму мышления.

Однако в собственно методологической сфере дело обстоит иначе. Здесь перечисленные нами вопросы с определенного момента начинают оказываться первостепенными по важности, становятся существенным предметом методологической рефлексии. Можно, наверное, утверждать, что такой переломный момент наступает тогда, когда методологическое направление переходит из поры становления, самоутверждения в пору зрелости. Современное состояние системного подхода показывает, что он находится именно в этой точке своего развития. Поэтому уяснение его методологической природы и функций представляется весьма актуальной задачей.

Исходным пунктом для уточнения методологических функций системного подхода должно, очевидно, служить хотя бы относительно развернутое представление о самих этих функциях. Здесь, однако, мы сталкиваемся с более общей проблемой — о функциях методологического анализа вообще, малоразработанной в нашей литературе. В части 1 данной работы мы уже рассмотрели эту проблему. С учетом сказанного там попытаемся теперь определить место, занимаемое системным подходом в современном методологическом знании.

Практика системных исследований, широко проводимых в настоящее время, показывает, что из перечисленных функций нормативной методологии системный подход самое непосредственное отношение имеет к обеспечению правильной постановки научных проблем. Действительно, наиболее очевидные успехи системного мышления связаны именно и прежде всего с новой постановкой проблем. Эта сторона дела ярко проиллюстрирована в ряде работ Л. фон Берталанфи, а в применении к самой разнообразной биологической проблематике — в работах А. А. Малиновского. В сущности, о том же говорит и развитие методов системного анализа в области управления: собственно системной здесь является именно постановка проблем, тогда как решение их опирается на вполне традиционные, хотя и достаточно современные средства.

Вообще надо сказать, что роль системного подхода в решении уже поставленных, хотя бы и с системной точки зрения, проблем значительно скромнее, чем в их постановке. Самое простое объяснение этому факту заключается в том,

что системный подход до сих пор не разработал универсальной и вместе с тем достаточно эффективной совокупности специфических средств и методов решения проблем. Поэтому даже в исследовании, которое без всяких оговорок может быть названо системным, системная постановка проблемы обычно находит дальнейшее развитие в опоре на неспецифические, т.е., проще говоря, несистемные средства исследования. В этом, разумеется, нет ничего ни странного, ни предосудительного, особенно если учесть, что системный подход, как, впрочем, и всякое методологическое направление, не выступает и, по-видимому, не может выступать в чистом виде, но всегда дополняется другими методологическими идеями и средствами, так что полная методологическая квалификация того или иного исследования помимо указания на его системный характер непременно должна включать в себя и другие определения.

Сравнительно невелика пока роль системного подхода и в реализации третьей из выделенных нами функций методологического анализа — в организации процесса исследования. Правда, в самое последнее время начали предприниматься попытки применить системный подход к этой стороне движения научного познания. Однако такие попытки лежат либо в русле методологии системного анализа, ориентированной на прикладные исследования и разработки и практически не затрагивающей фундаментальные исследования (а потому не вполне подпадающей под то, что принято называть методологией научного познания), либо в плоскости опять-таки системной *постановки* проблемы организации исследования (см., например, [276], [281]).

Значительно более заметен и существенен вклад системного подхода в решении тех задач, которые относятся к компетенции дескриптивной методологии, т.е. методологического самосознания науки, ее структурного самоотображения с точки зрения применяемых в ней методологических средств. Собственно, именно этой проблематике посвящена основная часть методологической литературы по системному подходу и общей теории систем. Можно утверждать, что к настоящему времени достигнута ясность относительно общей характеристики места, занимаемого системным подходом в развитии методологии научного познания, и его основных содержательных принципов. Внимание исследователей теперь все более сосредоточивается на специальных вопросах, таких как выявление детализированной структуры системной

методологии, анализ конкретно-научной методологии с системной точки зрения и т.п. По мере того как развиваются подобные исследования, они начинают выполнять не только дескриптивные, но и нормативные функции, прежде всего те, которые связаны с системной постановкой современных научных проблем. Такая связь дескриптивных и нормативных методологических исследований характерна для всякой развивающейся методологии и не может, конечно, считаться специфической только для системного подхода.

Таким образом, в системе функций методологии системный подход, по крайней мере в том виде, как он существует в настоящее время, достаточно эффективно выполняет, во-первых, функции, связанные с постановкой проблем в специальных науках, и, во-вторых, функции дескриптивного характера, т.е. методологического анализа уже существующего научного знания.

Для того чтобы охарактеризовать место системного подхода в ряду уровней методологического анализа, напомним определение методологического подхода, которое было сформулировано нами ранее. Методологический подход — это принципиальная методологическая ориентация исследования, точка зрения, с которой рассматривается объект изучения (способ определения объекта), понятие или принцип, руководящий общей стратегией исследования. Эти признаки методологического подхода, несомненно, приложимы к системному подходу.

Методологическим исследованиям в рамках системного подхода бывает свойственна определенная тенденция к онтологизации, связанная со стремлением придать ему форму методологической теории, однако, несмотря на это, системный подход как таковой не может быть, по нашему убеждению, отнесен к уровню конкретно-научной методологии и тем более — к уровню методики и техники исследования. Утверждая это, мы исходим из следующих соображений. Во-первых, любая развитая конкретно-научная методология непременно опирается на некоторую совокупность подходов, а потому не может квалифицироваться в рамках какого-то одного из них при отбрасывании всех остальных. Во-вторых, развитие современной науки с очевидностью демонстрирует общенаучный характер системного подхода, его реальное применение в различных областях научного знания. По вполне понятным причинам системный подход не может считаться принадлежащим и к уровню ме-

тодики и техники исследования: рассматриваемый в целом, он никак не является специализированной совокупностью процедур, а те его направления, которые связаны с разработкой методологических системных теорий, удовлетворяются обычно либо онтологической интерпретацией их результатов, либо использованием их в качестве инструмента ориентации специально-научных исследований, но никак не непосредственно в качестве методического средства. Пожалуй, лишь в системном анализе мы сталкиваемся со специализированной методикой и техникой, однако она, во-первых, в значительной своей части не является специфически системной, а во-вторых, это все-таки методика и техника не собственно процесса исследования, а процесса управления, организации прикладных исследований и разработок (и не только их).

Опираясь и дальше на принцип исключения, мы должны сделать вывод о том, что системный подход не может быть отнесен как таковой и к уровню философской методологии: сам по себе он не связан непосредственно ни с разработкой мировоззренческой проблематики (на что справедливо указывалось в работе [79]), ни с выполнением функций философской критики форм и принципов научного познания.

В итоге мы остаемся перед возможностью единственного решения с точки зрения принятой нами схемы уровней методологического анализа — *системный подход принадлежит ко второму уровню, т.е. к уровню общенаучных принципов и процедур исследования*. Конечно, как и всякую классификационную дистинкцию, это решение не следует толковать слишком ригористически. С одной стороны, между всеми уровнями методологии существуют как содержательные, так и функциональные связи. С другой стороны, очевидно, что методология выполняет свои функции в научном познании не по частям, а как единое целое. При этом особенно тесно связаны между собой первый и второй из выделенных нами уровней. Именно эта связь породила проблему отношения между системным подходом и философией — проблему чрезвычайно важную, но явно некорректно поставленную некоторыми консервативными критиками системного подхода. И все же классификация уровней методологии и отнесение системного подхода к одному из них представляется отнюдь не второстепенной проблемой. Ее рассмотрение и решение позволяют глубже уяснить сущность системного подхода как методологического направления современной науки и выполняемую им реальную роль в развитии познания. А с

этих позиций яснее становятся и перспективы системного подхода, по крайней мере — ближайшие из них.

Из того факта, что системный подход представляет собой *методологическое* направление научного познания, вытекает довольно прозрачный, но часто, к сожалению, упускаемый из виду вывод: сам по себе системный подход не решает и не может решать содержательных научных задач. Эта оговорка особенно существенна в наше время, когда занятия научной деятельностью превратились в массовую профессию (о чем у нас уже шла речь), и на этом фоне естественно возрос спрос на методологию, которая, по мнению многих, должна выступать в роли фактора, обеспечивающего своеобразную эвристическую компенсацию — восполнение продуктивных возможностей «среднестатистического» индивида до тех стандартов, которые гарантируют хотя бы минимальный по своей значимости результат занятий наукой. Начинает не только складываться, но нередко и приобретать силу предрассудка наивное убеждение в том, будто при столкновении со сложной научной проблемой все дело сводится не более чем к отысканию подходящих методов и процедур, которые сами по себе приведут к необходимому научному решению. В наиболее тривиальных случаях ограничиваются даже применением какого-нибудь «современного подхода»; получая в результате вполне наукообразную, но чрезвычайно тощую схему, которая дискредитирует не столько соответствующую науку (остающуюся в принципе безразличной к подобного рода построениям), сколько саму идею методологического анализа, вообще методологии научного исследования. Так появляются на свет «мировые схемы», основанные на понятии информации, силы, системы и т.п. и полностью лишенные какой бы то ни было конструктивности. Это, в сущности, форма рецидива наивной натурфилософии, беспомощная потому, что за ней не стоит серьезный анализ реальности специфическими для науки средствами, и вредная потому, что чисто спекулятивное движение мысли пытаются спрятать за внешне солидный фасад современных абстрактных методологических средств и еще прикрыть его псевдоформализацией и псевдострогостью.

Здесь мы сталкиваемся с определенными издержками, возникающими в результате широкого развития методологических исследований. Синкретическое, глобальное представление о методологии приводит к неразличению ее существенно разных уровней и специфических функций каждого

из них в научном исследовании, а отсюда — к переоценке общей роли методологии в процессе движения познания. Конечно, эту роль нельзя и недооценивать. Хорошо известно, что она весьма заметно выросла в связи с резким расширением масштабов научной деятельности в современном обществе. Но вместе с тем именно это и привело к расслоению методологии на уже охарактеризованные нами уровни и к соответствующему распределению между ними функций. Особенно широкое развитие получил тот уровень методологии, который связан с методикой и техникой научного исследования. Мы уже отмечали, что современная наука требует гигантского объема черновой подготовительной и экспериментальной работы. Такая работа должна выполняться на высоком профессиональном уровне, а профессионализм обеспечивается прежде всего соответствующей методологической (в самом широком смысле этого слова) вооруженностью, точно так же, как это необходимо при выполнении любого вида деятельности. Специфика обслуживающей массовую деятельность методологии состоит в том, что вырабатываемые ею средства как бы накладываются в виде трафарета (т.е. совокупности обязательных предписаний) на самую деятельность. Это если не полностью, то в весьма значительной мере относится и к занятиям наукой как массовой профессии. Методология здесь выступает как набор типических, массовидных процедур, предписывающих, каким именно обязательным стандартам должен удовлетворять тот или иной конкретный вид научной деятельности, в какой общеобязательной форме должен выступать его результат, включающей в массив наличного знания (в данном случае речь идет, как правило, об эмпирическом знании).

С такого рода методическими разработками можно, конечно, встретиться и в тех направлениях исследований, которые реализуют системный подход. Однако понятно, что даже и сугубо системные исследования включают в себя подобные разработки в качестве хотя и необходимого (в силу действия общих законов организации научного исследования), однако отнюдь не специфически системного компонента. Возможно, в будущем положение изменится: если даже, как полагают некоторые энтузиасты, вся наука станет системной, то, очевидно, она сумеет каким-то образом экстраполировать специфические черты системности и на низшие уровни методологии. Пока же, как мы установили, системный подход принадлежит к иному уровню методологии

и в выполняемых им функциях превалируют содержательно-эвристические моменты, связанные с осмысливанием общего направления движения научного познания, изменения характера и постановки научных задач и т. п. Для выражения сути дела на этом уровне менее всего подходит образ трафарета: системный подход (как и любую иную методологическую позицию) нельзя чисто внешним образом «приложить» к какой-то специальной проблеме: вернее: приложить-то можно, но это даст не более чем чисто словесное «переодевание» проблемы, без всякого реального продвижения вперед. И надо с сожалением констатировать, что в литературе, окружающей системные исследования, подобные «приложения» не являются редкостью.

Подведем некоторые итоги нашего анализа места и функций системного подхода в современном методологическом знании. Когда научное исследование осуществляется под методологическими знаменами системного подхода, оно должно прежде всего удовлетворять требованиям системной постановки проблемы — это явствует из сущности системного подхода и охарактеризованных нами его главных функций. Отсюда следует, что в системном исследовании обоснованию подлежит прежде всего рассмотрение объекта исследования как системы — насколько такое рассмотрение необходимо, насколько оно диктуется реальными задачами исследования. При этом очевидно, что само по себе употребление системных слов и понятий еще не дает системного исследования даже в том случае, если объект действительно может быть рассмотрен как система.

Системная постановка проблемы влечет за собой целый ряд следствий. Во-первых, это должна быть новая постановка проблемы, позволяющая по-новому увидеть объект и очертить реальность, подлежащую исследованию. Во-вторых, должен быть выполнен минимум условий, делающих последующее исследование системным. К числу таких, методологических по своему характеру, условий относятся: постановка проблемы целостности или связности объекта, исследование связей объекта, в частности, вычленение системообразующих связей, выявление структурных характеристик объекта, и т. д.

Когда проблема поставлена в соответствии с требованиями системного подхода, построение адекватного ей предмета исследования осуществляется уже на основе общеметодологических соображений, которым подчиняется этот этап

исследования, и с привлечением тех пока еще немногочисленных средств и методов, которые выработаны для этого в рамках методологии и логики системного исследования (речь идет прежде всего о понятийном аппарате, а также о некоторых специализированных формальных средствах, созданных для описания определенных конкретных типов системных объектов). Аналогичным в принципе образом обстоит дело и с процессом построения системной теории исследуемого объекта.

2. Методологическое строение системного подхода

Для описания методологического строения системного подхода мы воспользуемся понятиями «познавательная ситуация», «предмет исследования» и «эмпирическая область», и содержание которых было раскрыто в первой части нашей работы. Основные методологические особенности системных исследований можно, по нашему мнению, охарактеризовать следующим образом.

Во-первых, для этих исследований характерен особый тип изучаемой действительности — она является, как правило, многоплоскостной. В самом деле, чтобы построить системную теорию, необходимо одновременно решить целый ряд различных задач, отнесенных нередко к весьма удаленным друг от друга научным дисциплинам. Сообразно с этим разнотипными оказываются и все другие компоненты предмета системного исследования. Однако все плоскости такого рода должны быть увязаны в некоторый целостный познавательный организм. Как осуществить такую увязку — на этот вопрос в общем виде должна ответить методология.

Во-вторых, возможность и необходимость использования методов и средств различных наук в одном системном исследовании выдвигает специфическую проблему предметной отнесенности — выявления того, насколько адекватна та или иная группа средств данному предмету исследования. Например, аппарат математики может быть в настоящее время приложен практически в любой научной сфере. Однако реализуя эту возможность, далеко не всегда учитывают, насколько результат, полученный от такого приложения, способствует действительному развертыванию предмета исследования и соответствует требованиям к продукту исследования. Эта же

проблема возникает применительно к любому промежуточному результату, получаемому в исследовании. Иными словами, предметная отнесенность является одним из основных критериев для оценки промежуточных результатов системного исследования.

В-третьих, высокая степень абстрактности системных исследований создает для каждого из таких исследований практически необъятное поле возможностей выбора (построения) эмпирического материала. Это хорошо видно, например, в исследовании самоорганизующихся систем. С одной стороны, широта эмпирической области позволяет быстро получать теоретические выводы. Но, с другой стороны, она же выступает как препятствие, когда необходимо осуществить переход от абстрактных теоретических схем к получению заданных предметом результатов. Отсюда необходимость специального анализа законов построения эмпирической области в системном исследовании, внутреннего строения этой области в зависимости от специфики предмета и соотношения различных по своему типу и строению эмпирических областей, объединяемых одним исследованием.

Подробного методологического анализа, естественно, требуют и отдельные компоненты предмета системного исследования. Мы остановимся на двух из них — задаче и продукте.

Из реальной практики системных исследований можно вывести два основных типа задач, которые в них решаются и которые определяют типы соответствующих познавательных ситуаций:

1) построение теории «системного объекта», когда на первом плане стоит обычно задача синтеза различных систем знания (которые еще должны быть в значительной мере построены), т.е. задача многопредметного исследования, которое в конечном итоге должно дать некоторую единую теоретическую схему, «снимающую» эти частные (относительно глобальной задачи) предметы и их результаты;

2) конструирование искусственных сложных систем, обладающих, так сказать; собственным «поведением», т.е. способных к имманентному функционированию, в частности к смене и перераспределению функций (последнее особенно характерно для конструирования самоорганизующихся систем). Если в первом случае надо «обнаружить» принцип действия, заключенный в исследуемой системе, то во втором случае этот принцип должен быть создан. В поисках

его аналогов обычно обращаются к естественным системам, что стимулирует постановку и решение задач первого рода (именно так возникла бионика).

Для задач второго рода характерно также построение (проектирование) научно-исследовательской и конструкторской деятельности, включаемое в единую схему с конструируемым устройством. Эта особая задача возникла из чисто экономических соображений (экономия средств и времени), но значение ее гораздо шире. По сути дела, речь идет о том, что построить современную техническую систему (систему управления) невозможно без одновременного построения деятельности по ее построению. Можно предположить, что подобное проектирование станет необходимым и при решении задач первого рода. Эффективное же проектирование деятельности — задача, бесспорно, чисто методологическая.

Чтобы выявить специфику продукта системного исследования, представим себе, что нам дан некоторый объект и поставлена задача исследовать его. В самом общем виде эта задача может быть сведена к ответу на вопрос «каков объект?». Приступив к решению, мы, опираясь на имеющиеся у нас средства, подвергаем объект определенной последовательности воздействий, фиксируем результаты этих воздействий и получаем некоторую таблицу, в которой эти результаты сведены в определенном порядке.

Строго говоря, уже этот чисто эмпирический итог дает нам ответ на вопрос о том, каков объект: табличные значения фиксируют свойства объекта, выраженные через тот или иной эталон (температуры, веса, электромагнитных колебаний и т.д.). Применив к объекту ряд различных по своему типу воздействий, мы, соответственно, получим ряд различных его свойств, которые в совокупности дадут определенную характеристику объекта, т.е. взаимосвязанное описание разных его сторон (свойств). Выявленные в таком эмпирическом анализе свойства позволят определенным образом использовать объект в научно-практической деятельности.

Однако исследовательская задача может содержать требования, для удовлетворения которых недостаточно получить эмпирическое описание свойств объекта. Например, это может быть задача определить зависимость между свойствами, т.е. найти закон их взаимного изменения. Решение такого рода задачи может быть связано с непосредственным воздействием на исследуемый объект, а может и не требовать

177 ЧАСТЬ ВТОРАЯ. СИСТЕМНЫЙ ПОДХОД: ЕГО РАЗВИТИЕ И ОСНОВЫ

подобного воздействия. Однако в любом случае непосредственный объект оперирования существенно отличен от того, что мы имели в задаче первого типа: теперь исследованию подвергается не «объект как таковой», а его свойства, выявленные в предшествующем исследовании. Решение задачи второго типа дает результат, в научном и практическом отношении гораздо более значимый, чем простое эмпирическое описание свойств объекта. Это возрастание значимости результата может быть выражено в двух моментах: во-первых, знание закона взаимозависимости свойств (выражаемое обычно в виде формул) позволяет существенно расширить сферу использования объекта; во-вторых, знания, принявшие такую форму, создают возможность не только для непосредственного использования объекта и его свойств, но и для построения «искусственных» объектов, в основу конструкции которых положен принцип действия, так или иначе вытекающий из этого знания (закона).

Как в первом, так и во втором случае продуктом работы исследователя являются параметры объекта. При этом объект остается внутренне нерасчлененным, он лишь описывается с разных сторон, причем каждое описание относится к объекту в целом.

Однако и после того как получено параметрическое описание, вопрос «каков объект?» может возникнуть вновь — теперь уже как вопрос о строении объекта. Наиболее естественный и прямой путь ответа на этот вопрос состоит в том, чтобы расчленить объект на составляющие его части, элементы, причем под элементом понимается нечто пространственно локализованное. Точно так же должны быть локализованы, представлены в вещественном виде особые составляющие объекта — те, которые играют роль связей внутри объекта, обеспечивают его целостность (здесь связи понимаются как то, что непосредственно связывает, скрепляет части объекта). В результате такого расчленения мы получаем представление о морфологии объекта. Понятно, что одним из компонентов такого исследования является получение параметрического описания элементов и связей объекта, причем сам по себе процесс исследования строения может развиваться как «внутри» объекта (т.е. по линии анализа строения отдельных элементов), так и «вне» его (т.е. по линии анализа объекта как элемента более широкого целого).

Интересно заметить, что сама по себе задача выявления строения, в отличие от получения параметрического описания, требует иной формы и вида результата исследования: таким результатом обычно является не закон (как выражение формульного типа), а некоторая схема, в которой и изображается строение объекта (в частном случае схема может быть либо простым словесным описанием, либо моделью объекта).

При всем значении морфологии объекта, она в ряде случаев может не удовлетворить исследователя. Это, в частности, бывает, когда относительно одного и того же объекта получено (в разных задачах) несколько изображений строения, которые не удается согласовать друг с другом (либо изображения строения на разных «уровнях» объекта, либо даются различные изображения одного уровня). Поэтому для получения удовлетворительной картины объекта требуется осуществление его нового расчленения — функционального, итогом которого является картина функционального строения объекта. Задача получения такой картины оказывается особенно важной, когда необходимо объяснить «жизнь» объекта — принципы его организации, функционирования и развития.

Функциональное строение объекта исследования может быть поставлено в соответствие с морфологическим, причем между ними могут быть обнаружены как существенные сходства, так и существенные различия. В частности, одна из особенностей функционального расчленения состоит в том, что оно, в отличие от морфологического, не является жестко привязанным к пространственной локализации элементов. За этим, внешне, быть может, не очень заметным фактом стоит принципиальный вывод: осуществление функционального расчленения требует набора иных, по существу совершенно новых, методологических процедур.

Уже при решении задачи выявления морфологического строения объекта исследователь имеет дело со специфической предметной действительностью: в морфологическом расчленении и последующем установлении связей между элементами членения, по сути дела, уже заложены основания системного подхода к объекту и системного построения исследования. Однако в полной мере такой подход реализуется лишь при функциональном расчленении, поскольку именно здесь у продукта исследования появляются существенно новые черты, в частности, отсутствие жесткой привязки к пространственно-временной локализации. Прав-

да, в функционально-генетическом анализе пространство и особенно время появляется вновь, но теперь уже на ином, структурно-функциональном уровне, с иными внутренними характеристиками. Известно, что биологи широко употребляют понятие биологического времени, с таким же правом социологи могут говорить о социологическом времени и т. д.; во всех этих случаях речь идет не об абсолютном, «мировом» времени, а о внутреннем времени системы, определяемом ритмом ее функционирования и развития.

Было бы большим упрощением делать вывод, что специфика продукта системного исследования может быть сведена к требованию получить функциональное (или синтез его с морфологическим) описание объекта анализа. Всесторонняя характеристика этого продукта требует детального анализа и обоснования. Да и возможные принципы расчленения объекта вряд ли могут быть ограничены морфологией и функциями. Например, в исследованиях по самоорганизации, в конструировании больших технических систем, при решении ряда современных экономических задач вполне явно обнаруживаются поиски особых способов и средств, при помощи которых можно было бы выявить и описать в расчлененном виде поведение системы в целом. Такого рода интенция не укладывается ни в морфологические, ни в функциональные представления и, вероятно, требует совершенно иного подхода. Другим особым видом является генетическое расчленение объекта исследования, также предполагающее необходимость разработки специфических средств и методов.

Одним словом, современная наука явно идет по пути создания всех новых и новых способов расчленения и анализа объектов исследования. И выработка таких способов, пожалуй, наиболее ярко выражает возникновение принципиально новых требований к продукту исследования.

Чтобы яснее стали функции методологического анализа в системных исследованиях, целесообразно хотя бы в общем виде рассмотреть, как может быть представлен продукт такого анализа.

Мы уже отмечали, что методологические исследования не могут претендовать на построение системно-структурных теорий, как не могут они дать и специально-научных методов системного исследования. Специфическим продуктом методологического анализа, на наш взгляд, должны быть:

а) «чистые» методы и средства системного исследования, т. е. такие методы и средства, которые относятся не к

исследованию отдельных, частных систем и структур (а такого рода методы тоже должны вырабатываться), а к любым подобным исследованиям или, по крайней мере, к достаточно широким их классам;

б) классификация специальных научных методов системного исследования по различным основаниям;

в) описание систем и структур «в общем виде», т. е. построение расчлененного представления о системных исследованиях как особом процессе научного исследования;

г) определение общих законов и методов переходов от одного предмета изучения к другому в системном исследовании, учитывая, что такое исследование, как правило, является многопредметным;

д) проведение анализа системных исследований как анализа научно-исследовательской деятельности со специфическими для нее законами организации;

е) выработка средств анализа и организации системных исследований, т. е. разработка на содержательной основе тех проблем организации системного исследования и управления им, которые в настоящее время разрабатываются системотехникой и связанными с нею дисциплинами.

Вряд ли этот перечень можно считать исчерпывающим, но все же он позволяет поставить общую задачу и, в частности, сформулировать два принципиальных вывода: во-первых, такие результаты крайне необходимы для успешного развития системных исследований; во-вторых, они не могут быть получены ни в каком специальном научном анализе; они — продукт методологического исследования.

3. К анализу внутреннего строения обобщенных системных концепций

Хотя предложенные к настоящему времени варианты общей теории систем весьма заметно различаются по своим исходным установкам и применяемому аппарату, в их архитектонике можно обнаружить немало общих черт. Это и не удивительно, поскольку любая системная концепция, претендующая на более или менее широкие обобщения, так или иначе должна строиться на основе вполне определенной научной реальности и подчиняться решению вполне определенных задач.

Отсюда следует, что для дальнейшего развития системных исследований важное значение имеет сравнительный анализ

уже построенных концепций общего характера. Такой анализ позволит уточнить пути построения общей теории систем и сформулировать существенные требования к логической структуре этой теории.

Основная трудность, на которую наталкиваются исследователи при попытках построить обобщенные системные концепции, связана с тем, что обычно, чем более общий характер носит та или иная концепция, тем менее эффективной оказывается она, т.е. тем труднее применить ее в качестве работающей методологии в конкретных системных исследованиях.

Для науки прошлого такая ситуация, по-видимому, не была характерна: предметы исследования строились тогда обычно на сравнительно узких классах объектов и соответствующем эмпирическом материале, при достаточно жесткой специализации методов исследования. Поэтому концепции общего порядка по необходимости должны были носить относительно ограниченный характер. И хотя научная мысль всегда искала предельных обобщений, опираясь на любой достигнутый уровень знаний, эти обобщения почти всякий раз оказывались малоэффективными либо даже вовсе не имели серьезного научного смысла. Исключение составляли обобщения данных научного познания, осуществляемые философскими методами. Однако конструктивная роль философских концепций в развитии познания определялась тем, насколько они, не претендуя быть конкретно-научной методологией, фиксировали общие условия и границы научного познания для данного этапа развития науки, т.е. решали собственно философские проблемы.

В современной науке положение радикальным образом изменилось. Создание таких наук, как кибернетика, семиотика, развитие математики и современной формальной логики связано со становлением теорий высокой степени абстрактности, приложимых к анализу объектов самых различных классов. К этому добавляется и еще одно обстоятельство: наряду с продолжающейся дифференциацией отраслей знания современная наука переживает все более глубокий процесс интеграции, охватывающий прежде всего сферу научного метода.

В русле этих процессов осуществляется и создание различных вариантов общей теории систем. По мысли их авторов, эти концепции должны охватывать большие классы систем или даже «системы вообще», вместе с тем они должны

служить задачам интеграции методов исследования сложных объектов. И если, несмотря на множасьшие попытки, до сих пор не удастся осуществить решение подобных задач, то причины этого надо, очевидно, искать в методологическом несовершенстве самих подходов к построению системных концепций. В свою очередь это несовершенство в значительной мере объясняется общей неразвитостью методологии системных исследований.

Одна из важных задач методологического анализа связана, на наш взгляд, с попытками выявить общую схему, по которой строятся в настоящее время обобщенные системные концепции (а существование такой схемы представляется интуитивно очевидным). Учитывая большое разнообразие подходов к исследованию систем и структур, следует оговориться, что такие попытки, особенно на первых этапах анализа, должны быть сопряжены с довольно значительным огрублением в отношении к отдельным системным концепциям и неизбежно будут нести на себе заметную печать некоторой условности. Однако именно на первых порах важно как раз отвлечься от деталей и определить то, что объединяет, а не разъединяет разные варианты общей теории систем с точки зрения их логической структуры.

Нам представляется, что наиболее адекватным путем для выявления внутреннего строения системных концепций является конкретный анализ ряда таких концепций. Опираясь на результаты этого анализа, можно в дальнейшем попытаться перейти к обобщениям. В качестве одной из таких конкретных концепций мы рассмотрим концепцию известного польского экономиста О. Ланге, изложенную им в книге «Целое и развитие в свете кибернетики» [260]. Выбор именно этой концепции объясняется тем, что она представлена ее автором весьма компактно и последовательно и потому достаточно легко поддается анализу.

По словам О. Ланге, основная идея его книги состоит в том, чтобы дать строгий анализ целостности и развития, используя для этого аппарат кибернетики. Мы оставим в стороне заключительную часть его работы, где О. Ланге, опираясь на сформулированные в первых разделах идеи, пытается дать интерпретацию диалектической концепции развития в понятиях кибернетики. Предметом нашего анализа будет исключительно развиваемая в книге концепция целостности, т.е., по сути дела, вариант общей теории систем, хотя сам автор ее так не называет.

Абстрагируясь пока от хода рассуждения О. Ланге, попытаемся сначала выделить и систематизировать основные употребляемые им понятия. Эти понятия достаточно отчетливо распадаются на три группы, которым соответствуют три плоскости анализа.

Первую группу образуют понятия, совокупность которых характеризует и задает плоскость рассматриваемых объектов:

1) *действующий элемент*, под которым понимается материальный предмет, определенным образом зависящий от других материальных предметов и определенным образом влияющий на эти предметы — его *окружение*;

2) *связи элементов*, которые определяются как преобразования векторов, описывающих *состояния* элементов;

3) *система* — совокупность взаимосвязанных действующих элементов;

4) *структура* — сеть связей между элементами.

Вторую группу составляют понятия, заимствованные из кибернетики и служащие для расчленения и описания состояний объектов первой плоскости:

1) *входы и выходы* элементов и систем;

2) *равновесие* систем;

3) *стабильность*;

4) *саморегуляция* систем.

Наконец, в *третью группу* входят понятия, заимствованные из векторной алгебры и служащие, по мысли автора, целям формального описания исследуемых в этой концепции понятий, т. е. понятий первых двух групп; основными в рамках третьей группы являются понятия *вектора* и *матрицы*, но к анализу привлекаются и другие алгебраические понятия.

За исключением алгебраических, каждое из этих понятий определяется в книге, хотя О. Ланге, естественно, не различает их по указанном трем группам и употребляет как принадлежащие к одному ряду.

Выявив и сгруппировав основные понятия, на которые опирается концепция, можно обратиться к способу их связи. Это и раскроет логическую структуру концепции, способ ее построения.

В качестве основы всего теоретического движения в книге выступает факт, зафиксированный в целом ряде наук и составляющий одну из самых злободневных проблем современного этапа развития познания. В общем виде эта проблема обычно формулируется так: как описать систему, элементы которой принадлежат к одному уровню организации, а сама она как

целое — к другому, более высокому, например: как из физических элементов складываются химические, из физико-химических — биологические и т.д. Можно утверждать, что эта проблема является центральной практически во всем комплексе системных исследований.

Как же решает эту проблему О. Ланге? Основной постулат его концепции состоит в том, что всякую систему образуют две совокупности — совокупность элементов и совокупность связей (структура). Следовательно, здесь совокупность связей выступает как то «нечто», благодаря которому целое оказывается несводимым к сумме своих частей. Такой способ понимания целостности можно рассматривать как типичный для целого ряда системных концепций.

Таким образом, фундаментом, на котором строится вся концепция Ланге, оказываются, по сути дела, два понятия — элемент и связь, а понятия системы и структуры выступают как производные от них. Это означает, что понятия, выделенные нами в первую группу, образуют понятийный или смысловой каркас концепции — ее содержательную плоскость, а способ связи двух главных понятий выступает как основной постулат концепции.

Кибернетические понятия в теоретической схеме О. Ланге не играют самостоятельной роли, будучи «привязаны» к исходным понятиям первой плоскости. Например, входы и выходы необходимы элементам для реализации связей, равновесие и стабильность служат для описания состояний системы. В целом эту группу понятий можно рассматривать как переходный мостик от первой плоскости к третьей. Логика рассуждения здесь примерно такова: строгое описание целостности возможно лишь на базе математического аппарата; понятия же первой плоскости являются чисто «качественными» и сами по себе не позволяют применить математический аппарат; в то же время известно, что явления, описанные на языке кибернетики, тем самым могут быть описаны и математически. В этом смысле введение второй плоскости может рассматриваться как «кибернетизация» первой плоскости.

После изложенного функция третьей плоскости очевидна и не требует пояснений. Понятно также, почему предпочтение отдано векторной алгебре, обладающей хорошим аппаратом для суммарного математического описания совокупностей с большим числом элементов.

Таким образом, характеристика второй и третьей плоскостей обнаруживает их непосредственную зависимость от содержания, заданного в первой плоскости, и от исходной задачи — построения «строгого» описания целостности. Это, в частности, объясняет, почему О. Ланге использовал лишь несколько кибернетических понятий, совсем не привлекая целого ряда других (в том числе столь характерного для кибернетического мышления, как понятие информации).

В этой связи заслуживает быть отмеченным одно любопытное обстоятельство: объектная сфера, исследуемая Ланге, существенно шире, чем сфера предмета кибернетики, но вместе с тем арсенал понятий, привлекаемых им из кибернетики, оказывается весьма небольшим и далеко не исчерпывает основных понятий этой науки (в некоторых других системных концепциях нередко случаи привлечения понятий одновременно из нескольких областей знания, как смежных, так и достаточно далеких одна от другой). Следовательно, содержание, выделенное им в первой плоскости анализа, вполне укладывается в рамки нескольких понятий, которые достаточны для дальнейших определений, для оперирования с этим содержанием и его формализации.

Это делает всю концепцию очень компактной по изложению, но, вероятно, именно в этом заключена одна из главных причин столь высокой степени абстрактности концепции О. Ланге, в результате чего ей крайне трудно найти эффективное приложение в каком-либо конкретном системном исследовании, специально направленном на изучение целостности системного объекта и, как мы уже отмечали, вообще нелегко найти конструктивную интерпретацию.

Поскольку вид и форма математического аппарата заданы исходной задачей и видом предшествующих плоскостей, а совокупность используемых в книге кибернетических понятий также фактически определена всецело из содержательных соображений, постольку для анализа и общей оценки концепции О. Ланге надо обратиться прежде всего к более детальному анализу первой, содержательной плоскости его концепции.

Как уже говорилось, содержательная часть концепции базируется на двух основных понятиях — элемента и связи. И оба этих понятия, несмотря на подкупающую четкость определений, при помощи которых они вводятся, оказываются недостаточно развернутыми в их внутреннем содержании. Конечно, при этом надо учитывать, что упрек подобного

рода не может быть адресован исключительно О. Ланге, в той или иной мере его следует отнести фактически ко всем созданным к настоящему времени вариантам общей теории систем. Но именно поэтому представляется интересным и важным проанализировать эту ограниченность концепции.

Вводя понятие элемента, Ланге совершенно справедливо, на наш взгляд, обращает внимание на то, что элементу необходимо должна быть присуща внутренняя активность. Поэтому он говорит не просто об элементе, а о действующем элементе. Такая характеристика позволяет выделить очень важное качество любой системы — ее противопоставленность окружению, среде, благодаря чему система не просто существует в среде, но всегда так или иначе «перерабатывает» ее. Однако очевидно, что такой способ определения элемента и, далее, системы ко многому обязывает, в том числе и с чисто формальной точки зрения. В самом деле, если это элемент, то он, по крайней мере в рамках данной системы, неразложим далее; если же он способен к «действию», то он с необходимостью должен обладать определенным источником действия и, следовательно, в этом смысле обязательно должен быть сам рассмотрен как сложный объект и подвергнут расчленению. Ланге не ставит эту проблему и просто постулирует у элемента действия как атрибут, не обсуждая даже вопроса о том, можно ли его считать атрибутом.

Еще больше неясностей оставляет понятие связи. По своей роли в концепции оно, несомненно, является чисто содержательным и, следовательно, принадлежит к первой группе. Однако в действительности Ланге вводит его сразу во все три плоскости: в определении связи есть и элементы, и входы, и выходы, и векторы. Отсутствие каких бы то ни было объектных интерпретаций не позволяет решить вопроса о субстратной природе связи и, таким образом, не дает критериев для вычленения системы связей в том или ином объекте, отличной от системы элементов. Нельзя не отметить и односторонность в определении связи — в нем выделен лишь энергетический аспект взаимодействия элементов. Наконец, это определение несовершенно логически: когда связь определяется как преобразование составляющих выходного вектора в составляющие входного вектора, то здесь, по сути дела, определяемое уже включено в определение в виде вектора, который и есть связь. Иными словами, связь просто получает новое название.

Естественно, что эти неясности усугубляются при переходе от элементов и связей к системам и структурам, тем более что концепция О. Ланге строится путем дальнейшего развертывания исходных определений. Надо еще раз оговориться, что мы не ставим задачей предъявлять Ланге претензии в несовершенстве его определений — ни в специально-научной, ни в логико-философской литературе до настоящего времени нет таких определений связи, элемента, системы, структуры, которые могли бы считаться существенно более совершенными. В данном случае речь идет не просто о критике, а о выявлении способа введения такого рода понятий и установлении связи между ними.

В этом смысле книга О. Ланге может считаться достаточно типичной: как и многие другие исследователи, он вводит основные понятия содержательной плоскости главным образом из чисто интуитивных соображений, причем эта интуиция оказывается в каком-то смысле заранее ограниченной необходимостью последующего перехода на формальный уровень анализа. А поскольку у каждого исследователя существует свое особое представление о путях и средствах формализации, постольку и исходные содержательные понятия в каждом случае оказываются разными. К этому добавляется и еще одно обстоятельство: необычайная широта класса объектов, которые называют системами, и определяемая ею практическая неограниченность исследовательской интуиции, которая часто оказывается ориентированной либо на достаточно узкий класс объектов (и вследствие этого предметно ограниченной), либо на умозрительные рассуждения. По этим причинам содержательные аспекты системных концепций оказываются столь разительно отличающимися друг от друга и трудносопоставимыми.

Что же касается второй плоскости, то ее выбор определяется прежде всего типом исходной, первой плоскости, а также личными вкусами создателя концепции, в частности, его представлениями о наиболее эффективных путях формализации знания. У О. Ланге, как и у ряда других исследователей, эти вкусы оказались привязанными к сфере кибернетики. В других случаях это может быть термодинамика (как это имело место в «теории открытых систем» Л. фон Берталанфи) или иная научная дисциплина.

С точки зрения общей структуры теории важно указать еще одну, помимо уже названных, функцию второй плоскости. При исходной ограниченности содержательного

уровня вторая плоскость (ее условно можно назвать плоскостью специально-Научного описания) должна уточнить и содержательно расширить, развернуть исследуемый предмет. Иными словами, переход ко второй плоскости позволяет перевести исследование в русло уже достаточно разработанного научного аппарата. В этой связи можно заметить, что вообще движение познания, как правило, осуществляется путем включения интуитивно выделяемого содержания в систему той или иной научной дисциплины (независимо от того, что это содержание в ряде случаев выделяется при помощи средств, заимствованных из другой сферы знания), и это обычно не создает принципиальных трудностей. Специфика же системного подхода при современном состоянии его аппарата исследования состоит в том, что здесь интуитивно выделяемое содержание всегда оказывается более широким, чем та область действительности, которая описывается при помощи соответствующего аппарата. Поэтому в системных концепциях общего порядка обычно возникает разрыв между первой и второй плоскостями анализа. Это хорошо видно на примере концепции О. Ланге: даже аппарат кибернетики, наиболее широкий и безразличный к конкретному виду описываемого содержания, оказался, по существу, неспособным выразить специфически системообразующие качества и свойства объектов; в поле рассмотрения попал лишь один аспект систем — самостоятельное значение совокупности связей, но и он получил только самое общее выражение.

Такой разрыв между первой и второй плоскостями можно обнаружить и в других вариантах общей теории систем. В принципе он объясняется тем, что ни одна из специальных наук не располагает в настоящее время средствами, которые позволили бы выразить специфику системного строения объектов, т.е. средствами, которые могли бы рассматриваться как универсальные и использоваться при системных исследованиях в других науках. Именно поэтому применение любого специально-научного аппарата дает возможность описывать системы лишь до определенного предела, а эти пределы обычно кончаются там, где как раз начинает идти речь о собственно системных аспектах объекта.

Общую схему строения, характерную для концепции О. Ланге, с большими или меньшими модификациями можно обнаружить и в ряде других системных концепций. Например, в работе видного польского ученого Г. Грневского [46] даже типы плоскостей совпадают с тем, что имеет место в

концепции Ланге. Различие между ними (с точки зрения структуры предлагаемой концепции) состоит в том, что для Грневского в качестве основного содержательного понятия выступает относительно обособленная система, подробно иллюстрируемая им на различных типах моделей. Кроме того, по сравнению с Ланге у него гораздо менее развернута математическая плоскость анализа.

По-видимому, с этой своеобразной логической «чресполосицей» связан и тот разрыв, который неизменно обнаруживается между замыслами автора той или иной концепции и реальной ролью и эффективностью его концепции в общесистемном движении. Содержание столь широко и вместе с тем абстрактно, что его, казалось бы, нетрудно «ухватить» любыми современными научными средствами. Но после завершения очередной попытки неизменно оказывается, что новый вариант общей теории систем лишь лег рядом с другими, ему подобными. В лучшем случае такие концепции выполняют роль своего рода методологических ориентиров, указывающих путь подхода к объекту исследования как к системе. Но это значит, что они «работают» в науке не как теории, а как моменты и частные выражения системного подхода. Иными словами, этот анализ заставляет нас серьезно усомниться в наличии специфических конструктивных функций у построений типа общей теории систем, как они создаются и развиваются вплоть до настоящего времени.

%

Глава четвертая

ПРИМЕНЕНИЕ СИСТЕМНОГО ПОДХОДА К ПОСТРОЕНИЮ СОВРЕМЕННОГО НАУЧНОГО ЗНАНИЯ

1. Системные идеи в психологии

Использование принципов системного подхода в современной психологии имеет ряд своеобразных особенностей. С одной стороны, психология представляет собой дисциплину, которая является, пожалуй, наиболее благодатной для применения системных идей (наверное, нет объекта более системного, чем психика). С другой стороны, до последнего времени системный подход в собственном смысле слова на нашел пока широкого распространения в рамках этой дисциплины. Если иметь в виду теорию систем, то ее связь с психологией намечена лишь в нескольких работах Л.фон Бергаланфи [232], [233], [234], но и здесь она выступает лишь в общем виде.

По-видимому, такое очевидное несоответствие имеет под собой целый ряд причин. Одна из основных состоит в том, что в психологии идеи системного подхода начали развиваться, по сути дела, еще в самом начале XXв., т.е. как раз в тот период, когда началось становление системного подхода. Более того, именно психология явилась одним из теоретических плацдармов, на котором формулировались и развивались некоторые существенные принципы системного подхода. В дальнейшем, когда развитие системного подхода пошло по пути построения обобщенных концепций, эта

первоначальная идейная связь его с психологией не получила конкретизации отчасти потому, что психологическая наука со второй четверти XX в. не очень охотно стремилась к теоретическим синтезам, уделяя главное внимание накоплению эмпирического материала и совершенствованию экспериментальной техники, а отчасти потому, что первые варианты теории систем не отличались высокой степенью конструктивности с точки зрения возможности их приложения к конкретным областям знания и, в частности, едва ли существенно расширяли ту исходную методологическую базу, которую начали нащупывать и некоторые психологические концепции в первые десятилетия XX в. (см. об этом [217]).

Тем не менее глубокое методологическое родство теоретической психологии и системного подхода является неоспоримым фактом и может служить достаточно веским основанием для их непосредственного сближения уже в самом скором будущем. К такому выводу побуждают склониться как общий характер развития психологии, так и специфические методологические проблемы, возникающие в этой связи.

На том этапе истории психологии, который современные психологи называют обычно донаучным, господствующим и практически единственным методом психологического анализа была интроспекция. В теоретическом плане вершиной основанного на ней подхода явился ассоцианизм, который помимо всего прочего отразил и характерную для всей науки того времени тенденцию к объяснениям элементаристского типа. Утверждение психологии в качестве самостоятельной научной дисциплины происходило под знаком внедрения в нее объективных исследовательских методов. Это позволило не только оснастить психологическое исследование новыми техническими возможностями, но и непосредственно связать его с быстро развивающейся физиологией, в особенности с физиологией высшей нервной деятельности.

Однако довольно быстро стало обнаруживаться, что такой способ развития предмета психологии таит в себе немалые опасности. Уже в силу того факта, что в общем балансе методов, стоявших на вооружении психологии, решающее место и по удельному весу, и по техническому совершенству и чистоте занимали методы не собственно психологические, а физиологические, — открылась объективная возможность далеко идущей физиологизации психологии. Как обычно бывает в истории познания, такая возможность не осталась

чисто потенциальной, и на рубеже XIX-XX вв. основной массив психологических исследований демонстрировал почти безраздельное господство редуccionистских установок: для каждой психологической функции пытались отыскать непосредственную физиологическую основу в мозговых процессах. Чтобы избежать недоразумений, нужно еще раз подчеркнуть, что для того времени такой путь развития психологии был, пожалуй, объективно единственно возможным, поскольку психологический анализ естественно начинался с простейших проявлений психики, общих человеку и животным, и поэтому значительная часть эмпирического материала доставлялась психологии сравнительно-психологическими исследованиями.

Несколько позднее получила распространение другая крайность, основанная на попытках свести всю специфику психического к чисто социальным закономерностям. Этот «социологический» редуccionизм явился естественной реакцией на попытки физиологизации психики; вместе с тем он положил начало весьма плодотворному анализу взаимосвязи психического и социального. Здесь важно отметить, что в методологическом плане принципы такой взаимосвязи были сформулированы марксизмом в его концепции человека как совокупности общественных отношений. Однако механический перенос этой концепции в сферу психологии был связан с известными издержками, главная из которых состояла в том, что и в этом случае утрачивался специфический предмет психологии.

Несмотря на глубокие различия, обе эти формы редуccionизма в сфере общей теории вели практически к одному и тому же результату — к тому, что Л. фон Берта LANFI удачно назвал концепцией, основанной на модели робота в человеческом поведении [232, с. 126]. В самом деле, собственно психическое в обоих случаях оказывалось всецело обусловленным внеспихологическими факторами.

Нельзя сказать, что в настоящее время физиологический и социологический способы обоснования предмета психологии стали делом прошлого. Во-первых, в сфере эмпирических исследований оба они продолжают давать хотя и ограниченную, но в принципе пока вполне приемлемую базу анализа. Во-вторых, основанные на этих подходах модели остаются достаточно компактными. (Насколько велико их влияние и в наши дни, показывает, например, дискуссия, проведенная редакцией «Вопросы философии» по проблемам генетики че-

ловека [44]; в выступлениях некоторых участников дискуссии отчетливо прослеживаются принципы охарактеризованных нами подходов.)

Тем не менее в сфере теоретических обобщений современная психология все более заметно стремится к разработке собственного подхода, не допускающего растворения психического ни в биологическом, ни в социальном. Собственно говоря, такой подход начал формироваться еще в конце прошлого века. Методологически его основания, как нетрудно понять, коренились в стремлении сохранить за психологией вполне самостоятельный предмет изучения. С точки зрения эмпирической толчок к такого рода построениям был дан в особенности после открытия Хр. фон Эренфельсом (1890 г.) так называемых гештальт-качеств (Gestalt-Qualitäten) — перцептивных структур, которые относятся к воспринимаемому объекту в целом и не могут быть объяснены из свойств элементов объекта (таковы, например, свойства аккорда в музыке, свойства мелодии, сохраняемые при транспозиции, т.е. при изменении тональности). Не столь, может быть, значительное само по себе, это открытие имело весьма прозрачный методологический смысл, экспериментально фиксируя принципиальную недостаточность элементаристского подхода даже к относительно простым психическим функциям, таким, как восприятие.

В теоретически развернутой форме антиэлементаризм получил выражение впервые в концепции гештальтпсихологии ([254], [255], [283]; методологический анализ этой концепции см. [8]), хотя отдельные моменты целостного подхода к психике были зафиксированы уже в работах О. Зельца (в частности, он трактовал мышление как «дополнение комплексов», т.е. заполнение пробелов, имеющих место внутри «комплексов» понятий и отношений в проблемной ситуации), а также в исследованиях А. Мейнонга, В. Бенусси и ряда других психологов. Основатели гештальтпсихологии В. Келер, М. Вертгаймер и К. Коффка первоначально непосредственно опирались на результаты, полученные Эренфельсом, и поэтому их концепция сначала относилась лишь к законам восприятия (этим, в частности, объясняется характерная для «гештальтистов» совокупность понятий, таких, как «поле», «схватывание», «озарение», «инсайт»). Позднее эти законы были распространены на мышление (в работах В. Келера, М. Вертгаймера, а также К. Дункера, Л. Секея) и на изучение личности (К. Левин). Основной тезис гештальтпсихологии со-

стоит в том, что явления психики не строятся путем синтеза элементов, существующих до этого изолированно, а с самого начала представляют собой организованные целостности — гештальты. Ситуативность восприятия или мышления находит выражение в существовании соответствующего поля; решение проблемы состоит в движении по этому полю в сторону совпадения структуры ситуации и структуры ее видения субъектом.

Не обсуждая сейчас собственно психологической проблематики, обстоятельно разработанной гештальтистами (следует лишь подчеркнуть, что эта разработка опиралась на весьма солидную экспериментальную базу), охарактеризуем кратко принципиальные черты методологии этой школы. Наиболее интересным здесь нам представляется то обстоятельство, что гештальтпсихология впервые поставила вопрос не просто о функциях, а о целостном функционировании психики, функционировании, обеспечиваемом движением по соответствующим структурам. В этом смысле законы гештальта — это законы организации целого на основе объединения функций в структуры, а деятельность психики описывается как функционирование, содержанием которого является переструктурирование исходного гештальта в поисках «хорошего гештальта» на базе так называемого закона прегнантности. Эта особенность гештальтистской методологии крайне важна и требует точного понимания. Дело в том, что нередко при характеристике гештальтпсихологии ограничиваются лишь указанием на ее целостноструктурный подход к психическим образованиям. Но этого мало: чтобы целостность стала не просто именем, ни к чему не обязывающим общим понятием, она должна не только объединять исследуемый объект, но и задавать принципиальную схему его расчленения, которая при сохранении целого обеспечивает возможность его анализа. Именно такую конструктивную роль играет в гештальтпсихологии понятие гештальта, позволяющее объяснить функционирование как движение по некоторой последовательности структур.

Конечно, гештальтистскую схему не следует идеализировать. Хорошо известна та разносторонняя критика, которой подвергалась она в психологической литературе и которая в конечном счете привела к распаду школы гештальтпсихологии. Наиболее серьезные упреки предъявлялись гештальтпсихологии в связи с априористским истолкованием ею психологических структур: такое толкование снимало вопрос

о формировании психики и тем самым противоречило целому ряду фактов. Уязвимым оказалось и решение этой школой психологической проблемы в духе параллелизма: оно, во-первых, обязывало к слишком решительной универсализации психических функций на всех уровнях жизни, во-вторых, вело к переоценке изоморфизма структур психики и реальности. Эти изъяны оказались настолько существенными, что концепция гештальтпсихологии как таковая стала делом прошлого. Но вместе с тем нельзя не согласиться с П. Фрессом, когда он говорит о том, что основные методологические идеи психологии формы едва ли принадлежат истории и составляют часть всей современной психологической культуры, а следы их плодотворного влияния можно найти практически во всех главных сферах психологии (подробнее об этом см. [203, гл. I]).

Как мы отмечали ранее, антиэлементаристский подход в психологии получил наибольшее развитие в концепциях Л. С. Выготского и Ж. Пиаже. Близость этих концепций к современным системным исследованиям обнаруживается по нескольким существенным методологическим пунктам. И Л. С. Выготский и Ж. Пиаже исходят из того, что предмет психологии не может быть построен в традиционных рамках (это, впрочем, было характерно для многих теоретических работ в психологии начиная с середины 20-х годов), что для решения этой задачи необходима не простая переформулировка имеющихся психологических понятий, а реализация комплексного, междисциплинарного подхода к психике. Проводя такой подход, Л. С. Выготский опирается на марксистскую концепцию деятельности. Поэтому у него исключительно важными оказываются понятия интериоризации и экстериоризации, а изучение психики тесно связывается с анализом знаковых систем и орудийных средств деятельности.

Что же касается Ж. Пиаже, то он центральным пунктом анализа делает операциональную природу психики. При этом он также опирается на тезис о том, что интеллектуальная деятельность производна от материальных действий субъекта, а ее элементы — операции — представляют собой интериоризованные действия. Но в отличие от Выготского Пиаже интересует (в общетеоретическом плане) прежде всего место, занимаемое интеллектом в ряду психических функций, и его специфика. Можно утверждать, что эти две проблемы рассматриваются и решаются в его концепции с чисто си-

стемных позиций. В самом деле, весь процесс психического развития трактуется Пиаже как филиация структур: уже чисто биологическое взаимодействие организма со средой выступает для него как система, описываемая в понятиях обмена, адаптации, равновесия, причем способ жизни этой системы выражается через действие, т. е. она является принципиально динамической. Развитие состоит, согласно Пиаже, во все большем усложнении этой исходной структуры — к материальным обменам чисто биологической природы добавляются функциональные обмены, специфические уже для сферы психики. В конечном счете мы получаем вполне определенную иерархию структур, надстраивающихся друг над другом и не сводимых одна к другой. На вершине этой иерархии расположен интеллект, продолжающий и завершающий совокупность адаптивных процессов, линия развития которых направлена к достижению «тотального равновесия», базирующегося на ассимиляции всей совокупной действительности и на аккомодации к ней действия, освобожденного от рабского подчинения изначальным «здесь» и «теперь» [117, с. 68].

Из такого представляется иерархии структур, естественно, вытекает междисциплинарный характер концепции Пиаже: психические функции и интеллект должны исследоваться одновременно с нескольких сторон — биологической, гносеологической, психологической, логической и социологической.

Системно-структурной является и трактовка Пиаже самого интеллекта. Здесь прежде всего следует отметить резко выраженный антиатомизм этой трактовки. Пиаже категорически утверждает, что центральное в раскрытии природы интеллекта понятие операции не может быть определено само по себе: «единичная операция не могла бы быть операцией, поскольку сущность операций состоит в том, чтобы образовывать системы» [117, с. 93]. Развивая этот важный тезис, Пиаже подчеркивает: «Чтобы осознать операциональный характер мышления, надо достичь систем как таковых, и если обычные логические схемы не позволяют увидеть такие системы, то нужно построить логику целостностей» [117, с. 94]. Здесь мы сталкиваемся с одним из пока еще редких заявлений, непосредственно фиксирующих необходимость специального логического оснащения системных исследований. Важно в этой связи добавить, что Пиаже не ограничился простым призывом к построению «логики целостностей», а попытался реализовать это требование. В его концепции

системная сущность интеллектуальных операций выражается и описывается при помощи понятия «группировка», образованного путем некоторой модификации заимствованного из алгебры понятия группы. Опираясь на это понятие, Пиаже, с одной стороны, строит достаточно развернутую классификацию операций интеллекта, а с другой стороны, получает возможность соединить психологический подход к мышлению с подходом логико-математическим и, следовательно, сделать серьезный шаг на пути к формализации психологического исследования (впрочем, сам Пиаже использует этот момент прежде всего для того, чтобы еще раз подчеркнуть необходимость междисциплинарного подхода к исследованию мышления).

Можно ли считать, что Ж.Пиаже действительно построил «логику целостностей», даже если говорить о ней применительно лишь к сфере интеллекта? На этот вопрос едва ли можно ответить положительно: понятие группировки является, по-видимому, слишком узкой исходной базой для такого рода логики. И тем не менее даже эта, в общем-то не очень развернутая форма конкретной реализации системной интенции оказалась весьма продуктивной и, во всяком случае, явилась одним из важнейших условий, обеспечивающих выдвижение концепции Ж.Пиаже на самые передовые позиции в современной психологической науке. Методологический анализ этой концепции приводит к неоспоримому выводу о том, что сознательное применение в психологии идей системного подхода открывает перед этой дисциплиной широкие перспективы совершенствования ее теоретического базиса.

Операциональная концепция интеллекта Ж.Пиаже использует лишь некоторые из принципов системного подхода, но зато дает им тщательную разработку и доводит их до построения соответствующего формального аппарата.

В современной психологической литературе все более заметной становится и несколько иная тенденция, основанная на попытках более широкого применения системных принципов, однако в сфере, так сказать, описательно-теоретической, без детальной разработки специального аппарата исследования. В этой связи надо прежде всего назвать работы Г.Олпорта [218], [219], рассматривающие возможность приложения теории систем к изучению личности, и уже упоминавшиеся нами работы Л.фон Берталанфи, в которых делается попытка сформулировать постулаты общей психо-

логической теории, исходящие из принципов теории систем. Эти постулаты, обсуждение которых сопровождается у Берталанфи критикой соответствующих принципов, принятых в настоящее время в психологии, достаточно интересны (заметим только, что в ряде случаев Берталанфи, к сожалению, не указывает работ советских психологов, в которых соответствующие идеи получили не только общую формулировку, но и детальную, в том числе экспериментальную, разработку; это в особенности относится к проблеме роли символов в человеческом поведении, на солидном уровне поставленной и исследованной Л.С.Выготским и его школой).

Другая группа постулатов связана с критикой Берталанфи гомеостатической модели поведения, получившей чрезвычайно широкое распространение в психологии. В подтверждение ее принципиальной несостоятельности Берталанфи приводит известный психосоциальный парадокс: с точки зрения этой модели невозможно объяснить, почему в годы второй мировой войны количество неврозов и психозов заметно упало, а в современном западном обществе оно весьма велико. Если следовать принципу гомеостата, то картина должна была бы быть противоположной, поскольку во время войны резко сократились возможности удовлетворения потребностей человека и, следовательно, возможности достижения психологического равновесия, а в послевоенные годы, напротив, эти возможности заметно выросли. Многие современные психологические концепции опираются, по мнению Берталанфи, на «конвенциональную теорию», которая видит в формировании личности, по существу, процесс обусловливания (такова точка зрения бихевиоризма, психоанализа). В действительности здесь имеет место процесс самодифференциации, переход от недифференцированного, синкретического состояния ко все более дифференцированному (такова линия развития восприятия, формирования понятий, языка и т.д.) С этих позиций регрессивные процессы в психике должны быть рассмотрены не как утрата высших функций и возвращение к инфантильному состоянию, а скорее как дедифференциация и дезинтеграция — как утрата целостности психики.

Наконец, Берталанфи говорит о предпосылках психологического исследования, связанных с пониманием глубокой специфики психических явлений. Иерархия универсума включает в себя три глобальных уровня — неорганический, органический и символический, т.е. человеческий. Именно

создание и употребление символов отделяет человеческий мир от животного; символы образуют суперструктуру человеческой культуры и истории. Поэтому человеческое поведение нельзя объяснять с позиций зооморфизма, в терминах поведения крыс, голубей или обезьян. Такой подход имеет и непосредственное практическое значение: в психотерапии он предполагает, что причины расстройств должны отыскиваться на разных уровнях, в том числе в сфере ценностей и символов. К этой же группе предпосылок относится и необходимость учитывать в психологическом исследовании, что человек — не изолированный остров, он организован в системы различного уровня, начиная от малых групп и кончая цивилизацией.

Понятно, что эти соображения Берта Ланфи сами по себе еще не представляют психологической концепции. Он сам говорит о них как о факторах, которые задают новую ориентацию мышлению в психологии, т.е. как о философско-методологических постулатах. Но именно такая смена ориентации и является, по-видимому, важнейшим условием реальных сдвигов в области современной теоретической психологии. Конечно, это предполагает, что теоретические разработки не останутся на уровне формулирования постулатов, а будут подкреплены созданием соответствующего аппарата и развертыванием экспериментальных исследований, т.е. работой такого типа и уровня, какую выполнял, например, Пиаже и его школа, ряд советских психологов.

2. Методы системного исследования в этнографии

В 1975г. редколлегия журнала «Природа» обратилась к Э. Г. Юдину с просьбой прокомментировать подготовленную для публикации в журнале статью В. П. Алексеева «Антропогеоценозы — сущность, типология, динамика» [9]. В ответ на эту просьбу Э. Г. Юдин написал статью «Системные идеи в этнографии», которая положена в основание этого параграфа книги и первоначально была опубликована вместе со статьей В. П. Алексеева в журнале «Природа» (1975, №7). Эта работа оказалась одной из последних прижизненных публикаций Э. Г. Юдина.

Поскольку рассуждения Э. Г. Юдина о возможности применения методов системного подхода в этнографии тесно связаны

с анализом содержания статьи В. П. Алексеева, целесообразно изложить основные тезисы этой статьи. Отталкиваясь в исходном пункте от введенного С. П. Толстовым [173] и конкретизированного М. Г. Левиным и Н. Н. Чебоксаровым [76] понятия «хозяйственно-культурный тип», В. П. Алексеев вводит в этнографию новое понятие — «антропогеоценоз». По М. Г. Левину и Н. Н. Чебоксарову, хозяйственно-культурные типы — это исторически сложившиеся комплексы хозяйства и культуры, типичные для различных по происхождению, но обитающих в сходных географических условиях и находящихся примерно на одинаковом уровне исторического развития народов. Это понятие, несомненно, является плодотворным, однако ныне, считает В. П. Алексеев, уже невозможно им оперировать без вычленения в хозяйственно-культурном типе тех первичных единиц, которые его образуют. В этой связи автор ставит вопрос, что же представляет собой хозяйственно-культурный тип как целое? Есть ли он система (открытая или закрытая), выделяются ли в нем какие-то структурные элементы, организованы ли они по принципу иерархии или, может быть, внутри него вообще не выделяется никаких элементов, и он представляет собой бесструктурное целое? Анализируя этот вопрос, В. П. Алексеев приходит к выводу, что хозяйственно-культурный тип не является ни системой, ни бесструктурным, аморфным целым, а представляет собой просто множество, сумму его элементарных единиц, каждая из которых сохраняет значительную автономность от других. В качестве таких элементарных единиц хозяйственно-культурного типа В. П. Алексеев и предлагает рассматривать антропогеоценозы, которые в первом приближении можно определить как симбиоз — на ранних этапах человеческой истории — хозяйственного коллектива и освоенной им территории (или как сочетание коллектива с эксплуатируемой им территорией). Антропогеоценозы, согласно такому пониманию, — это реально существующее явление в составе хозяйственно-культурного типа. Структурными компонентами антропогеоценоза являются: хозяйственный коллектив, его производственная деятельность и эксплуатируемая им географическая среда. Эти компоненты объединяются функциональными связями — информационным полем, энергетическими импульсами, пищевыми и производственно-хозяйственными целями. При преобладании роли географической среды возникают антропогеоценозы первой ступени; при преобладании роли направленной человеческой деятельности, преобразующей среду, — антропогеоценозы второй ступени. По мнению В. П. Алексеева,

эволюция антропогеоценозов первой ступени часто оканчивается тупиками. Магистральная же линия эволюционной динамики антропогеоценозов состоит в переходе от антропогеоценозов первой ступени к антропогеоценозам второй ступени (подробнее см. [19]).

* * *

Выдвинутая В.П.Алексеевым идея антропогеоценоза системна по своему существу. Непосредственным выражением этого факта служит то, что ее обоснование потребовало оперирования набором системных понятий — прежде всего самим понятием системы, а также и другими, связанными с ним (структуры, связи, функции). Вообще говоря, это чисто внешняя сторона дела, за которой нередко не скрывается ничего, кроме модного словоупотребления. Однако у В. П.Алексеева речь идет не просто о словах. Понятие системы выполняет у него реальную методологическую функцию: оно используется для определения типа исследуемого объекта и установления его пространственно-временных границ. Аналогичным образом на основе понятия связи строится структурная модель антропогеоценоза. Иными словами, системные понятия выполняют здесь функцию конструктивной организации исследуемого объекта, они помогают разработке новой точки зрения на этот объект.

Такова, как мы это отмечали раньше, вообще роль универсальных методологических понятий и схем: они позволяют по-новому увидеть и организовать обычно уже известный материал и благодаря этому наметить пути его новой теоретической интерпретации. В случае системного подхода понятия, составляющие его каркас, ориентируют прежде всего на целостную трактовку объекта изучения, на отказ от узкопредметного его понимания (ограниченного, как правило, рамками какого-то традиционного научного направления и специфическим для него жестким набором основных понятий и методов), а также на выявление типов связей этого объекта.

С методологической точки зрения в рассуждении В.П.Алексеева есть один любопытный момент. Обосновывая необходимость перехода к антропогеоценозу как новой единице этнографического исследования, он предварительно рассматривает понятие «хозяйственно-культурный тип», пытаясь выявить, представляет ли этот тип систему, множество или бесструктурное целое. Надо заметить, что по чисто

методологическим соображениям трихотомия эта вызывает серьезные сомнения. Дело в том, что всякая система представляет собой множество (или, во всяком случае, может быть изображена как множество). Например, антропогеоценоз — это множество составляющих его элементов (людей, орудий труда, компонентов природной среды и т.д.). При этом отношения между множеством и системой неоднозначны: на одном множестве может быть построено несколько разных систем, как это нередко делается в биологии и в социальных науках, и наоборот, — одна система может быть представлена в виде нескольких множеств, например, множества связей, множества элементов и т. д. Однако и «бесструктурное целое» тоже при известных условиях может быть рассмотрено как множество. Такова, скажем, куча песка — излюбленный пример авторов, пишущих о проблеме целостности. Иначе говоря, «система» и «множество», «бесструктурное целое» и «множество» — понятия, принадлежащие к разным классификационным рядам, и потому они вовсе не исключают друг друга.

Но любопытно здесь, конечно, не это, а нечто совсем иное: несмотря на заметную терминологическую неточность, у В. П. Алексеева понятие системы действительно работает и, следовательно, реальная методология оказывается эффективной, в известном смысле — даже независимо от той конкретной формы, в которой ее выражает сам исследователь. Почему же так получается?

Прежде всего потому, что системные понятия выступают здесь не как результат механического, чисто формального приложения универсальной методологической схемы, взятой откуда-то напрокат, к некоему конкретному материалу, а как средство организации нового предметного содержания, т. е. системные понятия оформляют предварительно проделанную содержательную работу. Тут мы подходим к центральному пункту, определяющему различие между модой на системные слова и полезной, конструктивной работой системной методологии.

В науке за любыми словами, за самыми эффективными методами всегда должен стоять определенный предмет исследования. Новые слова и методы либо соответствуют действительно построенному новому предмету, либо дают чисто внешнее — хотя и новое — обрамление уже известному предметному содержанию. В последнем случае, как показывает опыт, нередко не удается сохранить даже и это

содержание. Так было, например, в недавнем прошлом, когда в разгар моды на кибернетику многие пытались с помощью понятий информации, управления и обратной связи выразить фундаментальные проблемы психологии, биологии и целого ряда других наук. Таким путем нередко удавалось создать видимость решения проблем, но реально дело, как правило, сводилось, по существу, к чисто словесным упражнениям, ибо новые слова не открывали никакого нового предметного содержания; напротив, они лишь затушевывали подлинную остроту проблем, например, в биологии и психологии.

Здесь есть одна тонкость. Она заключается в том, что современная методология науки располагает значительным числом универсальных понятий и категорий, которые в принципе приложимы к чрезвычайно широкому кругу объектов реальности. Но «приложимы в принципе» — еще не означает, что всякое их приложение автоматически приводит к познавательному эффекту. К сожалению, эта простая истина слишком часто предается забвению. Например, некоторые математики, занимающиеся прикладными проблемами (среди них, в частности, и специалисты по математическим методам системного анализа), частенько сетуют на представителей «неточных» областей знания — биологов, психологов и особенно на гуманитариев: «Мы, — говорят они, — располагаем исключительно мощными методами; настолько мощными, что от вас требуется только правильно сформулировать проблему, а уж решение ее мы вам обеспечим!»

Неумение выполнить это требование представляется им убийственным доказательством совершеннейшей неполноценности соответствующих наук". При этом они забывают, что аппарат, которым они-кичатся, вырос на особом предметном содержании, очень сильно отличном от тех предметов, с которыми имеют дело третируемые ими исследователи. И еще вопрос, можно ли вообще перестроить эти предметы так, чтобы к ним оказался применим аппарат, построенный в связи с решением совсем других задач...

Следовательно, применение универсальных методов, понятий и принципов оправдано и необходимо лишь постольку, поскольку оно непосредственно связано с трудоемкой содержательной работой по построению нового, нетривиального предмета исследования и активно способствует успеху этой

" По данному вопросу см. также [163], [90].

работы. Именно так обстоит дело в случае с антропогеоценозом.

Почему здесь оказались необходимы системные принципы и понятия? На этот вопрос отчасти дает ответ сам термин «антропогеоценоз», точнее, те биологические мотивы, которыми он навеян. В самом деле, зачем и когда биологам понадобилось понятие биогеоценоза? Когда начал строиться новый предмет изучения — организация биологических систем. Классическое эволюционное учение отвечало на один главный вопрос: действием каких механизмов объясняется многообразие живых существ? Вполне естественно и логично, что в основу этого объяснения был положен методологический принцип: многообразие живых существ было рассмотрено как система биологических видов, возникших в процессе естественной истории. Иначе говоря, полученное в итоге объяснение было моноструктурным, поскольку оно описывало систему только в одном срезе — с точки зрения ее видовой структуры, последовательно развертывающейся во времени. Другим оно и не могло быть — по логике самой исходной задачи. Эта схема сохраняет свое значение и в наше время, когда речь идет о том, чтобы объяснить биологическую эволюцию в принципе: объяснение через происхождение видов оказывается для этого вполне удовлетворительным.

Перенесение центра тяжести с эволюции на организацию создало в теоретической биологии совершенно новую методологическую ситуацию. Пожалуй, наиболее существенным индикатором перемен выступило при этом конструирование новых единиц анализа. Рассматривая некоторый эволюционный ряд, мы вполне можем удовлетвориться его видовой структурой, ближайшим образом определяемой через систему видовых признаков. В чисто логическом плане это означает, что здесь нам достаточно исправно служит классическая схема родовидовых отношений, т. е. определение предмета через ближайший род и видовое отличие; на эту схему, как известно, опиралась классическая биологическая таксономия. Когда же мы переходим к изучению организации, то прежде всего резко меняется угол зрения на объект. В нем ищут теперь не филетические связи, запечатлевшие в себе историю видообразования, а связи функциональные, объединяющие во взаимодействии реальные группы особей, которые по происхождению могут быть весьма далекими друг от друга. Конечно, эти два типа связей не разделены китайской стеной: любая ныне существующая функциональ-

ная система — продукт предшествующей эволюции и, в свою очередь, определяет характер эволюции в будущем. Но совершенно очевидно также, что изучение каждого из этих типов связей требует существенно различных подходов и методов.

Занявшись организацией, исследователи оказываются вынужденными перейти от глобальной системы, какую представляет собой совокупность биологических видов, рассмотренная в общезволюционном плане, к системам гораздо более ограниченным во времени и в пространстве. Это и понятно: вид требует локализации лишь на филетическом древе, тогда как реально функционирующая система немалыми пределами выходит за пределы пространства и времени. Изучение таких систем развернулось в биологии по трем основным направлениям (их обозначения предложены К. М. Хайловым): суборганизменные системы, супраорганизменные системы и общие принципы биологической организации, но нас в данном случае интересуют только супраорганизменные системы, изучением которых занимается экология.

На пути выделения таких систем в качестве особого предмета исследования важнейшую роль сыграло понятие популяции: оно дало возможность зафиксировать вид в аспекте его реального, конкретного существования, а не в филогенетическом аспекте, как это было при построении теории эволюции. От понятия популяции перешли к понятию биоценоза как реально взаимодействующей системы особей, а затем — к еще более широкому понятию биogeоценоза (или экосистемы), включающему в себя не только биогенные компоненты конкретной системы, но и абиогенные факторы и условия ее существования.

«Вид — популяция. — биоценоз — биogeоценоз» — это не просто взаимосвязанная последовательность понятий, а система ключевых единиц экологического исследования. При этом каждая последующая единица оказывается, так сказать, все более системной. В самом деле, нетрудно убедиться, что с каждым шагом по этому ряду объект, во-первых, получает все более четкие пространственно-временные очертания и, во-вторых, в нем фиксируются все новые типы устойчивых связей. Строго говоря, конечно, и филогенетическая картина живой природы (в ее классическом варианте) изображает систему, но эта картина построена из логически однородных единиц-видов, и потому она является моноструктурной, т.е. целое изображается здесь как единственная структура,

объединяемая типологически однородной системой связей. В подобной ситуации системность выступает как нечто совершенно самоочевидное и как таковая не требует никаких определений: система объекта непосредственно совпадает с системой знания, проблема связей оказывается равнозначной проблеме построения универсальной таксономии.

Системность же биogeоценоза имеет совсем иную методологическую природу. Прежде всего — это единица, заведомо предполагающая совмещение нескольких различных структур с характерными для каждой из них связями, причем количество структур заранее не ограничено. Скажем, в морском биogeоценозе поначалу фиксировалась трофодинамическая структура, затем стали говорить о структурах биохимической (хотя последняя в значительной мере совпадает с трофодинамической), сенсорной, а теперь некоторые исследователи ставят вопрос о необходимости выделения этологической структуры, и это предложение не вызывает никаких принципиальных возражений. Проблема только в том, что, во-первых, сейчас еще крайне скудны знания об этологии обитателей океана, и, во-вторых, пока не совсем ясно, каким именно образом можно встроить модель этологических связей в общую модель морской экосистемы.

Таким образом, в биogeоценозе мы имеем дело с полиструктурной системой, связи внутри которой принципиально нелинейны; для ее изображения не годятся язык признаков и схема родо-видовых отношений — в дело тут вступают язык элементов и связей и схема функциональных отношений. Поэтому системность здесь не дана изначально, как самоочевидный факт самой реальности. Напротив, ее надо доказать, обосновать, т.е. найти такие критерии, которые позволят аргументированно утверждать, что теоретическая модель адекватно отображает объект — с необходимой нам степенью целостности и с достаточной полнотой.

Теперь мы можем вернуться к первобытному обществу. Похоже, что понятие хозяйственно-культурного типа выполняет в этнографии примерно такие же функции, как понятие вида в биологии: оно призвано служить теоретическому объяснению эволюции первобытного человека и выражает основную структурную единицу этой эволюции. Как органическая эволюция представляет собой развитие видов, так и эволюция человека может быть изображена через развитие хозяйственно-культурных типов. Подобно биологическому виду, хозяйственно-культурный тип не связан в своем су-

существовании с жесткими пространственными и, в несколько меньшей степени, временными границами.

Понятие хозяйственно-культурного типа достаточно для построения общей схемы эволюционного процесса (как это имеет место и с понятием вида), но оказывается слишком скудным, когда речь заходит об анализе процессов функционирования. Схема эволюции строится обычно линейно: в развивающемся объекте вычленяется компонент, который, с одной стороны, выступает в качестве универсальной структурной единицы, позволяющей строить полную и расчлененную картину объекта, а с другой стороны, благодаря иерархически организованной системе признаков дает возможность последовательно проследить цепь эволюционных изменений всего объекта. При этом внешние (а в значительной степени и внутренние) условия развития объекта принимаются в расчет не в своей конкретной форме, а лишь типологически — в противном случае мы просто не сможем получить теоретическую картину эволюции (максимум, чего мы достигнем, — это эмпирическое описание какого-то отрезка истории объекта).

В противоположность этому схема процесса функционирования не может быть линейной, по крайней мере если речь идет о функционировании сложной системы: этому препятствует многообразие связей, очевидное как в биогеоценозе, так и в антропогеоценозе. Схема эта усложняется еще и потому, что изображение функционирования невозможно без учета всех существенных компонентов окружения системы, т.е. без анализа ее внешних связей. В экологии это требование формулируется еще сильнее: «окружение» биотических компонентов рассматривается здесь в рамках единой системы, что и отражается в самом понятии биогеоценоза.

Фактически то же самое мы имеем и в понятии антропогеоценоза. В него В. П. Алексеев включает как «человеческий фактор» — хозяйственный коллектив и его производственную деятельность, — так и внешние условия его существования — эксплуатируемую им географическую среду. Заметим, что именно эта, третья составляющая дает принципиально новую единицу анализа, привязывает исследование к определенным пространственно-временным координатам и позволяет перейти от типа как конструкции таксономического порядка к реальным, нелинейным системам.

Нелинейность этих систем подчеркивается типологией связей, выделяемых В. П. Алексеевым, причем с методоло-

гической точки зрения очень существенно, что типология эта строится на функциональной основе. Тем самым в явной форме фиксируется, что новая единица построена в рамках нового предмета исследования — функциональной организации первобытного человеческого коллектива.

Значит ли это, что с переходом к изучению антропогеоценозов снимается проблема развития в первобытном обществе? Никоим образом! Во-первых, среди выводов, делаемых В. П. Алексеевым, есть и такие, которые непосредственно относятся к проблемам развития, даже более того, содержат в себе попытку дать новую трактовку этим проблемам. Во-вторых, если речь идет о развивающемся объекте, то анализ его функционирования в какой-то точке неизбежно приводит к постановке вопроса о переходе механизмов функционирования в механизмы развития, как, впрочем, и наоборот: изучение эволюции не может быть полным, если оно игнорирует процессы функционирования. Во всяком случае, экология способствовала заметному расширению и углублению представлений об органической эволюции, хотя ее основной предмет — функциональные системы и специфические для них механизмы.

Что же касается антропогеоценоза, то тут связь с эволюционной проблематикой, пожалуй, даже сильнее, чем у понятия биогеоценоза. Складывается впечатление, что организация как предмет изучения играет в концепции антропогеоценоза не самостоятельную, а вспомогательную роль: функциональные структуры служат здесь скорее поиску формы, более конкретно описывающей механизмы эволюции, чем выявлению единиц организации как таковых. Возможно, это первое впечатление, но оно усиливается при внимательном методологическом анализе. Необходимо, впрочем, заметить, что сам по себе этот факт не требует оценки в категориях «лучше» или «хуже»: исследователь вправе строить любой предмет, который он считает адекватным своей задаче.

Аналогия между биогеоценозом и антропогеоценозом не является и не может быть полной. Они существенно различны прежде всего в объектном плане: за тем и другим стоят две разные формы движения материи — биологическая и социальная, принципиально не сводимые друг к другу. Но есть здесь и очень важное различие чисто методологического порядка: биогеоценоз представляет собой систему, которую составляет множество видов, тогда как антропогеоценоз — моновидовая система (биогеоценозы, эксплуатируемые чело-

веком и обладающие сложной видовой структурой, в системе антропогеоценоза логически и функционально зависимы от одного вида — человека, который и задает систему). Вопрос здесь, конечно, не в количестве видов, а в типе системы. В первом случае каждый из компонентов системы логически равноправен и потому система не имеет логического центра в виде какого-то блока; таким центром оказывается совокупность связей. В антропогеоценозе же ясно выделяется центральный компонент — человеческий коллектив; на него замыкаются все связи системы.

На первый взгляд может показаться, что система типа антропогеоценоза проще для анализа именно в силу своего моновидового характера. Однако в действительности это не так. Надо иметь в виду, что в системах подобного рода (функциональных) главный интерес и вместе с тем основную трудность для анализа представляют не элементы, а связи системы — внутренние и внешние. Так вот, биогеоэцотическая структура прямо-таки ориентирует на поиск прочных, устойчивых связей, а одновременное наличие множества видов как бы подсказывает, что связи эти надо искать прежде всего между видами или, точнее, между популяциями, входящими в систему. В такой ситуации совершенно естественным и даже как бы независимым от исследователя образом возникает, скажем, представление о трофодинамике сообщества, причем эта динамика действительно сообщества, а не одних, например, гетеротрофов второго порядка.

Совсем не то в системе типа антропогеоценоза. При заданном центре системы ее структурные компоненты оказываются неочевидными, они должны вводиться достаточно строгим образом. Точно так же требует обоснования каждая вводимая функция, каждая связь. Насколько непроста эта работа, хорошо видно из статьи В. П. Алексеева.

Возьмем, например, структурный состав антропогеоценоза. Каковы критерии, позволяющие судить о полноте и достаточности предложенного разбиения системы?

Строго говоря, эти критерии не стали предметом специального обсуждения у В. П. Алексеева, но можно заключить, что они сводятся к некоторым интуитивно очевидным общим представлениям о специфике человеческих коллективов. Однако при ближайшем рассмотрении эти представления оказываются не слишком определенными. Во всяком случае, построенная на их основе спецификация системы, т. е. выде-

ление структурных компонентов, функций и связей, несет на себе заметный отпечаток произвольности.

В самом деле, почему, например, производственная деятельность попадает в раздел структурных, а не функциональных компонентов? В. П. Алексеев в своем решении исходит, по-видимому, из сложности этого компонента и из того, что он играет в антропогеоценозе самостоятельную роль. Но разве связи или функции обязательно должны быть простыми и несамостоятельными? Вообще, разве в системе элементы имеют какое-то логическое или иное преимущество перед функциями и связями? Неясность в этом вопросе фактически констатирует и сам В. П. Алексеев, когда в другом месте он говорит о производственной деятельности как о наиболее общем примере функциональных связей в антропогеоценозе.

Антропогеоценоз — единица исследования, а стало быть, и определенная теоретическая модель объекта; поэтому к ней должны быть предъявлены жесткие методологические требования: ведь от этого непосредственно зависит конструктивная сила модели. И вопрос здесь не в том, что деятельность коллектива должна быть обязательно отнесена к функциям системы, — вполне возможно, что в данной теоретической модели ее лучше рассматривать в качестве структурного компонента, — а в том, что любое решение должно быть обосновано вполне конкретными методологическими соображениями. Если, скажем, нас интересует динамика антропогеоценоза, то деятельность коллектива лучше, вероятно, рассматривать как функцию; а если мы строим, к примеру, типологию антропогеоценозов, то здесь деятельность окажется, скорее всего, компонентом структуры.

Понятие биогеоценоза оказалось очень эффективным в экологии благодаря тому, что им была определена исследовательская единица, обладающая весьма высокой операциональностью: с ее компонентами можно работать, они допускают измерение и количественную обработку. За счет чего это достигнуто? Прежде всего за счет того, что в этой единице система представлена в логически однородном виде. Иначе говоря, хотя по своему содержанию компоненты единицы очень разнородны, но они выражены на едином языке (его можно назвать системно-функциональным), который в принципе не выходит за рамки предмета экологии, но отнюдь не исключает его применения и в других науках.

Единство языка имеет здесь решающее значение, без него системность остается лишь призраком, витающим над исследованием. В самом деле, какой прок от того, что мы объявим некоторый предмет системой и соединим под одной крышей представления, полученные в разных научных традициях и, главное, выраженные не сопоставимыми между собой концептуальными средствами?

Поэтому-то самые благие системные намерения непременно должны выделиться в построение реальной единицы анализа — единицы, в частности, и в том смысле, что она задает единое, линейное (по форме) описание объекта, который мы сочли необходимым рассматривать как систему. И потому, скажем, морские экологи не спешат включить в имеющиеся у них модели этологические параметры экосистем; они вполне отдают себе отчет в реальной роли этих параметров, но пока не нашли такого способа их включения в модель, который сохранил бы за этой моделью ее логическое и методологическое единство, а вместе с тем и ее операциональность.

Биогеоценоз удовлетворяет всем этим требованиям. А антропогеоценоз? Это могут решить лишь специалисты-этнографы, поскольку эта единица пока еще не работала и потому не раскрыла своих конструктивных возможностей. Однако в предварительном порядке можно попытаться дать ей, так сказать, методологическую оценку — с точки зрения реализации в ней принципов системного подхода.

По-видимому, вполне операциональны структурные компоненты антропогеоценоза: они вводятся из содержательно-этнографических соображений, и каждому из них можно дать конкретную оценку в конкретном антропогеоценозе, хотя, заметим для точности, оценки по разным компонентам пока еще не приводятся к единому показателю, подобному продукции биомассы в биогеоценозе.

Несколько сложнее обстоит дело со связями. Они достаточно реальны и в большинстве случаев допускают, вероятно, количественную оценку. Но все же их набор порождает некоторые сомнения. Возьмем, например, проблему полноты этого набора. Как ее можно обосновать? Нетрудно убедиться, что схема рассуждения в данном случае опирается на два основания: одно из них составляют энергетические характеристики — энергетические импульсы и пищевые цепи, а другое — специфически социальные черты антропогеоценоза (информационное поле и производственно-хозяйственные

цепи). Природа первого основания понятна: оно привлечено из биогеоценологии, которая до настоящего времени строится по преимуществу вокруг энергетики экосистем. Что же касается второго основания, то оно вроде бы выражает одну группу характеристик, но выражает на разных языках и в разных предметах: «информационное поле» не скрывает своего кибернетического происхождения, тогда как производственно-хозяйственные цепи соответствуют предмету этнографии. А если еще учесть, что энергетика антропоэкоцистем выражает в своем особом предмете, то получится, что связи антропогеоценоза «размещаются», как минимум, в трех различных измерениях.

Уже и сам по себе этот факт создает известные методологические неудобства, поскольку информационное поле, например, едва ли можно непосредственно соотнести с пищевыми цепями, если, конечно, не принимать за такое соотношение интуитивно очевидное предположение о том, что с возрастанием информационного поля должна возрастать и плотность пищевых связей, — ведь пока не видно способа, при помощи которого можно было бы подвергнуть это предположение эмпирической проверке. В биогеоценозе энергетика позволяет связать воедино биогенные и абиогенные параметры системы и ее связей. В антропогеоценозе к этим двум группам параметров добавляются еще и антропогенные, однако энергетика становится частным, а не универсальным показателем системы. При этом универсальный показатель вообще отсутствует (правда, В. П. Алексеев как будто отводит эту роль производительности труда, но это требует особого обсуждения).

Еще одна трудность связана с тем, что не все вводимые В. П. Алексеевым типы связей можно признать операциональными. Это прежде всего относится к информационному полю — наиболее, пожалуй, неопределенному из всех предложенных им понятий. Тут слишком много неясного. Во-первых, сами по себе знания вряд ли правомерно толковать как связи в системе: связи создаются не знаниями как таковыми, а их применением.

Во-вторых, представляется маловероятным, чтобы при анализе конкретных антропогеоценозов можно было оперировать такой общей категорией, как «знание», за которым фактически скрывается вся сфера духовной деятельности; по-видимому, здесь нужен какой-то иной, более определенный параметр. Им может в конечном

итоге оказаться и знание, но представленное в соответствии с общим духом всей этой методологической конструкции. Наконец, с категорией информационного поля трудно работать при анализе реальных антропосистем, ибо это поле нечем «вспахивать», т. е. измерять его.

Все эти сомнения никак не следует истолковывать в том смысле, что сомнительным оказывается само понятие антропогеоценоза. Надо еще раз подчеркнуть, что пока это единица гипотетическая, реально не «поработавшая» в области изучения первобытной истории. Попытки систематического применения нового понятия неизбежно заставят что-то уточнить, что-то сформулировать иначе, от чего-то отказаться. Антропогеоценоз интересен уже тем, что служит реальным средством формулирования некоторых проблем этнографии и истории в духе принципов системного подхода. Методологический же анализ этого понятия представляется полезным и важным постольку, поскольку он дает возможность уточнить возможные функции и условия применения этой системной единицы исследования, наметить пути повышения ее конструктивной силы.

Что же касается трудностей и неясностей, о которых здесь шла речь, то они объясняются, вероятно, прежде всего тем, что новый предмет изучения — организация антропосистем — пока еще находится в стадии становления. Наверное, именно поэтому и понятие антропогеоценоза заметно тяготеет к установкам на сравнительно-типологический анализ первобытных обществ. В этом смысле антропогеоценоз уже сейчас, по-видимому, открывает некоторые дополнительные возможности: он явно позволяет расширить и уточнить базу такого анализа. Но его методологические потенции значительно шире этой, в общем-то традиционной задачи. Вот с этой точки зрения он и поучителен для методологического анализа.

Понятно, что методологу было бы интересно вернуться к этому вопросу какое-то время спустя, когда можно будет обсуждать уже выполненные исследования, базирующиеся на этом понятии. Но для этого свое слово сначала должны сказать историки и этнографы.

3. Принципы исследования рефлексивных систем

Потребность в специфически системной методологии и логике становится тем более настоятельной, чем более сложные системы выступают в качестве предмета анализа. Особый интерес в этом смысле представляет класс таких систем, которые по сложности и совершенству организации своей деятельности не уступают исследователю. В подобных случаях исследование системы неизбежно так или иначе превращается в процесс взаимодействия — кооперативного или конфликтного — исследователя и изучаемой им системы. Основу этого взаимодействия составляют определенным образом связанные процессы взаимного осознания ситуации, включая осознание своей позиции и позиции своего «партнера» по взаимодействию. Такого рода структуры сделал предметом анализа советский исследователь В. А. Лефевр, назвавший их рефлексивными структурами (см. [86, 88, 243]).

В основе его концепции лежит формальный аппарат, специально построенный для фиксации процессов осознания и рефлексивного взаимодействия и включающий довольно сложные операции типа алгебраических. Именно через призму аппарата строится и феноменология взаимодействия сознаний в процессе конфликта, причем главное внимание уделяется фиксации содержаний сознания средствами формального аппарата (разумеется, для этого специально строится определенная типология таких содержаний).

Из всего многообразия взаимодействий сознания В. А. Лефевр избрал специальным объектом изучения именно конфликтные взаимодействия. К этому его побудили два принципиальных соображения: во-первых, то обстоятельство, что в ситуации конфликта по целому ряду причин наиболее ярко и выпукло обнаруживаются устойчивые структуры сознания со всей их сложной системой предпочтений; во-вторых, схематизация конфликтного взаимодействия посредством формального аппарата позволяет наглядно выявить такой важный феномен, как рефлексивное управление. Последнее представляет собой такую форму управления, которая основана на передаче партнеру по взаимодействию вполне определенного способа рассуждения и материала для него, так, чтобы в итоге партнер сделал тот вывод, который нужен и выгоден управляющей стороне. Понятно, что обстоятельное изучение конфликтного взаимодействия приведет к

созданию благоприятных условий для более широких обобщений, относящихся ко всяким, а не только к конфликтным взаимодействиям.

Следует отметить, что изучение рефлексивных систем проводится В. А. Лефевром и его сотрудниками не только на теоретическом, но и на весьма разнообразном по своим формам экспериментальном уровне.

Прежде чем изложить суть концепции рефлексивного взаимодействия, мы хотели бы подчеркнуть, что это изложение дается нами при непосредственном участии и консультациях автора концепции, В. А. Лефевра, которому мы выражаем нашу признательность.

В традиционном философско-психологическом понимании рефлексия означает способность встать в позицию «наблюдателя», или «исследователя», или «управляющего» по отношению к своему телу, к своим действиям, своим мыслям. Для исследователя рефлексии как особого социального феномена целесообразно расширить ее понимание по сравнению с этой традицией и называть термином «рефлексия» также и способность становиться в позицию исследователя по отношению к другому «действующему лицу», „с которым данное лицо находится в определенном взаимодействии. Такое расширение позволяет выделить и сделать предметом изучения рефлексивные процессы как особый класс систем.

Рефлексивные процессы наиболее ярко проявляются в условиях конфликта. Это объясняется общей активизацией многих человеческих функций в конфликтных ситуациях, которые, в частности, делают жизненно необходимым проникновение во внутренний мир противника и анализ его «мыслей». Само объективное положение дел вынуждает участников конфликта стать исследователями внутреннего мира своих противников и построить своеобразную теорию. Но здесь мы сталкиваемся с крайне необычным случаем взаимоотношения «объекта изучения» и теории этого объекта. Объект всячески пытается стать неадекватным теории, он непрерывно уходит от построенной относительно него теории, тем самым делая ее неверной.

Таким образом, конфликт, как и вообще любое сложное социальное взаимодействие, представляет в наиболее резком виде тот тип ситуаций, когда теория, которую строит исследователь, воздействует на исследуемый объект. В общем виде факт такого воздействия отмечался в литературе, в частности, в работах известного американского

экономиста К. Боулдинга, сформулировавшего так называемый обобщенный принцип В. Гейзенберга, суть которого и состоит в фиксации подобного воздействия исследователя на исследуемый объект (см., например, [223]); однако это воздействие фиксировалось именно лишь в общем виде и не было пока предметом специального изучения. Между тем это обстоятельство обуславливает принципиальное отличие социальных объектов от объектов, изучаемых физикой. Свойства «физических объектов» могут порождаться прибором, но они не зависят от теории: многотомный курс физики Л. Д. Ландау и Е. М. Лифшица не влияет на протекание естественных физических процессов. Ситуация, в которой находится «конфликтующий исследователь», принципиально иная; построенная им теория делается устаревшей немедленно после того, как он ее опубликует или разгласит.

Естественно, что в конфликте и другой противник точно так же строит «теорию», а первый «конфликтующий исследователь» предстает для него в качестве особого объекта исследования. Второй участник конфликта строит «теорию», которая призвана отразить партнера вместе с той «теорией», которую последний уже построил. Таким образом, основной чертой рефлексивного процесса является воспроизведение «внутреннего мира» противостоящего в конфликте персонажа (или, более широко, партнера по рефлексивному взаимодействию), в котором (т.е. в воспроизводимом внутреннем мире) отражен внутренний мир первого исследователя, включая, возможно, и отражение в этом последнем внутреннего мира партнера, и т.д. Иначе говоря, здесь имеет место более или менее глубоко проникающее последовательное взаимоотражение, причем глубина его может быть различной. Понятно, что дело существенно усложняется, когда мы приступаем к исследованию взаимодействия многих персонажей. В этом случае возможности естественного языка в изображении процесса взаимодействия делаются крайне ограниченными.

Для преодоления этой ограниченности В. А. Лефевр и построил особый формальный аппарат, специально предназначенный для изображения и исследования статичности и динамики рефлексивных процессов. Развитие этого аппарата показало, что информация о том, в какой последовательности модели ситуации вложены «внутри» данного персонажа, позволяет достаточно детально характеризовать те решения, которые порождаются именно таким строением внутреннего

мира. Такая система последовательно вложенных моделей ситуации была названа рефлексивной структурой.

Рефлексивным структурам были поставлены в соответствие особые *многочлены*, что и открыло путь к формальному исследованию таких процессов. Подчеркнем, что рефлексивный многочлен несет в концепции весьма важную нагрузку: он изображает рефлексивную реальность, т. е. внутренний мир сознания; элементы многочлена и представляют совокупность картин внутреннего мира, механизмы рефлексирования как определенного аспекта сознания. При разных структурах многочлена могут быть получены изображения как известной дилеммы узника, так и введенного Т. Шеллингом понятия фокальной точки (см. [260]). Рассмотрим принципы построения подобного исследования на примере взаимодействия двух персонажей.

Обозначим символом T плацдарм, на котором взаимодействуют два персонажа, X и Y . Пусть в некоторый момент времени t_x персонаж X отразил плацдарм; внутреннюю картину плацдарма, которая возникла у персонажа X , обозначим символом Tx (т. е. T с позиции X), а всю систему изобразим в виде суммы

$$\Omega_1 = T + Tx.$$

Пусть в момент времени t_2 осознание ситуации произвел персонаж Y . Имеющаяся перед ним действительность — это не только T , но и Tx . Иначе говоря, внутренний мир противника выступает как потенциально объективируемая сущность. Таким образом, в момент t_2 вся рассматриваемая нами система будет изображена следующим образом:

$$\Omega_2 = T + Tx + (T + Tx)y.$$

Нетрудно построить примеры и более сложных рефлексивных структур. Двигаясь таким образом, мы можем поставить в соответствие рефлексивным структурам особый алгебраический объект — множество многочленов с коэффициентами и булевой алгеброй двух элементов (коэффициенты выбраны из булевой алгебры, поскольку для рассматриваемых ситуаций естественно положить, что, например, $Tx + Tx = Tx$; в самом деле, ни исследователь, ни персонаж рефлексивного взаимодействия не получают новой информации в результате осуществления процедуры репродуцирования уже известного им текста). Над множеством

таких многочленов могут быть естественным образом заданы операции умножения и сложения. При этом существенно, что операция умножения некоммукативна, но вместе с тем она ассоциативна, и здесь выполняются законы правой и левой дистрибутивности.

Переход от одной рефлексивной структуры к другой интерпретируется как реализация процесса осознания. Операция умножения позволяет ввести формальный анализ процесса осознания. Например, представим себе, что в рассмотренном выше примере X вооружен оператором осознания $w = 1 + x$, а Y — соответственно оператором осознания $1 + y$. Допустим, что сначала в рефлексивном взаимодействии «срабатывает» X :

$$\Omega_1 = T(1 + x) = T + Tx.$$

После этого «срабатывает» Y :

$$\Omega_2 = (T + Tx) \cdot (1 + y) = T + Tx + (T + Tx)y.$$

Легко изобразить и более сложный случай, например когда X и Y производят осознание синхронно. Для такого случая система будет изображаться при помощи многочленов следующего вида:

$$\Omega_n = T(1 + x + y)^n.$$

В рамках рассматриваемого аппарата существует особый оператор, который «ответствен» за знаменитый принцип максимума. Этот оператор записывается в виде $w = 1 + j + xy$. Такой оператор порождает состояния, которые изображаются многочленами вида:

$$T + (\Omega + \Omega x)y.$$

Внутренний мир персонажа X оказывается таким, что любая мысль, осознанная им как своя собственная, отражается с его позиции его противником, персонажем Y , т. е. противник как бы читает любую мысль персонажа X . Поэтому X претворяет в действия решения, зная которые его противник, Y , нанесет ему минимальный ущерб; это и есть принцип максимума.

По-видимому, особенности некоторых видов религиозного мышления можно объяснить работой этого оператора

осознания. Можно предположить, что рефлексивные структуры и операторы осознания являются инвариантами по отношению к целому классу задач, возникающих в рефлексивном взаимодействии. Очевидно, что объективация таких структур и операторов в алгебраическом аппарате такого типа, который предложен В. А. Лефевром, позволит заметно продвинуться в исследовании тех форм человеческой жизни и деятельности, которые связаны с реализацией процессов осознания. Одна из методологических особенностей этого аппарата состоит в том, что он предоставляет средства для достаточно эффективного вычленения и изображения в качестве самостоятельного класса систем, сравнимых с исследователем по совершенству, т.е. таких систем, на которые существенно влияют сами теоретические концепции исследователя.

Глава пятая

О ПЕРСПЕКТИВАХ ДАЛЬНЕЙШЕГО РАЗВИТИЯ СИСТЕМНОГО ПОДХОДА

Завершая наш анализ природы, функций, основных понятий и форм приложения системного подхода в современной науке, технике и практической деятельности, мы попытаемся более четко выявить методологический характер принципов системного подхода, что позволит высказать некоторые суждения о перспективах его дальнейшего развития.

1. Основные принципы общенаучной методологии: сопоставление системного подхода с кибернетикой

Еще не так давно о системном подходе говорили почти исключительно в будущем времени, как о методологии, которая должна утвердиться в том или ином конкретном воплощении. Теперь эта методология в самых разнообразных модификациях (в том числе и весьма неожиданных) реализуется в многочисленных сферах науки, техники и в современной общественной практике. Как обычно бывает при переходе от проекта к реализации, развитие приложений системного подхода часть проблем сделало более ясными, но зато выдвинуло целый ряд других.

несколько неожиданно среди этих последних оказался вопрос о конкретном статусе системного подхода в научном познании. В те годы, когда системный подход развивался по преимуществу в виде проектов науки будущего, его

статус представлялся достаточно очевидным, правда, в литературе иногда проскальзывали сомнения (как правило, **малообоснованные** фактически) относительно форм связи системного подхода с другими уровнями методологического анализа, прежде всего с философией. Однако у подавляющего большинства исследователей существовало — и вполне справедливо — убеждение в принципиально методологической природе системного подхода. Собственно, и теперь этот тезис не вызывает серьезных возражений. Скорее даже наоборот: при решении специально-научных проблем с позиций системного подхода в соответствующих исследованиях без большого труда можно выделить методологическую часть, в которой и концентрируются системные принципы, определяющие специфический способ изучения реальности; иначе говоря, системность достаточно ясно выступает здесь в качестве методологического обоснования определенного типа исследования.

Вопрос, следовательно, заключается не в подтверждении этого общего положения, а в необходимости его конкретизации. Если системный подход представляет собой совокупность методологических принципов, то каковы его функции в постановке и решении специально-научных проблем?

Таким должно быть оптимальное выражение системного подхода — можно ли ограничиться формулировкой этих принципов, как сейчас принято говорить, на интуитивно-содержательном уровне, или они непременно требуют развития и организации в теорию?

Нетривиальность этих вопросов подчеркивается фактом множественности и пестроты методологических исследований, осуществляемых в последние годы в рамках системного подхода. В одной из наших работ, написанных совместно с И. В. Блаубергом и В. Н. Садовским и опубликованной в 1969 г. [25], мы говорили об органически взаимосвязанных сферах системного подхода, эта взаимосвязь сохранилась и по сей день, но вместе с тем нельзя не заметить, что фоном, на котором она обнаруживается, является растущая дивергенция, все более осязаемое обособление различных сфер системного подхода. Пожалуй, наиболее отчетливо это прослеживается на судьбах общей теории систем: внешне концепции, выступающие под этим именем, самым тесным образом привязаны к содержательной проблематике системного подхода, однако попытка выявить их функциональную специфику приводит к убеждению, что статус общей теории

систем весьма существенно отличается от статуса системного подхода как такового, а конкретные функции данной теории в научном познании, если ее понимать как теорию в строгом смысле слова, еще требуют основательного прояснения.

В такой ситуации детализация методологических функций, выполняемых системным подходом в научном познании, становится насущно необходимой как для углубления представлений о сущности системного подхода, так и для выработки критерия, который позволил бы давать разумную оценку многочисленным методологическим предложениям, развиваемым в связи с системными исследованиями, однако задача эта отнюдь не принадлежит к числу простых. Сложность не определяется тем, что системный подход, как мы это подчеркивали ранее, представляет собой *общенаучную*, а не специально-научную методологию, он развивается под воздействием определенных потребностей научного мышления в целом. Вместе с тем методологическая эффективность системного подхода, как и всякой общенаучной методологии, измеряется тем, насколько он способен играть конструктивную роль в построении и развитии *конкретных* предметов исследования, т. е. его приложимостью к определенному типу объектов изучения. Эта двойственность задает довольно жесткую систему требований ко всякой общенаучной методологии, претендующей на выполнение конструктивных функций в научном познании.

Чтобы прояснить эту мысль, можно сослаться на историю развития кибернетики. В сущности то, что называют теоретической кибернетикой, представляет собой не научную дисциплину в традиционном смысле слова, а общенаучную методологию, весьма близкую по своим интенциям к системному подходу". Однако такой ее характер обнаружился отнюдь не с самого начала. Напротив, в первое время кибернетика претендовала именно на то, чтобы быть научной дисциплиной, хотя и в несколько особом, так сказать, неклассическом смысле, поскольку она стремилась охватить в определенных аспектах всю реальность на различных уровнях ее организации. В ту пору как раз и были популярны общетеоретические работы, каждая из которых излагала свою особую версию предмета кибернетики. Но, как это ни парадоксально, по мере развития кибернетических исследований споры о предмете кибернетики как науки стали утихать, а на

" Эта проблема специально рассмотрена М. Г. Гаазе-Рапопортом [411].

первый план вместо теоретической выступила техническая кибернетика, фактически включающая в свой состав целый ряд самых разнообразных дисциплин как теоретического, как и прикладного характера.

Что же осталось от первоначальной теоретической кибернетики? особого научного предмета она не дала, но зато вооружила не только порожденные ею дисциплины, а в той или иной мере всю современную науку некоторыми общими принципами методологического характера, в первую очередь идеями иерархически организованного управления и информационных связей; на этой-то основе и начали возникать новые предметы изучения.

В случае с кибернетикой упомянутая нами двойственность стремлений не получила резкого выражения, что объясняется несколькими особенностями кибернетики и характера ее развития. Во-первых, сам факт наличия двух этапов в истории данной области научного знания свидетельствует о постепенном переходе от акцента на фундаментальные понятия и принципы мышления к акценту на построение специализированных предметов изучения. Во-вторых, при всей своей абстрактности и универсальности (в смысле областей применения) кибернетическое мышление с самого начала было ориентировано на вполне определенный тип процессов и связей в реальном мире — на процессы и связи управления. Второе обстоятельство стимулировало тесную связь кибернетики со специализированным аппаратом исследования, а в дальнейшем, когда возникло целое семейство кибернетических дисциплин, оно дало импульс быстрому развитию этого аппарата, особенно различных отраслей прикладной математики и отчасти математической логики.

История системного подхода оказалась во многом сходной, но вместе с тем в некоторых существенных моментах и заметно отличной от истории кибернетической методологии. Сходство заключается в том, что на первых порах системный подход также претендовал на статус если и не научной дисциплины, то во всяком случае содержательного научного направления, имеющего дело с различными сферами реальности. Это особенно относилось к универсальным концепциям типа тектологии или общей теории систем Л. фон Берталанфи. Многим тогда казалось, что достаточно лишь построить адекватный язык и аппарат подобной науки, и она станет реальным фактом, который породит цепную реакцию перестройки всей системы существующего научного

знания. Этим оптимистическим прогнозам, однако, не суждено было сбыться. Хотя исследований в области общей теории систем отнюдь не стало меньше, чем не менее сейчас их характер существенно изменился: большинство современных концепций общей теории систем фактически представляют собой более или менее специализированные формальные построения, очевидное снижение первоначального уровня претензий дает основание согласиться с В. Н. Садовским, в ряде своих работ развивающим идею построения общей теории систем как метатеории (см., в частности, [142], [144]). Эта идея включает в себе гораздо более точную постановку вопроса о статусе общей теории систем — толкуемая как метатеория, она, по сути дела, претендует лишь на методологическое обобщение конкретных системных концепций. Правда, нельзя не обратить внимание на то, что здесь мы пока имеем дело опять-таки лишь с проектом некоторой будущей концепции, а не с нею самой непосредственно, не говоря уже об упоминавшихся ранее довольно глубоких различиях между общей теорией систем и системным подходом.

Таким образом, реальное развитие системного подхода не привело к его концептуализации и конституированию в виде жестко очерченного научного направления, со строго определенной системой понятий, процедур и методов исследования. В отличие от кибернетики системный подход не породил пока и какого-то семейства особых научных дисциплин. Системные идеи, с одной стороны, нашли и продолжают находить себе пристанище в уже существующих дисциплинах, как традиционных, так и новых; с другой стороны, на их основе возникли различного рода практические доктрины, из которых самой примечательной является, пожалуй, методология системного анализа, соединяющая в себе черты современной науки и практики, точного расчета и интуиции. Иначе говоря, системный подход играет серьезную методологическую роль в познании, но формы реализации этой роли не такие, как в случае с кибернетикой.

Сопоставление системного подхода и кибернетической методологии позволяет сделать один вывод, важный для понимания сущности общенаучных методологических направлений вообще и системного подхода в частности. Дело в том, что конкретно-научная методология, принципы которой применимы в рамках не одной, а по крайней мере нескольких дисциплин, может выступать в двух разновидностях. В

первом случае такая методология не только формулирует определенные идеи или принципы методологического порядка, но и дает достаточно развернутый аппарат исследования; во втором случае такой аппарат отсутствует, по крайней мере в жестко фиксированном виде. Нетрудно увидеть, что эти два типа случаев как раз и воплощают соответственно теоретическая кибернетика и системный подход.

Конечно, наличие исследовательского аппарата делает методологические функции соответствующей концепции или направления более определенными и внутренне расчлененными. Для применения такой методологии в принципе достаточно построить интерпретацию исследуемой реальности в системе понятий данной методологической концепции, после чего открывается путь к использованию уже имеющегося арсенала формальных средств и к построению теоретических моделей объекта. Именно эта кажущаяся простота и создала в свое время кибернетический бум: ведь в понятиях управления, информации и обратной связи можно описывать практически безграничное множество процессов.

Однако простота эта и в самом деле явилась кажущейся. Проблема заключается в том, что само по себе получение интерпретации далеко еще не дает действительного предмета исследования. Всякая интерпретация, как известно, необходимо связана с наложением вполне определенных ограничений на интерпретируемую реальность. Понятно, что чем большей является общность системы понятий, в которой производится интерпретация, тем более существенными и сильными оказываются накладываемые при этом ограничения. В значительном числе случаев последние настолько принципиальны, что лишают интерпретацию конструктивной силы и потому не позволяют построить предмета исследования, содержащего какую-то совокупность реальных проблем или хотя бы одну действительную проблему. Проще говоря, в подобных случаях мы имеем дело с вполне бессодержательными построениями, которые обязаны своим распространением лишь не критическому пиетету перед модными терминами и формальными конструкциями.

За все это, однако, сама по себе методология никакой ответственности не несет. Как таковая, она не содержит в себе непосредственно зачатков будущих предметов исследования, а дает лишь определенные средства для их построения, при условии, что реализованы содержательные предпосылки такой работы.

Отсутствие у системного подхода однозначно фиксированного нормального аппарата исследования делает его методологические функции несколько менее четко очерченными, хотя, конечно, не менее значительными. Эта известная нечеткость производна от характера системного подхода и его исходных установок. Как хорошо известно, кибернетика тоже оперирует понятием системы и рядом других понятий, которые считаются специфическими для системного подхода. Однако у кибернетики, при всех громадных различиях в конкретных типах систем, которыми она занимается, главным предметом системного рассмотрения считаются связи и процессы управления, о чем уже шла речь. Системный же подход претендует на универсальность особого рода. Для него системность объекта изучения, по существу, тождественна его целостности, независимо от того, что понятие целостности частенько поругивают даже в системной литературе за его недостаточную операциональность²⁾. В свою очередь, выявление целостности предполагает, что теоретический анализ в принципе не может быть ограничен одним каким-то типом связей и в пределе должен охватить всю их типологическую совокупность применительно к данному объекту. Понятно, что с этой точки зрения связи управления, например, оказываются лишь разновидностью связей целостности.

Конечно, в столь прямолинейном виде подобная установка не формулируется ни одним адептом системного подхода. Но вместе с тем нельзя не признать, что уже сама по себе антиномия «целостный — частичный» (а только в связи с ней вопрос о целостности становится методологической проблемой) содержит стремление к абсолютной полноте изображения объекта. Такое стремление действительно заложено в природе системного подхода, и оно находит выражение в том, что системная картина объекта всегда строится как нечто существенно более полное по сравнению с предшествующей картиной.

Однако эта же установка, воспринятая натуралистически, порождает веру в необходимость абсолютной полноты охвата объекта, если его изучение проводится с системных позиций. Поскольку такое требование невыполнимо по очевидным общегносеологическим соображениям, его выдвижение, яв-

²⁾ В работе [28] убедительно, на наш взгляд, доказано, что Такого рода критика не вполне обоснована.

ное или скрытое, приводит к разочарованию в системном подходе вообще.

Эта картина, быть может несколько гиперболизированная в каких-то деталях, позволяет обнажить смысл обсуждаемого нами вопроса: в чем же конкретно состоит и выражается методологическая природа системного подхода, что именно несет он в себе?

В каком-то смысле ответ на этот вопрос определяется самим термином «системный подход». Действительно, методологическая ценность этого направления состоит прежде всего в том, что оно содержит и в развернутой форме выражает требование нового, по уравнению с предшествующим, подхода к объекту изучения. Этот момент важно подчеркнуть еще раз: системный подход сам по себе как таковой не дает решения проблемы непосредственно, он является орудием новой постановки проблем. Такова принципиальная методологическая сторона дела. Отсюда, конечно, не следует, что системным методам исследования нет места на других стадиях научной деятельности, следующих за постановкой проблемы. И содержательные принципы системного подхода, и особенно создаваемые на их основе формальные средства могут играть и нередко действительно играют серьезную роль как при постановке, так и при разработке проблем в специальных науках. Более того, практика показывает, что нередко даже старая, казавшаяся тупиковой проблема может получить решение, если она подвергается системному рассмотрению.

2. Принцип целостности в системных исследованиях

В предшествующей параграфе мы подчеркнули связь системного подхода с принципом целостности. В каком, однако, смысле в системных исследованиях используется этот принцип? Для ответа на этот вопрос мы проанализируем интересный и поучительный пример одного исследования, проведенного академиком Б.А.Рыбаковым [35]. Оно было направлено на установление автора «Слова о полку Игореве».

Сразу же оговоримся, что это исследование формально никоим образом не связано с системной методологией; во всяком случае его автор не ощущает потребности в специфически системной терминологии, методологически важная особенность этой работы заключается также в том, что она в основной своей части построена на материале,

который был известен исследователям и до Б. А. Рыбакова (исключение составил анализ киевского и черниговского летописаний второй половины XII в., который пришлось в значительной мере проделать самому Б.А.Рыбакову). Не возникал здесь вопрос и о привлечении сверхсовременных методов и техники исследования. Научный результат был получен в данном случае прежде всего за счет нового подхода к старой проблеме, новой организации имеющегося материала (кстати, и потребность в дополнительных данных возникла именно в связи с новой постановкой проблемы).

Этот новый подход, если его изложить кратко, состоял в совмещении нескольких различных способов анализа. Исследование текста «Слова о полку Игореве» проводилось на фоне изучения, во-первых, социально-политической конъюнктуры Киевской Руси той эпохи; во-вторых, политических и иных симпатий и антипатий автора, выраженных в тексте «Слова»; в-третьих, характера и уровня его образованности; в-четвертых, стилевых и иных особенностей летописи той эпохи. Кроме того, важную вспомогательную роль сыграло составление генеалогической таблицы киевских князей. Каждый из этих способов давал свою особую систему связей, которая сама по себе, однако, не позволяла получить достоверного вывода. Подход же Б. А. Рыбакова дал возможность наложить друг на друга несколько различных систем связей. В результате поле поиска резко сузилось, и в конечном счете с большой вероятностью было установлено, что автором «Слова» является Петр Бориславич, киевский боярин, летописец князей Изяслава Мстиславича и Рюрика Ростиславича.

Едва ли эта работа нуждается в особой аттестации для причисления ее к разряду системных исследований. Если руководствоваться формальными соображениями, то такая аттестация, конечно, окажется весьма затруднительной, поскольку, как уже говорилось, в работе практически отсутствуют специфически системные термины и понятия. И тем не менее можно со всей определенностью утверждать, что в исследовании Б. А. Рыбакова нашли реальное воплощение некоторые из новых принципов научного мышления, в том числе и характерные для системного подхода.

В частности, здесь хорошо просматривается, каким именно образом «работает» в научном исследовании принцип целостности: он позволил преодолеть неполноту и частичность прежних подходов и построить такой предмет изучения, который заведомо является существенно более полным. На

этом же примере легко проследить и еще одну важную особенность методологических направлений, подобных системному подходу. Дело в том, что средства, предоставляемые такими направлениями, никак не похожи на микроскоп или ядерный реактор, а прежде всего суть интеллектуальные средства, дающие новую организацию материала, который подлежит исследованию.

Тот факт, что целостный подход всегда является преодолением подхода частичного, может склонять и иногда действительно склоняет к неточному выводу. Его неточность еще более усиливается на фоне того, что системному подходу нередко приписывается в качестве обязательного постулат комплексности, всесторонности охвата объекта изучения. Собственно, этот постулат есть следствие вполне определенной трактовки принципа целостности. В некоторых случаях — и число их достаточно велико — частичность изображения объекта находит выражение в существовании одновременно нескольких разных предметов изучения относительно одного и того же объекта. Так обстоит дело, например, с анализом знаковых систем, науки, личности. В подобных ситуациях целостный подход естественно представляется в виде синтеза существующих специализированных, односторонних подходов, а модель таких ситуаций начинает выступать как общая для системного подхода и более того — как выражающая его сущность.

В действительности, однако, это далеко не универсальная модель ситуации, в которой возникает потребность в применении системного подхода. Скорее даже наоборот — подобные случаи являются крайне редкими в развитии современной науки. Конечно, из чисто абстрактных соображений задача синтеза нескольких различных предметов исследования может ставиться сколь угодно часто. Однако абстрактные соображения и реальная задача — вовсе не одно и то же. Например, было бы очень заманчиво осуществить синтез различных дисциплин, занятых в настоящее время изучением науки; однако такая задача сейчас практически даже не ставится, и не только потому, что отсутствуют методологические средства для ее решения, а прежде всего потому, что пока не видно разумного теоретического замысла, во имя которого этим следовало бы заняться. То же самое можно сказать и о многих других ситуациях подобного рода. Если же иметь в виду гораздо более общую задачу интеграции современного научного знания, о которой неоднократно го-

ворил Л. фон Бергаланфи и решение которой он связывал с общей теорией систем, то она, без сомнения, по своим масштабам выходит далеко за рамки возможностей системного подхода и является задачей общеметодологической, со всеми вытекающими отсюда особенностями в способах и формах ее решения.

Подавляющее большинство системных исследований развивается в ином русле, хотя все они опираются на принцип целостности, имманентный системному подходу. Роль этого принципа заключается в том, что он выступает в качестве методологической предпосылки построения предмета исследования. Такой предмет всегда, конечно, является новым и уже потому более полным по отношению к соответствующим научным дисциплинам и наличному знанию вообще, но само это отношение может быть существенно разным. В одних случаях дело завершается более или менее значительным расширением определено научной дисциплины — такую роль, например, выполняет в отношении теории игр анализ конфликта как взаимодействия наделенных сознанием систем (см., в частности, [80a], [128], [279]) — или даже созданием новой дисциплины. В других случаях новый, системный предмет целиком вписывается в рамки уже существующей области научного знания, как это имеет место в экологических исследованиях, где установка на целостность позволяет выдвигать оригинальные исследовательские проблемы при сохранении общих границ предмета экологии. Наконец, возможны и такие случаи, когда реализация принципа целостности требует построения междисциплинарного предмета изучения, хотя нужно еще раз оговориться, что до сих пор число таких случаев в фундаментальной науке невелико; они характерны скорее для прикладных исследований и особенно для разработок современных крупных научно-технических проектов³.

Таким образом, методологическая функция принципа целостности, если ее рассматривать в общем виде, состоит не в том, что он на каждом шагу предписывает стремиться

³ Чтобы подобная оговорка не показалась плодом слишком назойливой осторожности, сошлемся на сравнительно недавнюю работу американского автора Э. Ласло, в которой с весьма категорическим оптимизмом (но, к сожалению, без должной аргументации) утверждается, что современные системные исследования стирают целый ряд существующих границ, в том числе границ дисциплинарных [261, с. 165—167], причем это утверждение толкуется как универсальный принцип исследований вообще.

к абсолютному охвату объекта изучения, а прежде всего в том, что он постоянно ориентирует на подход к предмету исследования как к принципиально незамкнутому, допускающему расширение и восполнение за счет привлечения к анализу новых типов связей. Это, в частности, означает, что системное исследование вполне может оставаться монодисциплинарным и не проявлять экспансии в близлежащие области знания.

При такой трактовке принципа целостности естественно возникает вопрос: что же нового вносит в эту проблему системный подход? Ведь научное познание всегда стремилось давать целостную, внутренне завершенную картину объекта изучения. Это действительно так, но надо иметь в виду, что фактически вплоть до второй половины XIX в. интенция на целостность находила, по существу, лишь феноменологическое выражение. Иначе говоря, при изучении *сложных* объектов главной задачей было получение максимально полных атрибутивных характеристик, решение связанных с этим вопросов классификации и т. п. Наука искала в этой области в первую очередь ответы на вопросы «что?» и «почему?», а вопрос «как?», который, конечно, тоже возникал на каком-то уровне, находил разрешение по преимуществу в рамках натурфилософии и свойственных ей схем объяснения. В этом смысле характерно, например, что биологи в течение очень длительного времени оперировала категорией признака, а не свойства или связи.

Очевидно, в такой ситуации и целостность выступала, по существу, в качестве феноменологической установки, т.е. установки на целостность *описания*, а не объяснения объекта изучения, последнее же черпалось из иных, в том числе нередко и вненаучных (особенно спекулятивно-философских) источников. Поэтому целостность оставалась категорией описательно-онтологической, а ее регулятивная роль в познании была минимальной.

В системных исследованиях картина существенно меняется. Здесь целостность начинает все более отчетливо играть роль не онтологического постулата, а *методологической установки*. Иначе говоря, она рассматривается не как некая скрытая в объекте сущность, а как определяемый спецификой этого объекта и конкретной исследовательской задачей принцип, который дает соответствующую *программу исследования*. Отличительные особенности такой программы могут быть сведены к следующим моментам: во-первых,

достаточно четкое и резкое определение границ объекта, выступающее в качестве основания для отделения объекта от среды и разграничения его внутренних и внешних связей; во-вторых, выявление и анализ системообразующих связей объекта и способа их реализации; в-третьих, установление механизма жизни, динамики объекта, т.е. способа его функционирования или развития.

Понятно, что в каждом конкретном исследовании эти моменты выступают по-разному. Например, в упоминавшейся работе К. М. Хайлова [194] центральным пунктом программы явилось установление системообразующих связей и механизма их действия, тогда как задача определения границ системы выступала в качестве производной. При изучении же науки в рамках того или иного науковедческого подхода одна из существенных методологических проблем заключается в определении границ объекта, от чего практически зависит вся структура исследовательской программы.

Надо сказать, что по крайней мере до настоящего времени не существует каких-либо единообразных процедур и методов реализации подобных программ. Чтобы пояснить их методологическую специфику, можно сослаться на метод моделирования, хотя он, конечно, не является достоянием только системного подхода и применяется далеко за его пределами. Системный характер современных теоретических моделей (а именно в этом узком смысле употребляется здесь данный термин) выражается в том, что они, каждая по-своему, фиксируют перечисленные нами моменты, характеризующие принцип целостности.

Действительно, всякая модель строится таким образом, чтобы дать не только (а во многих случаях — даже не столько) слепок, статическую картину объекта, а прежде всего изображение происходящих в нем процессов, т.е. картину его функционирования или развития, следует учитывать, что подобные изображения бывают обычно крайне абстрактными, и потому слово «картина» характеризует их с большой степенью условности. Между прочим, одним из следствий этой абстрактности является также и крайняя условность, если не сказать больше, полноты подобного рода изображений системных объектов.

Весьма специфическим оказывается при этом и синтез нескольких различных изображений, если таковой действительно производится: в сущности, итогом синтеза нескольких системных представлений должна явиться особая модель

объекта, которая по необходимости будет «линейной», «плоской», в том смысле, что она дает вполне единообразное изображение объекта и потому строится в одной определенной «плоскости», а не в некоей «сфере».

Таково, по-видимому, необходимое свойство всякого теоретического языка, а одним из его непосредственных выражений может служить принцип редукционизма, о котором говорит академик В. А. Энгельгардт [204].

Таким образом, трактовка целостности как методологического принципа существенно меняет содержание этой категории. От ее прежней, онтологической трактовки здесь остается только тезис о безусловной отнесенности целостности к объекту изучения, т.е. о ее безусловно объективном содержании. Но вместе с тем, как показывает практика системных исследований, фактически полностью элиминируется постулат субстанциональной природы целостности. «Материал», в котором воплощается целостность объекта, — это прежде всего его внутренние и внешние связи. Именно на них строятся фундаментальная организация объекта и система его взаимодействий со средой, с механизмами управления и развития объекта. Такая совокупность представлений выступает в качестве системы методологических ориентиров при исследовании сложных объектов. Конструктивность же этих ориентиров обеспечивается расчленением, развертыванием понятия целостности за счет введения ряда дополнительных понятий — системы, организации, структуры, управления, связи, функции и т. д.

Любопытно, что при такой трактовке целостности в значительной мере лишаются смысла парадоксы целостности, рассмотренные, в частности, в работах [26] и [143]. Главный из них формулируется так: нельзя познать целое, не познав его частей, а познание частей предполагает расчленение объекта и, следовательно, отказ от целого, нетрудно убедиться, что в основе этого парадокса, лежит традиционно-онтологическое представление о целостности как о чем-то принципиально ненарушимом и абсолютном в своей полноте. Если же целостность толковать в указанном ранее смысле, то снимается самое основание этого парадокса поскольку предметом изучения оказывается тогда не целостность «как таковая», как нечто изначально синкретическое и подлежащее лишь выявлению (но без расчленения), а система связей, функций и взаимодействий объекта, в которой и находит реальное выражение целостность данного объекта и исследо-

вание которой не содержит в себе ничего парадоксального, по крайней мере в смысле указанного парадокса.

Надо признать, что такое понимание принципа целостности ведет к некоторому расширению круга исследований, могущих быть зачисленными в разряд системных. Например, с этой точки зрения в качестве системной может с определенными основаниями рассматриваться концепция развития естественных наук, разработанная Д. Прайсом и опирающаяся на анализ сетей цитирования, поскольку она дает достаточно эффективную и конструктивную модель целостного (в некотором аспекте) движения отображаемого в ней объекта. Правда, эта концепция может подвергаться и критике за игнорирование механизмов порождения знания, ограниченность информационного подхода, лежащего в ее фундаменте, и т.д., а в целом — за то, что предлагаемая ею модель не соответствует нашему интуитивному представлению о науке как системе.

Все это, конечно, так, но вместе с тем фактически единственное основание критики сводится к тому, что модель Прайса недостаточно полна для того, чтобы быть системной. Если же отказаться от постулата полноты, то спор будет вестись уже не столько о характере концепции, сколько об усилении и расширении ее системных оснований. Равным образом системным по своему подходу является и упоминавшееся исследование Б. А. Рыбакова, хотя в нем нет речи о какой-либо системе и оно не нуждается в междисциплинарных синтезах, целиком вмещааясь в рамках исторической науки. Называем же мы его системным потому, что независимо от употребляемых терминов в нем для решения в принципе не системной проблемы потребовалось воссоздать сложную систему с множеством разнотипных связей.

Методологическая проблематика системного подхода, конечно, далеко не сводится к вопросу о способах трактовки целостности. Но все же вопрос этот имеет особое значение: он глубоко связан со спецификой любого системного исследования, и в силу этого его анализ позволяет точнее представить характер и особенности методологических средств, предлагаемых научному познанию системным подходом. В частности, анализ методологических функций принципа целостности показывает, что роль этого принципа, как по-видимому, и вообще роль системной методологии, отнюдь не исчерпывается задачами обеспечения синтеза различных представлений

объекта и более того — что такие задачи не являются первоочередными для системного подхода в целом, содержательные понятия и принципы системного подхода служат прежде всего орудием определенной организации предметного содержания исследования, а именно такой организации, чтобы исследование направлялось к постановке и решению проблем, связанных с выявлением законов функционирования и развития объекта. При этом в одних случаях акцент может падать на вопросы организации объекта, в других — на определенные типы специфических для него связей, в третьих — на синтез различных представлений объекта, полученных в сложившихся ранее предметах, в четвертых — на выявление структурных инвариантов, в пятых — на генетические механизмы и т. д.

По-видимому, можно утверждать, что перечисленными моментами в принципе исчерпывается содержательная методологическая характеристика системного подхода (хотя, конечно, надо подчеркнуть, что в данном случае эти моменты лишь обозначены, причем чисто эскизно и без каких бы то ни было претензий на полноту). Что же касается средств формализации системного исследования, то это совсем особый вопрос, который, как представляется, в настоящее время вряд ли может получить общее решение, поскольку системные исследования не только крайне разнохарактерны по своим конкретным задачам, но и проводятся в весьма далеко отстоящих друг от друга дисциплинах, каждая из которых располагает своим собственным аппаратом.

В такой ситуации не видно серьезных оснований предполагать, что вокруг системного подхода может вырасти единый и строго организованный аппарат формальных методов и средств, который даст нечто вроде формализованной теории системного исследования вообще. Думается, что максимум, на что здесь можно рассчитывать, — это формализованные концепции, каждая из которых построена и приспособлена для решения определенных типов системных задач. Однако даже в этом случае системный подход не будет, конечно, выступать в виде некоего штампа, который останется только приложить к соответствующей сфере реальности. Он лишь облегчит решение проблемы, когда она уже поставлена. А в ее постановке решающую роль, как и прежде, будут играть содержательные методологические принципы познания, в том числе принципы системного подхода.

Литература к части второй

1. Маркс К. Капитал // Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 23.
2. Маркс К. Экономические рукописи 1857-1859 годов // Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 46, ч. 1.
3. Энгельс Ф. Диалектика природы // Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 20.
4. Ленин В. И. Материализм и эмпириокритицизм // Полн. собр. соч., т. 18.
5. Ленин В. И. Философские тетради // Полн. собр. соч., т. 29.
6. Ленин В. И. О значении воинствующего материализма // Полн. собр. соч., т. 45.
7. Акофф Р. Общая теория систем и исследование систем как противоположные концепции науки о системах // Общая теория систем. М., 1966.
8. Алексеев Н. Г., Юдин Э. Г. О психологических методах изучения творчества // Проблемы научного творчества в современной психологии. М., 1971.
9. Алексеев В. П. Антропогеоценозы: сущность, типология, динамика // Природа, 1975, № 7.
10. Андреева Г. М. Современная буржуазная эмпирическая социология. М., 1965.
11. Анохин П. К. Проблемы высшей нервной деятельности. М., 1949.
12. Афанасьев В. Г. Проблема целостности в философии и биологии. М., 1964.
13. Бауэр Э. С. Теоретическая биология. М.—Л., 1935.
14. Беклемишев В. Н. Общие принципы организации жизни // Бюлл. Моск. о-ва испытат. природы, 1964, т. 69, вып. 2.
15. Бернштейн Н. А. О построении движений. М., 1947.
16. Бернштейн Н. А. Очерки по физиологии движений и физиологии активности. М., 1966.
17. Берталанфи Л. фон Общая теория систем — критический обзор // Исследования по общей теории систем. М., 1969.
18. Берталанфи Л. фон Общая теория систем — обзор проблем и результатов // Системные исследования. Ежегодник 1969. М., 1969.
19. Берталанфи Л. фон История и статус общей теории систем // Системные исследования. Ежегодник 1973. М., 1973.

20. Бир Ст. Кибернетика и управление производством. М., 1965.
21. Блауберг И. В. Проблема целостности в марксистской философии. М., 1964.
22. Блауберг И. В., Юдин Э. Г. Системный подход в социальных исследованиях // Вопросы философии, 1967, №9.
23. Блауберг И. В., Юдин Э. Г. Количественные методы в социологии и их концептуальные основания // Информ. бюлл. Советской социол. ассоциации и Ин-та конкретных социальных исследований АН СССР, 1968, №8.
24. Блауберг И. В., Садовский В. Н., Юдин Э. Г. Системные исследования и общая теория систем // Системные исследования. Ежегодник 1969. М., 1969.
25. Блауберг И. В., Садовский В. Н., Юдин Э. Г. Системный подход: предпосылки, проблемы, трудности. М., 1969.
26. Блауберг И. В. Часть и целое // Философская энциклопедия, т. 5. М., 1970.
27. Блауберг И. В., Юдин Э. Г. Философские проблемы исследования систем и структур // Вопросы философии, 1970, №5.
28. Блауберг И. В., Юдин Б. Г. Понятие целостности и его роль в научном познании. М., 1972.
29. Блауберг И. В., Юдин Э. Г. Системный подход в социальном познании // Исторический материализм как теория социального познания и деятельности. М., 1972.
30. Блауберг И. В., Юдин Э. Г. Становление и сущность системного подхода. М., 1973.
31. Богданов А. А. Всеобщая организационная наука (тектология). 3-е изд., ч. I—III. М., 1925-1929.
32. Боулдинг К. Общая теория систем — скелет науки // Исследования по общей теории систем. М., 1969.
33. Васина Н. А., Федорович В. А. Симметрия, асимметрия и структура // Учен. зап. МГПИ им. В.И.Ленина, 1971, №412.
34. Веденов М. В., Кремьянский В. И. Соотношение структуры и функции в живой природе. М., 1966.
35. Вернадский В. И. Биосфера. М.—Л., 1926.
36. Вернадский В. И. Биогеохимические очерки. М., 1940.
37. Вернадский В. И. Научная мысль как планетное явление // Наука и религия, 1968, №11.
38. Винер Н. Кибернетика. 2-е изд. М., 1968.

39. Выготский Л. С. Развитие высших психических функций. М., 1960.
40. Вяткин Ю. С., Мамзин А. С. Соотношение структурно-функционального и исторического подходов в изучении живых систем // Вопросы философии, 1969, №11.
41. Гаазе-Рапопорт М. Г. Теория систем и кибернетика // Системные исследования. Ежегодник 1973. М., 1973.
42. Гайденок П. П. Категория времени в буржуазной европейской философии истории XX века // Философские проблемы исторической науки. М., 1969.
43. Гвишиани Д. М. Организация и управление. 2-е, доп. и перераб. изд. М., 1972.
44. Генетика человека, ее философские и социально-этические проблемы // Вопросы философии, 1970, №7-8.
45. Глинский Б. А., Кукушкина Е. И., Панин А. В. Философские вопросы системно-структурного исследования // Вестник МГУ. Философия, 1969, №3.
46. Греневский Г. Кибернетика без математики. М., 1964.
47. Грецкий М. Н. Французский структурализм. М., 1971.
48. Грузинцев Гр. Очерки по теории науки // Записки Днепропетровского Института народным освѣти, т. И. Днепропетровск, 1928.
49. Грушин Б. А. Очерки логики исторического исследования. Процесс развития и проблемы его научного воспроизведения.
50. Гуд Г. Х., Макол Р. Э. Системотехника. Введение в проектирование больших систем. М., 1962.
51. Гургенидзе Г. Физиология активности // Философская энциклопедия, т. 5. М., 1970.
52. Джонсон Р., Каст Ф., Розенцвейг Д. Системы и руководство (теория систем и руководство системами). М., 1971.
53. Завадский К. М. Основные формы организации живого и их подразделения // Философские проблемы современной биологии. М.—Л., 1956.
- 53а. Зиновьев А. А. Восхождение от абстрактного к конкретному (на материале «Капитала» К. Маркса). Диссертация. МГУ, 1954.
54. Игнатьев А. А. Наука как объект управления // Вопросы философии, 1971, №11.
55. Ильенков Э. В. Диалектика абстрактного и конкретного в «Капитале» Маркса. М., 1960.

56. Исследования по общей теории систем. Сборник переводов // Общ. ред. и вступ. статья В. Н. Садовского и Э.Г.Юдина. М., 1969.
57. Карагеоргиев И. Общата теория за системите и биологичните науки // Философска мисъл, 1972, кн. 1.
58. Карпинская Р. С. Проблема целостности и молекулярная биология // Вопросы философии, 1969, № 10.
59. Карпинская Р. С. Философские проблемы молекулярной биологии. М., 1971.
60. Кассирер Э. Познание и действительность. СПб., 1912.
61. Квейд Э. Анализ сложных систем. М., 1969.
62. Квейд Э. Методы системного анализа // Новое в теории и практике управления производством в США. Пер. с англ. М., 1971.
63. Клир Дж. Абстрактное понятие системы как методологическое средство // Исследования по общей теории систем. М., 1969.
64. Косыгин Ю.А. Методологические вопросы системных исследований в геологии // Геотектоника, 1970, №2.
65. Кребер Г. Философские категории в свете теории систем // Научные доклады высшей школы. Философские науки, 1967, №3.
66. Кремянский В. И. К вопросу о целостности организма // Вестник МГУ. Сер. физ.-мат. и естеств. наук, 1952, №6.
67. Кремянский В. И. Некоторые особенности организмов как «систем» с точки зрения физики, кибернетики и биологии // Вопросы философии, 1958, №8.
68. Кремянский В. И. Структурные уровни живой материи. Теоретический и методологические проблемы. М., 1969.
69. Кремянский В. И. Очерк теории «интегративных уровней» // Проблемы методологии системного исследования. М., 1970.
70. Кузьмин В. П. Системное качество // Вопросы философии, 1973, №9, 10.
71. Кузьмин В. П. Проблемы системности в теории и методологии К.Маркса. М., 1974.
72. Кузьмин В. П. Принцип системности в теории и методологии К.Маркса. 2-е изд. М., 1976.
73. Левада Ю.А. Кибернетические методы в социологии // Коммунист, 1965, № 14.

74. Левада Ю.А. Некоторые проблемы системного анализа общества в научном наследии К. Маркса // Информ. бюлл. Советской социол. ассоциации и Ин-та конкретных социальных исследований АН СССР, 1968, №3.
75. Левада Ю.А. Историческое сознание и научный метод // Философские проблемы исторической науки. М., 1969.
76. Левин М. Г., Чебоксаров Н. Н. Хозяйственно-культурные типы и историко-этнографические области // Советская этнография. 1955, №4.
77. Лекторский В. А., Садовский В.Н. О принципах исследования систем (в связи с общей теорией систем Л. Берталяни) // Вопросы философии, 1960, №8.
78. Лекторский В. А. Проблема субъекта и объекта в классической и современной буржуазной философии. М., 1965.
79. Лекторский В. А., Швырев В. С. Актуальные философско-методологические проблемы системного подхода // Вопросы философии, 1971, № 1.
80. Лекторский В. А., Швырев В. С. Методологический анализ науки (типы и уровни) // Философия, методология, наука. М., 1972.
- 80а. Лефевр В. А. О способах представления объектов как систем // Тезисы докладов симпозиума «Логика научного исследования» и семинара логиков. Киев, 1962.
81. Лоусон Ч. Язык, коммуникации и биологическая организация // Исследования по общей теории систем. М., 1969.
82. Любищев А. А. О некоторых новых направлениях в математической таксономии // Журнал общей биологии, 1966, т. XXVII.
83. Любищев А. А. Значение и будущее систематики // Природа, 1971, №2.
84. Любищев А. А. О критериях реальности в таксономии // Информационные вопросы семиотики, лингвистики и автоматического перевода, вып. I. М., 1971.
85. Ляпунов А. А. Об управляющих системах живой природы и общем понимании жизненных процессов // Проблемы кибернетики, 1964, вып. 10.
86. Малиновский А. А. Типы управляющих биологических систем и их приспособительное значение // Проблемы кибернетики, 1960, вып. 4.

87. Малиновский А. А. Некоторые вопросы организации биологических систем // Организация и управление. М., 1968.
88. Малиновский А. А. Пути теоретической биологии. М., 1969.
89. Малиновский А. А. Тектология // Философская энциклопедия, т. 5. М., 1970.
90. Малиновский А. А. Математические и системные методы в биологии будущего // Природа, 1975, №6.
91. Мамардашвили М. К. Процессы анализа и синтеза // Вопросы философии, 1958, №2.
92. Мамардашвили М. К. Некоторые вопросы исследования истории философии как исторического познания // Вопросы философии, 1959, № 12.
93. Мамардашвили М. К. Формы и содержание мышления. М., 1968.
94. Мамзин А. С. Некоторые принципы общей теории систем Л. фон Берталанфи // Учен. зап. кафедр, обществ. наук вузов Ленинграда. Философия, 1964, вып. V.
95. Мамзин А. С. Системность живого и соотношение биологического и физико-химического // Вопросы философии, 1964, №6.
96. Маркарян Э. С. Вопросы системного исследования общества. М., 1972.
97. Марков М. А. О понятии первоматерии // Вопросы философии, 1970, №4.
98. Мельников Г. П. Системный подход в лингвистике // Системные исследования. Ежегодник 1972. М., 1972.
99. Месарович М. Основания общей теории систем // Общая теория систем. М., 1966.
100. Месарович М. Общая теория систем и ее математические основания // Исследования по общей теории систем. М., 1969.
101. Месарович М. Теория систем и биология: точка зрения теоретика // Системные исследования. Ежегодник 1970. М., 1970.
102. Методологические аспекты и пути формирования теоретической биологии // Вопросы философии, 1972, №3.
103. Методологические вопросы системно-структурного исследования // Тезисы докладов на теоретической конференции. М., 1967.

104. Милсум Дж. Анализ биологических систем управления. М., 1968.
105. Мильнер Б. З. Новые идеи в управлении // США — экономика, политика, идеология, 1970, № 1.
106. Мирский Э. М. Междисциплинарные исследования как объект науковедческого изучения // Системные исследования. Ежегодник 1972. М., 1972.
107. Мулуд Н. Структурные методы и философия науки // Вопросы философии, 1969, №2.
108. Мулуд Н. Современный структурализм. Размышления о методе и философии точных наук. М., 1973.
109. На пути к теоретической биологии. М., 1970.
110. Овчинников Н. Ф. Принципы сохранения. М., 1966.
111. Овчинников Н. Ф. Категория структуры в науках о природе // Структура и формы материи. М., 1967.
112. Овчинников Н. Ф. Структура и симметрия // Системные исследования. Ежегодник 1969. М., 1969.
113. Овчинников Н. Ф. Структура // Философская энциклопедия, т. 5. М., 1970.
114. Одум Е. Экология. М., 1968.
115. Олицкий А. А. Функциональный подход в биологии и построение идеализированных объектов // Вопросы философии, 1969, №7.
116. Оптнер Ст. Л. Системный анализ для решения деловых и промышленных проблем / Пер. и вступ. статья С. П. Никанорова. М., 1969.
117. Пиаже Ж. Избранные психологические труды / Вступ. статья и коммент. В. А. Лекторского, В. Н. Садовского и Э. Г. Юдина. М., 1969.
118. Поляnceв В. А. Биологическая система как отражение и средство познания закономерностей окружающей ее среды // Вестник АМН СССР. Медицина. 1965, № 1.
119. Попова И. М. Системный подход в социологии и проблема ценностей // Вопросы философии, 1968, №5.
120. Принципы самоорганизации. Пер. с англ. М., 1966.
121. Проблемы бионики. М., 1966.
122. Проблемы исследования систем и структур. Материалы к конференции. М., 1965.
123. Проблемы исследования структуры науки. Материалы симпозиума. Новосибирск, 1967.
124. Проблемы методологии системного исследования. М., 1970.

125. Проблемы структуры в научном познании. Саратов, 1965.
126. Проблемы формального анализа систем. М., 1968.
127. Проблема целостности в современной биологии. М., 1968.
128. Проблемы эвристики. М., 1969.
129. Рапопорт А. Принцип математического изоморфизма в общей теории систем // Системные исследования. Ежегодник 1973. М., 1973.
130. Рапопорт А. Замечания по поводу общей теории систем // Общая теория систем. М., 1966.
131. Рапопорт А. Математические аспекты абстрактного анализа систем // Исследования по общей теории систем. М., 1969.
132. Рапопорт А. Различные подходы к общей теории систем // Системные исследования. Ежегодник 1969. М., 1969.
133. Рашиевский Н. Организмические множества: очерк общей теории биологических и социальных организмов // Исследования по общей теории систем. М., 1969.
134. Ревзин И. И. К соотношению структурного и системного подходов в современной лингвистике // Системные исследования. Ежегодник 1972. М., 1972.
135. Рыбаков Б. А. Русские летописцы и автор «Слова о полку Игореве». М., 1972.
136. Садовский В. Н. К вопросу о методологических принципах исследования предметов, представляющих собой системы // Проблемы методологии и логики науки. Томск, 1962.
137. Садовский В. Н. Методологические проблемы исследования объектов, представляющих собой системы // Социология в СССР, т. 1. М., 1965.
138. Садовский В. Н., Юдин Э. Г. Жан Пиаже — психолог, логик, философ // Вопросы психологии, 1966, №4.
139. Садовский В. Н. Логико-методологический анализ «общей теории систем» Л. фон Берталанфи // Проблемы методологии системного исследования. М., 1970.
140. Садовский В. Н., Юдин Э. Г. Система // Философская энциклопедия, т. 5. М., 1970.
141. Садовский В. Н. Некоторые принципиальные проблемы построения общей теории систем // Системные исследования. Ежегодник 1971. М., 1972.

142. Садовский В. Н. Общая теория систем как метатеория // Вопросы философии, 1972, №4.
143. Садовский В. Н. Парадоксы системного мышления // Системные исследования. Ежегодник 1972. М., 1972.
144. Садовский В. Н. Проблемы построения общей теории систем как метатеории // Системные исследования. Ежегодник 1973. М., 1973.
145. Садовский В. Н. Основания общей теории систем. Логико-методологический анализ. М., 1974.
146. Самоорганизующиеся системы. Пер. с англ. М., 1964.
147. Самсонов Ю. Б. Некоторые проблемы социологического измерения // Информ. бюлл. Советской социол. ассоциации и Ин-та конкретных социальных исследований АН СССР, 1968, №9.
148. Сачков Ю. В. Введение в вероятностный мир. Вопросы методологии. М., 1971.
149. Свидерский В. И. О диалектике элементов и структуры. М., 1962.
- I 150. Семенов А. К. Методы системного анализа структуры народного хозяйства. М., 1974.
151. Сенгупта С. и Акофф Р. Теория систем с точки зрения исследования операций // Исследования по общей теории систем. М., 1969.
- 151a. Сент-Дьердьи А. Введение в субмолекулярную биологию. М., 1964.
152. Сетров М. И. Об общих элементах тектологии А. Богданова, кибернетики и теории систем // Учен. зап. кафедр обществ. наук вузов Ленинграда. Философия, 1967. вып. VIII.
153. Сетров М. И. Организация биосистем. Методологический очерк принципов организации живых систем. Л., 1971.
- 153a. Симпозиум по структурному изучению знаковых систем. Тезисы докладов. М., 1962.
154. Системные исследования. Ежегодник 1969. М., 1969.
155. Системные исследования. Ежегодник 1970. М., 1970.
156. Системные исследования. Ежегодник 1971. М., 1972.
157. Системные исследования. Ежегодник 1972. М., 1972.
158. Системные исследования. Ежегодник 1973. М., 1973.
159. Системные исследования. Ежегодник 1974. М., 1974.
160. Системные исследования. Ежегодник 1975. М., 1976.
161. Системные исследования. Ежегодник 1976. М., 1977.

162. Смирнов В.А. О возможности общей теории систем // Докл. Второй науч. конф. кафедр обществ. наук. Томск, 1959.
163. Смирнов С. Г. Симбиоз зрелых наук // Природа, 1975, № 6.
164. Соссюр Ф. де. Курс общей лингвистики. М., 1933.
165. Стефанов Н. Методологические проблемы на структурного анализа. София, 1967.
166. Стефанов Н., Яхел Н., Качаунов Ст. Управление, моделиране, прогнозиране. София, 1970.
167. США: современные методы управления. М., 1971.
168. Тахтаджян А.Л. Тектология: история и современные проблемы // Системные исследования. Ежегодник 1971.
169. Тимофеев-Ресовский Н.В. Микроэволюция. Элементарные явления, материал и факторы микроэволюционного процесса // Ботанический журнал, 1958, № 3.
170. Тимофеев-Ресовский Н.В., Воронцов Н.Н., Яблоков А. В. Краткий очерк теории эволюции. М., 1969.
171. Тимофеев-Ресовский Н. В. Структурные уровни биологических систем // Системные исследования. Ежегодник 1970. М., 1970.
172. Тода М. и Шуфорд Э. (мл.). Логика систем: введение в формальную теорию структуры // Исследования по общей теории систем. М., 1969.
173. Толстой С. 77. Очерки первобытного ислама // Советская этнография, 1932, № 2.
174. Тютин В. С. Системно-структурный подход и специфика философского знания // Вопросы философии, 1968, № 11.
175. Тютин В. С. Отражение, системы, кибернетика (теория отражения в свете кибернетики и системного подхода). М., 1972.
176. Уатт К. Концептуальная формулировка и математическое решение практических проблем динамики входа и выхода популяций // Исследования по общей теории систем. М., 1969.
177. Уатт К. Экология и управление природными ресурсами. М., 1971.
178. Уемов А. И. Вещи, свойства, отношения. М., 1963.

179. Уемов А. И. Логический анализ системного подхода к объектам и его место среди других методов исследования // Системные исследования. Ежегодник 1969. М., 1969.
180. Уемов А. И. Системы и системные исследования // Проблемы методологии системного исследования. М., 1970.
181. Уемов А. И. Методы построения и развития общей теории систем // Системные исследования. Ежегодник 1973. М., 1973.
182. Украинцев Б. С. Процессы самоуправления // Вопросы философии, 1968, № 4.
183. Урманцев Ю.А. Поли- и изоморфизм в живой и неживой природе // Вопросы философии, 1968, № 12.
184. Урманцев Ю.А. Опыт аксиоматического построения общей теории систем // Системные исследования. Ежегодник 1971. М., 1972.
- * 185. Урманцев Ю.А. Симметрия природы и природа симметрии // Философские и естественнонаучные аспекты. М., 1974.
186. Федорович В. А. Неисчерпаемость материи и категория структуры // Учен. зап. МГПИ им. В.И.Ленина, 1970, № 409.
187. Федосеев П. Н. Взаимосвязь философии и естественных наук // Природа, 1972, № 6.
188. Философские проблемы современного естествознания, вып. 14. Киев, 1969.
189. Фролов И. Т. Очерки методологии биологического исследования М., 1965.
190. Фролов И. Т. Системно-структурный подход и диалектика // Вопросы философии, 1969, № 12.
191. Хайлов К.М., Проблема системной организованности в теоретической биологии // Журнал общей биологии, 1963, т. XXIV, № 5.
192. Хайлов К.М. Проблема связи организации и эволюции живых систем // Вопросы философии. 1966, № 4.
193. Хайлов К.М. Системы и систематизация в биологии // Проблемы методологии системного исследования. М., 1970.
194. Хайлов К. М. Экологический метаболизм в море. Киев, 1971.

195. Хайлов К. М. К эволюции теоретического мышления в биологии: от моноцентризма к полицентризму // Системные исследования. Ежегодник 1973. М., 1973.
196. Шмальгаузен И. И. Организм как целое в индивидуальном и историческом развитии. М. — Л., 1938.
197. Шмальгаузен И. И. Представление о целом в современной биологии // Вопросы философии, 1947, № 2.
198. Шмальгаузен И. И. Кибернетические вопросы биологии. Под ред. Р. Л. Берг и А. А. Ляпунова. Новосибирск, 1968.
199. Шредингер Э. Что такое жизнь с точки зрения физики? М., 1947.
200. Щедровицкий Г. П. Проблемы методологии системного исследования. М., 1964.
201. Щедровицкий Г. П., Садовский В. Н. К характеристике основных направлений исследования знака в логике, психологии и языкознании. Сообщения I—III // Новые исследования в педагогических науках, вып. 2, 4, 5. М., 1964-1965.
202. Щедровицкий Г. П. Методологический смысл проблемы лингвистических универсалий // Языковые универсалии и лингвистическая типология. М., 1969.
203. Экспериментальная психология. Редакторы-составители П. Фресс и Ж. Пиаже. Рус. пер. под ред. А. Н. Леонтьева вып. I, II. М., 1966.
204. Энгельгардт В. А. Интегратизм — путь от простого к сложному в познании явлений жизни // Вопросы философии, 1970, № 11.
205. Энгельгардт В. А. Часть и целое в биологических системах // Природа, 1971, № 1.
206. Эшби У. Росс. Введение в кибернетику. М., 1959.
207. Эшби У. Росс. Конструкция мозга. М., 1962.
208. Эшби У. Росс. Общая теория систем как новая дисциплина // Исследования по общей теории систем. М., 1969.
209. Эшби У. Росс. Теоретико-множественный подход к механизму и гомеостазису // Исследования по общей теории систем. М., 1969.
210. Югай Г. А. Диалектика части и целого. Алма-Ата, 1965.
211. Юдин Б. Г. Процессы самоорганизации в малых группах // Системные исследования. Ежегодник 1969. М., 1969.

212. Юдин Б. Г. Методологические проблемы исследования самоорганизующихся систем // Проблемы методологии системного исследования. М., 1970.
213. Юдин Б. Г. Понятие целостности в структуре научного знания // Вопросы философии, 1970, № 12.
214. Юдин Б. Г. Становление и характер системной ориентации // Системные исследования. Ежегодник 1971. М., 1972.
215. Юдин Б. Г. Системные представления в функциональном подходе // Системные исследования. Ежегодник 1973.
216. Ядов В. А. Социологическое исследование. Методология, процедуры, методы. М., 1972.
217. Ярошевский М. Г. Психология в XX столетии. Теоретические проблемы психологической науки. М., 1971.
218. Allport G. W. The open system in personality theory // J. Abnormal and Social Psychol., 1960, vol. 61.
219. Allport G. W. Pattern and growth in personality. N.-Y., 1961.
220. Althusser L., Ranciere J., Macherey P. Lire le Capital, 1.1. Paris, 1965.
221. Althusser L., Balibar E., Estableth K. Lire le Capital. 1.11. Paris, 1965.
222. Althusser L. Pour Marx. Paris, 1965.
223. Amsterdamski S. Nauka wspolczesna a wartosci // Zag. naukozn., 1971, t. VII, zesz. I.
224. Amsterdamski S. Scjentyzm a rewolucja naukowo-techniczna // Zag. naukozn., 1970, t. VI, zesz. 3.
225. Bertalanffy L. von. The organism considered as physical system (в [234]). Впервые опубликовано на немецком языке: Naturwissenschaften, 1940, Bd. 28.
226. Bertalanffy L. von. Theoretische Biologie. 2. Bd. 2. Aufl. Bern, 1951.
227. Bertalanffy L. von. Das biologische Weltbild. Bern, 1949.
228. Bertalanffy L. von. Vom Molekul zum Organismenwelt. Potsdam, 1949.
229. Bertalanffy L. von. An outline of general system theory // Brit. J. Phil. Sci., 1950, vol. 1, № 2.
230. Bertalanffy L. von. Biophysik des Fließgleichgewichts. Braunschweig, 1953.
231. Bertalanffy L. von. Problems of life. N.-Y. — London, 1952.

232. Bertalanffy L. von. General theory of systems: application to psychology // Social sci. inform, sciences sociales, 1967, vol. VI, № 6.
233. Bertalanffy L. von. Organismic psychology and system theory. Worcester, 1968.
234. Bertalanffy L. von. General system theory. Foundations, development, applications. N.-Y., 1968.
235. Blauberger I. V., Sadovsky V. N., Yudin E. G. Some problems of general systems development // Unity through diversity. A Festschrift for Ludwig von Bertalanffy. Pt I. W. Gray, N. D. Rizzo (Eds). N.-Y., 1973.
236. Boulding K. E. Economics as a moral science // Amer. Econ. Rev., 1969, №1.
237. Braudel F. Histoire et sciences sociales. La longue duree // Ann. Econ. soc., civilis. oct.-dec., 1958.
238. Buckley W. Sociology and modern systems theory. N.-Y., 1967.
239. Churchman C.W. The systems approach. N.-Y. Delta Book, 1969.
240. Cleland D., King W. Systems analysis and project management. N.-Y., 1969.
241. Cost—effectiveness. The economic evaluation of engineering system. J. M. English (Ed.). N.-Y., 1968.
242. Ellis D., Ludwig F. Systems philosophy. N.-Y., 1962.
243. Enthoven A. C. Systems analysis — ground rules for constructive debate // Air Force Mag., 1968, Jan.
- 243a. Foucault M. Les mots et les choses. Une archeologie des sciences humaines. Paris, 1966.
244. General systems. Yearbook of the society for general system research, vol. 1-XX. Ann Arbor — Michigan — Washington, 1956-1975.
245. Jaroszewsky T.M. Osobowosc i wspolnota. Warszawa, 1970.
246. Kamaryt J. Die Bedeutung der Theorie des offenen Systems in der gegenwertigen Biologie // Dtsch. Z. Phil., 1961, Bd. 9, №9.
247. Kamaryt J. Die Dialektik der Natur und das Problem der organischen Zweckmassigkeit // Wiss. Z. Humboldt-Univ. Berlin, Math.-Naturwiss. Reihe, 1963, Bd. XII, № 3.
248. Kamaryt J. Ludwig von Bertalanffy a syntetické smery v západné biologii // Fil. probl. mod. biol. Praha, 1963.
249. Kamaryt J. Perspektivismus, organismus a teorie systému L. von Bertalanffyho a dialektický materialismus // Fil. cas. CSAV, 1967, № I.

250. Klir G.J. An approach to general systems theory. N.-Y., 1969.
251. Kmita J. Strukturalizm jako koncepcja metodologiczna // Kultura i spoleczen., 1968, №2.
252. Kmita J. C. Levi-Straussa propozycje metodologiczne // Stud. fil., 1971, №3.
253. Kmita J. Z metodologicznych problemow interpretacji humanistycznej. Warszawa, 1971.
254. Koffka K. Principles of Gestalt Psychology. London, 1935.
255. Kohler W. Gestalt Psychology, N.-Y., 1929.
256. Krober G. Strukturgesetz und Gesetzesstruktur // Dtsch. Zt. Phil., 1967, Bd. 15, №2.
257. Krober G. Die Kategorie Struktur und die kategorische Strukturalismus // Dtsch. Z. Phil., 1968, Bd. 16, №11.
258. Kuhn Th. The structure of scientific revolutions. Chicago, 1963.
259. Laitko H. Struktur und Dialektik // Dtsch. Z. Phil, 1968, Bd. 16, №6.
260. Lange O. Calosc i rozwoj w swietle cybernetyki. Warszawa. 1962 (русский перевод — О. Ланге. Целое и развитие в свете кибернетики // Исследования по общей теории систем. М., 1969, с. 181-251).
261. Laczo E. Niektore charakterystyki wspolczesnego nurtu badan systemowych // Zag. nauk., 1972, t.VIII, zesz. 2 (30).
262. Lem St. Biologia i wartosci // Stud. fil., 1968, №3-4.
263. Levi-Strauss C. Anthropologic structural. Paris, 1958.
264. Levi-Strauss C. La pensee sauvage. Paris, 1962.
265. Margalef R. Information theory in ecology // Gen. Systems, 1958, vol. III.
266. Merton R. K Social theory and social structure. Revised and enlarged ed. Glencoe, 1967.
267. Mesarovic M. General systems theory and its mathematical foundations // IEEE Trans. Syst. sci. and Cybern., 1968, vol. SSC-4.
268. Mesarovic M. Multilevel systems and concepts in process control // Proc. IEEE, 1970, vol. 58, № I.
269. Mesarovic M.D., Macko D., Takahara Y. Theory of hierarchical, multilevel systems. N.-Y., London, 1970.
270. Morris Ch. Signs, language and behaviour. N.-Y., 1946.
271. Optner St.L. Systems analysis for business management. Englewood Cliffs, 1968.
272. Parsons T. The social system. Glencoe, 1952.

273. *Parsons T.* Essays in sociological theory. Revised ed. Glencoe, 1964.
274. *Piaget J.* Le structuralisme. Paris, 1968.
- 274a. Principles of Self-Organization. Transactions of Symposium. L. etc, 1962.
275. *Pomian K.* Dzialanie i sumienie // Stud, fil., 1967, №3.
276. *Radnitzky G.* Der Praxisbezug der Forschung; Vorstudien zur theoretischen Grundlegung der Wissenschaftspolitik // Stud, gen., 1970, vol. XXIII. fasc.9.
- 276a. *Rapoport A.* Ujecia ogolnej teorii ukladow // Stud, fil., 1963, №1.
277. *Ricoeur P. e. a.* Strurturalisme: ideologie et methode. Paris, 1967.
278. *Rudnicki K.* Stud, fil., 1964, № 1.
279. *Rudwick B.H.* The systems analysis for effective planning: principles and cases. N.-Y., 1969.
280. *Schelling T. C.* Strategy of conflict. Cambridge, 1962.
281. Systems analysis in ecology. K. E. F. Watt (Ed.). N.-Y., 1966.
282. *Tornebohm H., Radnitzky G.* Studien zur Forschungswissenschaft // Z. allg. Wissenschaftstheorie, 1971. Bd. II, №2.
283. *Vlcek J.* Systemova analyza a systemovy pristup // Ekon.-mat.obzor, 1969, №4.
284. *Wertheimer M.* Productive thinking. N.-Y., 1945.
285. *Young S.* Management: a systems analysis. Glenview, 1966.
286. *Zinoviev A.* K problemu abstractniho a konkretniho // Filosoфsky casopis, 1958, № "I,

Часть третья

ПРОБЛЕМА ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В ФИЛОСОФИИ И НАУКЕ

Глава первая

ОПРЕДЕЛЕНИЕ И ФУНКЦИИ КАТЕГОРИИ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

В современном познании, особенно гуманитарном, понятие деятельности играет ключевую, методологически центральную роль, поскольку с его помощью дается универсальная характеристика человеческого мира. Естественно, что это понятие в той или иной форме фигурирует во всяком методологическом анализе и, в частности, без него не обходится ни одно обоснование конкретного предмета гуманитарного знания.

Когда понятие деятельности употребляется с определенной методологической нагрузкой, под ним обычно имеют в виду либо обозначение естественно-исторического основания жизни человека и общества, либо указание на особую действительность, требующую специальных методов изучения. В обоих случаях содержание понятия «деятельность» так или иначе конкретизируется, раскрывается через другие понятия. При этом в первом случае конкретизация направлена на выработку представлений об общей структуре деятельности и ее типах (такова, например, гегелевская система деятельности, включающая в качестве своих компонентов цель, средство и результат; сюда же относятся и различение материальной и идеальной, продуктивной и репродуктивной и т. п. деятельности). Во втором случае понятие деятельности разворачивается через представление о ее механизмах, картина которых выражается средствами определенных специальных наук (психологическая теория деятельности, представление о речевой деятельности в языкознании и т.п.). Очень существенно, что второй тип случаев тесно связан с первым:

фактически анализ деятельности как особой действительности предполагает построение какой-то особой проекции более общего понятия деятельности, которое как раз и фиксируется в первом типе случаев.

По-видимому, именно этой тесной связи мы обязаны любопытным методологическим феноменом, который все чаще дает о себе знать в последнее время. Речь идет о том, что в определенной точке развития специально-научных представлений о деятельности начинает так или иначе осознаваться их частичный, неполный характер, их зависимость от общего понятия деятельности. Собственно, такое осознание происходило и в прежние времена. Но в науке нашего времени этот процесс приобретает некоторые новые черты. Сейчас нас интересуют две из них. Во-первых, методологическая рефлексия все более определенно и осмысленно оперирует категорией деятельности, а не какими-то ее заместителями, как это обычно было раньше. Во-вторых, осознание частичного, неполного характера той или иной конкретной проекции нередко побуждает исследователя в поисках преодоления этой неполноты обращаться к идеям системного подхода. Этот второй момент наиболее заметен, пожалуй, в современной психологии (в подтверждение можно сослаться на работы таких разных во многих отношениях авторов, как Г. Олпорт и А. Н. Леонтьев).

В своей первоначальной форме соединение деятельности с системностью позволяет установить лишь тот (в общем-то тривиальный) факт, что деятельность как объект чрезвычайно сложна и что в рамках наличных предметов изучения эту сложность не удастся отобразить адекватно. Но каковы условия такого отображения? Поскольку нас в данном случае интересует как объект прежде всего деятельность, очевидно, что эти условия непосредственно задаются именно понятием деятельности, а не системными принципами как таковыми. Поэтому для ответа на этот вопрос полезно обратиться к более тщательному анализу понятия деятельности. Чтобы был ясен предмет обсуждения, примем в качестве исходного следующее определение деятельности [21]: деятельность есть специфически человеческая форма активного отношения к окружающему миру, содержание которой составляет целесообразное изменение и преобразование этого мира на основе освоения и развития наличных форм культуры. Это определение едва ли можно признать полным, но оно отражает одно

из важнейших свойств деятельности — ее универсальность, а потому выступает удобной точкой для начала анализа.

Основной формой деятельности является труд, который характеризуется как особыми формами своей социальной организации, так и непосредственной направленностью на получение общественно значимого результата. В отличие от действий животного, более или менее развитая деятельность человека предполагает противопоставление субъекта и объекта и вытекающее отсюда противопоставление логики человеческих целей и логики самого объекта: человек противопоставляет себе объект деятельности как материал, который в согласии со своими собственными законами, но также и в согласии с целями человека должен получить новую форму и новые свойства, превратиться из внеположенного материала в продукт деятельности и уже в этом своем качестве включиться в социальную жизнь.

Всеобщая структура деятельности включает в себя цель, средство, результат и сам процесс деятельности. Целесообразный характер деятельности приводит к тому, что одним из главнейших ее условий и оснований является сознание, понимаемое в самом широком смысле — не только как совокупность самых различных форм сознания, но и как множество его внутренних регулятивов (потребностей, мотивов, установок, ценностей и т.д.). Сознание играет в деятельности двоякую роль: с одной стороны, оно выступает в качестве ее внутреннего компонента, средства контроля за ходом деятельности; с другой стороны, сфера сознания выступает как внешняя по отношению к деятельности, как источник формирования представлений о ее целях, смысле и оценке. С личностной точки зрения деятельность представляет собой единство интериоризации (освоения человеком совокупности условий его жизни и деятельности и формирования на этой основе личностных характеристик и способностей) и экстериоризации (воплощения способностей и замыслов человека в продуктах его деятельности).

По непонятному стечению обстоятельств случилось так, что в нашей философской литературе «не повезло» проблематике, связанной с философским анализом структуры деятельности, с целесообразным характером деятельности человека. В свое время такого рода проблематика заслонялась привычным набором категорий, как правило, парных; категория цели не попала в этот набор, наверное, потому, что ей не приискалась надлежащая пара. С тех пор фи-

лософская литература далеко отошла от прежнего видения, замкнутого четырехугольным горизонтом, и обогатилась целым рядом новых проблем и ценных исследований. Однако цель и целеполагание до последнего времени не включались в этот ряд. Исследования структуры деятельности (в частности, Н. Н. Трубниковым [29]) показывают, что при столкновении с феноменом деятельности мы имеем дело с особым видом детерминации — с целевой причинностью. Эта целевая причинность не может быть раскрыта через анализ исключительно категории цели, природа деятельности определяется сложным взаимодействием цели, средства и результата деятельности. Структура деятельности может быть раскрыта лишь через понятие конкретной цели.

Переходя к содержанию цели человеческой деятельности, необходимо проанализировать сложное взаимодействие субъективного и объективного моментов этого содержания. Диалектический материализм радикально расширил анализ объективных предпосылок цели. Основными здесь явились два тезиса: во-первых, утверждение того факта, что человек активно взаимодействует с природой, во-вторых, доказательство того, что в этом взаимодействии человеку противостоит не столько необходимость природы, сколько социально обусловленная необходимость.

В структуре целеполагания активная природа деятельности и обеспечивает единство субъективного и объективного. Формой этого единства является, в частности, нераздельность позитивного (т.е. прямого) и негативного (включающего в себя элемент отрицания, критического отношения) отражения действительности. Именно негативное «отражение» выражает отношение человека к действительности, оценку этой действительности и побуждает к ее преобразованию. Таким образом, цель является субъективной по форме и объективной по содержанию. С объективностью содержания связан и продуктивно-творческий характер целеполагания.

Человек никогда не ограничивается реализацией какой-то одной-единственной цели. Поэтому мы неизбежно приходим к проблеме не только и даже не столько простой последовательности, сколько иерархии целей. Отсюда следует, что независимо от того, признаем ли мы — и в каком виде — различие конкретных и абстрактных целей, необходимо решить вопрос о соотношении, соподчинении их в цепи той или иной конкретной деятельности. Без этого вряд ли

возможна и сама логика деятельности, если под последней понимать не один изолированный акт действия.

Важным элементом структуры деятельности являются средства деятельности. В советской литературе, в частности, в книге Н. Н. Трубникова [29] начато изучение проблематики средств деятельности. Показав недостаточность классической «трехчленки» цель — средство — результат, Трубников обосновывает необходимость различения двух типов средств — средств-понятий и средств реализации. Первые принадлежат сфере идеального и непосредственно связаны с целью деятельности, а вторые обеспечивают процесс реализации деятельности и, таким образом, связаны с результатом. Следовательно, средство оказывается не только центральным звеном структуры деятельности, но и тем ее моментом, который реально воплощает единство мыслимого и действительного.

Опираясь на этот факт, Н. Н. Трубников интересно ставит проблему несовпадения цели и результата деятельности. Основание этого несовпадения он усматривает в неэквивалентности отношения между, с одной стороны, идеальными причинами и действиями (целью и средством-понятием) и, с другой стороны, реальными причинами и действиями (средством реализации и результатом). Одна из форм такого несовпадения определяется невозможностью учесть в целеполагании все реальные последствия, порождаемые осуществлением той или иной цели. В частности, человеку в большинстве случаев не до конца известны силы, «дремлющие» в средстве и пробуждаемые использованием этого средства.

Место и роль понятия деятельности определяются прежде всего тем, что оно принадлежит к разряду *универсальных, предельных* абстракций. Такие абстракции воплощают в себе некий «сквозной» смысл: они дают содержательное выражение одновременно и самым элементарным актам бытия, и его глубочайшим основаниям, проникновение в которые делает умопостигаемой подлинную целостность мира.

Такие абстракции соединяют в себе эмпирическую достоверность с теоретической глубиной и методологической конструктивностью. Этим-то и объясняется их исключительная роль в развитии познания: будучи очень немногочисленными, они (каждый раз в каком-то строго определенном наборе) как бы консолидируют мыслительное пространство соответствующей эпохи, задают этому пространству вектор

движения и в большой степени определяют тип и характер предметов мысли, порождаемых данной эпохой.

Универсальность понятий того типа, к которому принадлежит «деятельность», порождает и еще одно их свойство, далеко не очевидное, но методологически очень существенное, — полифункциональность. Станным образом эта полифункциональность долгое время ускользала от внимания исследователей. Вероятно, причиной тому — необыкновенно высокая «онтологическая» достоверность таких понятий, благодаря которой они представляются тождественными самим себе независимо от контекста и потому всякий раз выполняющими одну и ту же роль. В действительности роль эта, скорее всего, и не может быть всегда одинаковой. Пожалуй, даже наоборот: естественнее предположить, что универсальному и предельному характеру рассматриваемых абстракций должно соответствовать множество выполняемых ими функций; это, в частности, согласуется с довольно существенной разнотипностью предельных ситуаций, в которых они «работают».

Применительно к *понятию* деятельности (т.е. учитывая употребление этого понятия только в контексте научного мышления) можно указать как минимум пять его различных функций:

1) деятельность как объяснительный принцип — понятие с философско-методологическим содержанием, выражающим универсальное основание (или, в более осторожной формулировке, универсальную характеристику) человеческого мира;

2) деятельность как предмет объективного научного изучения, т.е. нечто расчленяемое и воспроизводимое в теоретической картине определенной научной дисциплины в соответствии с методологическими принципами последней, со спецификой ее задач и совокупностью основных понятий;

3) деятельность как предмет управления — то, что принадлежит организации в систему функционирования и (или) развития на основе совокупности фиксированных принципов;

4) деятельность как предмет проектирования, т.е. выявление способов и условий оптимальной реализации определенных (преимущественно новых) видов деятельности;

5) деятельность как ценность, т.е. рассмотрение места, которое занимает деятельность в различных системах культуры.

Вероятно, этот список не исчерпывает всех функций понятия деятельности, но он и не претендует на полноту. Его цель более проста — зафиксировать реальную полифункциональность понятия деятельности, показать, что в различных предметных конструкциях это понятие играет существенно разную роль и что, возможно, за одним и тем же словом нередко стоят не совсем одинаковые понятия.

Функции эти очевидным образом взаимосвязаны, но вместе с тем за каждой из них стоит свое особое понимание деятельности и даже возникают они далеко не одновременно. Во всяком случае, если об управлении деятельностью и в известном смысле о ее проектировании говорил уже Платон, то в качестве объяснительного принципа она начинает выступать лишь в Новое время — сначала как предпосылка анализа познания, а затем, в немецкой классической философии, как субстанция культуры, собственно как объяснительный принцип. Предметом же объективного научного изучения деятельность становится еще позднее, в конце XIX в., когда определенные ее аспекты оказываются в центре внимания языкознания, социологии, педагогики, психологии и некоторых других социальных дисциплин; еще более интенсивно эта функция осуществляется в XX в.

Глава вторая

ЭВОЛЮЦИЯ ПОНЯТИЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В ИСТОРИИ МЫШЛЕНИЯ

Любую систему теоретического мышления характеризует, помимо всего прочего, некий специфический для нее набор содержательно-логических приемов и процедур, среди которых особенно важную роль играют принципы и схемы объяснения, т.е. определенные устойчивые и достаточно единообразные правила получения достоверного знания. Основание подобных правил образуют очень немногочисленные и необычные по своим функциям понятия. Необычность их состоит в том, что в процессе построения знания за ними стоят не какие-то другие понятия (а именно так обычно бывает в «нормальном» теоретическом рассуждении; скажем, за понятием языка стоят понятия культуры, речевой и мыслительной практики, знаковой системы и т.д.; за понятием науки — понятия знания и его видов, социального института и т.д.), а как бы непосредственно сама реальность. Здесь, таким образом, ставится предел, граница предмету мысли. Поэтому-то, как мы уже отметили, подобные понятия иногда называют предельными абстракциями (их природы и функции глубоко и обстоятельно рассмотрены в работе М. К. Мамардашвили [18]).

Но что означает сама эта предельность? Прежде всего надо подчеркнуть, что она не имеет ничего общего с установлением принципиальных пределов познания, вообще с проведением границы между познанным и непознанным. Речь в данном случае идет об организации мысли, мыслительного пространства и, в частности, о специфических

идеализациях, на использовании которых основывается все научное мышление. Смысл же любой идеализации состоит, по сути дела, в том, чтобы задать некую предельную ситуацию — предельно мыслимую и тем самым исчерпывающую (в логическом пространстве) определенный класс ситуаций вообще. Именно в такой предельной ситуации научная мысль способна с особой точностью и глубиной высветить для себя то, что называют законами науки: выводит мышление на точку предела, идеализация позволяет отсечь эмпирическое многообразие и создать теоретический предмет, назначение которого в том как раз и состоит, чтобы выявить законосообразность реальности, непосредственно мышлению не данную. Следовательно, предельность в данном случае есть фактически синоним законосообразности, внутренней организации предмета мысли, а также выражение его отделенности, отграниченности от других предметов.

Мы, однако, рассматриваем не всякие и не любые идеализации (которых в современной науке, как известно, великое множество), а только такие предельные понятия, которые лежат в основании универсальных объяснительных схем и благодаря этому оказываются способны выступать в роли универсальных объяснительных принципов. Их предельность означает, что при достижении уровня таких понятий мысль одновременно достигает предела в своем движении по объекту — далее она может углубляться только за счет движения уже в плоскости самой мысли, а не объекта, т.е. за счет рефлексии о самой себе, которая при определенных условиях открывает и новые горизонты бытия, но уже в новой, измененной системе понятий. Их универсальность предполагает, что они характеризуют в точном смысле некий универсум — весь мыслимый мир, взятый как целое благодаря приведению его к единому «масштабу».

У теоретического мышления, как известно, есть своя установившаяся периодизация. По-видимому, каждому крупному периоду можно поставить в соответствие, помимо всего прочего, и вполне определенную, характерную именно для него, общую схему объяснения, а внутри этой последней — еще дополнительно выделить некое универсальное понятие, образующее ее логический центр. Скажем, для античного мышления такую универсальную роль играло понятие космоса: именно к космосу восходили «последние» объяснения всей реальности, именно в нем усматривался тогда источник мирового порядка. Становление науки Нового времени

происходит в той мере, в какой теоретическое мышление разрабатывает и содержательно развертывает понятие природы, притом именно в качестве универсального объясняющего понятия, а не в той гораздо более скромной роли, какую играло понятие *physis* у древних греков и понятие *natura* у римлян. Для нашей темы особенно интересно, во-первых, уяснение этапов освоения человеком природы в своей деятельности и, во-вторых, сопоставление понятий природы и деятельности, непосредственно соседствующих в истории познания в роли универсальных объяснительных принципов.

1. Природа и деятельность

Если попытаться дать определение природы, то в широком смысле — это все сущее, весь мир в многообразии его форм; в этом значении понятие природы стоит в одном ряду с понятиями материй, универсума, вселенной. В более узком смысле природа — объект науки, а точнее — совокупный объект естествознания («наук о природе»). При этом разные естественные науки изучают различные аспекты природы и выражают результаты своего исследования в форме универсальных, но достаточно конкретных законов (типа, например, законов механики, которые характеризуют механическое движение в природе, а не природу как таковую). Природа в целом выступает как общее понятие, задающее принципиальную схему понимания и объяснения того или иного конкретного предмета изучения (например, представления о пространстве и времени, движении, причинности и др.). Такое общее понятие природы разрабатывается в рамках философии и методологии науки, которые выявляют его основные характеристики, опираясь при этом на результаты естественных наук. Как предельная абстракция, основными характеристиками которой являются универсальность, законосообразность и самодостаточность, понятие природы выдвигается на первые роли в социально-культурном плане в эпоху Возрождения в условиях борьбы против религиозного догматизма и средневековой схоластики (эту линию ярко выражают ориентированное на человека искусство Возрождения и материалистические философские системы), но закрепляется оно лишь с утверждением опытного естествознания (XVI—XVII вв.).

В наши дни общепризнанным стало понимание природы как совокупности естественных условий существования

1
человеческого общества. В этом смысле понятие природы характеризует не столько природу как таковую и природу как объект наук, сколько место и роль природы в системе исторически меняющихся отношений к ней человека и общества. По словам К. Маркса, постоянное осуществление обмена веществ между человеком и природой — закон, регулирующий общественное производство: без такого обмена была бы невозможна сама человеческая жизнь [2, с. 51, 514].

Реальную основу отношения человека к природе образует его деятельность, которая всегда осуществляется в конечном счете в природе и с данным ею материалом. Поэтому и изменение отношения к природе на протяжении истории общества определяется прежде всего изменением характера, направленности и масштабов человеческой деятельности. Первобытный человек подавляющую часть средств существования получал от природы в готовом виде, продукты его материальной деятельности были непосредственно продуктами природы. Сообразно с этим в отношении человека и общества к природе главным было, по существу, прямое потребление. Господство этого типа отношения легко просматривается в развитии культур, основанных на скотоводстве и земледелии: исходный продукт производства сохраняет здесь свою непосредственную принадлежность к природе. Чисто природными были и довольно жесткие пространственно-временные рамки деятельности; пространственно она локализовалась по слабо взаимосвязанным очагам культуры и испытывала сильнейшее влияние географических условий, а ее ритмика задавалась прежде всего ритмами природы (суточными и сезонными), так что циклы деятельности в целом соответствовали циклам природы.

Эта общая схема отношения к природе мало изменилась и после возникновения высокоразвитой античной культуры, так как последняя фактически не затронула принципиальную структуру материальной деятельности (ее ведущим мотивом продолжает оставаться получение и обработка материала природы), в которой и осуществляется реальное взаимодействие природы и общества. Масштабы этого взаимодействия начали заметно меняться лишь в Новое время — в связи с развитием машинного производства, которое потребовало новых видов сырья и источников энергии и, следовательно, более глубокого проникновения в «кладовую» природы. Человек начал теперь не только значительно больше брать у природы, но и делать это в существенно иных формах;

он не просто потреблял материал природы, а еще более основательно перерабатывал его, придавал ему новые, внеприродные свойства, так что в сумме продуктов производства социальные качества, созданные деятельностью, получали растущий перевес над качествами природными, естественными. С этого момента отношения потребления замещаются отношениями покорения природы, расширяющейся эксплуатации природных ресурсов. Под этим знаком проходит первая промышленная революция, которой предшествовала эпоха Великих географических открытий, способствовавших существенному расширению объема и номенклатуры эксплуатируемых ресурсов природы. Общество все более активно осваивает и преобразует естественное пространство природы, создает на нем свои, специфически социальные формы организации — «вторую природу», социальное пространство, законы которого задаются не только природными условиями, но во все большей степени — общественным трудом; одновременно меняется и ритмика деятельности, утрачивая непосредственную зависимость от ритмов природы.

До начала современной научно-технической революции эксплуатация природы носила преимущественно экстенсивный характер, т.е. основывалась на увеличении объема и разновидностей получаемых от природы ресурсов. При этом масштабы деятельности общества практически не были ограничены извне, со стороны природы — человек мог брать у нее «без счета», столько, сколько позволяла его собственная производительная сила. К середине XX в. такой способ эксплуатации начинает приближаться к критическим точкам, причем сразу в нескольких отношениях. Масштабы потребления традиционных источников энергии, сырья и материалов становятся сравнимыми с их общими запасами в земной природе; та же картина вырисовывается и в отношении естественной базы для производства продовольствия в связи с быстрым ростом населения планеты; совокупная деятельность общества оказывает все более заметное влияние на природу, явственно вторгается в ее естественные механизмы саморегуляции, резко видоизменяет условия существования живой материи.

Все это создает объективно-природную основу и необходимость перехода от экстенсивного к интенсивному способу эксплуатации природы, т.е. к более полному, эффективному и разностороннему использованию ее ресурсов. Со стороны самого общества эта необходимость подкрепляется

соответствующим изменением характера деятельности, которая теперь уже не может развиваться спонтанно, под воздействием своей собственной внутренней логики, а требует специального регулирования, поскольку оказывается ограниченной совокупность ее материальных, природных условий.

В современном обществе в качестве инструмента такого регулирования выступает наука — главное орудие интенсификации производства и рационализации, осмысленного переустройства материальных отношений человека с природой. На науку все более последовательно и ориентируется современная деятельность. В итоге начинает складываться новый тип отношения общества к природе — отношение глобального управления, которое охватывает как процессы в природе, так и деятельность общества в целом и предполагает разработку рациональных программ этой деятельности, учитывающих характер и границы допустимого воздействия на природу и необходимость ее сохранения и воспроизводства. Природа во все больших масштабах становится существенным и разумно управляемым компонентом социального организма.

Развитие форм деятельности определяло и изменение духовно-теоретического отношения к природе, с той, однако, разницей, что здесь непосредственное влияние оказывали не формы материального производства, а их преломление в формах духовной деятельности. Для первобытного человека, почти полностью растворенного в природе, характерно ее одухотворение, анимизм; мир природы выступает здесь непосредственно как мир самого человека; мифологическое мышление еще не располагает основаниями для противопоставления природы и человека.

Собственно теоретическое отношение к природе впервые складывается с отделением философии от мифологии, т.е. с появлением теоретического мышления как такового. В ценностном плане это отношение оказывается двойственным: та часть природы, которая вовлечена в орбиту деятельности человека, толкуется с утилитарно-прагматической точки зрения как потребительская ценность, как источник ресурсов для человека и место его обитания (эта ценностная позиция сохраняется вплоть до середины XX в.); природа же в целом долгое время выступает как неизмеримо превосходящая человека сила и потому — как идеал гармонии, нерукотворного

совершенства. Этот тип ценностного отношения определяют и направление теоретических размышлений о природе.

Через всю античную философию проходит трактовка природы как совершенства, как средоточия логоса (хотя способы этой трактовки весьма различны: если, например, у Пифагора мир, природа выступает как гармония, как безусловно совершенный порядок, то для Демокрита природа — это царство стихийных сил, а Платон вообще занимает здесь особую позицию, предвосхищающую позднейшее отношение к природе со стороны христианской религии — толкование природы как бледного отражения сверхматериального идеального мира).

Античному мышлению свойственно обращаться к природе как к эталону организации, мерилу мудрости, а жизнь в согласии с природой и ее законами расценивается здесь обычно как самая благая и желанная [26]. Иначе говоря, природа возвышается над теоретическим мышлением как нечто превосходное, необъятное, неисчерпаемое и в своей целостности доступное лишь идеально. Аналогичное по типу отношение формируется и в других культурах, сумевших развить теоретическое мышление, в частности в индийской и китайской.

Существенно иное отношение к природе складывается с утверждением христианства, которое рассматривает ее как воплощение материального начала, как «низ», где все преходяще и изменчиво. Земной природе резко противопоставляется вечное, абсолютное духовное начало — бог, безусловно стоящий над природой. В противоположность античности основной идеей здесь является не слияние с природой, а возвышение над нею.

Возрождение вновь обращается к античным идеалам толкования природы и всего естественного, природного как воплощения гармонии и совершенства. Эта позиция и позднее многократно воспроизводится в самых разных контекстах, в частности, в концепции естественного права (Ж. Ж. Руссо и др.), выводившей право из данных природой, «естественных» законов человеческого общежития, а также в ряде школ литературы и философии, активно проводивших лозунг «назад к природе» и усматривавших в нем единственный путь спасения от разрушительного действия буржуазных порядков.

Этот же идеал отношения к природе в Новое время сыграл немалую роль в превращении природы в объект научного изучения. Вместе с тем развитие науки и начало

активного освоения природы на базе развития промышленности существенно трансформировали первоначальную схему идеализированного и поэтизированного отношения к природе. Опытное естествознание выдвигает идею «испытания» природы. По отношению к познавательной и практической активности человека природа начинает выступать как объект, как поприще деятельности, как косная и инертная сила, требующая покорения, установления над нею господства разума.

Такой тип отношения к природе сохраняется до тех пор, пока действительное господство над нею не начинает превращаться в реальность. Когда мир, созданный деятельностью человека, становится соизмеримым с миром природы, т. е. когда деятельность общества достигает планетарных масштабов, становится по своему объему сравнимой с масштабами процессов в природе, утилитарно-прагматическое отношение к природе постепенно перестает быть самодовлеющим и безграничным, оно дополняется осознанием растущей зависимости самой природы от человека и его деятельности. На этой основе складывается новый тип ценностного отношения к природе, который можно назвать социально-историческим и который исходит из оценки природы как уникального и универсального вместилища человека и всей его культуры. Такая оценка предполагает ответственное отношение к природе, постоянное соизмерение нужд общества и возможностей, которые дает природа для удовлетворения этих нужд, учет того важного фактора, что сам человек и человечество есть часть природы.

В научно-теоретическом плане этой ценностной переориентации соответствует переход от идеи абсолютного господства над природой к идее отношений общества и природы как отношений партнеров, соизмеримых по своему потенциалу. Первым теоретическим выражением этой позиции явилась созданная В. И. Вернадским концепция ноосферы. Сознание потенциального (а в некоторых пунктах и актуального) превосходства общества над природой постепенно, хотя и не безболезненно, рождает новый подход, основанный на идее единого, сбалансированного и ответственного управления социальными и природными процессами и условиями. Во второй половине XX в. этот подход начинает получать распространение и выступать в качестве основы регулирования деятельности и всей системы практических отношений общества и природы, в том числе мероприятий по охране природы и защите окружающей среды [20].

2. От природы к деятельности как объяснительному принципу

Выделенные нами основные вехи в практическом освоении человеком природы позволяют рассмотреть эволюцию фундаментальных теоретических принципов объяснения в истории познания. История философско-теоретического знания, взятая под этим углом зрения, предстает как смена одних объяснительных принципов другими, как переход от понятия «природа» в его функции объяснительного принципа к категории «деятельность», принимающей на себя функцию фундаментальной схемы объяснения.

Наука Нового времени, можно сказать, выросла из понятия природы как объяснительного принципа. И дело не только в том, что представление о природе как о *causa sui* выступало необходимой предпосылкой всего естественно-научного познания, ориентировало на раскрытие имманентных законов мироздания: понятие природы, в соответствии с принятой в те времена трактовкой его содержания, задавало субстанциальную схему объяснения и, следовательно, предписывало за каждым явлением отыскивать его скрытую сущность, его единую первооснову (напомним еще раз, сколь многим были обязаны физика и химия той эпохи понятию силы — прямому следствию чисто субстанциальной трактовки природы и в определенный период времени важнейшему фактору консолидации всего естественно-научного знания). Для естествознания же это означало, что если исследованием открыт некий закон, вообще нечто устойчивое, отнесенное непосредственно к природе, то этим достигнут и максимально мыслимый предел объяснения.

В естествознании понятие природы и в наше время продолжает играть роль универсального объяснительного принципа; правда, его содержание существенно изменилось, углубилось и расширилось по сравнению даже с XIX в., не говоря уже о более ранней эпохе, но тем не менее его объяснительный потенциал остается вполне достаточным при решении многих (если не всех) фундаментальных естественно-научных проблем.

Современное естествознание наследует традиции понимания природы, выработанные в Новое время, не и существенно обогащает их. Это выражается в представлениях о развитии природы и его специфических закономерностях.

Вспомогательная литература: ИАДА 01Ш-АЛ

стях, о различных формах движения материи и структурных уровнях организации природы, в расширении представлений о типах причинных связей и т.п. Например, с созданием теории относительности существенно видоизменились взгляды на пространственно-временную организацию объектов природы; развитие современной космологии обогащает наши представления о направлении естественных процессов; достижения физики микромира способствуют значительному расширению понятия причинности; прогресс экологии привел к пониманию глубоких принципов целостности природы как единой системы. Иными словами, в истории естествознания объяснительные схемы не остаются неизменными, а развиваются, обогащаются содержательно, модифицируются и во многом трансформируются.

Однако в истории философского знания универсальность понятия природы как объяснительного принципа была поставлена под сомнение еще Декартом: сформулированное им утверждение о равноправии протяженной и мыслящей субстанций фактически фиксировало невозможность построить чисто природное, естественно-научное объяснение всей реальности, в отношении с которой вступает человек, а понятие мыслящей субстанции указывало на то, что существует обширный слой явлений, образующих надприродную действительность и потому требующих особого объяснения. По существу, это была первая формулировка принципа деятельности в качестве субстанциального и, следовательно, универсального.

Следующий шаг был сделан немецкой классической философией. Она не просто указала на деятельность как на «первоматерию» человеческого мира, но раскрыла этот мир как подлинный универсум деятельности. Правда, у Канта еще многое скорее подразумевается, чем фиксируется явным образом, и принцип деятельности еще нужно уметь вычитать за кантовским априоризмом и трансцендентализмом.

Но уже Фихте вполне последовательно строит свою систему как философию активизма, где деятельность выступила как субстанция всей культуры и основание всех сфер человеческого бытия. Тесно связав анализ деятельности с проблемой человеческой свободы, Фихте таким образом попытался построить целостное обоснование выдвинутого им в качестве универсального принципа активизма. При этом

9*

одной из главных для него стала проблема органической связи разведенных Кантом познавательного и нравственного аспектов деятельности. В качестве критерия нравственности деятельности он выдвинул совесть — начало, лежащее за пределами самой деятельности; тем самым, однако, на правах решающего вводился внедеятельностный фактор и, таким образом, подрывалось единство того основания концепции, из которого исходил Фихте.

Наиболее развитую рационалистическую концепцию деятельности построил Гегель. С позиций объективного идеализма он толкует деятельность как всепроникающую характеристику абсолютного духа, порождаемую имманентной потребностью последнего в самоизменении. В полном согласии с этой позицией главная роль отводится духовной деятельности и ее высшей форме — рефлексии, т. е. самосознанию. Такой подход позволил Гегелю построить цельную концепцию деятельности (эта цельность подчеркивается, в частности, понятием субстанции-субъекта, т. е. субстанции, воплощающей в себе активность субъекта, и субъекта, наполненного субстанциальным содержанием), в рамках которой центральное место занимает проявляющаяся и рационализирующая работа духа. В этой концепции обстоятельному анализу подвергнута диалектика структуры деятельности, показана глубокая взаимоопределяемость цели и средства и решающее место последнего в структуре деятельности, сделан ряд глубоких замечаний о социально-исторической обусловленности деятельности и ее форм.

Гегель в определенном смысле завершает трактовку деятельности в классическом немецком идеализме, придавая принципу деятельности структурно развернутое выражение через категории цели, средства и результата. Последнее обстоятельство имеет исключительное значение, ибо оно знаменует переход от эмпирически очевидного факта активности, непосредственно зафиксированного в слове «деятельность», к проникновению в структуру и сложную динамику деятельности, к представлению ее как особым образом расчлененной реальности. Такое представление очень существенно расширило объяснительные возможности этого понятия. Собственно, именно после этого деятельность превратилась в подлинно универсальный объяснительный принцип.

Немецкая классическая философия переносит объяснение фундаментальных проблем бытия в надприродную

сферу — в мир деятельности. Объяснительный потенциал этого понятия оказался существенно большим, чем у понятия природы: во-первых, ориентация на деятельность позволила глубже и точнее понять характер открываемых человеком законов мироздания, поскольку она раскрыла зависимость познания от его наличных форм, а не только от самого объекта; во-вторых, через понятие деятельности был отчетливо выявлен исторический и, более широко, диалектический характер совершающихся в реальности процессов, в том числе и процесса познания.

Безусловный примат рационального начала, подчинение ему нравственных оснований деятельности в концепции Гегеля вызвали разностороннюю критику этой концепции. Направления этой критики в философии второй половины XIX в. связаны как со стремлением существенно расширить сферу сознания, включив в нее ряд некогнитивных (т. е. не связанных непосредственно с разумом) компонентов, так и с поиском оснований самой деятельности и ее внешних регулятивов. Уже современник Гегеля С. Киркегор обращает внимание на значение личностного фактора, не сводимого к деятельности как таковой и требующего особого объяснения (таковы эмоциональные и нравственные характеристики — страх, совесть и т. п.). Позднее эта линия получила продолжение в экзистенциализме. Начиная с А. Шопенгауэра в качестве особого основания деятельности выделяется воля, которая рассматривается как противостоящая разуму. Эта волюнтаристическая трактовка деятельности высшей точки достигла у Ф. Ницше. Вместе с тем в конце XIX в. реализуется и другая линия, делающая акцент на тех компонентах культуры, которые выступают как регулятивы деятельности и ее направленности. Эту линию представило, в частности, неокантианство, причем баденская школа в качестве главного ориентира рассматривала ценности, а Э. Кассирер связал существо деятельности со спецификой знаковых, символических структур.

Еще одно направление анализа связано с феноменологией, которая отказала в самодостаточности формам деятельности, сложившимся в новоевропейской культуре, и, поставив эти формы в более широкий контекст (выраженный, в частности, в понятии жизненного мира), попыталась показать, что поиск и определение смысла человеческого бытия требуют преодоления натуралистических установок сознания, выносящих этот смысл в запредельную человеку сферу самой деятельности и затемняющих, искажающих под-

линные, первичные цели человека. Не приемля «фетишизм деятельности», характерный для немецкого идеализма, феноменология сделала заявку на построение новой онтологии, в которой деятельность уже не является основополагающим фактором, а наоборот, сама требует объяснения как одна из форм выражения жизни человека. Этот тезис еще более настойчиво был подчеркнут экзистенциализмом.

Стремясь выявить нерациональные компоненты деятельности, фрейдизм обратился к сфере бессознательного, к глубинным слоям человеческой психики и попытался проследить их влияние на формирование мотивов и установок деятельности.

Множественность возможных подходов к анализу деятельности и ее оснований привела на рубеже XIX—XX вв. к осознанию недостаточности принципа деятельности как фундамента для построения философских систем, как философско-мировоззренческого и методологического принципа. Это соединяется с утратой социального оптимизма и растущей критикой техницистского активизма, углубляющего кризис культуры. Поэтому понятие деятельности почти повсеместно утрачивает свое центральное место (за исключением «философской антропологии», прагматизма, бихевиоризма), деятельность перестает рассматриваться как субстанция культуры и постепенно замещается другими, как правило, более широкими понятиями — жизни, жизненного мира, существования и т. д.

Принцип деятельности сыграл важную роль в становлении и развитии целого ряда социальных наук. Толчком к его выдвижению в качестве методологического принципа послужило осознание деятельности как источника происхождения многообразных продуктов культуры. Через призму структуры деятельности (в различных ее аспектах) открывается целостный способ видения той или иной сферы социальной реальности и создается возможность дать обобщенное объяснение различных социальных явлений с единой теоретической позиции. Принцип деятельности позволил подойти к раскрытию механизмов ряда этих явлений и их генезиса. Например, в культурно-исторической теории Л. С. Выготского мышление было рассмотрено как результат интериоризации практических действий и свойственной им логики. Концепция деятельности лежала у истоков современного теоретического языкознания, в психологии с ней связано возникновение объективных экспериментальных

методов, а также формирование ряда теоретических концепций. Аналогичную роль сыграло понятие деятельности в этнографии, культурной антропологии и других науках.

Вместе с тем принцип деятельности при его разворачивании в конкретных социальных науках потребовал углубленного анализа механизмов деятельности и формирующих ее факторов. Это привело к вычленению иных компонентов, лежащих за пределами собственно деятельности, хотя и связанных с нею и влияющих на нее. Например, в социологии и психологии выявилось значение ценностных установок и ориентаций, мотивов деятельности, ожиданий, притязаний и т. д. В результате произошло существенное расширение исходного принципа во всех этих науках (хотя оно признано и реализуется отнюдь не всеми школами и направлениями).

Марксистская философия в своей трактовке деятельности преодолела ограниченность узко рационалистического, идеалистического понимания деятельности. Развита основоположниками марксизма концепция исходит из целостного понимания деятельности как органического единства чувственно-практической и теоретической форм деятельности. Это единство подчеркнуто в словах К. Маркса о духовно-практическом освоении мира как высшей форме освоения. Этот подход, сформулированный уже в «Тезисах о Фейербахе» и «Немецкой идеологии», фиксирует преодоление марксизмом разрыва теории и практики, характерного для всей предшествующей философии, и выражает более широкую трактовку деятельности как жизнедеятельности, включающей многообразные формы человеческой активности. Марксистская концепция деятельности стала исходной методологической базой для ряда социальных наук. На этой базе выросла марксова теория стоимости, созданная Ф. Энгельсом концепция антропогенеза, марксистская педагогика, историография и др. Исходя из целостного представления деятельности, марксизм построил типологию ее различных форм, подчеркнув определяющую роль производственной деятельности, т. е. деятельности по созданию материальных благ.

Анализ диалектики структуры деятельности показывает, что если ее основанием является сознательно формулируемая цель, то основание самой цели лежит вне деятельности, в сфере идеалов и ценностей человека. Отсюда следует, что сущность деятельности нельзя понять, не выходя за пределы ее внутренней структуры, не давая ей внешних

определений. Разгадка природы деятельности коренится не в ней самой, а в том, ради чего она совершается, в той сфере, где формируются цели человека и строится образ действительности, какой она должна стать в результате деятельности. Поэтому не только нравственная и эстетическая, но и научно-познавательная или технически-инструментальная деятельность получает свой смысл в конечном счете сообразно месту, которое занимают ее результаты в общем фонде культуры.

Среди многообразных классификаций типов и форм деятельности наибольшее значение имеет деление ее на репродуктивную и продуктивную. Первая направлена на получение уже известного результата известными же средствами; она основана на повторении уже разработанных схем действий. Продуктивная деятельность связана с выработкой новых целей с помощью новых средств; поэтому ее необходимым компонентом является творчество. Различие в соотношении продуктивного и репродуктивного компонентов деятельности определяет различие типов культуры (в так называемых «традиционных» цивилизациях деятельность является почти исключительно репродуктивной, а всякие попытки ее изменения подвергаются социальному осуждению; напротив, развивающиеся, динамичные культуры характеризуются большим удельным весом продуктивной деятельности). Приобретение продуктивной деятельностью все более массового характера в условиях научно-технической революции порождает ряд социальных проблем, начиная от необходимости радикальной перестройки системы образования и кончая проблемой известной «девальвации» творческой деятельности отдельного человека в условиях включения ее в индустриальные формы организации и в формы массовой культуры.

Изменение характера деятельности в современном обществе выдвигает ряд новых аспектов проблемы отношения деятельности и личности. В частности, огромная мощь средств, которыми оснащена деятельность человека, делает необычайно острой проблему технического фетишизма, т.е. подчинения этим средствам самого человека. В этой связи с новой силой возникает философская проблема несводимости личности к выражению только в формах деятельности, ибо такое сведение неизбежно ведет к чисто инструментальной трактовке человека как орудия стоящей над ним деятельности, к государственно-монополистичес-

ким и, более того, к фашистско-тоталитарным формам организации общественной жизни. Ввиду этого вопрос об отношении деятельности и личности должен решаться как часть более широкой проблемы человека, учитывающей все богатство форм проявления личности в ее жизнедеятельности.

Глава третья

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ КАК ОБЪЯСНИТЕЛЬНЫЙ ПРИНЦИП

Мы уже говорили о том, что в немецкой классической философии складывается представление о деятельности как особым образом расчлененной реальности. Такое представление существенно расширило объяснительные возможности этого понятия, позволило превратить его в универсальный объяснительный принцип, соединяющий эмпирическую достоверность с теоретической и методологической конструктивностью. Что конкретно дало такое соединение?

Во-первых, оно позволило по-новому очертить контур реальности, с которой, как со своим предметом, имеет дело социальное познание. Прежние абстракции так или иначе сводились к представлению этой реальности в виде совокупности индивидов, психологических субъектов, тайну бытия которых надо искать в голове каждого из них. Деятельность же, поставленная в центр универсума, сразу и резко меняет точку отсчета и всю ткань рассуждения: первичным, исходным становится не сам по себе факт физического существования индивидов, а наличие глубокой содержательной связи между ними. Взятая в диахроническом аспекте, эта связь дает картину истории социального мира, а ее синхронический аспект открывает путь к выявлению принципов функционирования общественного организма. Иными словами, понятие деятельности сильно раздвигает мыслимые границы социальной действительности и впервые создает теоретическую основу для представления ее как естественно-исторического процесса.

Во-вторых, в этих своих новых границах социальная реальность воспроизводится как нечто внутренне органи-

зованное и подчиненное определенным закономерностям. Деятельность и выступает в качестве источника и механизма такой организации, а индивид, напротив, утрачивает свою изначальную суверенность и предстает как «орган» деятельности, как ее необходимый, незаменимый, но все же элемент. Следовательно, понятие деятельности не просто задает реальность в новых границах, но и указывает источник ее законосообразности, естественного изменения, притом источник умопостигаемый, лишенный всякой мистификации. Такой поворот выступил необходимым условием для подведения социального познания под общие каноны научно-теоретического мышления.

В-третьих, структурно расчлененное представление деятельности (которое как раз и явилось показателем теоретической и методологической разработанности этого понятия) создало возможность для объяснения и теоретического воспроизведения по крайней мере некоторых конкретных явлений социальной действительности.

При всей значительности гегелевской схемы она, однако, оказалась далеко не совершенной. Главный ее недостаток определялся идеалистичностью исходной посылки. Как и во всей немецкой классике, у Гегеля субстанцией выступает дух как некое надприродное начало, а деятельность вводится в анализ на правах важнейшего, правда, но все-таки атрибута этой субстанции — проявления имманентной духу спонтанной разумной активности. Постулат разумности вел еще к одному важному следствию: категория деятельности, рассмотренная таким образом, фактически сводилась к рациональной деятельности, что нашло прямое выражение в схеме цель — средство — результат. Ригористический рационализм породил в дальнейшем многостороннюю критику гегелевского представления о деятельности.

Принцип деятельности получил дальнейшее, притом решающее развитие в философии марксизма и в его социально-экономической теории. Если в немецком идеализме объяснительная нагрузка понятия деятельности направлялась на то, чтобы раскрыть активную природу духа, то в марксизме сама деятельность становится подлинной субстанцией культуры, всего человеческого мира. Естественно, что это сопровождается серьезными сдвигами в интерпретации содержания понятия «деятельность».

Хорошо известно, какую именно роль сыграл принцип деятельности в рамках самого марксизма. В общеполитическом

плане он дал возможность построить целостное материалистическое объяснение всей социальной истории и раскрыть внутреннюю структуру общества, основанную на разделении и обмене деятельностью. Конкретизация же этого принципа в сфере социально-экономического знания явилась важнейшим методологическим условием построения теоретической картины развития капитализма и революционной замены его социалистическим обществом.

Марксистская интерпретация принципа деятельности оказала и продолжает оказывать глубокое методологическое влияние на все сферы социального познания, причем это влияние вышло далеко за рамки собственно марксистской мысли. Фактически понятие предметной деятельности в той или иной форме используется всеми современными гуманитарными дисциплинами. Объяснение явлений социальной действительности через это понятие позволяет избежать характерного для традиционной гуманистики психологизма, открывает буквально целые пласты новой, надындивидуальной реальности и заставляет ввести новые, неизвестные прежде линии анализа. В подтверждение этого можно было бы приводить многочисленные и самые разнообразные примеры, но мы в данном случае ограничимся двумя ситуациями, важными в типологическом плане.

Первая из них сложилась в современном изучении науки. Даже неспециалисту бросается в глаза, что фронт этого изучения резко расширился за последние десятилетия. Внешне дело выглядит таким образом, что наряду с относительно традиционным логико-методологическим и психологическим анализом теперь в исследовании науки видное место занимают социологические методы и подходы. Но если вдуматься, то сам по себе социологический подход к науке стал возможен лишь постольку, поскольку развитие научного знания с какого-то момента было подведено под объяснительную схему, основанную на принципе деятельности. И дело не просто в том, что в науке наряду с личностью ученого и продуктом его труда — научным знанием «вдруг» был обнаружен социальный институт с развитой системой деятельности, дело даже не в том, что была осознана решающая роль научной деятельности как фактора порождения знания. Главное здесь в том, что проникшее в эту область объяснение через деятельность прямо-таки заставило увидеть реалии, которые чисто эмпирически, конечно, были хорошо известны и раньше, но теперь выступили как объект специ-

ального изучения, как специфические порождения научной деятельности, проливающие свет на ее собственную природу. По-видимому, только в таком контексте могла превратиться в предмет специального изучения коммуникация в науке: методологически для совершения такого шага надо было не только убедиться в плодотворности дешельностного подхода в общем виде, так сказать, поверить в идею деятельности, но и саму жизнь науки представить как сложную систему деятельности с присущими ей специфическими аксессуарами.

Этот пример интересен одновременно в двух отношениях. Во-первых, он показывает, что функционирование понятия деятельности в качестве объяснительного принципа носит отнюдь не вербальный характер. Это понятие задает такой взгляд на социальную реальность, при котором из множества ее разнообразных напластований вычленяется то и только то, что объединяется в определенное целое как мир деятельности, ее продуктов, условий и форм организации.

Во-вторых, пример с новыми линиями изучения науки демонстрирует обстоятельство, о котором только что шла речь: здесь хорошо видно, как объяснительная схема, основанная на понятии деятельности, порождает новые предметы исследования, выступает непосредственным импульсом существенного расширения наличных предметов. На этом же материале мы сталкиваемся еще с одним любопытным моментом, имеющим прямое отношение к теме нашего обсуждения: интегрирующая функция понятия деятельности при изучении науки оказывается настолько очевидной и соблазнительной, что у очень многих исследователей возникает искушение построить в опоре на это понятие интегральную картину развития научного знания и науки в целом; а поскольку уже в начальной точке ясно, что деятельность, даже и ее особенный вид — научная деятельность — многомерна и потому сразу и непосредственно не укладывается в рамки линейного изображения, предполагается строить такую картину с использованием системных принципов.

Второй типологический пример дает развитие принципа деятельности в истории советской психологии (точности ради надо отметить, что идея деятельностиного объяснения — в сущности иной, правда, редакции — достаточно плодотворно развивалась и продолжает развиваться также и в русле весьма представительной французской психологической школы, начиная с П.Жане, но нас в данном случае интересует не историческая полнота, а конкретный пример

вполне сознательного и систематического использования понятия деятельности в качестве объяснительного принципа). Как мы уже отмечали, создатель культурно-исторической концепции в психологии Л. С. Выготский, оценив огромный объяснительный потенциал марксистской трактовки принципа деятельности, использовал этот принцип для радикальной реконструкции предмета психологии. Смысл проделанной им методологической работы станет более очевидным, если мы сопоставим ее с другими попытками, предпринимавшимися в этом направлении примерно в то же время.

В 20-е годы таких попыток было немало. Все они исходили из необходимости объяснить психику как особую целостность, но основания объяснения в каждом случае были существенно разными. К этому времени в психологии достаточно широкое распространение получило представление о структурно-уровневом строении психики [24], и потому объяснению обычно стремились придать — далеко не всегда, правда, в явном виде — одновременно и структурный и уровневый характер. Скажем, фрейдистская концепция специфически психологическую реальность усматривала в сфере мотивации [33] (что тоже, по существу, представляло собой одну из особенных проекций принципа деятельности), а тайну этой последней пыталась отыскать на уровне подсознания и его структурной организации. Бихевиоризм, озабоченный (тщетно, как вскоре выяснилось) сохранением методологического ригоризма, отбросил из психологии все, кроме поддающихся объективной регистрации параметров поведения; именно реактивное поведение, представленное схемой «стимул — реакция», выступило в этой концепции объяснительной основой и фактором интеграции психологической реальности. Особняком стояла в этом ряду гештальтпсихология, которая в принципе осталась индифферентной к идее уровневой организации психики и центр тяжести в теоретическом объяснении перенесла на структурную организацию психологических феноменов, отстаивая тезис о приоритете психической формы.

Каждой из этих школ, как и многим другим, удалось построить определенную теоретическую картину реальности, подлежащей изучению в психологии. Но при ближайшем рассмотрении всякий раз оказывалось, что во имя теоретического единства и логической гомогенности — необходимых условий любого предмета, удовлетворяющего требованиям научности, — пришлось пожертвовать некоторыми

существенными собственно психологическими моментами. Особенно шокирующий вид эти «жертвы» приняли в бихевиоризме, что фактически и закрыло ему путь в европейскую психологию. В итоге получалось так, что целостность объяснения, ради которой, собственно, и строились все эти теоретические конструкции, принимала относительный и, по существу, условный характер, поскольку реальная целостность психики сводилась к весьма ограниченной целостности какого-то ее (и даже не всегда ее) компонента. Иными словами, объяснение удавалось построить лишь ценою определенной формы редукционизма [И].

Здесь надо подчеркнуть, что само по себе понятие деятельности вовсе не спасает от редукционизма. Поэтому методологическое значение работы, проделанной Л. С. Выготским, отнюдь не сводится к внедрению в психологию понятия предметной деятельности. Это понятие позволило построить эффективную теоретическую схему благодаря двум принципиальным обстоятельствам. Во-первых, через предметную деятельность была реинтерпретирована вся совокупность проявлений психики или, во всяком случае, вся совокупность высших психических функций: психика выступила, таким образом, как специфический орган деятельности, и это, функциональное по своей природе, объяснение (все другие не носили столь ясно выраженного функционального характера) ввело в психологический оборот новый значительный ресурс для истолкования целостности психологической реальности и многих ее конкретных проявлений. Следовательно, в чисто методологическом плане первое завоевание культурно-исторической концепции состояло в том, что понятие предметной деятельности было использовано здесь как орудие функционального объяснения и обоснования целостности предмета психологии.

Во-вторых, и это особенно важно, понятие предметной деятельности было «пересажено» в психологию не в своем, так сказать, первозданном виде, а после соответствующей психологической интерпретации. У самого Л. С. Выготского главным средством такой интерпретации послужило понятие интериоризации, а его последователи, и прежде всего А. Н. Леонтьев, ввели представление о психологической структуре деятельности, в котором со структурным рядом: деятельность — действие — операция сопоставляется ряд: мотив — цель — условие [14], [15]. Именно это дало основание говорить о психологической теории деятельности. Какую

же, конкретно, объяснительную роль выполнило в этой психологической школе понятие предметной деятельности? Помимо того, что оно позволило рассмотреть психику как функциональный «орган» деятельности, это понятие открыло путь к объяснению происхождения и развития психики: эти два процесса предстали как прямой продукт и результат развития предметной деятельности. Вывод этот, непосредственно почерпнутый из деятельностной схемы объяснения, гораздо более радикален, чем это может показаться на первый взгляд. В применении, например, к педагогической практике он означает, что наиболее эффективный путь формирования высших психических функций заключается в разработке и использовании соответствующих форм предметной деятельности, а не просто в усвоении знаний, на чем фактически до сих пор строится вся система образования. И если нынешняя школа вызывает так много сетований, то одна из главных причин этого состоит как раз в неумении последовательно провести принцип деятельности в обучении [10], [16].

Итак, функционируя в качестве объяснительного принципа, понятие деятельности способно выполнить значительную конструктивную работу. Но опыт конкретных наук показывает, что эта работа не совершается автоматически, что она не преддетерминирована понятием деятельности как таковым. Наоборот, это понятие выполняет реальные, а не иллюзорные конструктивные функции лишь в той мере, в какой оно получает предметную интерпретацию в той или иной области знания. Предметная же интерпретация предполагает соблюдение минимум двух важных методологических условий: во-первых, понятие деятельности должно задавать специфическую действительность в её специфических границах (действительность *sui generis*, по выражению В. С. Швырева [30]); во-вторых, это понятие должно быть структурно развернуто применительно к определенному предмету изучения, наподобие того, как это было сделано Гегелем применительно к деятельности в целом или культурно-исторической школой в психологии применительно к задачам психологического анализа деятельности. Во втором типе случаев к тому же возникает дополнительная проблема, методологически очень важная: сама по себе необходимость предметной интерпретации понятия «деятельность», когда оно используется в определенной специальной области знания, означает, что даже и при общем единстве объяснительной функции этого понятия мы фактически имеем дело минимум с двумя его

«уровнями». В самом деле, социально-философский анализ, оперируя этим понятием, объясняет с его помощью весь мыслимый человеческий мир, во всем гигантском многообразии его проявлений; это предполагает вполне определенное представление о границах объясняемой реальности и о механизме ее целостности. Когда же деятельностное объяснение дается некоторому аспекту социальной реальности, то, очевидно, оперирование общим, социально-философским понятием деятельности выступает лишь как первый шаг объяснения, за которым необходимо должен следовать второй, предполагающий построение уже не общего, а специализированного для данной предметной области понятия деятельности. По-видимому, это второе понятие не может вполне совпадать в первом ни по объему, ни по содержательной характеристике объясняемой реальности и механизмов ее целостности.

Из того факта, что деятельность образует важнейший фактор интеграции социальной действительности, еще не следует, что вся эта действительность непременно и во всех случаях должна сводиться к деятельности. Существует немало количество социальных явлений, которые сохраняют с деятельностью какую-то форму фундаментальной связи (связь происхождения, развития, функционирования), но тем не менее по целому ряду своих характеристик не требуют обращения к деятельности и объяснения через это понятие. Это выдвигает проблему полноты деятельностного объяснения, т.е. того, насколько оно может быть исчерпывающим. Пример культурно-исторической концепции в психологии показывает, что объяснение через деятельность может быть полным, так сказать, абсолютным. Здесь понятие деятельности выступает в качестве единой объяснительной основы для всей психологической реальности, и это обстоятельство специально подчеркивается. А. Н. Леонтьев, например, приводит следующее высказывание Л. Сэва на этот счет: в психологии «никакая концепция, основанная на идее «двигателя», принципиально предшествующего самой деятельности, не может играть роль исходной, способной служить достаточным основанием для научной теории человеческой личности» [16, с. 66].

Если же обратиться к другому упомянутому нами примеру, к исследованию науки, то здесь картина выглядит иначе. С одной стороны, объяснение через деятельность оказывается в этой сфере очень перспективным, оно, как мы стремились показать, действительно открывает исследованию новые

пласты реальности. С другой стороны, однако, сохраняют свое значение и другие линии изучения науки, не связанные в своих объяснительных принципах непосредственно с понятием деятельности (таковы, например, традиционный историко-научный анализ, многообразные исследования из области систем знания). Аналогичная ситуация существует и в некоторых других сферах социального познания: в языкознании, в некоторых отраслях исторической науки и т.д.

Это последнее обстоятельство очень важно учитывать при общей оценке объяснительного потенциала понятия «деятельность», ибо универсальность этого понятия порою как бы подталкивает к преувеличению его объяснительных возможностей, к стремлению ответить с его помощью на вопросы, которые требуют иных средств объяснения. Подобной методологической гиперболы счастливо избежала лингвистика, особенно после введенного Соссюром принципиального различия речи и языка, которое четко зафиксировало неединственность деятельностного объяснения. Но в психологии, например, дело обстоит несколько иначе. Прочитанное высказывание Л. Сэва свидетельствует о том, что деятельность у него выступает не только верховным, но и единственным принципом психологического объяснения. Этот тезис, однако, требует весьма основательной проверки. Как показал опыт развития культурно-исторической школы в психологии, на основе понятия деятельности удалось построить достаточно эффективное объяснение происхождения, сущности и принципиальных путей формирования психики и целого ряда центральных для психологии явлений, таких, как мотивация, сфера потребностей, личность и т.д. Но исчерпывается ли этим все, что требует объяснения в психологии? По-видимому, на этот вопрос надо ответить отрицательно. В самом деле, из того, например, факта, что человек становится личностью только в деятельности и через деятельность, еще не следует, что понятие деятельности непосредственно объясняет нам все проявления личности, всю систему индивидуальных различий и т.п. Вывод подобного рода напрашивается и из того простого соображения, что личность есть не только продукт, но и условие деятельности, а это значит что по крайней мере в известном смысле мы должны и саму деятельность объяснить через личность. Если же от этого отказаться, то мы вместо деятельности получаем Деятельность, при которой личность выступает на правах

чисто функционального и, следовательно, в каждом конкретном случае необязательного придатка; мы, таким образом, как минимум покидаем почву психологии.

Недостаточность принципа деятельности в качестве единственной и исчерпывающей основы психологического объяснения подтверждается и с некоторых других сторон. Например, в инженерной психологии главная проблема заключается в том, чтобы объяснить не формирование высших психических функций (это скорее одна из общих предпосылок исследования), а реальную «работу» уже наличных качеств и свойств психики в их взаимосвязи [12]; это, очевидно, требует несколько иной объяснительной основы. Превращение деятельностного объяснения в единственное сталкивается и еще с одним немаловажным вопросом: как ассимилировать в деятельностной схеме вполне конкретные и реальные достижения иных психологических школ и направлений? Этот вопрос, как известно, еще ждет своего полного и обстоятельного решения.

Можно предположить, что эти и некоторые другие трудности связаны прежде всего с тем, что еще не до конца раскрыты конструктивные объяснительные возможности принципа деятельности в психологии. Такое предположение имеет под собой весьма серьезные основания, и потому работа, направленная на углубление психологической интерпретации понятия «деятельность», представляется чрезвычайно перспективной. Но все же одновременно полезно, вероятно, учесть и тот факт, многократно подтвержденный историей науки, что всякое объяснение, основанное на одном определенном конкретном понятии и претендовавшее на абсолютность, на исчерпывающий характер, в конечном счете обнаруживало свою неполноту и относительность. Вообще кажется сомнительным, чтобы объяснительная схема какой-то конкретной научной дисциплины могла быть целиком сведена к одному-единственному понятию, пусть даже внутренне богатому и расчлененному.

Это сомнение никак не направлено против принципа деятельности самого по себе и его объяснительных возможностей. Речь идет лишь об уточнении этих возможностей. А для этого важно понять, что в науке не может быть «последнего», окончательного объяснения, отвечающего на все мыслимые вопросы о данном предмете. Всякое понятие, сколь бы ни было оно универсальным, задает вполне определенные границы предмету мысли, и в рамках этих границ

могут решаться только вполне определенные, а отнюдь не любые произвольные типы научных задач. Отсюда следует, что исследование должно осознавать и учитывать ограничительный характер всякого объяснительного принципа и понятия, составляющего его основу. Иными словами, в какой-то точке должен фиксироваться предел экстенсивного развития объяснительного принципа, после которого его дальнейшее конструктивное использование возможно лишь за счет его интенсивного развертывания, т.е. не путем подведения под соответствующее понятие все новых и новых явлений и слоев действительности, а в русле углубления представлений о внутреннем строении понятия, о его содержательных предметных характеристиках.

Итак, эффективность деятельности как объяснительного принципа не может считаться абсолютной, она существенно зависит от того, насколько удалось раскрыть содержание этого понятия в предмете соответствующей дисциплины, т.е. от того, насколько конструктивно с его помощью выделена, ограничена и структурирована соответствующая предметная реальность. Это, в свою очередь, означает, что у понятия деятельности нет единого, раз и навсегда фиксированного содержания, которое как инвариант выступает в любых предметных конструкциях. Даже в рамках одного предмета (например, психологии) содержание и объяснительные функции этого понятия должны более или менее заметно видоизменяться, если изменяется характер предмета, в рамках которого оно работает: содержание, которое позволяло успешно строить объяснение происхождения и формирования психики, оказывается малоэффективным, когда предметом изучения выступает сформировавшаяся деятельность, а тем более в тех случаях, когда речь идет о проектировании новых, прежде не существовавших видов деятельности.

Глава четвертая

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ КАК ПРЕДМЕТ ИЗУЧЕНИЯ В ПСИХОЛОГИИ

В том случае, когда категория деятельности выступает в качестве объяснительного принципа, она служит источником и основанием объяснения, преломляясь в специфических средствах той или иной научной дисциплины. Иными словами, благодаря своим объяснительным возможностям она оказывается предпосылкой и условием определенного предмета изучения. Когда же деятельность начинают рассматривать как предмет объективного научного изучения, то в рамках этого предмета в свою очередь должен существовать какой-то объяснительный принцип, который на этот раз уже будет объяснять саму деятельность. Переход от деятельности как объяснительного принципа к деятельности как предмету научного исследования не так прост, как это может показаться на первый взгляд.

Деятельность как предельная абстракция, выступающая в роли объяснительного принципа, в силу самой своей предельности не требует дальнейших объяснений (в каждом конкретном случае применения этого объяснительного принципа необходимо лишь методологическое обоснование, показывающее адекватность и достаточность именно деятельности объяснения), тогда как изучение деятельности в качестве особого предмета, напротив, предполагает в качестве своего условия специальную процедуру объяснения. Если мы, например, при помощи понятия «деятельность» объясняем происхождение и формирование психики, то само это понятие не нуждается в объяснении, в контексте научной

задачи такого рода достаточно, чтобы оно было представлено в структурно расчлененном виде и тем самым задавало содержательный механизм для решения проблемы. Если же деятельность исследуется как особая психологическая реальность, то целостность и законосообразность этой реальности должны получить специальное объяснение и обоснование, и совершенно очевидно, что такое объяснение не может быть получено через понятие деятельности: иначе мы получим просто тавтологию.

Следовательно, во втором типе случаев понятие деятельности как бы утрачивает свой предельный характер. Более того, оказывается, что оно само нуждается в некоей предельной абстракции, позволяющей объяснить его природу. Две функции категории деятельности, по сути дела, предполагают два различных идеальных объекта, хотя выражаются они в одном понятии. Функциональное различие между этими идеальными объектами можно теперь считать достаточно очевидным. Попробуем проследить, каковы содержательно-методологические выводы отсюда.

Взятое в обеих своих функциях, понятие деятельности прежде всего фиксирует, обозначает реальность, задавая ее в определенных границах и в определенной структуре. В первом случае, однако, границы реальности практически совпадают с границами универсума, объясняемого с помощью понятия «деятельность». Во втором же случае эти границы должны быть специально определены; несколько огрубляя, можно сказать, что деятельность как предмет изучения должна быть отграничена от того, что к этому предмету не относится, не входит в круг решаемых в нем задач. Смысл этого различия заключается в том, что деятельность как объяснительный принцип может описывать всю реальность (рассматриваемую через призму этого понятия), тогда как любой конкретный предмет всегда есть особая проекция этой реальности; поэтому один объяснительный принцип содержит в себе возможность нескольких предметов. Это легко прослеживается как на уровне общего понятия деятельности, по отношению к которому его предметными проекциями выступают понятия деятельности в социологии, психологии, языкознании и других науках, так и на уровне понятия деятельности, интерпретированного применительно к определенной научной дисциплине (например, общепсихологическому понятию деятельности, выступающему в качестве объяснительного принципа, могут соответствовать

различные предметные конструкции — личность, сознание, высшие психические функции и т.д.).

Существенные различия можно отметить и в структурировании деятельности в том и другом случае. В схеме объяснения структура деятельности, как уже отмечалось, непосредственно и выполняет объяснительные функции. А в схеме предмета структура деятельности требует специального обоснования, она не может рассматриваться в качестве постулата или просто удобного способа привязки общего понятия к сложившимся в данной области знания методам и способам исследования.

Это различие составляет один из самых трудных пунктов методологического анализа. Поскольку функция, которую выполняет понятие деятельности в каждом конкретном случае, обычно явным образом не фиксируется, постольку не обсуждается и вопрос о типе или характере получаемой структуры деятельности. В результате может получаться так, что структура, выделенная в рамках объяснительной функции, затем без всяких переходов и, следовательно, без необходимого в такой ситуации обоснования начинает фигурировать в качестве структуры предмета изучения. Подобный переход от одной функции к другой может повторяться многократно, и в конечном счете дело запутывается настолько, что уже трудно разобрать, каково реальное функциональное назначение данного варианта структурного расчленения деятельности.

Итак, реально одно и то же структурное представление деятельности способно выполнять одновременно минимум две разные функции. Это создает определенные методологические трудности, особенно ощутимые в тех точках, где выявляется необходимость совершенствования, развития представления о предмете изучения. Но тем не менее сама по себе такая двойственность функций не может считаться чем-то противоестественным. В известном смысле она даже закономерна. В самом деле, любая схема в конечном счете выполняет функции объяснения, независимо от того, выступает ли она в роли структурного каркаса предмета изучения или на правах объяснительного принципа. И если это функциональное различие все-таки фиксируется, то его суть состоит в том, чтобы выявить разницу в способах жизни и развития соответствующих предметных конструкций. Объяснительный принцип, как можно судить, обладает чрезвычайно широким диапазоном действия. Решая в принципе одну главную задачу — привязать определенные мыслитель-

ные конструкции к некоей фундаментальной абстракции, задающей способ понимания и структурирования реальности, — он в рамках этой задачи оказывается методологически неприхотлив и, по существу, от него требуется лишь, чтобы он обеспечивал способ понимания и организации реальности в границах некоторого предмета или их совокупности (из этой минимальности требований, впрочем, не следует простота и, так сказать, невзыскательность объяснительного принципа). Потому-то один объяснительный принцип может выступать в качестве основания нескольких различных предметов изучения, подвергаясь, однако, в каждом случае специфической модификации.

Что же касается схемы предмета изучения, то она, независимо от способа ее происхождения, сохраняет универсальное значение только в рамках своего предмета и может давать достоверные ответы только на те, вопросы, которые законны в этих рамках. Поэтому структурная схема предмета оказывается гораздо более подвижной, изменчивой, а главное — ею далеко не исчерпывается предметная конструкция как таковая. Тут надо заметить, что понятие предмета изучения вообще очень мало разработано в методологической литературе: мы не располагаем пока сколько-нибудь прочными представлениями ни о типах предметов в науке, ни о минимальном наборе необходимых признаков предмета. Но в связи с рассматриваемой проблемой можно утверждать, что по крайней мере одно свойство обязательно для научного предмета: он должен задавать определенную размерность изучаемой реальности, размерность не в смысле неперменного оперирования количественными измерениями (это атрибут лишь определенного типа предметов), а в смысле выделения в этой реальности таких образований, которые позволяют представить ее как логически гомогенную, т.е. задают ей некий масштаб, систему координат.

Частным, но очень важным случаем введения подобной размерности выступает конструирование единиц анализа, адекватных данному конкретному предмету. Примерами единиц анализа могут служить товар в экономической теории К.Маркса, биологический вид в теории Ч.Дарвина, биогеоценоз в экологии и т.д. Эти примеры позволяют указать на то важное обстоятельство, что единицы анализа не могут непосредственно заимствоваться в самой реальности в качестве вещественных отграниченных объектов, но каждый раз являются продуктом мысленного конструирования

(разумеется, отнюдь не произвольного по отношению к реальности). Единица анализа должна быть конструктивной и операциональной, т.е. такой, чтобы с ней можно было работать — накладывать на эмпирический материал и получать гомогенное описание объекта, позволяющее двигаться и в формальной плоскости (в плоскости оперирования знанием). Единица анализа должна обеспечивать привязку как к эмпирии, так и к наличным средствам анализа.

Построить предмет изучения означает, во-первых, определенным образом задать, т.е. выделить и ограничить на основе некоего объяснительного принципа реальность; во-вторых, структурировать эту реальность, т.е. задать ее элементы и связи, повторяющиеся, типологически однородные отношения и узлы отношений; в-третьих, привязать предмет исследования к какому-либо принципу объяснения; в-четвертых, построить единицу анализа, такое минимальное образование, «клеточку», в котором непосредственно представлены существенные связи и параметры объекта (существенные для данной задачи). Само собой разумеется, каждая из этих характеристик является сложным образованием. История изучения деятельности как особого предмета показывает, что и здесь построение подобных конструкций играет важную, нередко решающую роль. Например, в языкознании после выделения в качестве особого предмета речевой деятельности предпринимались попытки построить специфическую единицу этой деятельности, которая включала бы в себя достаточно полную характеристику акта коммуникации как лингвистического явления. Аналогичным образом в социологии было введено понятие социального действия, которое выступило в роли единицы анализа при изучении довольно широкого круга социологических явлений. Понятно, что такая же проблема возникает и перед психологией, хотя здесь ситуация более запутанна.

1. Деятельность и предметное действие

В 1972 и 1974 гг. в журнале «Вопросы философии» был опубликован интересный цикл статей А. Н.Леонтьева, посвященный проблеме деятельности в психологии [14], [15], [16]. В статьях предпринята серьезная попытка осмыслить содержательную и методологическую роль понятия деятельности в психологической науке на современном уровне ее развития. Анализ А. Н.Леонтьева тем более ценен, что он сознательно

обнажает трудности, возникающие в психологической интерпретации проблемы деятельности. И очень примечательно, что трудности эти носят, как правило, методологический характер. Скажем, психологи вынуждены порою объяснять психологические феномены прямыми ссылками на социально-экономические явления (например, рассматривать цели деятельности как продукт разделения труда или — в связи с анализом потребностей — отождествлять деятельность с производством, категорией явно не психологической). Это делается, конечно, в известной мере вынужденно, и прежде всего потому, что еще недостаточно разработана категория деятельности — как в философском, так и в специально-научном аспектах.

Для продвижения вперед такой разработки немалое значение имеет, в частности, уяснение того, что между деятельностью как объяснительным принципом и деятельностью как предметом изучения существует весьма заметная разница. Когда эта разница ускользает от внимания исследователей, — а это бывает не так уж редко, — получается так, что эффективность объяснительного принципа принимается за показатель эффективности предмета изучения, хотя этот последний, возможно, еще даже не построен. Между тем построение предмета изучения — весьма специфическая методологическая работа, конструктивность которой определяется как объяснительным потенциалом положенных в ее основание принципов и понятий, так и операциональностью полученных в предмете единиц анализа. Пока, например, понятие деятельности «работало» в психологии на правах объяснительного принципа, было достаточно изображать ее в трехчленной структуре: деятельность — действие — операция (само это расчленение служило целям специфически психологического изображения деятельности как особой реальности). Когда же деятельность становится предметом изучения, то это структурное расчленение как минимум требует специального обоснования с точки зрения его адекватности и полноты, оно не может просто приниматься на веру. А это ведь только одно из методологических требований, которым должно удовлетворять построение конструктивного предмета изучения. В этом смысле вопрос о превращении деятельности в предмет изучения, о переходе от объяснительного принципа к предмету изучения не может полагаться само собой разумеющимся, но в каждом конкретном случае требует специального методологического обсуждения, если,

конечно, нам не безразлична действительная эффективность создаваемого предмета.

Анализируя применение понятия деятельности в психологии, следует сказать, что переход от одной функции этого понятия к другой не всегда методологически обосновывается. «Двухрядная» схема: деятельность — действие — операция и мотив — цель — условие возникла здесь в контексте объяснительной задачи. Она служила целям психологической интерпретации понятия «предметная деятельность» для объяснения происхождения и сущности психики. Весь смысл этого структурного расчленения определялся тем, чтобы уже известные в психологии реалии представить как порождения и элементы предметной деятельности. Именно поэтому в обоих рядах посередине оказались помещены, соответственно, действие и цель — категории с достаточно ясным психологическим содержанием, уже подвергшиеся (особенно первая из них) операционализации. По-видимому, действие и заключало в себе, так сказать, психологическую квинтэссенцию гораздо более общего понятия предметной деятельности. Во всяком случае, экспериментальные психологические исследования, развернувшиеся на основе этой объяснительной схемы, оперировали прежде всего и главным образом понятием предметного действия. Складывается даже впечатление, что два других «уровня» — деятельность и операция — выполняли в этой объяснительной схеме (а речь сейчас идет только о ней) скорее пояснительную роль, позволяя наиболее естественным образом вписать предмет психологии в систему наук, изучающих человека: понятие деятельности и привязывало этот предмет к социально-философским дисциплинам и одновременно задавало ту более широкую целостность, из которой выводилось и объяснялось предметное действие, а понятие операции ставило психологию в тесную связь с нейрофизиологическими исследованиями и в этом смысле нередко представлялось уже и не вполне психологическим.

Понятие предметного действия оказалось, таким образом, исходным пунктом собственно психологической интерпретации деятельности. Но оно же, вероятно, выступило и источником своеобразной методологической двусмысленности: оно настолько органично вписывалось в практику экспериментальных психологических исследований, что сама его присутствие в объяснительной схеме как бы автоматически придавало этой схеме вид каркаса общепсихологической теории деятельности, т.е., по существу, схемы предмета

изучения. Так в одной схеме совместились две разные методологические функции, и после этого она уже существовала и развивалась как фактически бифункциональная.

Вообще говоря, в самом по себе этом факте нет ничего, что требовало бы оценки в терминах «хорошо» или «плохо». Фундаментальное значение имеет здесь прежде всего то обстоятельство, что эта схема, независимо от ее методологической бифункциональности, работала и продолжает работать в психологии, что она выступила основанием для получения новых научных результатов. Все это твердо свидетельствует в пользу неоспоримой научной состоятельности деятельностной схемы в психологии. Неясности и вопросы в отношении этой схемы начинают возникать совсем по другой линии — в связи с тем, что психологическое исследование в определенных точках сталкивается с ее неполнотой и недостаточностью. И тут исследователь оказывается вынужденным выяснить, что же именно не работает или работает без прежней эффективности — схема объяснения или схема предмета.

Правда, исследовательская практика обычно формулирует этот вопрос для себя несколько иначе. В силу методологической неравноправности двух рассматриваемых нами типов схем усовершенствованию подвергается в первую очередь то структурное изображение деятельности, которое функционирует в качестве предмета изучения. При этом направления совершенствования могут быть самыми разнообразными. Одно из них представлено в работе [11], где специально подчеркивается неизбежность понятия предметной деятельности в качестве объяснительного принципа, а схема деятельности как предмета изучения трансформируется в четырехчленную — за счет введения уровня функциональных блоков. Любопытно, что этот способ трансформации продиктован совершенно определенными задачами инженерной психологии: в отличие от других линий психологического анализа деятельности здесь операция выступает со стороны своей чисто психологической природы, она играет уже не вспомогательную, а во многом центральную роль и потому, естественно, требует расчлененного представления, которое отсутствовало в трехчленной схеме. Этот пример интересен и в том смысле, что он демонстрирует относительную независимость понятия деятельности как объяснительного принципа и деятельности как предмета изучения.

В том направлении изучения деятельности в психологии, которое представлено работами А. Н. Леонтьева, важно отметить два момента: во-первых, выявление тех узких мест (таких, например, как проблема целеполагания), которые пока еще не получают достаточно полной и убедительной интерпретации в рамках трехчленной схемы; во-вторых, указание на необходимость системного истолкования деятельности. Правда, надо подчеркнуть, что А. Н. Леонтьев не видит необходимости пересматривать структурную схему деятельности, считая ее, вероятно, достаточным основанием для дальнейшего развития психологической теории деятельности.

2. Деятельность и операция*

В концепции алгоритмизированного обучения (см. [12a]) деятельность рассматривается как совокупность операций, т. е. под углом зрения специфических процедур, поддающихся алгоритмизации. Основное содержание этой концепции можно представить в виде следующей схемы рассуждения. Всякая деятельность, и прежде всего мыслительная, включает в себя повторяющиеся компоненты; благодаря этому деятельность может быть описана как совокупность определенных последовательностей; последовательности могут быть заданы через предписания; последние делятся на предписания алгоритмического и неалгоритмического типа. Путь рационализации обучения, следовательно, состоит в том, чтобы по возможности задать способы деятельности в алгоритмической форме. Этот процесс, называемый нередко алгоритмизацией обучения, должен охватить в равной мере как деятельность учащихся по усвоению знаний, так и деятельность учителя по передаче этих знаний. Потребность в алгоритмическом описании деятельности возникает в связи с необходимостью более точного и дифференцированного описания ряда педагогических и психологических явлений и процессов и более полного и направленного управления ими.

При такой постановке основной задачи главным предметом, вокруг которого разворачивается весь анализ, оказывается мышление: речь идет о путях эффективного формирования приемов и методов мышления, об алгоритмизации мыслительной деятельности. Известно, что современная наука не располагает единой и общепринятой теорией мышления.

* В данном разделе использован текст, написанный совместно с Д. А. Поспеловым.

Если мышление является тем содержанием, на котором строится все исследование, то неизбежно возникают по меньшей мере два вопроса, требующих ответа: 1) в рамках какого предмета исследования рассматривается мышление? 2) какова исходная теоретическая схема, в которой оно изображается?

Как хорошо известно, современная формальная логика не занимается исследованием мышления, ее предметом является теория вывода. Чтобы исследовать мышление средствами математической логики, надо соответствующим образом представить, изобразить его как расчлененное целое, как структуру, допускающую формализацию. Такого представления не дает концепция алгоритмизированного обучения, предлагаемая Л.Н.Ландой [12a]. Эта концепция строится прямо противоположным образом: отталкиваясь от кибернетических и логико-математических понятий, она пытается применить их к анализу мыслительной деятельности. Как и всякий перенос средств из одной сферы знания в другую, это дает некоторый эффект, позволяет упростить и решить ряд частных проблем, но вместе с тем порождает иллюзию, будто сам по себе перенос обеспечивает построение теории там, где ее прежде не было.

Таким образом, данная концепция не позволяет с определенностью ответить на вопрос: в рамках какой дисциплины рассматривается мышление? По существу, каждая проблема ставится в терминологии и понятиях кибернетики или математической логики, а решение дается на содержательном уровне, т.е. в его основе лежит не фиксируемое явным образом психологическое содержание. В результате логико-кибернетический способ анализа не выдерживается до конца из-за отказа от специфических для этого способа ограничений, а психологический способ не реализуется из-за отсутствия соответствующих понятий.

Если отсутствие фиксированного предмета исследования нельзя чем-либо компенсировать, то исходная схема анализа мышления в этой концепции противоречива. В самых общих определениях мышление трактуется как особая деятельность, т.е. в соответствии с установившимися традициями. Но при переходе к более конкретным проблемам такая трактовка видоизменяется. Мышление как деятельность заменяется мышлением как системой операций, а затем, когда анализ переходит уже на операциональный уровень, система операций подменяется их последовательностью. В других случаях

вместо деятельности выступает сначала поведение, а затем последовательность действий.

Против такой трактовки мышления есть весьма серьезные возражения. Во-первых, мышление не тождественно последовательности операций — достаточно сослаться на мотивационный и эмотивный аспекты мыслительной деятельности. Даже понятие способа мышления не может быть описано чисто операционально, поскольку оно выводится из общего представления о структуре мыслительной деятельности, и его архитекtonика непременно включает в себя содержательные моменты деятельности. Во-вторых, в ряде современных психологических исследований показано, что относительно мышления правомерно говорить лишь о системе операций, а понятие изолированной операции вообще не имеет психологического смысла (см. часть II, гл. IV, §1). Во-вторых, в логико-философской и кибернетической литературе подчеркивается, что законы системного строения не сводятся к законам последовательностей, в том числе и алгоритмических. Поэтому мыслительная деятельность в ходе решения задачи оказывается фактически отождествленной с процессом поиска на заданной лабиринтной структуре, и решение задач может осуществляться либо за счет алгоритмического движения по данному лабиринту, либо за счет более или менее случайного поиска на нем. Однако, как показывают психологические эксперименты, основой решения таких задач является не движение по готовому лабиринту, а процесс создания структурной модели наличной проблемной ситуации, процесс построения системы из совокупности разобщенных между собой дискретных объектов. Не распознавание элементов совокупности по их признакам, а распознавание структуры их отношений лежит в основе решения задач с неизвестной лабиринтной структурой.

Творческая сторона процесса мышления состоит, по-видимому, именно в процессе построения новых информационных моделей проблемных ситуаций, а не актуализации уже имевшихся, заложенных в него моделей такого рода.

3. Деятельность и поведение

Иные психологические аспекты деятельности выявляются в тех психологических концепциях, которые видят в исследовании поведения специфическую форму выражения предметной деятельности, основную теоретическую схему и

предмет психологии. Научное изучение поведения началось, по существу, лишь в конце XIX в. Первоначально объектом исследования было поведение животных, а в нем основной интерес вызывал механизм взаимодействия биологического индивида и окружающей среды. Этот механизм объяснялся на основе классической рефлексорной теории, согласно которой поведение представляет собой совокупность рефлексов, а каждый конкретный акт поведения рассматривается по принципу рефлексорной дуги — как реакция организма на внешний стимул. Такой подход позволил выявить физиологические основы поведения и ряд его нервно-пусковых механизмов; в итоге сформировалась концепция организма как реагирующей системы, которая строит свое поведение под действием внешних стимулов. Более широкую биологическую трактовку поведение получило в связи с развитием этологии и других близких ей дисциплин (прежде всего зоопсихологии и генетики поведения). Этологические исследования позволили установить, что общая схема поведения животных складывается из двух основных компонентов — относительно жесткой структуры, передаваемой наследственным путем, и надстраиваемых над ней функциональных схем поведения, приобретаемых в опыте и научении. Основной формой выражения наследственного поведения являются врожденные инстинкты, тогда как функциональные схемы поведения включают в себя элемент субъективной оценки ситуации (у высших животных существенную роль здесь играют элементы рассудочной деятельности, в частности, способность экстраполировать прежний опыт на новые ситуации). Следующий шаг в изучении физиологических аспектов поведения был связан с рассмотрением организма как автономной, активной функционирующей системы (важную роль здесь сыграли работы советских физиологов Н.А. Бернштейна и П.А. Анохина); поскольку рефлексорная теория не объясняет активного характера поведения, постольку схема рефлексорной дуги заменяется схемой рефлексорного кольца, позволяющей более глубоко поставить вопрос об общих нервно-психических принципах организации и регулирования поведения. Предметом изучения в физиологии активности становятся внутренние структуры и процессы организма, обеспечивающие реализацию поведения (построение в мозгу животного моделей ситуации и потребного будущего, осуществление «опережающего отражения» и корректировки поведения и т.д.).

В изучении поведения животных помимо организменного получают развитие и другие уровни анализа — надорганизменные (поведение популяций и сообществ, видоспецифические аспекты) и суборганизменные (поведение на уровне клеток, тканей, органов). Исследуются как внешние формы поведения, так и разнообразные механизмы его построения и реализации (например, врожденные пусковые механизмы, обеспечивающие «срабатывание» типичных схем поведения и широко изучаемые в этологии, способы ориентации животных в пространстве и времени, эмоциональные механизмы поведения и т.д.). Главную роль здесь играют наследственные структуры группового поведения, весьма разнообразные по направленности (от агрессивности до альтруизма) и существенно влияющие на характер и прочность связей в сообществах животных. Изучение этого круга проблем позволило установить, что само поведение является объектом и вместе с тем участником биологической эволюции, оказывающим заметное воздействие на ее темпы и результаты. В современной науке в изучении поведения животных интенсивно накапливается огромный эмпирический материал и выдвинут ряд теоретических обобщений, однако единая интерпретация этого эмпирического материала пока отсутствует.

В ряде направлений психологии поведение выступает как одна из основных категорий. Первоначально бихевиоризм вообще сводил исследование психики к изучению поведения по схеме «стимул — реакция», пренебрегая теми звеньями системы поведения, которые лежат между стимулом и реакцией и формируют поведение. Это пренебрежение вело к игнорированию специфики поведения человека по сравнению с поведением животных, определяемой социальной природой человека и его сознательным участием в общественно-полезном труде. В современной психологии в качестве центральной обычно принято рассматривать категорию не поведения, а деятельности. В рамках такого подхода поведение выступает как внешнее выражение предметной деятельности. Понятие деятельности включает в себя психическую активность отражения в единстве ее аффективной (эмотивной) и познавательной сторон, подчеркивает структурную устойчивость, целесообразную организацию системы действий, т.е. познавательные аспекты, логику замысла и его реализации. Понятие поведения фиксирует такие формы самовыражения психики, которые менее жестко связаны с интеллектом, но зато более непосредственно зависят от

эмоционально-волевой и ценностной сфер сознания; поэтому акты поведения в системе деятельности занимают место отдельных звеньев, моментов, форм, но вместе с тем аккумулируют в себе внутреннее отношение субъекта к самой деятельности и благодаря этому влияют на ее общую оценку.

Это различие поведения и деятельности еще более резко выступает в социологии и социальной психологии. Если деятельность является преимущественно социально-философской категорией, то понятие поведения используется при характеристике не всегда осознаваемых форм и стереотипов самовыражения индивида в социальном окружении, усваиваемых им в процессе социализации.

Как показывает практика, в конкретных социологических исследованиях наиболее адекватным для выражения активности индивида оказывается понятие «социального действия», образующее своего рода «клеточку» социологического анализа, в частности и потому, что оно позволяет объединить содержание понятий поведения и деятельности.

4. Деятельность и творчество^А

Один из важнейших аспектов психологического исследования деятельности, который в последнее время стал предметом новой научной дисциплины — психологии творчества, в частности, научного творчества, связан с анализом творческой деятельности, с выявлением «параметров» творческого труда в различных сферах духовного производства. Если попытаться определить предмет психологии научного творчества и лежащие в его основе исходные теоретические расчленения, то сразу же обнаруживается, что в этой формирующейся научной дисциплине отсутствуют единые для всех исследователей расчленения такого рода, а вместе с ними отсутствует и общепринятый критерий, на основе которого можно было бы определить объект исследования и его границы.

Для идентификации объектов исследования в таких случаях обычно прибегают к эмпирическим критериям. При этом точно не определяется, в каких исходных расчленениях (связях, закономерностях и т.д.) берется объект исследования, указывается лишь некоторая совокупность его морфологических и функциональных характеристик, более или менее

^А Данный раздел был написан в соавторстве с Н. Г. Алексеевым.

одинаково трактуемых различными исследователями. Указание этих характеристик и является равносильным заданию совокупности соответствующих исследований, эмпирическому очерчиванию их предмета. Для психологии научного творчества такие характеристики выглядят примерно следующим образом: исследуется ученый, процессы его мышления (либо, более широко, деятельности), условия протекания этих процессов, личностные характеристики работника науки, особенности научных коллективов и т.д. Чтобы отделить собственно психологический аспект исследования от других возможных (логического, социологического, философского и т.д.), к сказанному нужно добавить, что такие исследования психологи ведут средствами, свойственными этой науке [6], [22], [23], [19].

На первый взгляд представляется, что при таком определении задача выделения области соответствующих исследований решается сравнительно просто. Однако возможная здесь иллюзия разрушается, если поставить довольно-таки очевидный вопрос: относятся ли, скажем, исследования продуктивного мышления (когда у испытуемых — не профессиональных ученых — в ходе эксперимента появляются новые для них знания, приобретаются новые умственные навыки и умения) к разряду психологических исследований научного творчества? Если на этот вопрос дать отрицательный ответ, то он вряд ли будет убедительным. Ведь даже в работах, которые, казалось бы, полностью удовлетворяют обсуждаемому эмпирическому критерию отбора «по объекту», фактически используются основные идеи, заимствуются методики из исследований, где объектом является отнюдь не ученый-творец. Сомнения становятся еще более сильными, если речь идет об изучении не интеллектуальных процессов, а личности.

Против критерия «по объекту» можно выдвинуть и другие аргументы. В частности, на его основе невозможно отличить собственно психологический аспект исследования от других, ибо здесь налицо своеобразное перекрещивание, взаимопроникновение и взаимоискусствование в одном и том же исследовании как психологических, так и логических, социологических, философских идей, задач и методов.

Все это, на наш взгляд, убедительно показывает недостаточность и даже невозможность чисто «объектных» конструкций предмета психологии творчества, т.е. конструкций, ориентированных исключительно на «объективную»

регистрацию имеющегося, на «инвентаризацию» уже полученных результатов. Альтернативой же такого рода конструкциям является подход, основанный на специальной и сознательной выработке исходной позиции исследования, на конструировании такой позиции и вытекающего из этого понимания предмета исследования. Рассмотрение материала других исследований выступает тогда не как средство дать информацию, а как особая методологическая задача, связанная с анализом приемов, способов и методов работы других исследователей и предусматривающая прежде всего развитие и уточнение исходной позиции, отбор материала и его оценку.

Попытаемся теперь кратко охарактеризовать то, что мы считаем адекватными исходными принципами изучения научного творчества.

Как известно, советская психология наиболее последовательно проводит установку на общественную, социальную детерминацию психических феноменов [8], [9], [22], [34]. Общий тезис о культурно-исторической детерминации психики предполагает, что при анализе деятельности, в том числе и психологическом, должен учитываться тот исторический контекст, в котором сама эта деятельность совершалась. Для обеспечения этого необходимо, на наш взгляд, ввести особое, специально для этой цели построенное представление о структуре научной деятельности.

Отличительной чертой психологических схем деятельности является то, что это всегда, как правило, схемы процесса. Это обстоятельство фиксируется и чисто внешним образом, терминологически: в психологии говорят о процессе творчества, процессе деятельности или действия. Акцент на процесс полностью определяет возможные категориальные структуры этих схем, а через них и «инструментальную» часть — направленность и методики исследования.

Процесс всегда есть нечто протекающее во времени, всегда есть последовательность. Из общей категориальной структуры понятия процесса и соподчиненных ему понятий логически вытекает представление о стадиях процесса, т.е. о его последовательных частях. Аналогичную функцию отрезков временной последовательности несут и такие термины, как «этап», «период» и т.д. Целостная характеристика процесса задается внешне, через его соотношение с чем-то другим, а его внутренняя определенность — посредством введения стадий.

Сказанное легко подтвердить, если обратиться к психологическим схемам, на основе которых исследуются мышление, познание и другие феномены деятельности: во всех этих схемах категория процесса является центральной; главное состоит в том, чтобы показать, как «протекает процесс», каковы его закономерности и т.д. Так, категория процесса является центральной в известной схеме Уоллеса, выделившего четыре стадии творческого процесса: стадию подготовки научного открытия, его созревания, внезапного озарения и последующей проверки или осознания. М. Г. Ярошевский справедливо отметил, что последующие описания творческого процесса (Гизелин, Крис, Арнгейм) воспроизводили в различных вариантах и с различными коррективами схему Уоллеса [34]. По-видимому, иначе и не могло быть, поскольку речь идет об описании процесса. Можно сказать, что Уоллесом был задан способ понимания и видения материала, его первичное и основное расчленение и организация. Этот способ анализа фактически воспроизводится в более поздней схеме Д.Миллера, Ю. Галантера и К. Прибрама [17], где в качестве основной выступает последовательность «проба — операция — проба — результат» и которая (за исключением четвертого компонента схемы) есть последовательность развертывания (или прохождения) стадий во времени. Различия самих по себе стадий в этих двух случаях применительно к рассматриваемой проблеме не меняют сути дела. На такую же в принципе схему опирается и О.К.Тихомиров, выделяя «структурные единицы деятельности по решению задач» — попытку, обследование и переобследование ситуации и т.д. [28].

Использование схемы процесса нацеливает на определенный подход к описанию эмпирических случаев и благодаря этому служит средством упорядочивания такого описания. Правда, из-за слишком жесткой привязки к временной последовательности недостатком некоторых из этих схем считали то, что они идут вслед за описываемым материалом, эмпиричны и не вскрывают механизма анализируемой действительности. Однако задача исследователя как раз состоит в том, чтобы внести известную упорядоченность в описание некоторого фактического материала, а для раскрытия же механизма схема процесса и не предназначена. Насколько же схема процесса дает возможность учесть исторический контекст совершения открытия, контекст, в котором осуществляется научная деятельность? Без детального анализа

очевидно, что в принципе для этой цели она не приспособлена: давая способ описания деятельности в чистой хронологии, эта схема остается слишком абстрактной и внешней по отношению к описываемой с ее помощью деятельности.

Интересно отметить, что схема процесса в значительной мере определяет инструментальную часть, способы и приемы соответствующих исследований. Возникнув как эмпирическое описание, полученное психологами из высказываний деятелей науки и искусства, она имела своей базой самонаблюдение. Если это были факты повторных самонаблюдений, то в них переживались, а затем вновь регистрировались этапы или стадии, соответствующие имеющейся конкретной схеме. Если это были наблюдения со стороны (наблюдения психолога над деятельностью ученых), то выделялось и регистрировалось прежде всего то, что впоследствии можно было уложить в последовательные, причем вполне определенные, этапы, соответствующие имеющемуся у данного психолога представлению о процессе. Если изучались тексты и биографические материалы, то опять-таки внимание исследователя, подборка и расположение материала диктовались представлениями о стадийности процесса.

Стадиальные психологические описания творчества, в том числе и научного, хотя и составили значительный по времени этап в развитии исследований творчества, тем не менее сейчас оказались оттеснены на второй план. Их влияние прослеживается лишь косвенно, в фактах переноса некоторых исходных членений схемы процесса. Как уже говорилось, такая схема присуща работе О. К. Тихомирова [28], ее следы заметны также в исследованиях В. Н. Пушкина [25] и некоторых других. В то же время в этих исследованиях симптоматично появление нового момента: попытки представить деятельность в деятельностных же компонентах, в их субординации безотносительно к порядку их следования.

Итак, исходя из представлений о процессе, нельзя построить схему научной деятельности, позволяющую учесть контекст, в котором совершается эта деятельность. Выход, на наш взгляд, заключается в отказе от представления деятельности как протекающего во времени процесса. Только таким образом можно перейти к исследованию структуры и механизмов научной деятельности, т.е. к представлению ее как совокупности функциональных составляющих, для которых следование друг за другом не имеет решающего

значения и которые объединяются связями принципиального иного порядка.

Первый тип этих специфических связей образуют связи порождения, второй — связи управления и регулирования, с одной стороны, и связи корректировки — с другой.

Отсюда, в частности, вытекает, что схеме деятельности нельзя изобразить посредством отрезков одной линии: необходимо надстраивать их друг над другом; указанные связи управления, регулирования и корректировки можно отобразить, введя разнонаправленные стрелки между этими отрезками. Получающееся графическое изображение (схема 1) дает как бы абстрактное выражение категориальной структуры представления о деятельности.

Схема 1

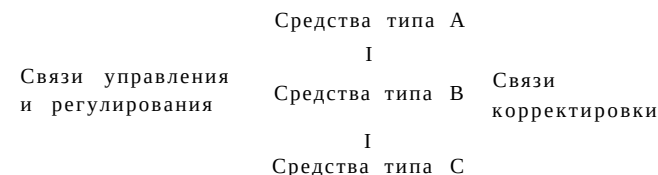
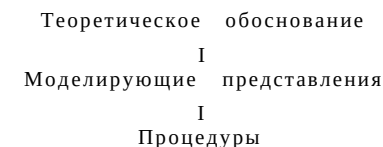

Схема построена на принципе иерархии употребляемых в исследовании средств. Сколько типов средств будет выделяться, каковы будут эти типы, зависит от конкретного наполнения схемы. Принцип конструкции по иерархии средств отличает эту схему от других, построенных с иной целью представлений деятельности вообще и научной деятельности в частности. На основе схемы 1 вводится более конкретное, хотя, конечно, также очень упрощенное представление о структуре научной деятельности (схема 2).

Схема 2

Через совокупность процедур можно описать любое исследование. Однако его смысл к этому не сводится; важно еще понять, почему применены те или иные процедуры, на чем вообще зиждется их применение, каким образом их

последовательность организуется в некоторую целостность и т.д. Все эти моменты в описании могут не фиксироваться, но их наличие обязательно, так как без них последовательность процедур остается неорганизованной. Они необходимы как потребителю научного продукта, так и его создателю: первому — для понимания научного продукта, второму — для его построения.

Моделирующие представления обеспечивают целостность последовательности процедур и могут содержать некоторые обоснования на этот счет. Подобные схемы, как правило, замыкаются на некоторый образ материальных предметов и связей между ними, задают объект исследования.

Выводы из исследований, опирающихся на моделирующие представления, в конечном счете обосновываются и приводятся в целостную систему согласно некоторому заранее принимаемому основному правилу, закону, принципу и т.д. Это могут быть, например, схемы «стимул — реакция», правило перебора вариантов, закон эффекта и т.д. Этот закон или принцип составляет то, что можно назвать теоретическим обоснованием. Соотношение теоретического обоснования с моделирующим представлением сходно с отношением последнего к процедурам: в том и другом случае вышележащие средства управляют нижележащими, но вместе с тем могут и порождаться или корректироваться ими.

Особо следует подчеркнуть, что типы средств различаются между собой прежде всего функционально, а не по составляющему их «веществу», не субстанционально.

Приведенная выше схема структуры научной деятельности чрезвычайно огрублена и упрощена. Но и в таком виде она позволяет пояснить ряд весьма существенных, с нашей точки зрения, моментов научного творчества, исходя из идеи культурно-исторической детерминации.

Во-первых, акцент здесь падает на предметное содержание научной деятельности, а не на внешние для этого содержания характеристики, связанные с процессом осуществления деятельности, — озарение, попытку, переобследование и т.д. Именно на этих средствах и их связи легче всего проследить зависимость деятельности от определенного исторического контекста. Описание этих средств невозможно без обращения к истории соответствующих научных дисциплин; само это описание фактически равнозначно реконструкции историко-научного материала под определенным углом зрения.

Во-вторых, эта схема деятельности обязательно предполагает человека как своего носителя. Известно, что в целом ряде задач введение идеи деятельности связано с полным отвлечением от каких бы то ни было характеристик осуществляющего эту деятельность индивида, в лучшем случае — с представлением об индивиде лишь как о месте или системе мест, которые должны быть заполнены. В нашем же случае деятельность представлена прежде всего как деятельность индивида. Достигается это за счет введения в систему средств такого их специфического типа, как моделирующие представления. Они даны в двух связях: с теоретическим обоснованием и с процедурами. Этим обуславливается специфичность рассмотрения как тех, так и других. Скажем, само по себе теоретическое обоснование, вообще говоря, может рассматриваться в самых различных аспектах: в отношении с эмпирическими исследованиями, в отношении к практике, с точки зрения истинности и т.д. Вводя связку «моделирующие представления — теоретическое обоснование», мы отвлекаемся от всех этих проблем и делаем акцент на другом: как теория выступает для действующего человека. То же самое можно сказать и относительно связки «моделирующие представления — процедуры». Важно, что для данной схемы безразлично, будет ли этим человеком отдельный ученый с присущими ему специфическими способами действия или «усредненный» индивид, представитель школы, направления или времени.

В-третьих, даже столь простая схема открывает возможность рассортировать, типологизировать акты творческой деятельности исходя из некоторого единого формального основания. Это значит, что возможные основания типологизации задаются здесь (как и во всякой теоретической классификации) не простым эмпирическим перебором, а самой схемой. Иллюзия, будто можно построить типологию актов творчества или их продуктов эмпирически, обращаясь «только к практике», имеет своим результатом лишь непроработанность, неотчетливость исходного представления о научной деятельности, за которым все равно сохраняется решающая роль в построении типологии.

Трем элементам схемы соответствуют и три основных типа научной деятельности (в реальном процессе исследования они могут быть представлены как в едином его акте, так и раздельно).

Первый тип научной деятельности наблюдается тогда, когда при сохранении одного и того же моделирующего представления и не затрагивая имеющегося теоретического обоснования происходит изменение в процедурах деятельности. Несомненно, есть все основания считать творческим такой «процедурный» тип научной деятельности. Нередко благодаря изменениям процедурного состава исследования меняются как моделирующие представления, так и последующие теоретические обобщения. Из истории науки хорошо известно, что многие выдающиеся открытия были сделаны при конструировании новых приборов, при изменении методики исследования и т. д.

Второй тип научной деятельности связан с движением в моделирующих представлениях, с которыми, в частности, связано изменение организации исследования. Творческий характер научной деятельности на уровне моделирующих представлений очевиден и не требует специального обоснования.

То же следует сказать и о третьем общем типе научной деятельности — о движении в плоскости теоретического обоснования. Изменения в этой области нередко ведут к кардинальному изменению всего строя науки.

Мы уже отмечали, что посредством объяснительных схем, в частности схемы деятельности, задается предмет исследования, определяется то, что мы ищем при анализе «данного» нам эмпирического материала. Определение «видения» материала, способов работы с ним детерминируется актом наложения на него соответствующей схемы. Она «вырубает», очерчивает то, с чем далее происходит работа. Материал через схему предстает не хаотически, а как нечто определенным образом организованное и упорядоченное. Тем самым определенная схема (или синтез нескольких схем) выступает в качестве средства ассимиляции материала. В этом — основная функция таких схем.

Наложение схемы «деятельности» осуществляется несколько иным способом, чем в случае со схемой «процесса». На одно из различий мы уже указывали, говоря о том, что схема процесса предполагает только понимание (да и то не всегда) содержания анализируемой деятельности, для схемы же деятельности необходим анализ этого содержания.

Второе отличие состоит в том, что схема деятельности при анализе творчества фактически должна накладываться

на материал дважды: в рамках социально-культурного и в рамках индивидуального подхода.

Анализ деятельности с точки зрения ее средств до определенного момента возможен при отвлечении от индивида, от присущих ему особенностей действия, личностных характеристик и т. д. Но как только мы переходим к рассмотрению того, как совершилось то или иное конкретное изменение в системе научных знаний, эта абстракция оказывается недостаточной и становится необходимой апелляция к индивиду, несущему, реализующему и развивающему знание. Без этого нет собственно психологического подхода к научному творчеству. Но каким образом учесть и выразить индивидуальные особенности творческой деятельности?

Если последовательно проводить единый взгляд на деятельность, то решение проблемы можно представить следующим образом. Развитие познания и как социально-исторический процесс, и как процесс, осуществляемый тем или иным индивидом, в принципе может быть описано на основе единой в каких-то решающих пунктах схемы деятельности. Но конкретное «наполнение» и модификации этой схемы применительно к социальному и индивидуальному аспектам деятельности, как правило, будут оказываться

0

несовпадающими, причем несовпадение может касаться всех трех типов средств. Именно факт такого несоответствия и является общим условием возможности творческого акта, а ликвидация этого несоответствия образует то «дельта-приращение» в общей системе научного знания, которое осуществляет тот или иной ученый.

Необходимо, таким образом, четко различать исследования, направленные на анализ «контекста» науки в соответствующую эпоху, и исследования пути, пройденного ученым, открытие или деятельность которого мы анализируем. В первом случае главным является изучение текстов, инструментария науки, а также культурной среды; во втором — анализ биографических документов, различного рода свидетельств, воспоминаний, мемуаров, переписки и т. д.

Итак, в качестве основных противостоящих друг другу нами были различены две схемы: схема процесса и схема

¹⁴ Укажем хотя бы на то обстоятельство, что схемы индивидуальной деятельности всегда шире, чем схемы для соответствующей научной дисциплины или отрасли науки, поскольку в них аккумулируется весь накопленный индивидом жизненный опыт, который всегда далеко превосходит по своему разнообразию и содержанию соответствующие средства науки.

деятельности. При этом мы учитывали условность подобного разделения, тот факт, что реальный ход движения мысли исследователя творчества (психолога любого направления) неминуемо включает использование как той, так и другой схемы. Действительно, анализируя процесс творчества, психолог, даже если он стремится уйти от рассмотрения деятельности, все-таки должен иметь некоторые представления о ней. Любой процесс творчества есть в конечном итоге процесс определенной деятельности. Разница лишь в том, насколько это осознается. Но при всех условиях примат схемы процесса как бы маскирует тот факт, что речь всегда идет о процессе некоторой деятельности. Это выражается прежде всего в факте тщательной разработки представлений, базирующихся на схеме процесса, при практическом отсутствии специальной разработки представлений, основанных на схеме деятельности. Выделяются различные этапы и стадии, т. е. процессуальные характеристики; в стороне остается различие средств, т. е. деятельностные характеристики. Тем самым и создается иллюзия, будто изучение средств находится вне сферы психологии. Но это действительно иллюзия, поскольку в каждом конкретном случае можно показать, каким образом различие в понимании деятельности результируется в различии устанавливаемых процессуальных характеристик: схема деятельности фактически предшествует схеме процесса, последняя в своем применении накладывается на первую, точнее, на материал, уже преобразованный наложением первой схемы.

В обоих случаях — как со схемой процесса, так и со схемой деятельности — возникают затруднения в экспериментальном обосновании выводов. Дело здесь в том, что творческий акт во всех его мельчайших подробностях (а они порой играют решающую роль) вызвать нельзя. Вероятнее всего, именно поэтому в настоящее время, говоря о роли такого эксперимента, указывают, что с его помощью достигается «моделирование» творческого акта, подразумевая, что воспроизведению подлежит не весь он в целом, а лишь отдельные, заранее гипотетически выделенные его связи и отношения. Тогда эксперимент выступает в функции средства подтверждения (или, наоборот, опровержения) характера выделенной связи или отношения, а также средства корректировки и уточнения отдельных деталей выдвигаемых положений или гипотез.

Эта функция присуща экспериментальному исследованию творчества как в схеме процесса, так и в схеме деятельности, хотя реализуется она по-разному. Поскольку моделирование означает прежде всего абстракцию от целого ряда особенностей реальных творческих актов, постольку очевидно, что чем от большего количества параметров мы абстрагируемся, тем легче осуществить само моделирование. С этой точки зрения сопоставление схемы процесса и схемы деятельности показывает, что моделирование во втором случае осуществляется значительно труднее, чем в первом.

Теперь с учетом результатов предыдущего изложения, можно перейти к анализу «инструментального аспекта» психологических направлений, изучавших творчество.

Любая конкретная работа некоторого направления обычно бывает частичной, решает лишь одну из подчиненных задач направления в целом. Столь же частичны и употребляемые в ней средства исследования. При анализе же направления основной акцент падает на последовательность решаемых задач, определяемую основными схемами и представляющую собой то, что можно назвать необходимыми этапами исследования в том или ином направлении, его основной стратегией. Таким образом, под стратегией мы будем иметь в виду определенную последовательность ряда функциональных этапов (этапов по реализации той или иной функции) в каждом из направлений психологического изучения творчества. Каковы эти этапы — всегда определяется основными схемами или (что в данном случае одно и то же) сходными расчленениями данного направления.

Анализ различных направлений в исследовании творчества предполагает выявление стратегии исследования, принятой в данном направлении; критику этого направления с точки зрения предложенной нами общей схемы; постановку проблемы. Понятно, что указываемая в этой схеме критика не имеет своей целью представлять соответствующие направления в виде цепи злоключений и ошибок. Речь идет прежде всего о различии задач и о невозможности решить поставленную нами задачу на основе расчленений, принятых в соответствующем направлении. Критика обязательно предполагает также ассимиляцию критикуемой концепции, присвоение достигнутого в ней для обогащения собственной точки зрения. Такая ассимиляция, естественно, возможна только на основе трансформации накопленного материала, на осно-

ве выделения потенциально содержащейся в нем проблемы. Последнее и составляет третий пункт — постановку проблемы²¹.

* * *

Мы рассмотрели лишь малую часть вопросов, касающихся трансформации деятельности из объяснительного принципа в предмет научного изучения. Этот предварительный по своему существу анализ преследовал одну основную цель — показать, что процесс превращения деятельности в предмет изучения лишь до известных пределов может совершаться спонтанно, без систематического контроля со стороны методологической рефлексии. В ходе развертывания нового и очень необычного предмета, каковым является деятельность, довольно быстро обнаруживается, что очерченные первоначально границы этого предмета требуют пересмотра, что в силу разнородности проявлений деятельности теоретический анализ в какой-то точке утрачивает логическую гомогенность. Все это сказывается на целостности предмета изучения, который утрачивает прежнюю монолитность и конструктивную завершенность: возникает необходимость в новых, дополнительных основаниях целостности. Под давлением этой главной причины к изучению деятельности начинают привлекаться принципы системного подхода³¹. Переход от объяснительного принципа к предмету исследования, использование методологических принципов системного подхода в психологическом изучении деятельности предполагает вычленение единиц анализа, адекватных для той или иной научной дисциплины, для того или иного «среза» в анализе деятельности.

Мы уже видели, что в психологических исследованиях, ориентированных на деятельностный предмет, центральное место занимало (и в значительной степени продолжает занимать) понятие предметного действия. Оно-то фактически и выступило в роли единицы анализа. Но статус этого понятия, и именно в качестве единицы, не вполне ясен. С одной стороны, наряду с предметным действием в психологии на правах единицы выступает и понятие операции

(мы опять-таки имеем в виду не всю психологию, а только ту ее линию, которая опирается на принцип деятельности). С одной стороны, в трехчленной структуре деятельности свое особое место занимают такие категории, как мотив, цель и условие; сам по себе этот факт склоняет к выводу, что побудительные, «энергетические» компоненты структуры психики не включаются в состав единиц анализа и, следовательно, должны образовывать особый ряд единиц. В итоге мы оказываемся перед ситуацией, когда впору вести речь о создании своеобразной психологической таксономии, чтобы упорядочить систему единиц, употребляемых в рамках даже в целом единого психологического направления. Иначе, конечно, трудно вести речь о соблюдении единой размерности в системе психологического исследования. К этому надо добавить, что такая фундаментальная единица, как предметное действие, пока еще сильно нуждается в более основательном внутреннем структурировании: во-первых, не очень ясен ее стандартный состав (что, в свою очередь, в значительной степени объясняется недостаточной проработанностью в психологическом плане категории предметности), во-вторых, необходимо более жесткое и четкое представление об устойчивых связях предметного действия с деятельностью и с операцией; в-третьих, аналогичная система связей должна быть фиксирована по отношению к побудительным компонентам психики.

²¹ В работах, осуществленных автором совместно с рядом советских психологов и философов (Н.Г.Алексеевым, В.А.Лекторский, В.Н.Садовским и др.), были проанализированы различные стратегии психологического исследования научного творчества — в гештальтпсихологии, в концепции Ж. Пиаже.

³¹ Об этом подробнее см. [32].

Глава пятая

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ КАК ПРЕДМЕТ ПРОЕКТИРОВАНИЯ В ЭРГОНОМИКЕ

Эргономика — наука, которая занимается комплексным изучением и проектированием трудовой деятельности с целью оптимизации орудий, условий и процессов труда. Анализ предметной области и методов эргономики позволяет отчетливо увидеть феномен, очень любопытный в методологическом отношении, — специфику и трудности становления новой научной дисциплины, удивительно современной по своему характеру.

Хотя термин «эргономика» был предложен польским естествоиспытателем В. Ястшембовским еще в 1875 г., научной дисциплиной, в которой проводятся систематические исследования, она стала только со второй половины XX в. Менее чем за четверть столетия эргономика превратилась в науку, которая располагает целым рядом международных организаций, периодических и полупериодических изданий. Современные эргономические исследования развиваются на чрезвычайно разнообразном конкретном материале. В подавляющей своей части они носят подчеркнуто прикладной, практический характер, будучи непосредственно привязаны к задачам оптимизации трудовой деятельности человека, особенно в условиях его взаимодействия со сложнейшей современной техникой.

Если судить по современной эргономической литературе, то эргономика в своем развитии достигла такого рубежа, когда перед нею встала задача методологического самоопределения, т.е. уточнения ее статуса в качестве научной

дисциплины. Более конкретно речь идет о том, останется ли эргономика чисто прикладной дисциплиной, фактически не располагающей своим особым теоретическим базисом, или она пойдет по пути создания такого базиса и, следовательно, превращения в научную дисциплину традиционного типа. Надо с самого начала подчеркнуть, что эта альтернатива не должна рассматриваться в оценочном плане: в современном познании и практике вполне мирно уживаются весьма разнообразные типы научного знания, и каждый из них опирается на свою собственную систему обоснования. При этом в принципе не имеет значения, как строится такое обоснование — в соответствии с требованиями классической науки или с привлечением соображений чисто практического, прикладного порядка.

Едва ли подлежит сомнению, что до последнего времени эргономика развивалась исключительно как прикладная область знания. Это означает, во-первых, что практически весь массив ее проблем возникал как прямое следствие запросов со стороны определенных сфер практики, прежде всего практики современного автоматизированного производства. Между тем в науках теоретического плана решающее значение в постановке и развитии проблематики имеют соображения, которые принято относить к области внутренней логики науки: иными словами, порождение и развитие проблем осуществляются здесь как результат разрывания и развития исходного теоретического предмета.

Во-вторых, чисто прикладной характер носили и результаты эргономических исследований: свое собственное эргономическое содержание они обнаруживали на уровне принципов и рекомендаций, т.е. в виде нормативного знания, призванного непосредственно обслуживать те или иные сферы практики (прежде всего практики проектирования). Что же касается дескриптивного знания в эргономике, то его роль сводилась фактически исключительно к обоснованию принципов и рекомендаций средствами определенных научных дисциплин. В этом смысле развитие эргономики не было связано с приращением знания, которое в науковедческой литературе принято относить к разряду фундаментального. Действительно, даже самые обстоятельные и систематизированные труды в этой области не содержат, например, каких-то фундаментальных законов, сформулированных в ходе эргономических исследований.

Все это, конечно, не значит, что эргономика вообще не связана с постановкой и решением проблем теоретического порядка. Сколь бы прикладной ни была эта дисциплина, она все же не представляет собой простой проекции научных данных, полученных в базовых дисциплинах, на определенные сферы практической деятельности. Если бы это было так, то вряд ли состоялось бы само возникновение эргономики. С методологической точки зрения суть дела заключается в том, что психологическое, физиологическое, эстетическое и т.п. знание, как оно создается в соответствующих дисциплинах, само по себе не приспособлено к решению задач оптимизации человеко-машинных систем. Чтобы достигнуть такого приспособления, необходим особый посредник — особая область знания, которая привносит в практику необходимые последние элементы научного подхода.

В принципе такого рода посредничество — не редкость, особенно в условиях научно-технической революции. В подобной роли выступает, по сути дела, весь комплекс инженерно-технических дисциплин. Казалось бы, и эргономику проще всего рассматривать в этом ряду, т.е. видеть в ней инженерную дисциплину со всеми вытекающими отсюда методологическими следствиями. Это, однако, невозможно в силу по меньшей мере двух принципиальных соображений. Во-первых, эргономика возникает на очень нетривиальном «участке» практики: не в сфере техники и не в сфере человеческого фактора самого по себе, а в точке их пересечения (эта сторона вопроса очень обстоятельно описана в эргономической литературе). Во-вторых, именно благодаря этой нетривиальности объектной области эргономика вынуждена с самого начала опираться не просто на комплекс базовых дисциплин, но на комплекс чрезвычайно разнородных дисциплин, которые не поддаются непосредственной стыковке. Поэтому эргономика сохраняет некоторые черты сходства с инженерными дисциплинами, однако в ряде моментов существенно от них отличается.

Главное методологическое отличие заключается в том, что эргономическое знание подчинено особой, очень специфической форме организации. «Обычное» прикладное знание строится как определенная совокупность следствий из теоретических положений базовой дисциплины. Эргономика же вынуждена объединять знания, полученные несколькими весьма разнородными дисциплинами. На практике дело часто обстоит таким образом, что эти знания получают и увязывают

на основе некоторых чисто эмпирических критериев, которые в целом соответствуют более или менее ясно определенному понятию эргономичности. Именно в этом пункте — в формулировании критериев и их использовании — и начинается собственно эргономический подход.

Это создает очень своеобразную методологическую ситуацию. По отношению к базовым дисциплинам эргономика выступает в роли потребителя их методов и общих концептуальных представлений, но сама она непосредственно не вносит вклада в их развитие: если при решении эргономической задачи возникает, например, инженерно-психологическая проблема, которая требует хотя бы и минимального развития инженерно-психологического знания, то такое развитие осуществляется в рамках инженерной психологии, а не эргономики (совершенно независимо от того, что некое конкретное исследование подобного рода может выполнить профессиональный эргономист, — в таком случае он выступает в функции инженерного психолога). Таким образом, эргономика «потребляет» знания и методы базовых дисциплин и выступает по отношению к ним в роли заказчика, стимулирующего решение тех или иных проблем, но при этом используемые ею знания не теряют печати своего происхождения: будучи использованы при решении эргономической задачи, они от этого не становятся эргономическими знаниями в узком смысле слова.

Собственно эргономике, и только ей, принадлежит формулирование эргономических критериев для определенных классов технических систем. Как показывает развитие эргономики, такие критерии вырабатываются в настоящее время на основе соединения ряда практических и общетеоретических соображений, относящихся к эффективности, надежности, безопасности, комфорту и иным факторам эксплуатации технических систем. Такая постановка проблемы, между прочим, позволяет уточнить вопрос о месте системного подхода в развитии эргономики. Часто системность эргономики усматривают прежде всего в том, что эргономическая задача требует объединения усилий специалистов, представляющих разные области знания. Это, конечно, справедливо, но суть дела, по-видимому, к этому не сводится. Более того, само такое объединение фактически выступает как следствие решения другой проблемы, действительно системной, — проблемы критериев эргономичности.

Эти общеметодологические соображения позволяют уточнить методологическую альтернативу, сформулированную ранее. Если учитывать, что собственно эргономические знания связаны в первую очередь с определенным типом критериев проектирования человеко-машинных систем, то перспектива развития эргономики представляется следующим образом.

Либо эргономика останется прикладной дисциплиной, т. е. сохранит существующие ныне типы своих связей с базовыми дисциплинами, а в выработке эргономических критериев будет, как и до сих пор, исходить из взаимоувязывания соображений практического и общетеоретического порядка. В таком случае центральной, по-видимому, будет в ближайшее время проблема систематизации эргономических критериев и требований к проектированию.

Либо эргономика пойдет по пути создания собственного теоретического предмета. Вероятно, этот предмет может быть построен опять-таки в связи с проблемой эргономических критериев. Но тогда центральной становится проблема построения системы абстракций, которые и будут задавать этот теоретический предмет. В настоящее время такая специфическая эргономическая система абстракций отсутствует. Эргономика, правда, оперирует некоторыми абстрактными понятиями, такими, например, как понятие деятельности, трудовой деятельности и т.д. Но все это понятия, выработанные за пределами эргономики и пока еще не получившие специфически эргономической интерпретации, т.е. не введенные в систему исходных абстракций, которые можно было бы считать характерными для эргономики как особой области знания и только для нее специфическими. Реализация этой возможности развития эргономики предполагает весьма основательную методологическую работу. Одно из направлений этой работы — анализ концептуальных средств эргономики, прежде всего особенностей специально-научного изучения деятельности.

Вплоть до XX в. деятельность рассматривалась как единственное, само собой разумеющееся основание бытия человека и бралась по преимуществу со стороны ее универсальных свойств и всеобщей структуры. С началом современной научно-технической революции ситуация изменилась прежде всего в социально-практическом плане: в нарастающем количестве стали возникать и новые, подчас совершенно непривычные и необычные виды деятельности, а со второй половины XX в. систематический характер принял процесс

планомерного создания новых видов деятельности — деятельность стала предметом целенаправленного конструирования.

Развитие техники в последние десять-пятнадцать лет показало, что при создании современных человеко-машинных систем жесткие и труднопреодолимые рамки деятельности человека образуют одно из самых узких мест. Это заставило инженерно-конструкторскую мысль не просто считаться с «человеческим фактором» в технических системах, но сделать его предметом специального изучения. Такое изучение стало особенно интенсивным после того, как миновало кибернетическое поветрие, основанное на убеждении, будто машина все может (или по крайней мере сможет в ближайшем будущем), и с очевидностью выявилось, что за человеческим фактором останется решающая роль в современной технике.

Специально-научный анализ человеческого фактора носил поначалу традиционно-предметный характер: по отдельности изучались гигиенические, антропометрические и биомеханические, физиологические и психофизиологические, психологические, эстетические аспекты и условия трудовой деятельности человека в технических системах, а результаты, полученные в каждой из этих сфер, просто суммировались в различного рода рекомендациях для практики. Возникновение эргономики было связано с существенно иной постановкой исходной задачи — необходимостью разработки «различных аспектов общей теории трудовой деятельности человека в условиях современного производства» [12, с. 18-19]. Только после этого подлинным предметом изучения стала деятельность человека, а не ее отдельные показатели; но деятельность, взятая в специально-научном плане — в связи с задачами поиска и практического воплощения ее оптимальной структуры и организации в условиях теснейшего взаимодействия человека и техники.

Этот новый предмет анализа чрезвычайно любопытен по своим методологическим характеристикам. С одной стороны, он охватывает не один какой-то вид, способ деятельности или даже жестко фиксированную их совокупность, а в известном смысле всякую деятельность, поскольку она включена в достаточно широкий контекст технических средств. С другой стороны, эргономика далеко не тождественна общей теории деятельности (если таковую можно себе представить именно в виде общей теории) — у нее гораздо более узкие задачи, да и интересует ее отнюдь не всякая деятельность. Наконец, специфика этой дисциплины в значительной сте-

пени определяется ее нормативным характером, т.е. тем, что ее результаты выражаются прежде всего в виде норм и предписаний, адресованных конкретным сферам практики.

И все же эргономика, поскольку она претендует на статус научной дисциплины, никак не может быть сведена к совокупности норм и практических рекомендаций. Ведь каждая из таких норм должна получить научное обоснование. Поэтому-то эргономика оказывается связанной с общей теорией деятельности, или, скажем более осторожно, с общими теоретическими представлениями о деятельности человека. Методологически это выглядит вполне естественно: специально-научное изучение деятельности должно иметь в качестве своих теоретических и методологических предпосылок некие общие представления о деятельности в целом, о законах ее организации и строения.

Практически же дело обстоит значительно сложнее: современное научное знание, по существу, не располагает теоретически развернутой феноменологией деятельности в целом. Поэтому у исследователя деятельности фактически остается единственная возможность, если он пытается отыскать и явным образом задать теоретическое основание своей работы, — обратиться к представлениям о деятельности, которые выработала психология, например, к представлениям о строении деятельности, выработанным А. Н. Леонтьевым.

Достаточно ли, однако, только психологических представлений о структуре деятельности для обоснования предмета эргономики?

Надо, по-видимому, начать с того, что различение трех типов единиц деятельности (деятельность, действия, операции) дает удобную основу для группировки и организации материала, с которым имеет дело эргономика. Но вместе с тем переход к более детальному анализу деятельности в эргономике требует иных представлений о ее строении и основных узлах — представлений, которые непосредственно не связаны с тремя уровнями общепсихологической структуры деятельности.

Но какой должна быть адекватная концептуальная база эргономики как науки о деятельности? На этот вопрос невозможно, конечно, ответить «со стороны» — ответ даст развитие эргономики, и в частности углубленный анализ ее теоретических оснований. Нам же в данном случае важно обратить внимание на то, что пока в эргономике методологическая рефлексия подобного рода отсутствует. В этом

вообще-то нет ничего страшного: будучи дисциплиной с очень сильно выраженной эмпирической ориентацией, эргономика, по-видимому, не очень озабочена на первых порах чистотой и ясностью своих теоретических и методологических оснований. Ее главные усилия направлены на выработку практических рекомендаций. И пока эти рекомендации достаточно эффективно удается получать эмпирическим путем, теоретическая работа, естественно, отодвигается на второй план.

Однако так едва ли может продолжаться долго. Упомянутая выше работа [12] показывает, что даже опыт систематического изложения предмета эргономики заставляет решать методологические проблемы. Эти проблемы, вероятно, встанут еще острее, когда начнется реализация тезисов об эргономике как комплексной науке, а не конгломерате сведений из различных областей знания.

Эргономика здесь далеко не одинока. Современное развитие науки убедительно показывает, что новые дисциплины практически без исключений возникают как комплексные, объединяя проблематику двух или более уже существующих наук. Все к этому как-то привыкли, а между тем логика процесса порождения таких дисциплин исследована пока очень слабо. Поэтому, в частности, остается малозамеченным тот существенный факт, что комплексность, или синтез, обыкновенно существует в довольно-таки призрачных формах — как призыв или пожелание. Разумеется, науки, подобные эргономике, действительно возникают на базе нескольких дисциплин; есть у них и единый предмет изучения. И все же наличие такого предмета не сразу и не просто приводит к подлинному синтезу понятий и методов разных наук. Исследование путей и логики достижения такого синтеза — одна из очень интересных задач методологии науки, и эргономика служит для этого прекрасной базой.

Эргономика интересна и еще в одном методологическом аспекте. Она принадлежит к числу сугубо прикладных научных дисциплин. В них объем практических задач настолько велик, а научная база — в классическом смысле этого слова — настолько методологически, так сказать, не систематизирована, что само понятие научной дисциплины приложимо к ним вовсе не автоматически. В самом деле, здесь, как правило, отсутствует теория в строгом смысле этого слова, не фиксирован в явном виде концептуальный базис, не всегда существует единая система интерпретации

получаемых эмпирических результатов; и вместе с тем здесь наряду с научными большую роль играют чисто практические соображения. Короче говоря, такие дисциплины представляют собой очень своеобразный сплав научного и вненаучного, чисто практического подходов к определенному рода задачам (помимо эргономики, ярким примером подобной дисциплины служит системный анализ — методология управленческой деятельности). Этот феномен является совершенно новым и очень специфическим. Вероятно, количество таких дисциплин будет в ближайшие годы заметно расти. И опять-таки с методологической точки зрения они исследованы крайне слабо. А ведь здесь возникают чрезвычайно интересные и сложные методологические проблемы, например, такие: каковы условия достаточности концептуального базиса таких дисциплин, каковы способы соединения научного и практического компонентов в их рамках, каковы способы объединения разнородных методов и результатов и др.?

Глава шестая

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ И НАУКА

Все реально значимые способы духовного и практического освоения мира, выработанные в процессе исторического развития человечества, объективно обусловлены самой природой социальной формы организации и являются необходимыми предпосылками существования и развития последней.

Культура общества представляет собой органическое единство всех этих форм, целостную систему, в которой каждый элемент выполняет определенную специфическую для него функцию, и в то же время предполагает существование других, столь же необходимых элементов и функций. Отсюда, в частности, следует, что ни одна из форм культуры независимо от ее реального удельного веса и влияния не может подменить собой другие формы культуры и взять на себя выполнение их функций. Исторический опыт показывает, что попытка осуществления таких претензий вытеснения и подмены одних форм культуры другими приводит к дегуманизации культуры и в конечном счете — к ее разрушению.

Этот общий принцип вполне применим и к анализу науки. Во внешнем плане, с точки зрения связей науки с другими формами культуры, это означает, что наука не может растворить в себе эти формы, что она не только влияет на них, но и сама оказывается зависимой от них — как в аспекте выдвигаемых ею задач, так и в аспекте ее собственной организации.

Сила и вместе с тем граница реальной значимости науки определяется выполняемой ею специфической функцией в общей системе жизнедеятельности человека — выработать теоретическую картину мира, дать адекватный образ

действительности. Вместе с тем сама реализация научно-теоретического отношения к действительности предполагает использование всех иных форм взаимоотношений человека с миром: даже незаинтересованное отыскание истины в науке не может не руководствоваться соображениями и мотивами, лежащими за пределами собственно науки, — ценностными, эстетическими и т. д. Однако зависимость науки от социального целого проявляется не только в том, что мотивация научной деятельности лежит зачастую вне плоскости науки, но и в том, что средства этой деятельности так или иначе в конечном счете определяются всем комплексом условий жизнедеятельности человека.

Современные масштабы развития науки привели к тому, что этот элемент культуры, превратившись в сферу массовой деятельности, сам в известном смысле выступает как некая автономная система, обладающая собственной структурой. Эта система, по существу, представляет собой своеобразный микрокосм, который включает в себя слои и элементы, соответствующие структуре социального целого. В этом, кстати, заключается один из источников сциентистской абсолютизации науки: если абстрагироваться от функциональной роли науки в системе общественной жизни, то легко склониться к точке зрения, согласно которой наука представляет собой самовоспроизводящуюся, самоцельную систему.

В науке как системе массовой деятельности можно выделить определенную социальную структуру: иерархию научных учреждений, системы межличностных и межгрупповых связей, определенные принципы регулирования и регламентации всей системы отношений и т. п. Научная деятельность, далее, осуществляется под воздействием определенных нравственных принципов и норм, часть из которых порождена спецификой научно-исследовательского труда (проблема научного приоритета, определенные принципы научной критики, требования к изложению фактических и экспериментальных данных и т. д.), но многие другие являются следствием действия в научных коллективах более общих, универсальных этических принципов и норм.

Не подлежит сомнению, что научная деятельность руководствуется определенными эстетическими нормами и критериями, которые относятся как к научному результату и его оформлению, так и к процессу исследования. Одной из специфических и крайне важных проблем современно-

го развития науки является личностный фактор в научной деятельности.

Весь этот комплекс проблем и факторов составляет не только объективную канву или фон, на котором развивается современная наука, но в последние годы превратился в силу, которая оказывает решающее воздействие на характер и темпы научного прогресса. Непосредственным выражением осознания этого обстоятельства является развитие комплекса науковедческих исследований, причем очень характерно, что предметом этих исследований выступает не столько сам по себе научный процесс и его внутренняя логика (хотя, конечно, эта проблематика имеет самое актуальное значение), сколько условия и факторы, воздействующие на этот процесс и определяющие его эффективность. Речь идет об очень интересном и важном моменте: с одной стороны, все эти факторы и обстоятельства действуют внутри науки, с другой стороны, они являются внешними для процесса научного исследования в собственном смысле этого слова. Они действуют в науке как в социальном организме, являясь необходимыми условиями его функционирования. Вместе с тем их основания и источники, формы их организации и тенденции развития коренятся в более широкой системе социальных отношений и зависимостей, выходящих за пределы науки как относительно обособленного социального организма.

Сущность органической взаимосвязи науки с другими формами человеческой жизнедеятельности глубоко и полно раскрывается при трактовке науки как функционально необходимого — в исторически определенных условиях — компонента системы человеческой деятельности.

Предметно-практическая преобразовательная деятельность человека лежит в основе всего богатства и многообразия духовной и материальной культуры человечества. С этой точки зрения вся культура выступает как беспрестанное воспроизводство различных форм деятельности, обслуживающее социальную практику и в этом смысле являющееся звеном в более широкой структуре человеческой деятельности.

Таким образом, наука как определенная форма деятельности обладает, подобно всякой деятельности, своими целями, средствами и результатами: но, выступая в контексте человеческой деятельности в целом, она представляет собой некоторое средство достижения иных, более широких

целей. Казалось бы, этому противоречит то самоочевидное положение, что внутренней целью науки является достижение истины, и в этом же состоит функция науки по отношению к культуре в целом. Если, однако, для науки достижение истины выступает как окончательная и безусловная цель, то по отношению к деятельности в целом истина, адекватный образ действительности оказываются лишь определенным средством, условием, предпосылкой осуществления преобразовательной деятельности. Иначе говоря, объективное, истинное знание, добытое наукой, выступает в системе деятельности в качестве средства успешного осуществления целей человека как общественно-исторического субъекта. В этом смысле ценность науки для практической деятельности человека состоит как раз в том, чтобы содействовать выработке объективно обоснованной программы этой деятельности.

Отмеченные нами два аспекта, в которых наука выступает в системе деятельности, находят свое объяснение в более глубокой диалектике теоретического и практического отношения к действительности. В истории культуры наука возникла и развивалась как такая форма духовной деятельности, которая имела своей основной функцией и специализировалась на все более систематической и всесторонней реализации теоретического отношения к действительности. Достижение объективной истины, теоретического знания о мире и сейчас продолжает оставаться конституирующей особенностью науки как целого. Наука, лишенная этого основания, превращается в нечто логически несообразное или, хуже того, в этом случае под флагом науки начинают выступать различного рода псевдонаучные построения, некритически воспроизводящие установки вненаучного сознания и, как правило, выражающие интересы реакционных социальных сил. Никакие ссылки на прагматически-утилитарные соображения, ценностные ориентации и т.п. не могут оправдать подобного рода отклонений от этого сущностного определения науки.

Вместе с тем интенсивное развитие науки привело к тому, что и внутри нее самой на определенном этапе начали возникать и в некоторых аспектах обостряться проблемы, в сущности, той же диалектики взаимоотношения теоретического и практического. Если раньше реализация практических функций научного знания институционально была отделена от него и осуществлялась не самими учеными, а представи-

телями промышленности, практики вообще, то теперь эти функции все более широко и систематически реализуются в рамках самой науки. В этом, собственно, и состоит основное назначение и функции той формы современной научной деятельности, которую принято называть прикладными исследованиями и разработками. Результаты, получаемые в этой сфере науки, вполне правомерно зачисляются в разряд научных знаний, но вместе с тем сам процесс их получения ориентируется не столько поисками истины о мире, как он есть, сколько в первую очередь необходимостью выработки определенной программы практических действий по преобразованию мира.

В отличие от классической науки и современных фундаментальных исследований, которые облекают свои результаты в форму знания о мире, как он существует объективно, вне деятельности человека, прикладные исследования дают результат в инженерно-конструктивной форме. Примечательно, что даже та часть подобных исследований, которая считается теоретической, непременно должна выступать в качестве своего рода инженерного блока, являющегося элементом общего конструктивного решения задачи. В этих трансформациях структуры научной деятельности находит одно из выражений процесс превращения науки в непосредственную производительную силу.

Все эти трансформации, естественно, самым существенным образом затрагивают научную деятельность как таковую и в значительной степени влияют на характер и форму ее результатов. Однако они не отменяют коренных особенностей науки как формы общественного сознания. В своем отношении к широко понимаемой социальной практике наука продолжает оставаться и всегда останется, поскольку это будет именно наука, такой формой духовного производства, которая вырабатывает и предлагает практике теоретически обоснованные идеальные планы и программы деятельности, независимо от того, выражены ли они в форме теоретических конструкций фундаментальной науки или в инженерно-конструктивных схемах. В этом проявляется не только основная функция науки по отношению к практике, но и ее принципиальная зависимость от последней.

Достоинством науки, реализующей познавательное отношение к действительности, является всеобщность ее результатов, но применение этих результатов в реальном действии всегда связано с необходимостью учета конкретных специ-

фических обстоятельств, не укладывающихся в абстрактные всеобщие формулы.

Рассмотренная в рамках структуры деятельности в целом, наука в силу всеобщности ее результатов выступает в качестве нормы деятельности, а непосредственное осуществление последней всегда предполагает целый ряд других весьма существенных моментов. Ориентация деятеля в конкретной ситуации опирается не только на теоретическое знание, но включает в себя также другие важные факторы — ценностные ориентации и нормы нравственного сознания, традиции и обычаи данной конкретной формы культуры, эстетическое отношение к действительности.

В конечном счете в деятельности всегда образуются такие ситуации, когда реализация теоретического, идеального плана действия с необходимостью требует обращения к личной активности и инициативе деятеля, мобилизующего все формы и способы непосредственной ориентации в действительности. Подлинная, живая деятельность никогда не представляет собой простой объективации некоторой предзаданной абстрактной программы; ее реальное бытие в его индивидуальной неповторимости в значительной мере определяется своеобразием мотивационно-смысловой сферы деятельности.

Конечно, все факторы и компоненты, составляющие содержание этой мотивационно-смысловой сферы, могут становиться и действительно становятся предметом научного исследования, в результате которого они получают соответствующее теоретическое обоснование. Социально-культурная роль науки, очевидно, и заключается, собственно, в том, чтобы осуществить подобную рационализацию человеческой деятельности, ее алгоритмизацию, программирование. Но как бы ни развивалась эта рационализация, как бы ни возрастал ее удельный вес в системе деятельности, реальное отношение человека к миру в процессе деятельности никогда не может быть полностью рационализировано, алгоритмизировано и т. п.

В деятельности, поскольку она остается и будет оставаться творческой по своей природе, всегда остается и будет оставаться момент неожиданности, неоднозначности выбора, неполноты наличного знания, воздействия ценностных, нравственных, эстетических факторов, неосознаваемых мотивов и т. д. Разумеется, показывая эти стороны, мы отнюдь не бросаем тени на поистине огромное и глубоко прогрессивное

значение рационализации процессов человеческой деятельности во всех ее сферах. Однако именно быстрый прогресс такой рационализации в условиях современной научно-технической революции заставляет обращать внимание на эти моменты, которые не всегда бросаются в глаза, но, как правило, дают о себе знать самым неожиданным и ощутимым образом.

В частности, сама эффективность и масштабы рационализации во многом определяются тем содержанием, которое подвергается рационализации, — его широтой, многообразием, информативной емкостью и т. д. Интенсивность развития науки зависит не только от логики развертывания ее собственного внутреннего содержания, но и от богатства тех внетеоретических форм, в которых реализуется практическое отношение человека к действительности.

Понимание диалектики теоретического и практического отношения к миру предполагает в качестве своего условия более детальный анализ природы и структуры деятельности. Исходным пунктом такого анализа выступает проблема отношения деятельности и бытия.

Марксизм, в отличие от старого, созерцательного материализма, рассматривает деятельность как особую форму бытия, имеющую свою внутреннюю структуру и свои объективные законы движения. Специфичность структуры деятельности состоит прежде всего в том, что деятельность включает в качестве своего необходимого компонента некий идеальный план или программу, предвещающие результат деятельности и обуславливающие подбор соответствующих средств. По словам К. Маркса, человек в процессе деятельности «...осуществляет вместе с тем и свою сознательную цель, которая как закон определяет способ и характер его действий и которой он должен подчинять свою волю» [2, с. 189]. В этом смысле можно утверждать, что в особенностях целеполагания заключена тайна природы деятельности.

Специфическая роль целеполагания в ориентации всей деятельности связана с тем, что целеполагание представляет собой тот особый механизм, который превращает потребности субъекта в «...идеальный, внутренне побуждающий мотив производства» [1, с. 717]. Иными словами, процесс выработки целей деятельности выступает в качестве той идеальной формы, в которой снимается противоречие между наличным бытием человека и его потребностями. Характеризуя процесс целеполагания, его иногда рассматривают чисто интеллектуалистически; такой интеллектуализм является продуктом

абсолютизации действительно существенной роли сознания в формировании целей достаточно развитой деятельности. Подобная абсолютизация представляет собой один из питательных источников сциентизма, поскольку в современной культуре осуществление целеполагания в конечном счете предполагает научное обоснование.

В действительности же выработка целей деятельности носит сложный и многообразный характер и детерминирована различными факторами. Прежде всего сама потребность в идеальном плане может фиксироваться в разных формах: в непосредственной материальной потребности производства жизненных благ, в виде эстетической неудовлетворенности какими-то аспектами реальности, в расхождении между реальным способом поведения и моральными принципами и т.п. Можно утверждать, что в основе целеполагания лежат реальные моменты практического бытия человека, первоначально фиксируемые не научно-теоретическим мышлением, а нравственной, эстетической и иными формами внетеоретического сознания. В конечном счете все эти формы восходят к материальным условиям производства и воспроизводства человеческой жизнедеятельности.

Рационализация целеполагания в формах научно-теоретического мышления является уже вторичным процессом по отношению к этим основополагающим факторам, которые задают его рамки, направление и основное содержание. К тому же рационализация целеполагания в формах научного знания возникает и получает развитие лишь на определенных, достаточно высоких ступенях культуры. С этих позиций более отчетливую характеристику получает и рассматриваемый нами процесс рационализации деятельности.

Рационализация, таким образом, выступает как осмысление средствами наличного знания той или иной потребности и ситуации, в которой она может получить реализацию. Целеполагание всегда связано с выходом за пределы налично данного. Рационализация же этого процесса предполагает использование знания, выработанного при изучении налично данного. Поэтому рациональное целеполагание заключает в себе проблематичную экстраполяцию ранее полученного знания на проектируемую реальность. Уже сама эта проблематичность заставляет ставить вопрос о принципиальной неполноте, недостаточности наличной системы знания в качестве основы для выработки идеального плана действия и тем самым побуждает к развитию знания. Однако это раз-

витие нельзя представить только как аналитический процесс выявления потенций, заложенных в самом наличном знании, — оно предполагает использование всех многообразных механизмов познавательного отношения человека к реальной действительности, в том числе интуиции, фантазии и пр.

Таким образом, процесс рационализации с необходимостью включает в себя внерациональные факторы. Даже тогда, когда новая конкретная ситуация может быть рассмотрена как частный случай некоторого общего принципа, само применение этого принципа требует активной деятельности субъекта по установлению связей общего и частного, которую Кант определял как способность суждения.

Все это позволяет сделать один важный вывод: осуществление рационального целеполагания необходимо связано с тем, что в философии принято называть критической рефлексией. Под ней понимают осмысление оснований, условий, границ и возможностей применения некоторой системы знания в контексте определенной теоретической или практической задачи.

Наличие механизма критической рефлексии является важнейшим отличительным признаком научно-теоретического знания по сравнению с донаучными или вненаучными формами знания. Этот механизм имеет очень большое значение для понимания связи науки с деятельностью. Во-первых, рефлексия служит орудием критики наличного знания с точки зрения целей деятельности. Во-вторых, именно рефлексия выводит мышление за пределы наличных форм знания, являясь имманентным механизмом его непрерывного развития. Наличие рефлексии создает весьма специфическое отношение между знанием и деятельностью: включенное в контекст развивающейся деятельности, знание само становится динамичным, подвижным, развивающимся элементом; тем самым деятельность, включающая в себя науку, превращается в открытую систему в том смысле, что она приобретает определенный механизм порождения, изменения и развития идеальных планов и программ.

Из сложного, многостороннего характера отношений между теоретическим и практическим, между знанием и деятельностью следует, в частности, что само по себе знание отнюдь не всегда однозначно определяет направление и смысл деятельности. Даже будучи непосредственно направленным на основания и программу деятельности, теоретический анализ фиксирует лишь некоторую совокупность

возможностей, из которых вытекают различные, иногда даже альтернативные практические решения. Хотя знание этих возможностей и является необходимой предпосылкой успешной деятельности, однако выбор конкретного решения и соответствующей цели определяется не этим знанием как таковым, а более широкой социально-культурной и идеологической мотивацией. Именно с этим связана популярная в наше время проблема социальной ответственности за использование научных достижений.

Тот несомненный факт, что научные достижения в большинстве случаев могут использоваться в равной мере как на пользу, так и во вред человечеству, подчеркивает, что сам по себе научный результат содержит в себе не цель, а в лучшем случае лишь некоторые основания для выбора целей реального действия, опирающегося на этот результат и, следовательно, использующего его в качестве своего средства.

Анализ диалектики отношения знания и деятельности показывает, что споры вокруг роли науки в жизни современного общества уходят своими корнями в те глубокие трансформации, которые претерпела и продолжает претерпевать вся структура социально-культурной деятельности в условиях научно-технической революции. Одним из результатов этих трансформаций является кризис традиционных представлений о взаимоотношении науки и деятельности, о роли науки в развитии культуры. Возникающая в этой ситуации полемика, по существу, связана с гипертрофированием тех или иных отдельных тенденций современного социально-культурного развития.

Сциентизм абсолютизирует науку как относительно самостоятельный вид деятельности, превращает внутренние цели науки в нечто самодовлеющее и недооценивает или игнорирует всю проблематику, связанную с внешними функциями и зависимостями науки. При этом для сциентизма сама по себе научная деятельность, безотносительно к реальным следствиям и эффектам ее воздействия на общество, является безусловной и высшей культурной ценностью.

Антисциентизм, напротив, подчеркивает утилитарно-прагматический характер науки, абсолютизирует известную самостоятельность внутренних целей науки по отношению к гуманистическим ценностям и идеалам и отказывает науке в положительном воздействии на культуру, прежде всего — на формирование мировоззрения. Следует признать, что антисциентистская критика науки имеет определенные основания

в реальных утилитарно-прагматических тенденциях развития современной науки, в возрастании удельного веса технократски-инструментального знания. Однако развитие науки в целом никоим образом не может быть сведено к общим тенденциям.

Как и на всем протяжении своего существования, наука в наши дни продолжает оставаться прежде всего орудием познания истины, формой культуры, в рамках которой совершенствуется и развивается способность человека к познанию. В конечном счете всякое знание о мире стремится к всеобщности, необходимости, максимальной обоснованности, а этим качествам в наибольшей степени удовлетворяет научное знание. Анализ и решение коренных мировоззренческих проблем отношения человека к миру с необходимостью выливается в форму определенных суждений, которые должны носить объективный и общезначимый характер. А это значит, что целостная система мировоззрения не может не ориентироваться на науку, ее результаты и принципы. Ограниченность науки как одной из форм культуры не является, таким образом, основанием для антисциентистского отрицания ее конституирующего значения в формировании мировоззрения.

Антисциентистское принижение или игнорирование роли науки, по существу, представляет собой форму реакционного утопизма, который находится в резком противоречии с коренными особенностями современной культуры, в частности, с органически присущим ей динамизмом и деятельностным началом.

Развитие науки, бесспорно, порождает немало острых проблем, но нельзя не учитывать, что их анализ и успешное решение в условиях современной культуры немыслимы вне научного подхода, а тем более на основе его принципиального отрицания.

Реальная социально-культурная роль науки не сводится к тому, что наука на каждом конкретном этапе своего развития предлагает обществу и индивиду некоторую совокупность знаний о мире, использование которых позволяет ориентироваться в соответствующих областях действительности. Наука — это не просто некая сумма сведений, это определенный, начиная с некоторого этапа истории необходимый метод решения проблем, стоящих перед обществом. Будучи распространен на коренные мировоззренческие проблемы отношения человека и мира, этот метод становится одним

из решающих условий формирования мировоззрения. Более того, в этой ситуации научность оказывается существеннейшим показателем уровня мировоззрения, глубины его связи с фундаментальными проблемами общественной жизни.

Диалектически понятая научность мировоззрения состоит, конечно, не в фетишизации достигнутого наукой уровня познания и в отрицании значимости всего остального опыта культуры, а в последовательном применении характерных для науки принципов беспрестанной критической рефлексии по поводу оснований и исходных установок деятельности, их теоретического анализа и осмысления. Так понятый принцип научности мировоззрения позволяет органически соединить объективность теоретического мышления при анализе мировоззренческих вопросов с признанием творческого характера человеческой деятельности.

Литература к части третьей

1. Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., т. 12.
2. Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., т. 23.
3. Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., т. 25, ч. II.
4. Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., т. 32.
5. Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 29.
6. Бернштейн М. С. Психология научного творчества // Вопросы психологии, 1965, №3.
7. Библер В. С. Понятие как элементарная форма движения науки // Арсеньев А. С., Библер В. С., Кедров Б. М. Анализ развивающегося понятия. М., 1967.
8. Выготский Л. С. Избранные психологические исследования. М., 1956.
9. Выготский Л. С. Развитие высших психических функций. М., 1960.
10. Давыдов В. В. Виды обобщения в обучении. М., 1973.
11. Зинченко В. П., Гордон В. М. Методологические проблемы исследования деятельности в психологии // Системные исследования. Ежегодник 1975. М., 1976.
12. Зинченко В. П., Мунипов В. М., Смолян Г. Л. Эргономические основы организации труда. М., 1974.
- 12а. Ланда Л. Н. Алгоритмизация в обучении. М., 1966.
13. Леонтьев А. Н. Деятельность, сознание, личность. М., 1975.
14. Леонтьев А. Н. Проблема деятельности в психологии // Вопросы философии, 1972, № 9.

15. Леонтьев А. Н. Деятельность и сознание // Вопросы философии, 1972, № 12.
16. Леонтьев А. Н. Деятельность и личность // Вопросы философии, 1974, №4, 5.
17. Миллер Д., Прибрам К., Галантер Ю. Планы и структура поведения. М., 1964.
18. Мамардашвили М. К. Формы и содержание мышления. М., 1968.
19. Научное творчество. М., 1969.
20. Общество и природа // Вопросы философии, 1973, №4.
21. Огуцов А. Я., Юдин Э. Г. Деятельность // БСЭ, т. 8, М., 1970.
22. Проблемы научного и технического творчества. Материалы к симпозиуму (июнь 1967 г.). М., 1967.
23. Психология мышления. М., 1967.
24. Роговин М. С. Развитие структурно-уровневого подхода в психологии // Системные исследования. Ежегодник 1974. М., 1974.
25. Пушкин В. Н. Эвристика — наука о творческом мышлении.
26. Рожанский И. Д. Понятие «природа» у древних греков // Природа, 1974, № 3.
27. Рубинштейн С. Л. Бытие и сознание. М., 1957.
28. Тихомиров О. К. Структура мыслительной деятельности человека (опыт теоретического и экспериментального исследования). М., 1969.
29. Трубников Н. Н. О категориях «цель», «средство» и «результат». М., 1968.
30. Швырев В. С. Категория деятельности как теоретическое понятие // Эргономика, 1976, вып. 10.
31. Человек и среда его обитания // Вопросы философии, 1973, №1-4.
32. Юдин Э. Г. Системность и деятельность // Системные исследования. Ежегодник 1976. М., 1977.
33. Ярошевский М. Г. Психология в XX столетии. 2-е изд. М., 1974.
34. Ярошевский М. Г. Психология науки // Вопросы психологии, 1967, № 5.

ПРИЛОЖЕНИЕ 1

1.

СРОЧНАЯ ТЕЛЕГРАММА

СРОЧНАЯ МОСКВА БОЛЬШАЯ
ЯКИМАНКА 7 КВ 5 ЮДИНОЙ
ИРИНЕ

ТОМСКА 4 ЯНВАРЯ 1957 15 54

ЭРИК ВЫЕХАЛ ТОМСКА МОСКВУ 29 ЧЕМОДАН С КОТО-
РЫМ ОН ВЫЕХАЛ ВЧЕРА ВЕРНУЛИ ИЗ МГБ ВЕРОЯТНО
АРЕСТОВАЛИ = КЛАРА

Клара — жена Сергея Чердынцева, преподавателя
Томского пединститута. Чердынцевы были соседями
Э. Г. по общежитию

2.

Форма № 1

ПРОТОКОЛ ОБЫСКА

Мы, сотрудники Комитета государственной безопасности при
Совете Министров СССР майор Филиппов Д. И. и капитан Воронов
Я. С.

на основании ордера Комитета государственной безопасности
при Совете Министров СССР за № В-29 от 2 января 1957г. в
присутствии Юдина Г. Н. и управляющего домами Воротиленева Б. Ф.
руководствуясь ст.ст. 175—185 УПК РСФСР произвели обыск у
Юдина Григория Наумовича

по адресу: г. Перово, Рязанское шоссе, дом №5, кв. 3

При обыске изъято следующее:

1. Свидетельство о рождении №207 на имя Юдина Эрика
Григорьевича, выданное 20.02.1930 года.

2. Профсоюзный билет № 1278296 союза работников высшей школы
и научных учреждений на имя Юдина Э. Г. выдан 20.09.1947 года.

3. Членский билет № 0042 на имя Юдина Э. Г. выдан Московским
городским комитетом ВЛКСМ с датой февраль 1954г.

4. Удостоверение №42 на имя Юдина Э. Г. выдано Советским
РК ВЛКСМ г. Москвы 13.04.1954г.

5. Тетрадь Юдина Э. Г. с записями по марксизму-ленинизму на
57 листах.

6. Конспекты Юдина Э. Г. *Славные итоги борьбы народов Чехо-
словакии», «Марксизм-ленинизм о государственной форме диктатуры
рабочего класса», «Советская социалистическая демократия и ее
роль в развитии советского строительства», «Конституция народ-
ной республики Болгарии», «История философии», пять тетрадей на
133 листах.

7. Тетрадь Юдина Э. Г. с записями на польском и русском языках
на 12 листах.

8. Записи лекций Юдина Э. Г. от 7.02.49г. по государству и праву
на 54 листах.

9. Диссертация на соискание ученой степени кандидата философ-
ских наук Э. Г. Юдина «Народная демократия как политическая форма
диктатуры пролетариата» на 270 листах.

10. Материалы Юдина Э. Г. с черновыми записями по диссертации
на 677 листах.

11. Автореферат диссертации на соискание ученой степени
кандидата философских наук Э. Г. Юдина «Народная демократия
как политическая форма диктатуры пролетариата» местами с
подчеркнутым текстом в двух экземплярах.

12. Материал Юдина Э. Г. «О формах перехода к социализму» в
рукописи и напечатанный на п/машинке на 35 листах.

13. Тезисы доклада на кафедре философии аспиранта Юдина Э. Г.
«Диалектика развития форм классовой борьбы в эпоху диктатуры
пролетариата» отпечатаны на п/машинке 2 л.

14. Материал сброшюрованный отпечатанный на п/машинке
«Государственный строй Польши до образования Польской Народно-
демократической республики» на 161(7) листе.

15. Газеты «За педагогические кадры» с разными статьями Юдина
Э. Г. за 1952г. №26 и 38, за 1953г. №34 и за 1955г. № 16, 10, 40, 26
и 36. 8 шт.

16. Письма на имя Юдина Анатолия от его брата Юдина
Эрика Григорьевича из гор. Томска от 17.10.56, 18.11.56 и 11.12.56г.
по вопросу его выступления на партийном собрании в Томском
педагогическом институте 3 шт. на 5 листах на 10 страницах.

17. Письмо на имя Трушко Ю.С. от ее сына Юдина Э. Г. от
16.12.56 года по поводу его поведения в Томском педагогическом
институте 1 шт. на 2 листах 4 стр.

18. Письма на имя Юдина Анатолия от его брата Юдина Э. Г. от
28.03.56, 13.02.56 и 27.04.56 года. 3 шт. на 3-х листах.

19. Письма на имя Юдина Бориса от его брата Юдина Э. Г. от
16.12.56, 17.04.56, 15.02.56, 31.03.56, 21.02.56, 19.01.56г. 7 шт. на
8 листах.

20. Письмо на имя Юдина Г. Н. от его сына Юдина Э. Г. от 4.05.56 и 9.11.56г. 2 шт. на 4 листах.

21. Письма на имя Трушко Ю. С. от ее сына Юдина Э. Г. от 7.03.56, 27.07.56, 7.02.56, 9.11.56, 17.05.56, 28.09.56г. 6 шт. на 8 листах.

22. Письма на имя Юдина Э. Г. 2 шт. на 3-х листах.

23. Письма разные от родных и знакомых. 10 шт. на 18 листах.

Перечисленное в пунктах с № первого по № 23 опечатано гербовой печатью № один Комитета государственной безопасности при Совете Министров СССР в одном свертке.

Какие поступили заявления и претензии:

Жалоб не заявлено.

подпись /Юдин/

подпись /Воротилечев/

После обыска произведены следующие действия:

Обыск производился с И час. 3 января 1957 г. до 19 час. 00 мин. 3 января 1957 г.

Протокол составлен в 4 экземплярах на _____ листах.

Подписи:	Сотрудников	подпись	подпись
	Обыскиваемого или		
	членов его семьи	/Юдин/	
	Понятых управдом	/Воротилечев/	

Копию протокола получил

подпись /Юдин/

Перечисленное в протоколе обыска с пункта № _____ по пункт № _____ принял:

ПРИМЕЧАНИЕ: фамилии подписавших протокол обыска, должны быть указаны в скобках.

За всеми справками обращаться по адресу: Кузнецкий мост, дом № 24.

3.

машинописная копия

ПРЕДСЕДАТЕЛЮ КОМИТЕТА
ГОСУДАРСТВЕННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ
ПРИ СОВЕТЕ МИНИСТРОВ СССР
ТОВАРИЩУ СЕРОВУ

ЮДИНА Г. Н., ТРУШКО Ю. С.,
проживающих в г. Перово,
Московской области,
Рязанское шоссе, д. 5, кв. 6

Заявление

Нам стало известно через Комитет Государственной Безопасности СССР, что наш сын, Юдин Эрик Григорьевич, арестован и находится под следствием в городе Томске.

Что послужило основанием для ареста нашего сына, какое обвинение ему предъявляют, мы не знаем.

Однако мы располагаем фактами, говорящими о том, что в городе Томске предварительное следствие не может быть проведено полно, всесторонне и объективно.

После окончания аспирантуры и защиты диссертации наш сын в феврале месяце 1956 г. был послан на преподавательскую работу в г. Томск. В Томске Юдин Э. Г. работал в качестве старшего преподавателя философии в педагогическом институте.

Весной 1956 г. на партийном собрании института наш сын критиковал Секретаря Горкома за неправильные методы работы.

В ноябре месяце 1956 г. на закрытом отчетно-перевыборном партийном собрании Юдин Э. Г. выступил с резкой критикой в адрес директора института и секретаря горкома, а также внес ряд предложений для Центрального Комитета КПСС.

Это выступление нашего сына не понравилось Секретарю Горкома, директору института и другим лицам. Они после этого организовали травлю против него. В течение недели он был уволен из Института без права преподавания в ВУЗ'ах, исключен из членов КПСС и арестован органами КГБ по пути в Москву. Арест нашего сына был произведен не без участия местных партийных органов.

Все это делалось под предлогом борьбы с антипартийным и антисоветским выступлением на партийном собрании нашего сына.

Нам трудно судить сейчас о характере его выступления на собрании, ибо мы не имеем полных сведений, но мы, родители Юдина Э., можем сообщить Вам следующее:

Эрик Юдин родился в 1930 году. Вся его жизнь прошла на наших глазах. Начиная со школьных лет, он принимал активное участие в комсомольской жизни. В Московском Юридическом Институте он был членом бюро ВЛКСМ, в Московском Городском Педагогическом Институте им. Потемкина в течение двух лет был секретарем комсомольской организации, работал заведующим отделом Московского Городского Комитета Комсомола и был членом Пленума МГК ВЛКСМ.

В 1951г. Эрик Юдин закончил Московский Юридический Институт. В 1955 г. окончил аспирантуру, защитил диссертацию, получив звание кандидата философских наук.

Мы, родители, знали его как честного и преданного делу партии человека. Все мировоззрение Эрика Юдина, его идеология были воспитаны комсомолом и партией. Он полностью разделял политику партии, проводимую в нашей стране, и всеми силами помогал ее осуществлению. Вне партии

наш сын не представлял себе жизнь. Поэтому нам совершенно непонятно обвинение нашего сына в антипартийных и антисоветских выступлениях и мы не можем поверить, что за столь короткое время, т.е. за 3 месяца, он мог превратиться в социально-опасного человека, подвергшегося аресту.

Основываясь на изложенном, мы просим Вас принять участие в расследовании настоящего дела.

Учитывая необъективное, предвзятое отношение к возникшему уголовному делу Секретаря Горкома, директора Института, являющегося членом Бюро Горкома КПСС, и других лиц, которые могут повлиять на расследование дела, просим ВАС, в целях беспристрастного объективного исследования всех обстоятельств дела, изъять его из органов КГБ города Томска и передать для расследования в органы КГБ г. Москвы. РОДИТЕЛИ: 1) Отец — Юдин Григорий Наумович 1904г.рождения, работаю начальником отдела Главного Управления Министерства Черной Металлургии СССР, 2) Мать — Трушко Юлия Семеновна 1906 г. рождения, работаю старшим экономистом Госэкономкомиссии СССР.

(личные подписи)

7 января 1957 г.

Аналогичные заявления были направлены также на имя Председателя Президиума Верховного Совета Союза СССР Ворошилова К. Е.; Секретаря ЦК КПСС Хрущева Н. С.; Генерального прокурора СССР Руденко Р. А.
Были получены такие ответы:

4.

ПРОКУРАТУРА
Союза Советских
Социалистических Республик
Москва-центр,
Пушкинская, 15-а

11 февраля 1957 г.
№ 13/6-229-57

Московская область, г. Перово,
Рязанское шоссе, дом № 5, кв. 6
ЮДИНУ Г. Н., ТРУШКО Ю. С.

Сообщаю Вам, что Ваша жалоба по делу Вашего сына Юдина Э. Г. Прокуратурой СССР направлена прокурору Томской области с указанием проверки доводов, изложенных в жалобе. О результате разрешения Вам будет сообщено.

Прокурор отдела по надзору за следствием в органах госбезопасности
старший советник юстиции

/Лкжшинов/

5.

Гор. Перово, Московской области
Рязанское шоссе, дом 5, кв. 6

ЮДИНУ Григорию Наумовичу

Заявление, направленное Вами в Комитет Госбезопасности при Совете Министров СССР рассмотрено.

Оснований для перевода Вашего сына из гор. Томска в гор. Москву не имеется.

ЗАМ. НАЧАЛЬНИКА ОТДЕЛА КОМИТЕТА
ГОСБЕЗОПАСНОСТИ

(БАДЬИН)

11 марта 1956 года
№ 12/3-218

(очевидно, год указан с ошибкой)

6.

Воспоминания брата, Анатолия Григорьевича Юдина

В январе 1957 г. я был вызван на допрос в КГБ СССР, где мне было предложено дать показания в связи с возбуждением дела против моего старшего брата Эрика, арестованного за антисоветскую деятельность. В допросе принимали участие майор Кульбашный, еще один офицер КГБ, фамилии которого я не помню, а также стенографистка.

Основное участие в допросе принимал второй сотрудник, который начал с сообщения о том, что мой старший брат является чрезвычайно опасным государственным преступником, причинившим огромный ущерб советской власти. Все это произносилось весьма запальчивым тоном, с потоком оскорблений в адрес Эрика. Сотрудник КГБ назвал его преступником чуть ли не с колыбели, который с ранних лет лелеял мечту разрушить советскую власть. Вся его прожитая жизнь и вся его деятельность была посвящена только этому, а в довершение всех бед он пытался и меня привлечь к этой преступной деятельности.

Весь дальнейший допрос, который длился без перерыва три часа, был посвящен главному пункту обвинений против моего брата, так называемой антисоветской деятельности, основным моментом которой явилась наша переписка. На основе анализа моих писем к брату и его писем ко мне было сделано заключение, что брат, преподавая в Томском пединституте философию, пытался воспитать из студентов стойких антисоветчиков.

Практически весь поток обвинений был связан с довольно подробно рассмотренными в наших письмах вопросами Венгерского восстания и ввода в Венгрию советских войск. То, что Эрик называл

этот ввод войск оккупацией и подавлением народного протеста против насаждения в Венгрии советских порядков, считалось святотатством и самым страшным грехом, прощения для которого нет и не может быть. «Там из-за угла эти подонки убивают наших ребят, а ваш брат их защищает», — кричал следователь.

«Весь советский народ поддержал интернациональную помощь родной советской армии братскому венгерскому народу, и только жалкая кучка отщепенцев вроде вашего брата смеет проливать крокодиловы слезы по поводу венгерских контрабандистов, уголольников и бандитов.» Такого рода аргументы приводились в изобилии. Кроме того, говорилось, что такое мышление, как у моего брата, может быть только у законченных негодяев.

Второй вопрос, о котором шла речь на допросе, был связан с тем, что в одном из своих писем брату я сообщил ему о прошедшей забастовке на заводе им. Лихачева, о которой в средствах массовой информации, естественно, не было сказано ни единого слова. Насколько я помню, бастовал тогда не весь ЗИЛ, а только литейные цеха, где были невыносимые условия работы. Брат очень живо отреагировал на это сообщение, полагая, что забастовка может явиться началом активных действий в стране. Надо отметить, что с февраля 1956 г. он находился под очень сильным впечатлением от состоявшегося тогда XX съезда КПСС, развеявшего культ личности Сталина. Он думал, что после вскрытия страшных тайн и мерзостей страна обновится и пойдет по нормальному пути развития, в котором не будет места лжи и насилию.

Естественно, что факт ввода войск и подавления венгерского восстания был для него страшным психологическим ударом, который перевернул все его представления о тогдашних руководителях страны. Эрик предполагал, что забастовка на ЗИЛе может явиться ответом нашего населения на незаконные действия советских руководителей.

Остальная часть допроса была связана с огромным желанием склонить меня к признанию того факта, что мой брат — преступник, и я должен отречься от него. Надо сказать, что в этом майор Кульбашный никакого участия не принимал. На все эти слова я отвечал, что брат является для меня не только близким родственником, а большим и настоящим другом, очень многому меня научившим. Почему-то эти слова вызывали у следователя особую ярость, а временами он переходил на крик и на угрозы типа того, что и по мне тюрьма плачет. В качестве аргумента он приводил сообщения, что брат полностью признал свою вину и просил, чтобы об этом обязательно рассказали мне. Правда, никаких писем или документов такого содержания мне предъявлено не было.

Видимо, основательно устав от своих попыток получить от меня нужные показания, поскольку я все время повторял, что мой старший брат является очень дорогим и любимым человеком, концовку допроса следователь провел довольно вяло. К тому же пассивная роль майора Кульбашного не могла способствовать особому успеху этих начинаний. В конечном итоге, повторив еще

раз уже в более спокойной форме просьбу, чтобы я отрекся от брата, меня оставили в покое, и спустя некоторое время, необходимое стенографистке для заполнения протокола допроса, мне дали этот протокол. Внимательно с ним-ознакомившись, прочтя его не менее трех раз, я его подписал. Практически содержание протокола полностью отражало все, что имело место в ходе допроса. Насколько я помню, были смягчены некоторые наиболее резкие высказывания следователя против моего брата и его злые, порой злобные характеристики. Мысленно я много раз, после этого восстанавливал в памяти многие детали допроса, но мм разу я не сказал ни единого плохого слова о брате.

Позднее, во время службы в армии, когда я был вызван на допрос в управление КГБ при Бакинском округе ПВО, я услышал многие из прежних обвинений в адрес моего брата, а также то, что уже находясь в заточении, он полностью! признал свою вину. В ходе уже этого допроса меня обвинили в следующем: попав в ряды защитников отечества, я преступил скрыв то, что один из моих родственников находится в заключении, да ещё по обвинению в антисоветской деятельности. Правда, на сей раз меня уже не просили об отречении, а только требовали, чтобы я на комсомольском собрании подразделения, членом бюро ВЛКСМ Которого я был избран, рассказал о том, что м'й брат находится в тюрьме.

На созванном в то же день бюро ВЛКСМ я рассказал, что мой брат осужден и отбывает наказание. Я просто констатировал этот факт, никоим образом не осуждая своего брата. Это сообщение не привело к каким-либо оргвыводам, и когда командир подразделения предложил, чтобы меня исключили из бюро ВЛКСМ, при одном воздержавшемся все проголосовали против исключения. • Воздержавшимся был я сам.

После этого вплоть до освобождения моего брата я еженедельно по четвергам проходил экзекуцию в течение одного часа (с 18 до 19) в виде беседований с уполномоченным КГБ при нашем подразделении. Надо сказать, что уполномоченный очень исправно исполнял свои обязанности, заполняя этот час душещипательными беседами с целью моего перевоспитания в активного и сознательного члена коммунистического общества. Он не жалел слов, охаивающих моего брата и осуждающих его. Правда, через год или полтора даже он заметно подустал, но наши еженедельные встречи продолжались. Когда пришло письмо от матери, где она сообщила об освобождении брата, я поспешил уведомить об этом своего кгебшного компаньона. Он, однако, не проявил никакого интереса, из чего я сделал вывод, что он уже знает об этом факте. После этого наши встречи совершенно прекратились.

22.3.1997 г.

7.

рукописный черновик, без указания даты

Директору Томского пединститута

Уважаемый товарищ Федоров!

К Вам обращается отец Юдина Эрика Григорьевича.

Нам стало известно, что нашего сына 24/XII уволили с работы, лишив его права преподавать в других вузах, 27/XII исключили из рядов партии, а 29/XII местные органы госбезопасности задержали его, и он находится в Томске в заключении. Мы не знаем всех подробностей и причин, вызвавших одновременно такие строгие наказания для нашего сына. Однако мы знаем, что на протяжении всей своей сознательной жизни он не совершал поступков, за которые карают. Он честно, добросовестно, с большой страстью участвовал в общественной жизни комсомола и партии. Будучи аспирантом в пединституте, он несколько лет руководил комсомольской организацией, активно участвовал в институтской многотиражке «За педагогические кадры». Мы, родители, воспитали нашего сына честным и порядочным гражданином, любящим свою родину, преданным делу партии.

В Томском пединституте он впервые в своей жизни начал самостоятельную работу и имел все основания рассчитывать, что его старшие товарищи по работе и партийные руководители окажут необходимую моральную помощь и поддержку, как этого требует наша партия и как это обычно делается в отношении всех молодых специалистов, вступающих в жизнь.

К великому сожалению, этого не получилось, и наш сын попал в большую беду. Мы уверены и убеждены, что он ничего серьезного, ничего плохого не сделал, что с ним поступили не так, как поступают с молодым, начинающим специалистом, и если он в чем-либо ошибся, ему дадут возможность исправить свою ошибку и продолжить свою работу.

В эти трудные для нашего сына и для нас дни мы обращаемся к Вам, к руководителю и человеку, с просьбой и рассчитываем, что Вы поможете нам в следующем.

1. Организовать через его товарищей по институту передачи продуктов питания, учитывая то, что у него больные легкие и поэтому он подвержен легочным заболеваниям.

2. Сообщить нам заблаговременно, когда состоится судебное рассмотрение его дела для того, чтобы можно было пригласить защитника.

3. Распорядиться закрыть квартиру, дабы не расхитили его вещи.

Все расходы, связанные с моей просьбой, мы незамедлительно возместим по получении соответствующего сообщения.

С уважением

8.

*рукописный черновой вариант*Председателю Томского областного суда,
г. Томскот Г. Н. Юдина, проживающего
г. Москва, Перово,
Рязанское шоссе, дом 5, кв. 6.

Заявление

На Ваше рассмотрение должно поступить или уже поступило дело моего сына Юдина Эрика Григорьевича, 26 лет, арестованного Томским управлением госбезопасности 29 декабря 1956 г.

Желая воспользоваться предоставленным Конституцией СССР правом на защиту, прошу Вас по окончании дела на Юдина Э. Г. и направлении его в суд сообщить мне по вышеуказанному адресу.

21 января 1957

Г. Н. Юдин

9.

письмо дяди Э. Г., Трушко Ивана Семеновича, посланное из Красноярска, где он был в командировке, и откуда совершил поездку в Томск. Письмо адресовано матери Э. Г. Трушко Юлии Семеновне

Добрый день, дорогие!

Я побывал в УГБ, в обкоме, в облпрокуратуре, в коллегии адвокатов и институте; везде начинают разговор с того, что дело Эрика очень серьезное. Он здоров, находится в 1-ой Томской тюрьме. Я добился в УГБ разрешения на передачу и передал Эрику одну 31/1 и вторую 2/11 57 г., под расписку.

Эрик передал через следователя, чтобы мы не посылали ему «деликатесов» (мандарины, яблоки и пр.), а лучше что-нибудь поплотнее (колбасу, масло, сахар и др.)

Я договорился с Сергеем Чердынцевым о том, что по разрешению УГБ он будет в дальнейшем передавать Эрику передачи и для этой цели оставил 200 руб.

Как сказал мне областной прокурор, следствие должно быть закончено в феврале и разбираться будет в областном суде, при закрытых дверях. Он не возражает против защитника из московских адвокатов. Обвинения предъявляются в общем такие, что нам известны, только в более раздутой форме.

Дело не безнадежное, но надо договориться с хорошим защитником и рассчитывать только на Москву.

Игоря Шакинко исключили из партии и, возможно, дело пойдет по тому же пути.

Я буду в Москве числа 18/II

До свидания, дорогие, привет всем.

Ваш И. Трушко.

4.2.57 г. г. Красноярск.

Игорь Шакинко — преподаватель Томского пединститута

10.

рукописный черновик, без указания даты и адресата

В Верховный суд РСФСР поступила кассационная жалоба моего сына, Юдина Эрика Григорьевича 1930 г. рождения, осужденного Томским областным судом к лишению свободы на 10 лет по статье 58-10.

Как мне стало известно, во время следствия он сам на себя возвел тягчайшие обвинения, как, например, то, что его деятельность была направлена к реставрации капитализма, воспитанию в антисоветском духе своего брата Анатолия, искажению марксизма в лекциях. Эти его показания, как свидетельство его преступности, указаны в обвинительном заключении.

...Вся его жизнь до отъезда в Томск проста и ясна, как на ладони. Он честно, до самозабвения, выполнял всякую работу, которую ему поручали комсомольская и партийная организации. Он жил и работал в окружении людей, преданных своей родине, коммунистической партии. Все, о чем может мечтать молодой человек нашего времени, мой сын получил от Советской власти, от советского народа: обеспеченную жизнь, высшее образование, ученую степень. Зачем же ему, родившемуся в 1930 году, достигшему к 26 годам ученой степени, нужен капитализм??? Что общего у него с капитализмом?

Если даже отвлечься от абсурдности такой постановки вопроса, как реставрация капитализма, то и тогда непонятно, что ему мог бы принести капитализм? Далее, обвинение самого себя в воспитании брата в антисоветском духе также несостоятельно. Став взрослым, с братом он не виделся неделями, так как поздно приходил домой. Ничего общего у них не было кроме увлечения футболом и шахматами. К своей преподавательской работе он относился с большой ответственностью, он хотел избежать шаблона, искал пути, как вовлечь студентов в активную работу над вопросами философии.

Не имея опыта преподавательской работы, он, возможно, допустил ошибки, но это ни в коем случае не было злонамеренным актом. Клевету, возведенную на самого себя, я объясняю только состоянием глубочайшей духовной депрессии, овладевшей им во время следствия. Я, мать Юдина Эрика, выросла в рабочей семье, с 16-ти летнего возраста начала работать, вырастила пятерых детей, за добросовестную работу награждена орденом Ленина, Трудового Красного Знамени, медалями, глубоко верю в справедливость нашего Советского суда.

Я уверена, что его дело будет рассмотрено со всей объективностью и поэтому прошу кассационный суд дать ему возможность лично осветить все обстоятельства дела.

Прошу также мое заявление приобщить к делу моего сына.

11.

Воспоминания жены, Ирины Игоревны Юдиной

На заседание суда я приехать не смогла: у меня на руках был наш грудной ребенок, 3-месячная дочь. Как только я устроила свои дела, через несколько дней после суда я приехала в Томск. Эрик в это время находился в Томской тюрьме в ожидании отправки в лагерь на 10 лет по ст. 58—10. Остановилась я в той убогой комнатке в общежитии, которую выделили Эрику, когда он работал. Там меня навестили студенты Эрика, которые, как и все, кто слушал его, стали его горячими поклонниками, тяжело переживали случившееся и старались чем-то быть полезными, помочь мне.

Получить свидание оказалось очень непросто, несмотря на то, что я была кормящая мать, и только после вмешательства наших друзей мне разрешили свидание.

Воспоминание об этом первом свидании до сих пор вызывает у меня ужас.

Я не видела Эрика семь месяцев, из них около трех месяцев он был в кошмаре — следствие, которое он провел в одиночной камере, суд и страшный приговор. Я прощалась с высоким, красивым, светлым и внешне и внутренне, уверенным в себе обаятельным молодым человеком, который в любой компании независимо от своего желания становился центром внимания. Из-за решетки ко мне шел раздавленный, растерянный, облысевший мужчина с серо-черным лицом и погасшим взглядом, слезами в глазах.

Для встречи нам выделили 10 мин. под контролем ВОХРа. Мы оба были в таком состоянии и настолько оказались неподготовленными к встрече, хотя последние месяцы так ее ждали, что толком не успели друг другу ничего не сказать. Да и что скажешь?! Эрика, кроме всего прочего, мучило чувство вины перед семьей, хотя мы, его близкие, ни минуты не винили его. Он спрашивал о дочери,

ребенке, которого он ждал и для которого мечтал быть отцом не только по документам, а теперь лишился не только отцовства, но и уверенности в том, что увидится с ней. Пока мы, хоть и через решетку, были вместе, я держалась и не плакала благодаря лекарствам и твердому решению не расстраивать его. Но когда свидание объявили законченным, Эрика стали уводить и я увидела его согнутую спину, я не выдержала и разрыдалась. Эрику было 26 лет, мне — 21, я была уверена, что наша жизнь только что закончилась.

К счастью, мы оба остались живы, Эрик встретился с дочерью и стал для нее отцом, о котором можно было только мечтать, но убито было действительно многое, гораздо больше, чем просто 4 года, и прежде всего возможности Эрика — философа, ученого и его здоровье.

27 марта 1997 г.

12.

Письмо послано из Томской тюрьмы

8.04.57 г.

Дорогие, родные мои!

Что же так долго нет письма от вас? Я по нему страшно истосковался и жду его с необыкновенным нетерпением. И надеюсь, что в самые ближайшие дни оно придет ко мне.

У меня очень мало нового. По-прежнему жду, как решится мое дело в Верховном суде. Я думаю, что вы мне пришлете телеграмму, когда это решение состоится.

А пока стараюсь все больше настроиться на практический лад, не терять времени даром. Для этого пытаюсь с максимальной строгостью регламентировать свое время, делю его между английским, шахматами и чтением. Таким путем удастся создать некоторый ритм и напряжение жизни, а благодаря этому и время летит быстрее, и голова освобождается от пустых, ненужных разсуждений. Но все же очень тоскую — и вас всех страшно хочется видеть, и по работе соскучился. До сих пор я никогда не думал, что труд имеет такую огромную притягательную силу. Зато теперь я, кажется, научился его ценить. Так хочется дать настоящую работу и голове и мышцам!

Мое будущее предстает передо мной во все более определенных формах: сейчас я уверен, что рано или поздно вернусь к научной работе. Я чувствую и знаю, что без этой работы не смогу жить. И — кто знает — может быть, со временем я смогу опять заняться философией (конечно, это будет не так скоро, но мне почему-то кажется, что все-таки это будет, хотя и очень трудно мне будет завоевать это право). Уж очень сильно я к ней привязался. Ну, а пока будем осваивать математику, это тоже очень

интересная штука. Конечно, будет очень и очень много всяческих трудностей, но они меня не пугают и не отталкивают: «теперь года прошли, я в возрасте ином, и чувствую, и мыслю по-другому». ...

Будьте здоровы, мои родные, любимые!

Крепко-крепко вас целую и обнимаю!

Ваш Эрик

13.

*Воспоминания Георгия Филипповича Швейника,
январь 1990 г.*

Томский централ, 25-я камера

Я не философ — совсем, — потому... от меня можно услышать лишь несколько слов: «Знаете, каким он парнем был?..»

Хорошим он был парнем!

Взяли нас в один день, накануне Нового 1957-го года, но познакомились мы только в конце марта, после суда: для 58-й статьи под следствием полагалось одиночное заключение. После трех месяцев молчания (допросы не в счет) так здорово поговорить с живым человеком! А с ним было о чем поговорить. В свои двадцать пять лет он имел за плечами Московский Юридический и аспирантуру по философии, кандидатскую степень... Он и погорел-то на этом: в своем пединституте рассказывал студентам на семинаре концепцию какого-нибудь Маркузе и задавал им на дом теоретический разгром одного Маркузе к следующему занятию, через неделю. Студенты в нем души не чаяли: ведь у него надо было не зубрить, а думать! Но тут как раз декабрьский (1956 г.) Пленум ЦК КПСС с секретным постановлением «о борьбе с демагогами» — завели дело, провели обыски в Томске у него и в Москве у брата, изъяли письма... А там написано «Неотрывно слежу за событиями в Польше и в Венгрии. Наконец-то повеяло свежим ветром!..»

— Итак, гражданин Юдин, по-вашему, когда коммунистов вешают — это свежий ветер?!

— Гражданин следователь, будапештский горком штурмовали в ноябре, а письмо написано 26-го октября...

— Так вы что, не понимали, к чему дело идет?!.. Глупенький?! Образования не хватает?!..

Вот так ему и влили «на полную катушку», все десять лет, сколько статья позволяла. Потом, правда, снизили срок, через три года выпустили... Но это в ФРГ «запреты на профессии», а у нас — пожалуйста, философ Юдин, идите и работайте! Прессовщиком, разумеется, на завод резинотехнических изделий. Как он все-таки в философию прорваться сумел,

не будучи даже реабилитирован, — это надо было быть Эриком.

А тогда, 34 года назад, в 25-й камере оказалось два хозяина, меня привели третьим. И так мы троим и прожили два месяца, пока в Верховном Суде РСФСР рассматривались кассационные жалобы и утверждались приговоры Томского областного суда. Кандидат наук философ, студент геолог и совсем мальчишка, средней руки воришка, которого собственный дядька посадил по 58-й за какой-то анекдот, чтобы спрятать его от уголовной статьи: там ему светило не три года, а все восемь, да еще в скверной компании. (Дядька служил в угрозыске и знал, что к чему).

Душой нашей компании был, разумеется, Эрик. Разъяснял непонятное в политике, переводил разные интересности из польских газет и журналов, рассказывал всякие казусы из юридической практики (чего стоил один только процесс Министра культуры СССР товарища Александрова!), преподавал нам философию, польский, немецкий, математику, обдирал в шахматы, как младенцев...

Гремит засов, открывается дверь — появляется начальник тюрьмы со свитой. По «Правилам внутреннего распорядка» мы обязаны встать. Эрик не встает — вскакивает! Бросается к двери, слегка кланяется — при его росте все равно смотрит на начальство сверху — и с лучезарной улыбкой радушно приглашает: «Милости просим! Заходите, заходите, располагайтесь, будьте как дома!..» Надо было видеть их физиономии! Забавно, что начальник КВЧ — кажется, армейский политработник, попавший в ГУЛАГ по какой-то разнарядке — на самом деле стал приходить к нам в гости, каждый раз как дежурил по вечерам. Именно в гости. Стучал сначала и спрашивал «Можно к вам?» Вот он здорово в шахматы играл, старший лейтенант, даже у Эрика иногда выиграл. А когда по весне вынули в окна рамы (окна-то небольшие, чуть больше нормальной форточки), то мы устроили целый шахматный клуб. Вообще-то подниматься к окну и переговариваться с соседними камерами запрещено, за это карцер; но весь наш фасад звонко перекликался с молчаливого благословения тюремной администрации. Эрик:

— Мы двадцать пятая! Кто играет?

— Двадцать девятая!..

— Четырнадцатая!..

— Тридцать седьмая!..

— С четырнадцатой мы еще не играли, ребята, начнем с ними, с остальными потом. Какими играете?

— Белыми!

— Ну, начинайте!

— Ой, суки! Куда ж вы ходите, мать! Ведь он вас сейчас в рот..! (Это другая камера, не четырнадцатая)

— Ребята! Это же шахматы, интеллигентная игра, а вы такие слова!.. (Это Эрик)

У соседей по коридору «хипеж» чуть не до драки:

— Да что ты понимаешь, поганка позорная! Шекспир трагедик был, а не драматург!.. Я тебе говорю, тра-ге-дик!..

Эрик разъясняет разницу между драмой и оперой — коридорному, наверно, тоже интересно, иначе заорал бы «разговоры отставить!»...

Как это ни смешно — жили мы весело. На стенке хлебным мякишем приклеили «Договор», в котором три «высокие договаривающиеся стороны» принимали на себя всяческие обязательства. Какие — уже не помню. Кроме одного — бросить курить, — которого не выполнила ни одна из «высоких сторон». Текст составлял, конечно, Эрик — юрист! — а макет оформления обсуждали сообща, с великим хохотом. В гербе наверху были решетка и параша, и девиз на ленте «Dum spiro spero»; а по низу шла еще одна лента с еще одним девизом «Nicht furzen» (Как раз тогда Фурцеву каждый день склоняли по радио, очень трогательно получалось).

А вот разговор «о жизни, о любви». Я разглагольствовал о том, что, мол, любовь все равно рано или поздно проходит — так не все ли равно, на ком жениться...

— Дурак! — сказал Эрик. — Для чего тогда жениться? Когда я просил Иринку стать моей женой — я не верил, что она согласится. Потому что это счастье — невозможное, не заслужил я такого...

— А она что?

— Сказала, что подумает. До завтра. Так я до этого «завтра» ни на секунду глаз не сомкнул, и сигарет выжрал столько, что на неделю хватило бы...

А вот совсем другой случай. Оскорбить «авторитетного вора» — это серьезное дело. По воровским законам за это могут и покалечить. Вокруг нас сидели по камерам уголовники, осужденные за преступления в лагерях на тюремные сроки, т. е. почти сплошь рецидивисты. И вот один из самых-самых «авторитетных» однажды обложил Эрика матом во время нашей шахматной ассамблеи. Эрик в долгу не остался и ответил, как учили, «с американской деловитостью и с русским революционным размахом», так что вся тюрьма тряслась от хохота. А на этапе не спрячешься, даже если очень захочешь. Конвой выкликает фамилию — надо отозваться: имя, отчество, год рождения, статья, срок...

— Юдин!

— Эрик Григорьевич, 1931-го, 58—10 часть 1, 10 лет.

— Так это ты и есть Эрик? — подошел оскорбленный «пахан». — Ну, здорово! — и протянул руку. Наверно, это и называется обаянием личности: человек всегда остается собой, и ему прощают то, чего не простили бы другому, без обаяния (или без личности).

Я не имею права причислять себя к друзьям Эрика Григорьевича Юдина. Другой человек, более близкий ему, мог бы, наверно, рассказать о нем лучше, даже на двух страницах. Единственным оправданием этих записок служит тот факт, что я видел Эрика в дни, когда никто из близких видеть его не мог. Теперь, оглядываясь назад, понимаю, что те дни были наполнены напряженной интеллектуальной работой, переоценкой ценностей, выработкой нового

отношения к жизни, — и с великой благодарностью вспоминаю Эрика.

Замечательный он парень! Эрик Юдин, и пока мы живы — он тоже жив в нас.

14.

рукописный черновой вариант

Председателю Верховного суда
РСФСР тов. Рубичеву А. Т.

гр. Юдина Григория Наумовича,
проживающего в Перово
Моск. обл. по
Рязанскому шоссе 5 кв. 6

Заявление

22 марта 1957 г. по приговору Томского облсуда (дело №88—7с-2) мой сын Юдин Эрик Григорьевич 1930 г. рожд. осужден к 10 годам лишения свободы по ст. 58—10 УК и по определению Верховного суда РСФСР приговор утвержден.

Считая решение облсуда неправильным, прошу Верховный суд РСФСР опротестовать дело по следующим основаниям.

В приговоре и обвинительном заключении указано, что Юдин Э. Г. является идейным врагом Советской власти и коммунистического строя, что объективно его действия привели бы к свержению советского строя и реставрации капитализма, что он воспитывал своего брата в антисоветском духе и наконец, что во всех этих тяжких преступлениях обвиняемый сознался и что это подтверждается его личными показаниями во время следствия.

Поводом для ареста Юдина 3- послужило его выступление на отчетно-выборном закрытом партийном собрании педагогического института, где он работал, состоявшемся в ноябре 56 г., на котором он в резкой форме критиковал работников Томского горкома и обкома, а также высказался в том смысле, что и ЦК КПСС следовало бы советоваться с рядовыми членами партии прежде чем выносить решения и что с культом личности у нас еще не покончено.

На основе отдельных предложений, мыслей и даже фраз, вне связи со всем текстом, взятых из его нескольких писем жене и брату за период октябрь—декабрь 1956 г. делается вывод о его пропаганде против советского строя. Действительные обстоятельства дела таковы:

Юдин Э. Г. учился и работал в Москве до февраля 1956 г. В 1950 г., будучи студентом МЮИ, вступил в ряды КПСС.

В школе, в институте он был активным комсомольцем. В 1951 г. был принят в аспирантуру Московского пединститута им. Потемкина. Здесь он работал секретарем организации факультета, затем института, был членом пленумов районного и городского комитета ВЛКСМ, работал зав. отделом горкома комсомола. В декабре 1955 г. он защитил диссертацию на соискание ученой степени кандидата философских наук, утвержденную 29.XII 56 г. ВАКом. В феврале 1956 г. Юдин Э. Г. был направлен в г. Томск на преподавательскую работу, где он находился по май 1956 и с конца сентября 1956 г. по 20. XII, т.е. в общей сложности 7 месяцев.

В Томск Юдин вернулся после летних каникул в конце сентября один, без жены, которая осталась в Москве в связи с предстоящими родами. Свое одиночество он разделял с преподавателями по институту, в большинстве своем более старшими как по возрасту, так и по работе.

В это время начались события в Венгрии, которые на первых порах в нашей центральной печати расценивались как результат неправильного руководства со стороны клики Ракоши — Гере. В нашей печати неоднократно указывалось, что бывшее руководство Венгрии оторвалось от народа, допустило ряд антинародных действий, вызвавших возмущение народа. Только в декабре—январе 57 г. стало известно, что венгерские события спровоцированы империалистами.

Венгерские события вызвали у многих молодых людей и в особенности у неуравновешенных, неспособных к глубокому анализу, такое чувство, что и в нашей стране имеются недостатки, что отдельные руководители областей и районов не всегда прислушиваются к голосу масс, не советуются с народом и поэтому ошибаются. Такие настроения у многих молодых людей, у студентов в ту пору были в некоторых городах нашей страны, о чем сообщалось в письме ЦК КПСС.

Своими впечатлениями о венгерских событиях он делился со своими товарищами — преподавателями по институту. Свои сомнения он честно, откровенно, как предусмотрено уставом партии, высказал общему закрытому партийному собранию. Наконец, в одном письме от ноября 56 г. он писал об этом своей жене, будучи обманут относительно источника венгерских событий, не разобравшись в существе, в корне этих событий и, как свойственно молодым, горячим людям, ошибся в своих суждениях, выводах.

Однако, если внимательно прочесть его выступление на закрытом партсобрании, без заранее предвзятого мнения, если объективно прочесть все его письма родным и знакомым, а не вырывать отдельные мысли и предложения, скопившиеся в определенный очень короткий период, наконец, если беспристрастно прочесть у студентов, которым он читал лекции, записи, то любой объективный человек, а тем более судья, непременно придет к единственно правильному заключению: никакой антипартийной, антисоветской

пропаганды, а тем более умышленной, в его выступлениях и письмах нет и не было.

А такие утверждения, как свержение советского строя и реставрация капитализма, не только смешны, но и неправдоподобны, просто немыслимы: откуда у Юдина Э., воспитанного комсомолом и партией, имеющего от роду 26 лет, никогда не знавшего "иго капитализма, откуда у такого молодого человека такие мысли, желания и какие для этого у него были пути и средства?

Чем же вызвано признание Юдина Э. в таких тяжких преступлениях, которые приводят в материалах обвинения, и повлекших столь тяжелое наказание?

После выступления Юдина Э. Г. на партсобрании никто не указал ему, а тем более представитель или секретарь горкома, что он неправильно выступил, что его выступление антипартийное. Более того, на этом собрании он был избран членом бюро института. Только несколько позже его вызвали в горком и райком и предложили изложить свое выступление, но и в горкоме ему не сказали, в чем именно он неправ. В течение целого месяца после выступления его вызывали, на всех лекциях бывал кто-либо из горкома. В середине декабря по предложению горкома партии на общем собрании был поставлен вопрос об исключении Юдина из рядов партии за антипартийное выступление. Из 34 членов партии 27 чел. голосовали за наложение на него строгого партвысказания и 7 чел. — за исключение. Лишь после вмешательства горкома партии на втором партсобрании Юдина исключили. В своих письмах родным он писал, что переживает очень тяжелый период, он был подавлен и расстроен до крайней степени. К тому же это случилось в таком месте, где у него не было ни настоящих друзей, ни родных. Вполне естественно, что все эти действия опорочили его и вызвали озлобление против конкретных руководящих работников горкома и райкома, которые не пришли разъяснить ему его ошибки и не помогли их исправить, а стали преследовать и травить его.

В эти тяжелые и полные испытаний для него дни, будучи невыдержанным и нервным, он в среде своих товарищей по институту — преподавателей весьма непочтительно и глупо высказывался по поводу партийного руководства горкома и райкома, т. е. тех, кого он считал виновниками своего несчастья. Причем все его глупые высказывания, да еще с прикрасами, были сообщены органам госбезопасности. Наконец, в ночь с 29 на 30.XII Юдин был арестован и заключен на 2 с лишним месяца в одиночной камере.

Как нам стало известно, вопреки существующим нормам и правилам его допрашивали по ночам, по 12 часов подряд, тогда как допрашивающие трижды за это время менялись.

В результате всего изложенного, в результате душевной депрессии и недозволенных методов допроса он подписал все то, что написал следовательно, да, следовательно! Утверждаю потому, что таких выражений, как реставрация капитализма, нет и не было в лексиконе нашего сына.

Учитывая, что Юдин Эрик Григорьевич не совершил антигосударственных или антипартийных преступлений, что он сам себя оклеветал под давлением лиц, его допрашивавших, что ни в чем не повинного человека приговорили к столь тяжкому наказанию, я обращаюсь с просьбой опротестовать решение Томского областного суда.

(подпись)

30 мая 1957 г.

15.

20 июня 1957 г.

По воспоминаниям жены Э. Г., во второй половине 1957г. по этому вопросу она была на приеме у Мишутина, зам. Генпрокурора СССР. Его слова были примерно такими: «Если бы он убил кого-нибудь, я бы, возможно, ему помог. Но так как он совершил страшное преступление перед партией, то мы вам помогать не будем.»

Начальнику ГУЛАГа
Министерства внутренних дел
СССР

от заключенного Юдина Эрика
Григорьевича, осужденного по
ч. 1 ст. 58-10 УК РСФСР,
отбывающего наказание в 3-м
отделении «Озерлага».

Заявление

Приговором Томского областного суда от 20—22 марта 1957 г. я осужден к 10 годам ИТЛ по ч. 1 ст. 58-10 УК РСФСР. Для отбытия наказания отправлен в 3-е отделение «Озерлага».

Убедительно прошу Вас изменить мне наряд и направить для отбытия наказания в лагерь, расположенный на территории Московской области или, если это почему-либо невозможно, где-нибудь поблизости от нее. К такой просьбе меня побуждают следующие основания:

1. В период 1950—1954 гг. я перенес фиброзно-очаговый туберкулез, который удалось залечить после длительного лечения. В условиях сырого климата туберкулезный процесс может возобновиться. По состоянию здоровья наиболее подходящим для меня является климат средней полосы европейской части СССР.

2. Моя жена и родители проживают в Москве, и поэтому в нынешних условиях мне очень и очень трудно использовать право

на свидание с родными. Кроме того, если я буду находиться недалеко от Москвы, родные смогут эффективно помочь мне в материальном отношении, а также в организации учебы, поскольку в связи с осуждением я потерял возможность работать по своей специальности юриста и преподавателя философии вуза.

3. У меня есть 6-ти месячная дочь, которую я еще не видел со дня ее рождения. При нынешних условиях я и не смогу ее увидеть, тогда как при изменении наряда такая возможность появится.

По всем этим основаниям убедительно прошу удовлетворить мою просьбу.

16.

Это и последующие письма Э. Г. написаны из лагеря, находившегося в пос. Чуна Иркутской области

19.08.57 г.

Дорогие мои, родные!

...Я очень, очень вам благодарен за все заботы, которые вы обо мне проявляете. И даже больше того: я хочу сказать, что вы слишком много делаете в этом отношении. Очень стыдно мне было читать, что из-за покупки брюк для меня папа так много должен был проходить по магазинам. Папа! Родной ты мой! Я тебя очень и очень прошу: не надо так сильно все это переживать, не надо так сильно беспокоиться. Ведь я, в целом, живу более или менее сносно, ничего пожарного в моей жизни нет. Из практических задач, которые я перед собой ставлю, самая главная состоит в том, чтобы перебраться в лагерь, расположенный в европейской части. Тогда я смог бы вас более или менее регулярно видеть, а так и жить было бы легче.

...Ни переводов, ни посылок я от вас не получал. Что касается переводов, то это здесь обычное явление: меньше месяца они не ходят. Но у меня уже есть сведения, что на мой старый адрес перевод поступал. Поэтому можно надеяться, что не позднее, чем через месяц, я получу переводы. Свои же деньги, из тюрьмы, я рассчитываю получить не раньше, чем к Новому году. Правда, я сейчас напишу еще одно заявление в тюрьму по этому поводу, а после этого буду жаловаться Прокурору СССР. Но, в конечном счете, этот вопрос должен уладиться, т. к. через месяц я должен получить зарплату, а я думаю, что рублей около 100 мне заплатят.

...О своей жизни писать нечего. Она вся проходит в работе и занятиях. На работе я не горю, т. к. на такой работе гореть довольно трудно. Общественной работы здесь, слава богу, нет, а та, которая есть, благополучно меня избегает, чему я только рад. Занятия неспешно двигаются. Математику (школьную, конечно) думаю совсем скоро доконать. В последние дни я почувствовал

сдвиг в английском. Теперь читаю со скоростью две страницы в час. Опять начал играть в шахматы, главным образом — с чемпионом здешнего лагеря. Успехов немного, но время летит быстро, о чем я и забочусь главным образом. ...

Все здесь живут исключительно в ожидании предстоящих изменений, особенно теперь, после фестиваля.¹¹ Все предполагают, что амнистия² пройдет не позднее сентября. Но я все-таки не думаю, что я выйду по ней. Я думаю, что будет неплохо, если мне сбросят по ней половину срока. В большей мере я надеюсь на кодекс, но это лишь потому, что его примут не раньше будущего года. При всем при том настроение у меня не пессимистическое. Я уверен, что не позднее 59 года буду на свободе. А может быть, это случится уже в будущем году.

Ну, вот я вам и дал совершенно полный отчет о своей жизни, как она складывается и развивается к настоящему моменту всемирной истории...

17.

26.08.57 г.

Дорогие мои!

Я дожил до странных времен: посылки от вас приходят чаще, чем письма. Позавчера получил вторую посылку, которая, как и первая, доехала в полной сохранности. За нее вам огромное спасибо. Теперь я чувствую себя совершенно нормально, никакие заботы меня не одолевают, если не считать одной-единственной: как бы побыстрее освободиться и всех вас увидеть. Но для разрешения этой заботы у меня еще есть солидный запас времени, поэтому можно не спешить.

...За это тяжелое время во мне очень многое перевернулось. Этот переворот коснулся буквально всех сторон моего характера. И я с полной ответственностью могу сказать, что в целом этот переворот отнюдь не сделал меня хуже, хотя я очень далек от мысли о собственном совершенстве. Наоборот, я сейчас отлично, лучше, чем когда бы то ни было раньше, осознаю свои недостатки. Единственное, в чем я стал хуже, — мои нервы. Тут, действительно, я сдал. Правда, внешне это почти не выражается, потому что я подвергаю себя строгому самоконтролю. Но я иногда чувствую страшную духовную усталость, которая принимает какие-то мучительные формы. Кроме того, я стал очень рассеянным. Это выражается не в том, что я теряю какие-то предметы, а в том, что часто теряю ход собственной мысли, мысли прыгают, скачут, и я не могу их удержать, сосредоточиться. Все это я пишу не в порядке жалобы, а просто так, для собственной характеристики. В целом же

¹¹ Речь идет о Фестивале молодежи и студентов, проходившем в Москве в августе 1957г.

² Имеется в виду амнистия, ожидавшаяся в связи с 40-й годовщиной Октябрьской революции.

я изменился не к худшему, а к лучшему. И если говорить о моих письмах, то я ни одного не писал вам формально, для отписки — наоборот, каждое письмо я писал и пишу совершенно искренне, в тех рамках, в которых это позволяют условия.

Видите, получается у меня какое-то психологическое письмо. Я не знаю, чем это объясняется, почему я сегодня стал так писать. Но вы мне это извините, я просто выражаю свое настроение. А кому еще я могу его выразить? Здесь, в лагере, я держусь твердо, спокойно, гоню от себя всякие переживания. Но иногда, когда бывает особенно трудно, особенно пакостно на душе, является такая потребность — поделиться всем этим, что так тяжело болит, что так гнетет душу. И сегодня вы стали жертвой этой потребности. Я знаю, что этим я причиняю боль и вам, заставляю вас страдать. Но ничего не могу поделать. Пусть вас утешит хотя бы то, что в момент, когда вы будете читать это письмо, я уже буду в нормальной колее лагерной жизни.

Несмотря на все эти тяготы и трудности, я остаюсь глубоким оптимистом и твердо верю, что моя жизнь — не только в прошлом, но и в будущем, и, быть может, в еще более творческой форме, чем это было раньше. Как бы мне ни было тяжело, я всегда знаю и чувствую, что жизнь меня не сломала и не сломит, что я еще могу жить полной жизнью, что мои человеческие качества не стали хуже. Я думаю, что скоро, после того, как пройдут все законодательные бури и окончательно определится мое правовое положение, я смогу даже заняться творческой работой. А это даст уже настоящее удовлетворение.

Больше ни о чем нет настроения писать. Вы обо мне не беспокойтесь, у меня все в порядке, во всех отношениях. Только пишите чаще, чтобы я хоть раз в неделю мог получать письма от вас. А посылать мне ничего не надо, пожалуй, до самого праздника. И если будете посылать к празднику посылку, то положите туда луку и чесноку.

Будьте здоровы, мои любимые!
Крепко-крепко вас целую и обнимаю!

Ваш Эрик.

18.

14.09.57 г.

Дорогие мои!

Вчера, наконец, был сломан лед вашего молчания — я получил папино письмо. Теперь я надеюсь, что письма от вас буду получать хоть немного чаще. Ну, а что касается меня, то вы уже успели убедиться, что я ни одного письма не оставляю без немедленного ответа.

Вот уже год прошел со времени моего отъезда из Москвы. Но я так привык к своему дому, к обстановке нашей семьи, так много и часто думаю о вас, что когда читал папино письмо, то совершенно

реально представлял себе все, абсолютно все, о чем пишет папа. Только маленькая Иринка доставляет мне большие трудности в этом отношении — ее я представляю себе очень туманно, несмотря на все свои старания. Это, конечно, не удивительно, но для меня это мучительный, постоянно возникающий вопрос.

... Каждое воскресенье я присутствую на вашем завтраке и вижу его до малейших подробностей; здесь я отдыхаю душой, забываю о всех муках и страданиях, которые я принес вам и перенес сам. Мне иногда даже кажется, что я еще совсем мальчик, что жизненные бури еще не исхлестали меня. И в эти минуты родной, милый дом кажется еще ближе, роднее, он так надежно защищает и оберегает меня, что никакие невзгоды мне не страшны. Так просто и хорошо посидеть на диване, покрутить ручку приемника, посмотреть в холодильник и кастрюли, забраться под душ.

Наверное, в этом проявляется моя слабость, но я не пугаюсь, потому что здесь очень, очень редко душа отдыхает, но зато очень часто ей приходится с трудом ворочать тяжелые жернова жизненных переживаний. Я только теперь понял, почему человек так любит прошлое и так недоверчив к будущему: радости прошлого для него — реальные, пережитые им радости, которые он легко может воспроизвести в своих мыслях, страдания прошлого — ему не страшны, он даже может ими гордиться, потому что у него хватило сил их пережить. А в будущем — все наоборот. Вот так и у меня, хотя я, при внешнем благополучии, прожил довольно напряженную жизнь. И теперь, когда прошлая жизнь рухнула, развалилась, похоронив под своими обломками и мое будущее, как я его себе представлял, — я стою у этих обломков, связанный по рукам и ногам, и вижу, что в этой прошлой жизни прочными, (Незыблемыми были только некоторые человеческие привязанности. А среди них самой прочной оказалась привязанность к вам, к родному дому, к своей семье. И эта привязанность тем прочнее, что по логике своей жизни я не отделяю от вас своих Иринок, все вы представляетесь мне одной большой семьей. Да так оно и есть на самом деле. Если бы сейчас пришлось уходить из жизни, я сделал бы это со спокойным сердцем, потому что знаю, что в мире есть что-то, прочно со мною связанное и в то же время имеющее силы жить без меня. А что еще нужно человеку, если только его не гложет какая-нибудь болезнь вроде честолубия?

Только вы не подумайте, что это письмо пишется в мрачном состоянии, — совсем наоборот, папины письма всегда создают у меня такое мягкое, спокойное настроение, что я без обычной боли могу говорить об очень дорогих для меня людях, вопросах, воспоминаниях. И за это я очень благодарен папе. Сейчас у меня на душе очень хорошо, покойно, настолько хорошо и покойно, насколько это возможно в моем нынешнем положении. Самое главное — меня не мучают кошмары будущего.

А теперь я могу перейти к деловой части письма, т. е. к рассказу о своих делах.

Я очень рад, что Марианна побывала у вас и поговорила с папой. Это настолько редкий, душевный человек, что вам с нею будет много легче. И она постоянно будет всеми силами вам помогать. Мне кажется, что ее письмо в ЦК может сыграть свою роль, если только оно не застрянет в канцелярских ящиках. Но все же тут есть один сомнительный момент, связанный с ее собственным положением³⁾. Поэтому вы еще раз обдумайте все это дело.

Полностью принимаю ваш совет: буду писать Бойцову.⁴⁾ Сегодня и завтра думаю выполнить это дело. Кроме того, в ближайшие дни напишу жалобу на имя Горкина.⁵⁾ Правда, здесь меня несколько смущают и останавливают два обстоятельства: до сих пор нет в деле копии определения кассационного суда, а во 2-ых, я не знаю, писали ли вы (а если писали, то что именно) на этот адрес. Что касается дальнейшего, то я намерен сейчас развернуть максимальную активность. С этой целью приношу в жертву не только шахматы (в последнее время я стал гораздо меньше заниматься ими), но даже и занятия (кстати, у меня остался один английский, т. к. школьную математику я кончил, а по высшей пока ничего нет). Всю эту работу я начну сразу же после получения от Иры или от вас подробной информации о состоянии моего дела в связи с шагами, предпринятыми вами. Тогда буду еще раз писать Микояну, Куусинену, напишу Швернику⁶⁾, а после этого думаю писать Хрущеву. Вот таковы мои планы на ближайшее будущее.

Думаю, что не позднее, чем через месяц-полтора мой срок наполовину уменьшится по амнистии. Кроме того, возможно, что и новый УК принесет облегчение. Кстати, если это можно, было бы хорошо, чтобы вы мне написали точно, что известно по поводу формулировки 58—10 в новом УК...

В течение ближайшей недели я, по всей вероятности, смогу перейти на другую работу — буду, работать в котельной на электростанции, у аппаратуры насосной. Это во всех отношениях лучше, и главным образом — с точки зрения зачетов,⁸⁾ т. к. там будет идти день к трем. В самом худшем случае, если после нового кодекса отменят зачеты, я все-таки успею заработать несколько лишних месяцев.

³⁾ Марианна Колосова — сокурсница Э. Г. по юридическому институту, в то время — работник прокуратуры. Речь в данном случае идет о том, что всякое официальное обращение в защиту Э. Г. связано с риском для нее самой.

⁴⁾ Очевидно, высокопоставленный партийный или правительственный чиновник.

⁵⁾ Председатель Верховного Суда СССР.

⁶⁾ Высшие партийный и государственные руководители того времени.

⁷⁾ В это время велась работа по подготовке нового Уголовного кодекса, который должен был сменить старый, сталинский.

⁸⁾ В первые годы пребывания Э. Г. в лагере для заключенных действовала система зачетов — каждый отработанный день зачитывался за два дня срока, а на тяжелых работах — за три дня.

Я тоже написал два сердитых заявления насчет денег — и переводов, и моих собственных. На днях какие-то деньги пришли в отделение, так что скоро они поступят на мой лицевой счет. Я думаю, что это либо оба, либо один из переводов, но точно пока не знаю.

Что касается подготовки к зиме, то я даже не знаю, в чем я нуждаюсь. Зимнее пальто у меня есть, шапка тоже, поэтому я не брал зимних вещей в каптерке. Валенки нам выдадут, за этим остановки не будет, а это снимает вопрос о ботах...

Будьте здоровы, мои дорогие, любимые!

Ваш Эрик

19.

рукописный черновой вариант

Члену Президиума ЦК КПСС,
Секретарю ЦК и МГК КПСС
Фурцевой Екатерине Алексеевне

от Юдина Эрика Григорьевича,
1930 г. рождения, члена КПСС
с мая 1952 г. по декабрь 1956 г.,
кандидата философских наук

Заявление

22 марта 1957 года Томским областным судом я был осужден к 10 годам лишения свободы по ч. 1 ст. 58—10 УК РСФСР — по обвинению в проведении контрреволюционной пропаганды и агитации.

Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда РСФСР, рассмотрев мою кассационную жалобу на приговор Томского облсуда, жалобу отклонила, а приговор оставила в силе.

Считая, что я осужден неправильно, необоснованно, что приговор, как и все уголовное дело, является ошибкой, недоразумением, возникшим вследствие неправильного подхода к моему делу со стороны следственных и судебных органов, я обращаюсь к Вам, к Вашему опыту и авторитету, к вашим убеждениям коммуниста-ленинца с просьбой рассмотреть по существу мое настоящее заявление.

Я обращаюсь к Вам потому, что все мое дело является политическим, а не юридическим в первую очередь, что в отношении меня допущена политическая ошибка. В связи с этим я не буду касаться юридической стороны моего дела, хотя и с этой точки зрения в деле были допущены ошибки, нарушения социалистической законности.

Вот уже почти год я нахожусь в заключении, и все это время мне не дает покоя недоуменный вопрос: какая нелепость могла привести к тому, что я попал в разряд государственных преступников, врагов Советской власти и социализма, контрреволюционеров? Ведь для того, чтобы вынести такой суровый приговор, какой вынесен мне, нужно действительно иметь дело с убежденным, матерым врагом нашего государства.

Между тем вся моя жизнь не дает никаких оснований для такого вывода. Мне кажется диким, нелепым, что кто-то может считать меня контрреволюционером, врагом Советской власти и социализма.

Я родился на тринадцатом году Великой Октябрьской социалистической революции, в семье, которая благодаря революции добилась права на получение образования. Только на основе завоеваний революции мой отец и моя мать стали специалистами с высшим образованием, советскими интеллигентами, при полном доверии советских и партийных органов работающими в центральном государственном аппарате. Мой отец, Юдин Г. Н., долгое время работал на руководящей работе в Министерстве Черной Металлургии СССР, награжден орденами и медалями СССР. Мать, Трушко Ю. С., уже около 17 лет работает в Госплане СССР, награждена орденом Ленина, рядом других орденов и медалей, избрана депутатом Московского Городского Совета депутатов трудящихся.

С самого детства я воспитывался в семье в духе глубокого уважения к советскому строю, давшему мне все блага социализма.

С 14 лет я стал комсомольцем и постоянно стремился принимать самое активное участие в общественной работе. В школе я избирался комсоргом группы, во время учебы в Московском юридическом институте — комсоргом группы (в течение трех лет), заместителем секретаря комсомольского бюро курса (также в течение трех лет). После поступления в аспирантуру по кафедре философии в Московский городской педагогический институт им. В.П.Потемкина, где в мае 1952 г. я был принят в члены партии (кандидатом в члены партии меня приняла в 1950 г., в двадцатилетнем возрасте, партийная организация Московского юридического института), я был избран секретарем комсомольской организации физико-математического факультета. Несмотря на очень трудные условия работы в комсомольской организации, насчитывавшей более 600 человек, работа бюро ВЛКСМ, в составе которого я был секретарем, заслужила хорошую оценку организации и была одобрена партийным бюро факультета и института. В частности, было отмечено значительное улучшение на факультете идеологической работы.

На следующий год я был избран, по рекомендации партийных и комсомольских органов, секретарем комитета ВЛКСМ Московского городского пединститута им. Потемкина. Моя кандидатура на этот пост была одобрена И.Т.Марченко, бывшим тогда первым секретарем Советского РК КПСС г. Москвы. Я был избран членом Советского РК ВЛКСМ, членом бюро РК ВЛКСМ, а на Московской

городской комсомольской конференции — членом МГК ВЛКСМ. В июне 1954 г., при поддержке МГК ВЛКСМ, я был утвержден зав. отделом студенческой молодежи МГК ВЛКСМ.

За длительное время моего участия в комсомольской работе меня знали сотни людей, в том числе весьма авторитетных. Мое выступление на пленуме МГК ВЛКСМ в декабре 1953 г. было поддержано Вами, Екатерина Алексеевна. По моему предложению, поддержанному ЦК ВЛКСМ и МГК КПСС (в частности, секретарем МГК КПСС И.Т.Марченко), летом 1954 г. была организована первая поездка студентов стран народной демократии, обучающихся в Москве, на пароходе по Волге, ставшая теперь традиционной.

Я неоднократно выполнял ответственные поручения МГК и ЦК ВЛКСМ, РК и МГК КПСС.

Для моих выступлений предоставляли свои страницы газеты «Московский комсомолец» и «Комсомольская правда».

Ни один из людей, знавших меня, сталкивавшихся со мною, ни на йоту не сомневался в моей идейной убежденности, в моей преданности делу партии, в моем глубоком уважении к КПСС, к советскому строю, к социализму. Никто и никогда не ставил под сомнение моих убеждений и их искренность. Наоборот — партийные, советские, комсомольские органы всегда и во всем оказывали мне самое полное политическое доверие.

Все это не слова, не фразы, все это легко может быть проверено. В январе 1955 г. я вернулся в аспирантуру для завершения учебы и в декабре того же года успешно защитил кандидатскую диссертацию на тему «Народная демократия как политическая форма диктатуры пролетариата». Несмотря на то, что по требованию Томского обкома КПСС, уже после моего осуждения, диссертация повторно рецензировалась и рассматривалась в Президиуме Высшей Аттестационной Комиссии, она повторно была утверждена с высокой оценкой.

Имея возможность устроиться на работу в Москве, я с самого начала пренебрег этой возможностью и попросил Министерство просвещения послать меня на работу на периферию, считая, что там я буду более нужен и полезен партии.

Я получил назначение в Томск и с февраля 1956 г. приступил к работе в Томском пединституте, ассистентом кафедры марксизма-ленинизма. Здесь моя работа постоянно контролировалась и неизменно получала положительные оценки при обсуждениях на кафедре.

К моему несчастью, я всегда отличался очень резким, вспыльчивым характером, невыдержанностью. Эти мои черты привели к тому, что с самого начала моей работы в Томске у меня имели место стычки с некоторыми работниками Томского ГК КПСС. Я не сумел правильно построить свое поведение, и эти стычки с течением времени не прекратились, а обострились.

Эти же черты моего характера, а также отсутствие достаточного политического опыта, привели к тому, что осенью 1956 г. я не сумел своевременно и правильно разобраться в обстановке и допустил

ряд неправильных высказываний по некоторым политическим вопросам, главным образом в связи с событиями в Венгрии.

Это и послужило причиной привлечения меня к уголовной ответственности.

Следовательно, не логика развития моей жизни, моих убеждений привела меня к нынешнему тяжелому положению, а только лишь исключительно неблагоприятное стечение обстоятельств, когда в Томске обо мне судили по моей отдельной ошибке, отнюдь не характеризующей моего политического лица. Даже ошибаясь, я считал себя убежденным коммунистом, сторонником ленинизма.

Коммунистом, ленинцем я считаю себя и сейчас. Я твердо знаю, что путь моей жизни — это путь партии, путь Советской власти. Я никогда не подвергался антисоветским влияниям, всегда был врагом врагов социализма. Я еще слишком молод, чтобы быть контрреволюционером, тем более, что во всей моей жизни для этого нет решительно никаких оснований. На каком-то этапе своей жизни я допустил одну-единственную ошибку, противоречащую всей моей жизни. Эта ошибка не поколебала и не могла поколебать моих убеждений, моей преданности делу партии, которому я отдавал и впредь готов отдавать все свои силы, все, что я имею.

Как убежденный коммунист, я прошу Вас, Екатерина Алексеевна, помочь мне, разобраться в моем деле, чтобы я снова мог в полную меру своих сил и способностей служить партии и Советскому государству.

(личная подпись)

1/XI—1957г.

20.

2.11.57 г.

Здравствуй, родной мой папа!

Два часа назад по радио передали Указ об амнистии. Как и следовало ожидать, меня он совершенно не коснулся. К счастью, я был вполне подготовлен к этому, и теперь не испытываю особых переживаний, воспринимаю все естественно и просто, как должное. А вот за вас я сильно беспокоюсь: боюсь, что вы очень сильно переживаете все это дело. Папа! Хороший мой! Не надо расстраиваться, родной! Ничего неожиданного не произошло. В конце концов, жизнь уже вошла в какое-то русло, в определенные рамки, и в этих рамках она развивается вполне удовлетворительно. Я не хочу сказать, что нужно примириться с этими рамками, но ведь нельзя же обьять необъятного! Я могу тебе сказать то, что ты говорил мне не так давно в письме: все образуется, все будет в порядке, но для этого нужно время и терпение. А я не сомневаюсь в том, что скоро буду вместе с вами, хотя это не произойдет ни завтра, ни послезавтра.

Ира, наверное, уже рассказала тебе и всем вам свои впечатления от поездки⁹. Я думаю, что они вас несколько успокоили, тем более, что все это рассказано живым (притом пристрастным) свидетелем. Ну, а я теперь тоже полностью в курсе всех дел, всех ваших забот по моему делу, по крайней мере, по состоянию на 10 октября...

Что касается моего дела, то у меня к тебе есть две просьбы: во-1-х, я прошу, чтобы ты сам никуда по моему делу не ходил, потому что я знаю твой вспыльчивый характер (я очень хорошо знаю его по себе). Во-2-х, Ира тебе уже передала мою просьбу относительно моего перевода. В этом переводе я вижу сейчас практически самое главное для себя, потому что тогда я смогу периодически видеть вас. Кроме того, мне легче, значительно легче будет осуществлять свою программу занятий. Если же это почему-либо сейчас невозможно, то хорошо было бы получить хотя бы облегчение режима (либо облегченный режим, либо, еще лучше, — право проживания за зоной). Конечно, самый идеальный случай — сочетание того и другого. Но я не требую от тебя невозможного: сделай то, что в твоих силах, и я буду только рад. Если же ничего не получится, то ты тоже не расстраивайся, потому что и в таком случае не будет ничего катастрофического. В конце концов, я устроен сейчас блестяще, и новый кодекс мне нужен только в том случае, если он принесет существенное снижение срока (процентов на 50—60). Так что и возможную неудачу ты не принимай близко к сердцу...

21.

27.11.57г.

Папа, родной мой!

...Теперь дам тебе подробный ответ на все твои вопросы. Ира, наверное, рассказывала, что я уже живу не в бараке. Жилищные условия у нас просто блестящие. Вчера мы закончили ремонтно-благоустроительные работы в нашей избушке: настелили второй пол, переложили печку, побелили комнату, утеплили тамбур, снаружи утеплили все помещение снегом. Дров здесь вполне достаточно, поэтому сибирская зима нам не страшна теперь. Кстати, до сих пор мороз еще ни разу не достигал 30 градусов.

Что касается моей личной экипировки, то с этой стороны тоже все в порядке. Завтра я получу валенки (это уже вопрос решенный), а все остальное у меня есть. Тем более, что по характеру моей работы я не имею нужды ходить по улице.

Продовольственная сторона вопроса обстоит несколько хуже. Дело в том, что в здешний магазин стало очень трудно попасть, все время огромные очереди. К тому же там далеко не все есть. В частности, у нас нет никаких жиров, даже кашу не с чем сварить. И с сахаром бывают перебои. Ну, а все остальное нормально. До последнего времени у нас было масло, каждый вечер кто-нибудь из нас что-нибудь готовил, получалось вполне удачно (во

⁹ Речь идет о поездке жены Э. Г. в лагерь на свидание с мужем.

всяком случае, абсолютно съедобно). А сегодня вот сейчас будем варить кофе (после длительного перерыва). Возможно, в ближайшие дни достанем хоть немного маргарина, тогда усилим кулинарную деятельность. Основную же часть питания, естественно, составляет то, что мы едим в столовой. Вот и все, собственно, что касается моего быта. Ну, об уборке я не пишу: это все очень просто, здесь нет никаких вопросов. Во всяком случае, у нас всегда чисто, и сами мы тоже чистые...

Такова форма моей жизни. Я очень доволен, что в последнее время насыщенным стало и ее содержание... Я хотел в ближайшее время начать работу по философии, которую писал еще на свободе, но теперь перестроил свои планы: думаю сначала подкрепить свои знания, а потом уже писать. Кроме того, теперь значительно расширился план работы, увеличилось количество вопросов. А все это опять-таки требует расширения знаний, расширения кругозора. Я очень, очень серьезно отношусь к этой работе, никогда и ни к какому другому труду не относился я с такой серьезностью, строгостью и взыскательностью. Для меня эта работа в какой-то мере является делом жизни. И я хочу вложить в нее буквально все свои способности, соединив их воедино, как никогда прежде не соединял. Что меня воодушевляет, так это сознание того, что эта работа мне по плечу, я абсолютно уверен, что она удастся. И настолько она поглощает меня, что я даже не вижу дальнейшего предмета работы, чего раньше никогда со мной не бывало. Ту тему, которую я начал в диссертации, сейчас не думаю разрабатывать совсем, хотя я совсем не думаю полностью ее забросить. Вообще, я чувствую, что сейчас я уже почти созрел как философ, и дело только за тем, чтобы максимально расширить научную базу своих знаний. Тогда придет в систему и даст плоды то столпотворение мыслей, которым переполнена моя голова. Может быть, есть какое-то дон-кихотство в этих моих планах и рассуждениях, но сам я, повторяю, отношусь к ним с полной серьезностью и очень верю в их полную реальность.

О своем положении в последнее время думаю как-то мало. Это меня радует, потому, что резко уменьшилось количество ненужных размышлений, приносящих тяжкие страдания, рвущих на части душу. Я вполне спокоен. Сейчас я не питаю себя никакими иллюзиями относительно своего ближайшего будущего: уж слишком прочно мое сегодняшнее положение, и нет никаких реальных путей к его улучшению. Да и какие могут быть пути, если всем делом (по существу, я не имею в виду вопрос перевода) занимается одна Ира? А достижение хотя бы минимального успеха намного превосходит ее силы и возможности, это совершенно ясно. Я только потому не прошу ее прекратить всякие хождения, что без этих хождений ей самой будет тяжелее. Тут, конечно, нужны значительно более мощные силы. А где их взять, если даже Марианна отказалась что-либо сделать? Конечно, я мог бы написать просительные письма в два-три адреса¹⁰, но этого я никогда не сделаю. Просить что-нибудь

¹⁰ Очевидно, речь идет о письмах знакомым Э. Г.

для себя я могу только тебя и Иру, больше никого на свете (в некоторых вопросах могу обратиться еще к Ною¹¹).

...Поскольку в последнее время несколько изменилось отношение к жалобам, я хочу сам написать и отправить жалобу в Верховный Суд СССР. Вообще, я думаю периодически пописывать в юридические органы (не превращая вас в жалобохранилище). Периодически — раз в три-четыре месяца.

Единственное, во что я сейчас верю совершенно реально — это в свой перевод, в течение ближайшего года. До вступления в силу нового кодекса (когда будут ликвидированы зачеты) он, пожалуй, и не нужен мне, т. к. в Европе зачетов нет. А их все же нельзя сбрасывать со счета: все-таки уже сейчас у меня полгода зачетов, а к июлю будущего года (я этим месяцем отмечаю вступление в силу нового кодекса) я буду иметь, с зачетами, три года срока. Это значит, что мне останется не больше трех лет (я все же думаю, что при общем сокращении максимума срока мне тоже скинут года четыре)...

22.

18.12.57г.

Папа, родной мой, любимый!

Вчера получил твоё письмо, но пришлось допоздна заниматься со своими учениками*, а я теперь живу строго по режиму, поэтому отложил ответ на сегодня...

Я очень прошу тебя и всех вас не волноваться и не расстраиваться из-за такого усложнения с вопросом о переводе: во-1-х, это не первостепенный вопрос; во-2-х, поскольку утверждение и вступление в силу нового законодательства переносится и, следовательно, сохраняется status quo в отношении зачетов, мне есть прямой смысл «тормознуться» (ты извини меня за это лагерное выражение!) здесь; как ни говори, а зачеты совершенно реально и ощутимо уменьшают срок. Сейчас же у меня восемь месяцев, а к 1 июля их будет полтора года, что, конечно, весьма существенно при всех условиях. В этом плане я попрошу тебя выяснить обстоятельство другого рода: о возможности облегчения режима здесь (я имею в виду получение права на проживание за зоной).

Чтобы закончить с делом, прошу тебя еще об одном: каждый раз вот так же подробно писать мне о ходе ваших хлопот.

Если мне удастся сохранить нынешний темп занятий, то думаю, что через год я уже смогу в основном выполнить свою довольно обширную программу по математике. А на днях мне пришлось столкнуться с живым примером того, что такие занятия могут быть очень полезными в плане чисто практическом. К нам приехал (со сроком, разумеется) один человек, с которым я в общих чертах познакомился. Ты, возможно, знаешь его: в 51—53 г.г. он

¹¹ Ной Гзгин — одноклассник и друг Э. Г.

работал начальником юротдела на Челябинском трубном заводе (его фамилия Кононов), пока его не осудили по 109. Так он, как и я, кончил юридический институт, а потом первый раз попал в лагерь. После этого кончил (заочно) финансово-экономический. А чем я хуже него?

О бытовой стороне жизни писать решительно нечего: тут ничего ни нового, ни интересного. Да и сам я не особенно занят этой стороной, тем более, что никаких серьезных трудностей здесь нет...

**Э. Г. занимался математикой и другими предметами школьной и вузовской программы с некоторыми работниками лагерной администрации и их родственниками.*

23.

30.12.57 г.

Мамочка, родная моя!

...Завтра новый год, который я уже второй раз буду встречать в этой дикой для меня обстановке. Ты понимаешь, что в моем настроении сейчас преобладают лирические, минорные тона. В голову лезут непрошенные обобщения, касающиеся моей собственной жизни и, главным образом, собственной моей глупости. Просто поразительно, как кричаще противоречиво я жил до сих пор, какие взаимно исключающие друг друга стороны соединялись в моей деятельности и моем характере! Я, конечно, и сам часто чувствовал эту противоречивость, от нее мне часто было очень тяжело и больно. Но, боже мой, как я всегда, постоянно стремился к хорошему, как хотел его для себя и для других! Не знаю, может быть, все со мной случившееся явилось не таким уж неожиданным, а, скорее, вполне закономерным результатом этой внутренней противоречивости и раздвоенности. Но, во всяком случае, я знаю, что теперь моя жизнь будет значительно полнее, чем раньше, что эти тяжелые душевные цепи не будут отягощать меня, и я во всякое время смогу работать и жить с полной отдачей всех сил и способностей, без всякой оглядки.

Что меня наводит на размышления, так это вопросы о том, что уж слишком сурово со мной обошлась жизнь. Ведь, при всех своих недостатках, я никогда не желал людям зла и всеми силами избегал его, когда это было возможно. И, наоборот, я всегда очень охотно делал все хорошее для людей. Я очень любил и люблю делать максимум возможного, чтобы жизнь вокруг меня становилась красивой, насыщенной, содержательной, чтобы она приносила как можно больше радости людям. Поэтому обидно переносить нынешнее положение. Все-таки я этого не заслужил. А самое главное — в том, что все получилось не простым, естественным, человеческим путем, а таким образом, что несколько мерзавцев сплясали канкан на моем позорище.

Ну, бог с ним! Это такая тема, что ее лучше не развивать: чем дальше в нее углубляешься, тем дальше отодвигается конец. Все же прошлое окрашено не только в черные тона, было в нем много настоящей человеческой радости. Я могу с гордостью сказать, что никогда не был подлецом, и если я ошибался, то делал это совсем не по злему умыслу. Не нужно говорить о том, что самой большой моей радостью была и остается моя маленькая семья, эти две чудные девочки, хотя одну из них я совсем не знаю. Ты знаешь, если бы не было у меня этой семьи, то никогда бы я не смог перенести всю эту страшную трагедию так, как я ее перенес. Безусловно, еще большее, с другой стороны, переживать все это, зная, что ты служишь причиной незаслуженных и тяжелых страданий двух невинных созданий. Но я и в этой обстановке всегда чувствую себя бесконечно счастливым от того, что у меня есть такая чистая, красивая семья...

Ну, а что касается моей текущей жизни, то в ней не видно особых перемен. Сегодня получил извещение из Прокуратуры Союза о том, что моя жалоба принята и проверяется, о результатах будет сообщено дополнительно. Видимо, это та жалоба, которую отдавала ты, извещение подписано 12 декабря. Эта бумажка обрадовала меня и возбудила новые надежды: ведь это первый добрый официальный знак, который я получил за все время.

А больше ничего нет. Занимаюсь и читаю, создавая себе все более и более жесткий регламент (хотя еще далеко до совершенства в этом отношении). С точки зрения быта полный порядок.

Завтра не буду спать до наступления нового года у вас, чтобы быть со всеми вами в эту минуту, такую горькую и теплую, единственную, когда реально, физически ощущаешь всех вас и биение ваших сердец...

Будь здорова, моя родная мамочка!
Крепко-крепко целую и обнимаю тебя!

Твой Эрик

24.

2.01.58 г.

Папа, родной мой!

Твое письмо получил еще в прошлом году, но до сегодняшнего дня как-то грустно было, слишком сильно ожили в памяти события прошлого года, поэтому не хотелось портить настроение тебе и всем вам. А сейчас все пришло в норму, и можно писать совершенно спокойно. Конечно, воспоминания о прошлом годе не идут из головы. Ты вполне справедливо и обоснованно ругаешь меня за мое неправильное поведение в то время. И сам я думаю точно так же. Как-то стыдно и неприятно, что в самую тяжелую минуту жизни я обратился не к тебе, не к маме, не к Ире, а к человеку, которого в душе никогда не считал достаточно порядочным и умным. Правда, он сам позвонил мне; правда, я не сказал вам ничего только потому, что не хотел вас расстраивать. Но это несколько меня

не оправдывает. Безусловно, если бы я с самого начала держал вас в курсе событий, то эти события приняли бы совсем другой оборот; пожалуй, тогда бы не случилось непоправимое. Ведь, в сущности, мне нужно было только одно: уехать из Томска не позднее 20-25 декабря. И при ином поведении по отношению к вам я именно так бы и сделал.

А теперь остается только вздыхать о непоправимости случившегося и мотать на ус науку. Будь я тогда таким, какой я сегодня, конечно, все было бы не так. Ну, хватит об этом. Ты не принимай близко к сердцу этих моих сожалений, потому что настроен я вполне спокойно. Когда пройдет год срока, будущее уже не кажется таким мрачным, а конец срока не представляется таким недоступным. Тем более, что сейчас есть все шансы надеяться на облегчение судьбы. Как и ты, я не жду немедленного освобождения. Вероятно, дело кончится снижением срока наполовину, может быть, даже больше. Если оставят три года, то в июле я должен быть дома. Но я не верю почему-то в три года, настраиваю себя на пять лет. А это значит, что мне придется пробыть здесь еще не меньше года. Правда, и это очень хорошо по сравнению с тем, что я имею на сегодняшний день (ведь сейчас мне «осталось» «всего» 100 месяцев!). Словом, есть все шансы надеяться на лучшее в наступившем году. А главное — все самое тяжелое уже осталось позади, в прошлом году.

Безусловно, это лучшее придет далеко не сразу. Тут придется подождать, и немало. Я думаю, что не раньше середины января придет в Москву мое дело, около месяца его будут рассматривать, так что к середине февраля определится мнение прокуратуры. По всей вероятности, они решат принести протест на приговор. Вы, конечно, будете все время держать под контролем ход дела. И очень важно не прозевать этот момент, когда будет оформляться протест, а также просьбу прокуратуры, как она там будет выражена. Это важно не только с точки зрения ожидания, но и с чисто практической точки зрения. Если прокуратура поставит вопрос о возвращении дела на следствие (а это вполне возможный вариант, хотя я и не очень в него верю), то мне нужно будет соответствующим образом подготовиться, детально продумать план защиты. Я буду категорически протестовать против ведения следствия и суда в Томске, это вполне очевидно. При проведении нового следствия безусловно встанет вопрос о новой экспертизе. К этому нужно подготовиться заранее, чтобы новый эксперт был достаточно авторитетным и порядочным человеком. У меня на примете есть один такой человек: П. В. Копнин, доктор философских наук, член редколлегии журнала «Вопросы философии», зав. сектором института философии. Но к нему нужно будет найти пути подхода, хотя он и очень хороший человек. Тут, наверное, сможет помочь В. С. Деза*, т.к. Копнин кончал ту же аспирантуру, что и я. Конечно, сейчас этот вопрос еще не стоит, но его непременно нужно иметь в виду, т.к. в моем деле экспертиза решает всю суть. Если вопрос решится о следствии, то вам нужно будет что-то сделать в этом плане. Может быть, у вас есть другие соображения

на этот счет, тогда напишите мне обязательно, т.к. вопрос об экспертизе буду ставить на следствии именно я, а с вами у меня связи тогда не будет.

Было бы очень хорошо, чтобы все дело рассматривалось в Москве и с моим присутствием. Но я знаю, что вы сделаете в этом отношении все возможное. Может быть, мне нужно прислать соответствующую бумагу?

Ради бога, не связывайтесь больше ни с какими адвокатами! Я вполне сумею прекрасно защититься сам. Если же вы пришлете, то я заранее говорю, что откажусь.

Вот, кажется, все, что я хотел написать о деле. Может быть, это преждевременно, но я думаю, что это не помешает.

В остальном жизнь идет нормально. Встретили новый год. Я, конечно, не спал до московского нового года и ровно в полночь по московскому времени выпил за вас всех (это письмо идет без цензуры). Настроение было паршивым, это понятно. Да и у вас оно не было вполне праздничным...

темкина, был научным руководителем Э. Г. по кандидатской диссертации.

25.

22.01.58 г.

Мама, дорогая!

Вчерашнее твое письмо пришло после того, как я долго не получал никаких писем, поэтому я ему особенно обрадовался, хотя оно, в целом, написано из нелестных для меня выражений. Я полностью согласен со всем, что ты говоришь. В свое оправдание могу сказать только следующее. За год с лишним я, конечно, сумел произвести переоценку ценностей. Это я сделал, в основном, еще в тюрьме. Мне кажется, что я более или менее отделил хорошее от плохого. С тех пор у меня не было и нет настроения заниматься самобичеванием, — я отлично понимаю, что это пустое и вредное занятие...

...Во-первых, я не вижу практической возможности за время заключения овладеть новой специальностью. Занимаюсь я с большой охотой, но ведь на одной самостоятельной работе далеко не уедешь. Ну, математику я освою, более или менее, хотя бы в общих чертах. А как быть с физикой? Я, правда, собираюсь заняться и ею, после изучения основ математики. Но здесь ведь трудно, даже невозможно сделать что-нибудь значительное, выходящее за рамки дилетантства...

Во-вторых, — и это, пожалуй, самое главное, — я чувствую, что никогда не смогу уйти от философии. Сейчас я получил бандероль от Ноя, он прислал мне три тома Гегеля. Я начинаю серьезно

работать с ними, имея в виду довольно обстоятельную работу по диалектике содержания и формы. Эта работа выношена мною, она почти созрела. Я чувствую, что смогу ею сказать какое-то новое слово, что она может иметь какое-то значение, что она может быть интересной.

Наверно, это даже преступно с моей стороны — жить философией в такое время и в такой обстановке, не видя никаких реальных путей выхода в философский мир. Но я не могу заставить себя действовать иначе. Вся моя душа, весь характер построены для философии, я совершенно отчетливо вижу, какие необъятные перспективы здесь открываются, как много можно здесь сделать, я чувствую, что могу что-то сделать в этой области.

Пусть тебя это не мучает и не тревожит: после освобождения я смогу найти работу. По всей вероятности, придется вспомнить свое первоначальное образование. Думаю, может быть, удастся пойти в адвокатуру. Там бы я поработал с удовольствием. На худой конец устроюсь хоть юрисконсультантом. Если удастся реабилитироваться (а я очень верю, что в конечном счете это так и будет), то все вопросы станут совсем в другом плане, и тогда уже худшим вариантом будет адвокатура. Не знаю почему, но я твердо верю, что в течение ближайших 5—7 лет я смогу вернуться к философии...

Конечно, если окажется практически легко (более или менее, учитывая обилие забот, которые падут на меня после освобождения) оформить новое образование, то я сделаю это. Я сделаю это и в том случае, если жизнь не даст иного выхода.

Все эти рассуждения построены на песке. Они, наверное, вызовут твое неудовольствие, потому что они страшно непрактичны. Но, мама, я не могу жить без перспективы, в любом случае, в любом положении я обязательно должен видеть перед собой ясную цель и ясный путь. Только тогда я могу работать с напряжением. А здесь речь идет о направлении всей жизни. Как же мне не высказать тебе своих планов?

...Насчет телеграмм. По праздникам у меня бывает очень скверное настроение, особенно в предпраздничный период. И мне самому не хочется поздравлять вас всех, потому что я знаю о вашем настроении, и, честно говоря, ваши телеграммы к праздникам вызывают не столько радости, сколько тоски и грусти. Поэтому я их и не посылаю...

26.

28.01.58 г.

Бобсон, дорогой мой братишка!

...Ты все просишь, чтобы я подробнее рассказывал о своей жизни. Попробую выполнить твою просьбу. Занимаюсь я, в основном, двумя делами: во-первых, своей основной работой (ты, наверное, знаешь, что я руковожу почтовым ведомством), а во-вторых — математикой (высшей). К настоящему времени полностью освоил две дисциплины: аналитическую геометрию

и начертательную геометрию, и углубился в дифференциальное исчисление. К концу этого года думаю кончить дифференциальное и интегральное исчисление, основы теории вероятностей, начать высшую алгебру и еще пару математических наук. Таковы мои планы на ближайшее будущее. Одновременно начинаю работать в области философии, в частности — над Гегелем. Думаю писать большую работу, а пока буду собирать и обобщать мысли по этому поводу.

Все это и составляет главное в моей нынешней жизни. Что же касается надежд на скорое возвращение, то через месяц или немного раньше выяснится, насколько они обоснованы и на какой срок возвращения я могу рассчитывать. Пока же, Бобсон, ничего определенного сказать нельзя... Но, наверное, к следующему маю можно будет уже быть дома. Долго? Мне тоже кажется, что еще долговато. Впрочем, возможны изменения в лучшую сторону. Но обо всем этом лучше не гадать, т. к. от меня и от тебя здесь ничего не зависит, а через месяц вопрос прояснится.

Позавчера закончился у нас шахматный турнир, посвященный памяти Чигорина. Играло 12 человек, в том числе один перво-разрядник и еще человека два сильных шахматистов. На старте я очень досадно потерял очко против слабого противника. С перво-разрядником сыграл вничью, а остальные партии выиграл, причем несколько раз был на грани поражения. Играл я, в целом, плохо, с зевками. Но несколько раз находил довольно интересные ходы. Прилично, относительно, сыграл я только партию с победителем турнира (я занял второе место, отстав на очко)...

27.

11.02.58 г.

Папа, дорогой, любимый!

...В последние дни у меня был довольно значительный перерыв в получении писем. Я объясняю это тем, что вы все ждали ответ из прокуратуры, а ответ оказался отрицательным, и теперь никто из вас не решаетесь написать мне об этом. Я даже не хочу тратить лишних слов, чтобы доказывать тебе, насколько вы неправы. По вашим письмам я отлично вижу, что вы переживаете мое дело и его неудачи гораздо больше меня. Даю тебе самое честное слово, что я в этом отношении настроен очень твердо и спокойно: я исхожу только из того, что мне предстоит отбыть весь срок, т. е. календарно, в общей сложности, лет 5—6. Руководствуясь этой точкой зрения, всякую неудачу в ходе моего дела я рассматриваю как нечто вполне естественное, само собой разумеющееся после всего случившегося со мной. Поэтому даже крупная неудача вызывает у меня только очень непродолжительное неприятное чувство. А если намечается какой-то сдвиг в положительном направлении, то я воспринимаю его с недоверием. И если, паче чаяния, придется вдруг услышать (или, вернее, прочесть) что-то совершенно определенно положительное, то я отнесусь к этому, как к неожиданной радости.

Так что я еще раз прошу тебя и всех вас писать мне обо всех неприятностях без всякого стеснения, не боясь огорчить меня...

Теперь я живу один в своей будке. И, естественно, блаженствую. Что касается хозяйственных вопросов, то я их решаю очень легко, тем более, что всегда есть у меня помощники. Впрочем, мое одиночество в ближайшие дни кончится. Я уже писал Ире, что ко мне въедет журналист (бывший, конечно). Но его общество ничем не помешает, т. к. он вполне порядочный человек.

Тем не менее я бы, пожалуй, не пошел на это дело, если бы не необходимость в новой перемене в моей судьбе (точнее: в моем положении в лагере). Дело в том, что с нового года сократили количество работ, на которых дается наибольший зачет. Меня, безусловно, не бросили на произвол судьбы, но пришлось подыскать новую работу. И вот сегодня я второй день работаю на новом месте: бракером в сушильном цехе, опять вернулся на производство. Здесь я думаю закрепиться как можно более прочно, т. к. работа вполне подходящая, во всех отношениях. Из нее я извлеку даже и практическую пользу, познакомлюсь с некоторыми вопросами деревообработки. Очень удобно также и то, что работать все время придется в вечернюю смену: с 6 вечера до 3 часов ночи. Я понемногу занимаюсь на работе, да и дома теперь больше свободного времени...

Через пару дней стукнет мне уже двадцать восемь. Солидный возраст, с его наступлением даже в комсомоле не разрешают оставаться! А я еще ровным счетом ничего путного в жизни не сделал. Только и было у меня две больших удачи в жизни: две Иринки. Это, конечно, очень и очень много. Но сколько сил растрчено впустую! А ведь я знаю, что мог бы отдать эти силы с большой пользой. Но что сделаешь, когда так дурачки складывается вся жизнь: только наладишь дело, войдешь во вкус, разгонишь кровушку по жилушкам, как какая-нибудь пакость сразу и до основания все ломает. Уж и волос на голове почти не осталось, а опять нужно думать, как и с чего начинать жизнь через несколько лет, когда передо мною откроют вахту и разрешат двигаться без конвоя.

Впрочем, это все какие-то старческие мысли, которые очень редко меня посещают, так что ты им не придавай значения. В общем, все в порядке, дела идут отлично, в пределах возможного...

28.

17.02.58 г.

Мамочка, дорогая моя!

Вот уже почти четырнадцать месяцев нахожусь я в этом интересном положении, а вы все остались такими же наивными, как и год тому назад, и почему-то считаете, что прокуратура сообщает мне свои решения по телеграфу или немедленным телефонным звонком. Конечно же, я еще не получил никакого

официального ответа. Правда, его смысл достаточно ясен из твоего письма.

Я вижу, что этим ответом ты очень и очень огорчена, больше даже, чем я сам. Но что я могу сказать тебе в утешение? Меня этот ответ нисколько не удивил, я ждал его, а потому он вызвал у меня только непродолжительное неприятное чувство, которое уже прошло. И совсем напрасно ты меня утешаешь, (хотя и пишешь, что не умеешь утешать): я отлично понимаю всю тяжесть своего положения и те большие трудности, которые стоят на пути к его изменению. С другой стороны, я абсолютно твердо убежден, что судьба моя изменится, и гораздо раньше, чем кончится срок, определенный приговором. Я знаю, что правда существует, что я виноват не перед государством, а только перед вами и перед самим собой, и вина моя состоит лишь в том, что я неправильно, преступно неправильно вел себя: на следствии. Именно на этом основывается моя уверенность в конечном торжестве справедливости. Только я тебя попрошу: не надо говорить мне, что весь дальнейший ход дела зависит от моего поведения в лагере. Во-первых, я не маленький мальчик, и сам прекрасно понимаю, как должен складываться мой нынешний образ жизни. Во-вторых, не нужно тратить слов, чтобы доказывать то, что не может быть доказано: само по себе мое поведение решительно никакого влияния на мою дальнейшую судьбу не окажет. Ведь за все время я не допустил ни малейшего нарушения, а это даже никого не заинтересовало. Так что не нужно подавать мне иллюзорных надежд. Я очень реалистически понимаю свое положение, и ты можешь не сомневаться, что я не сделал и не сделаю ничего для его ухудшения за все время, что я пробыл и пробуду в лагере.

Из твоих писем видно, что ты мною недовольна, только не хочешь об этом сказать, видимо, боясь меня слишком сильно огорчить. Это совсем напрасно, мама! Мы давно с тобой не виделись, да и раньше, действительно, наши отношения оставляли желать много лучшего. Это, правда, не мешало тебе знать меня так, как никто не знал. Но, наверное, тебе сейчас довольно трудно представить, как и насколько я изменился и изменился ли я вообще. Сам же я не только чувствую, но и знаю, что многое во мне перевернулось, насколько мне кажется — в лучшую сторону. По-моему, в частности, я стал объективнее относиться к себе, к своим ошибкам и слабостям, к критике в свой адрес. Поэтому ты можешь не опасаться, что своей критикой причинишь мне лишние страдания или вызовешь упадок духа. Даю тебе честное слово, что моего духа вполне хватит на все время, которое предстоит мне провести в этих условиях, как бы долго это ни продолжалось. И нет такой силы, которая могла бы выбить меня из нормальной колеи (за исключением, разве, только свободы). После того жестокого удара, который я перенес, все остальное кажется не таким уж страшным и невыносимым. Тебе, наверное, трудно представить себе и понять, что человек, который пережил тюрьму, с ее жутким

одиночеством и бессилием, совсем иначе понимает свои силы, если только он не сошел с ума и не поддался духовному и моральному разложению. Я сейчас так готов к жизненной борьбе, как никогда раньше.

В том, что со мною произошло, я никого не виню, ни одного человека, хотя прекрасно понимаю, что против меня действовали злые силы: я мог и должен был поступить иначе, это несомненно. Ну, а что касается моего отношения к людям, о котором ты говоришь, то, в принципе, я с тобою и в этом согласен, хотя здесь нужно было бы сделать некоторые существенные дополнения. Моя беда и ошибка в прошлом состоит в том, что я свое отношение к людям определял, руководствуясь исключительно их интеллектуальными качествами и абстрагируясь от их духовных и моральных качеств. Необыкновенно ясно я теперь понимаю это. Но это, пожалуй, слишком сложная тема для письма.

Очень много ты говоришь о моем будущем. Честно скажу тебе: сейчас я его ясно себе не представляю. Я только знаю, что от философии не смогу уйти никогда. Конечно, я не мудрый чужак, жил и живу я совсем иначе, совсем иначе понимал и понимаю жизнь, совсем иные у меня условия для работы. Но и философия для меня совсем не то, что она была для Жана¹². Какой-то внутренний голос говорит мне, что в ней мое призвание. И когда я пытаюсь себе представить, что буду заниматься чем-то другим, то становится очень тоскливо и пусто в душе.

С другой стороны, у меня нет никаких сомнений в том, что теперь мой путь в философию слишком обильно усыпан терниями, что для прохождения этого пути потребуется очень много времени, в течение которого нужно работать в другой области, совсем в другой. И к этой области, бесспорно, нужна большая подготовка. Но именно здесь-то и встают самые трудные вопросы, на которые я не могу найти ответа. Ты предлагаешь обратиться за помощью в какой-то заочный вуз. Я ведь и сам еще летом просил вас выяснить эту возможность (вам, в Москве, на свободе, это сделать несравненно легче). Но, во-1х, я до сих пор не решил, на чем именно мне остановиться, у меня нет даже приблизительных наметок в этом отношении. Во-2х, я почти уверен, что мне не дадут возможности вновь получить высшее образование. В-3х, не видно практической возможности пройти в этих условиях самостоятельную подготовку по программе технического вуза: здесь можно более или менее сносно освоить только теоретические дисциплины, тогда как основной объем работы в техническом вузе падает на практическую подготовку. А при наличии разрыва между теорией и практикой не имеет существенного значения, какую именно специальность я изберу. Кроме того, такой разрыв заставит в будущем все начинать сначала. Все эти соображения и удерживают меня от принятия конкретного решения. Сам я вижу только один выход:

¹² Видимо, речь идет о Жане Жакке Руссо.

самостоятельно изучить сначала высшую математику, затем высшую физику и химию. А все остальное я оставляю будущему: оно покажет, каким конкретным путем нужно будет идти. И при всех условиях та работа, которую я себе наметил и делаю, не окажется бесплодной, она облегчит мне любой путь в будущем.

Таково мое мнение по этому сложному вопросу. Но если есть другие возможности, практически достижимые, реальные, то я немедленно ими воспользуюсь.

Об остальном нет настроения писать. Тем более, что ты все знаешь из моих писем Ире и папе. Кажется, я закрепился на своей новой работе. Но тут усиленно говорят о серьезном ухудшении положения с зачетами в самое ближайшее время. Если это случится, то, наверное, будет смысл вновь поставить вопрос о моем переводе, хотя, честно говоря, я не верю в его осуществимость. С другой стороны, я не думаю, что в области зачетов будут принципиальные изменения до принятия нового законодательства и реформы сроков...

29.

11.03.58 г.

Мамочка, дорогая!

Последнего твоего письма я очень, очень ждал, по вполне понятным для тебя причинам. И оно полностью оправдало все мои ожидания. Ты написала как раз то, что мне было нужно.

Только в одном вопросе ты просто не поняла меня, потому что я, видимо, недостаточно ясно выразился. Я имею в виду вопрос о моем сроке. У меня нет и тени сомнения в том, что этот вопрос будет обязательно пересмотрен и решен положительно: если существует справедливость (а она существует), то мы, все вместе, безусловно найдем ее. Поэтому у меня нет ни малейшего стремления подорвать надежды, которыми вы живете, а вместе с вами живу и я. Но я считаю, что та стадия прохождения моего дела, которая была начата при посредстве Пикиной¹³ полностью завершена. Этот, конкретный путь, по моему мнению, пройден до конца, он не оставляет никаких надежд. Теперь речь может идти только о других путях, на одном из которых и определится успех. Таково мое мнение по этому вопросу. Остается только добавить, что я не обманываю себя беспочвенными надеждами на молниеносное разрешение дела и прекрасно понимаю, как много препятствий нужно еще преодолеть, чтобы дождаться того момента, когда можно будет сесть в поезд без сопровождения конвоя.

Словом, этот вопрос ясен — для понимания, конечно. Гораздо сложнее обстоит дело с вопросом о моем будущем. Мне не

¹³ Пикина — в то время работник Комитета Партийного Контроля при ЦК КПСС. В 30-е годы была репрессирована по делу тогдашнего руководителя комсомола Косарева. Помогала Э.Г. и в его лагерные годы, и после освобождения.

нужно подтверждать тебе, что ты совершенно правильно поняла мое настроение в этом отношении. О своем будущем я очень много думал в тюрьме, там этот вопрос все время не давал мне покоя. Но ничего *отределенного я так и не смог решить. С этим приехал в лагерь. А здесь состояние неопределенности не исчезло. Умом я отлично понимаю, что путь в философию для меня закрыт, по крайней мере, на ближайшие 10 лет. Если же учесть, что в течение этих десяти лет я должен заниматься каким-то общественно-полезным трудом, при всех условиях не имеющим никакого отношения к философии, то ясно, что занятия философией превращаются в пустую, даже просто вредную мечту. Так говорит рассудок. Но какое-то внутреннее чувство, не поддающееся контролю, неистребимое, постоянно говорит мне другое. Всем существом своим я чувствую, что мое призвание — философия, что именно здесь я мог бы оказаться наиболее полезным. И особенно в последние полгода я, мне кажется, даже чисто физически ощущаю, как много можно и нужно сделать в этой области. У меня вполне определился научный интерес: если раньше я думал о переходе к эстетике, то теперь меня больше всего интересует общая теория развития общества, а в ней — теория социалистического общества, это, в полном смысле слова, непаханное поле, если не считать некоторых самых общих вопросов. Кроме того, если мне удастся выполнить свой план по освоению основ современного естествознания, то в таком случае открываются гигантские перспективы в области диалектики. Сердцем, каким-то внутренним чутьем я ощущаю, что философия стоит на пороге исключительно грандиозных открытий, сулящих ей невиданные перспективы практического применения. И я твердо знаю, что способен сказать свое слово в этом движении. Пусть не звучат для тебя эти слова нескромно: я несколько не переоцениваю своих сил и возможностей, мои чувства лишены всякой претенциозности.

Вот это противоречие существует постоянно, никак я не могу примирить чувства и разум. Иногда мне кажется, что я все же буду философом, а иногда сама мысль об этом представляется нелепой. Может быть, все это я не переживал бы так остро и болезненно (а переживаю эту сторону я, пожалуй, сильнее, чем отсутствие свободы), если бы у меня была уверенность, что я смогу вложить душу в другое дело. Но я уверен (или настроил себя?), что ни в чем другом не смогу выйти за убогие рамки серой посредственности, рядовой бездарности. Вернее, я не вижу, как смог бы я в другой области работать *творчески* (иного труда я не признаю). Есть еще одна область, в которой можно было бы попробовать свои силы. Я имею в виду журналистику. Но, увы, эта область тоже стала запретной для меня. Чувствую, что из меня мог бы выйти более или менее приличный адвокат. Однако и это поприще теперь закрыто, хотя ему я отдался бы без большого энтузиазма...

Теперь отвечу на твои остальные вопросы. Работаю я все время только в ночь по одной причине: днем мою работу выполняют три вольные женщины, а в ночное время их нет (здесь, вообще, вечером и ночью женщины не работают, что легко объяснимо). К такому

режиму я уже привык, хотя через полтора месяца его придется сменить (я писал, что думаю перейти работать сушильщиком). Сплю я нормально, только по московскому времени: ложусь в половине четвертого — в четыре, а просыпаюсь в 11—12. С зачетами дело обстоит благополучно (я хочу еще раз успокоить тебя и сказать, что никаких нарушений за мной не числится, даже самых малых). Все остальные проблемы быта в порядке. Я пока курю, но с приближением лета все больше растет настроение снова бросить. Кино у нас бывает регулярно, но я почти регулярно в нем не бываю: обычно показывают устаревшие вещи. Все мое общение с искусством сводится к чтению (читаю я теперь сравнительно много). А удовольствие я получаю в те очень редкие дни, когда получаю «Советский спорт». Ничем не смогу тебя порадовать только в смысле общественной работы: я буквально никакого участия в ней не принимаю. То ли я сам изменился в этом отношении, то ли здесь слишком специфическая обстановка, но у меня совсем не лежит душа к этому делу. Понимаешь, вся общественная работа (или почти вся) лишена здесь необходимой искренности и бескорыстности...

30.

26.03.58 г.

Папочка, родной, дорогой!

...Вот и сегодняшнее твое письмо очень ярко показало, как тяжело ты переживаешь за меня. Хотя ты и не пишешь этого прямо, но это достаточно ясно, по целому ряду деталей. Папа, дорогой! Мне очень больно за твои страдания, очень хочется облегчить их. Но я знаю, что это не в моих силах. Поэтому я просто хочу, чтобы у тебя немножко развеялось тяжелое настроение.

Когда я тебе пишу бодрые письма, ты не принимай их за фальшивую монету: я пишу вполне искренне, только то, что думаю и чувствую. Ведь у меня нет абсолютно никаких оснований скрывать свое действительное настроение. С той же искренностью я писал и предыдущее письмо. Действительно, я испытываю большое удовлетворение от перемены места жительства и работы. Тут, понимаешь ли, кроме принципиальной стороны дела, о которой я уже писал, есть целый ряд тонкостей. Все они говорят только в пользу такой перемены. В частности, есть вот какое соображение: находясь во всех отношениях на общем положении, я никому не бросаюсь в глаза, а это всегда благо (надеюсь, ты со мной согласишься). Я в особенности в этом убедился на своем собственном опыте лагерной жизни.

И с бытовой точки зрения я ничего, по существу, не проиграл. Должен тебе сказать, что последние месяца полтора—два до перехода в барак мы почти ничего не готовили, по ряду соображений. Но даже если бы и готовили, то я ничего не потерял, т.к. здесь есть возможность приготовить пищу самому. Зато у меня есть целый ряд плюсов: в бараке нет никаких хозяйственных забот, а ты очень хорошо представляешь, как много времени они отнимают. Хотя

теперь у меня работа отнимает больше времени, чем прежде, но я в гораздо большей степени стал хозяином своего времени...

Из твоего письма я понял, что тебя мучает неуверенность в том, как дальше действовать по моему делу, какими путями двигаться теперь. Мне кажется, что сейчас надо добиваться, чтобы делом занялся Верховный Суд СССР или РСФСР, чтобы именно там его рассмотрели. В этом отношении серьезную роль может сыграть визит мамы к Горкину, особенно в том случае, если он будет подкреплен чем-нибудь. В частности, я уже писал Ире, что снова возвращаюсь к мысли о возможной помощи Стасовой.¹⁴ У нас здесь я пока являюсь единственным экземпляром, которому она отказала в помощи. Всем остальным она отвечает с исключительной теплотой. Поэтому собственную неудачу у нее я отношу на счет простого недоразумения. Мне думается, что следовало бы повторить визит к ней, согласовав это во времени с визитом к Горкину. Только на этот раз было бы хорошо сходить именно тебе. Как ты смотришь на этот план?

Я рад, что ты одобрил мое заявление в прокуратуру. Мне только непонятно, почему Ира совсем недавно писала, что вы решили не посылать это заявление. Как ты относишься к моему намерению заявления аналогичного содержания послать в партийные органы (Куусинену, Фурцевой и Швернику)?

К этому и сводятся мои конкретные предложения на сегодняшний день...

31.

31.03.58 г.

Мамочка, дорогая!

Сегодня я хочу закончить изрядно Затянувшуюся переписку по вопросу о моем будущем. Суть дела в том, что отныне этот вопрос я считаю решенным...

Как и месяц, как и год назад, я сейчас не могу сказать, каким конкретным путем пойду я после освобождения, — этот вопрос не стал для меня яснее. Но я твердо усвоил, что сейчас просто преступно-нелепо пытаться найти ответ на этот вопрос. Суть дела состоит не в этом, ты совершенно правильно говоришь, что жизнь покажет, как мне действовать, куда, конкретно, приложить свои силы после освобождения. Сейчас же нужно сделать все, чтобы период ожидания этого момента не был периодом пустого прожигания жизни. А в моих условиях к этому есть только один путь: максимальное расширение своей эрудиции, в первую очередь за счет изучения основ расширения и обогащения моих культурных, чисто гуманитарных познаний. Это именно то, что нужно будет мне

¹⁴ Стасова Е. Д. — старый большевик, соратник Ленина. Жене Э. Г. удалось попасть на прием к ней, однако на просьбу помочь Стасова отреагировала примерно в том духе, что «ему еще мало дали».

в любой деятельности, при любом конкретном пути, которым мне придется идти.

Но все же это — только одна сторона вопроса. В сущности, она была ясна мне и раньше: тут не могло быть двух мнений. Душевное спокойствие пришло ко мне после того, как я уяснил другую, более тонкую и сложную сторону вопроса. Здесь на первом месте стоит вопрос о *призвании*. Из твоих писем можно понять, что ты считаешь мое призвание для меня самого делом слишком неясным, туманным и сомнительным. Мне очень трудно приводить письменные аргументы в пользу того, что это не так. Но я абсолютно убежден, что знаю свое призвание. И теперь я знаю еще другое: что я приду к этому призванию, что я обязательно сделаю дело своей жизни.

Тут уже требуются комментарии. Прежде всего, я считаю, что у каждого человека есть призвание, — безразлично какое, но обязательно есть. Иными словами, есть такое дело в жизни (опять-таки безразлично — важное или мизерное), которое призван сделать именно данный человек, в котором он наиболее полно раскроет себя как личность и тем самым наилучшим образом выполнит роль мостика от прошлого к будущему. Человек, не исполнивший призвания, жил жизнью фитиля, его жизнь более чем наполовину обесценена, и от этого страдает прежде всего он сам: потому что он лучше других видит неполноценность сделанного им, свои неиспользованные возможности.

Поэтому, раз осознав призвание, человек обязан всеми силами бороться за его осуществление, чего бы это ему ни стоило (конечно, будучи мудрым), ибо это есть борьба за его человеческое достоинство, высший смысл его жизни. ...когда я прошлый раз противопоставлял свой труд — каким я его могу и хочу видеть — труду тех, кто не выходит за рамки «работы» (происходящей от «раба»), за рамки серой посредственности, тусклой бездарности, то я имел в виду не саму по себе общественную значимость труда, а именно отношение к нему трудящегося, то, насколько своим вдохновением он озаряет этот труд, делает его *красивым*, средством украшения жизни, притом совершенно сознательно, искренне, отдаваясь труду вполне и с удовольствием. А источником для этого является именно призвание, чувство призвания.

...Вот что я хочу сказать, чтобы мы до конца поняли друг друга...

32.

22.04.58 г.

Мамочка, дорогая, родная!

...у меня такое впечатление, что в ближайшие месяцы вряд ли будет реальная возможность что-нибудь продвинуть в моем деле. Мне кажется, что тут придется подождать до конца года. Правда, я все же собираюсь сам написать и отправить письмо Стасовой. Хочу только подождать, пока вы выскажете свое мнение по этому

вопросу. К письму ей собираюсь приложить краткую жалобу ПО делу. Если вы ничего не имеете против, то в мае пошлю такое письмо. Почему-то мне кажется, что в данном случае она примет хотя бы минимальное участие в моей судьбе.

...вопрос о конкретном виде моей работы после освобождения я не связываю с вопросом о моем будущем в широком смысле слова... еще здесь я могу получить рабочую квалификацию. Кстати сказать, я и думаю в ближайшие месяцы поступить на курсы шоферов. Так что в этом смысле мне не придется, даже в самом худшем случае, переживать период ученичества. А все дальнейшее покажет и объяснит жизнь. Я понял, что сейчас нет никакой возможности и необходимости предрешать этот вопрос. Думаю, что и ты с этим согласишься. Но напрасно ты говоришь о необязательности своего мнения для меня и т.п. Ведь ты должна понять (да ты и на самом деле это отлично поняла), что у меня в этом отношении была большая сумятица мыслей и чувств, именно нерешенностью этого центрального сейчас в моей жизни вопроса объяснялось мое угнетенное состояние. А в ходе нашей переписки я понял и окончательно уяснил себе принципиальную сторону дела, что позволило обрести душевное равновесие, такое необходимое в этой жизни, где все время нервы напряжены. Теперь буду спокоен, как бы ни затянулось время, которое мне предстоит пробыть в этих условиях.

Ну, а с обувью так получилось исключительно по моей невнимательности. Ведь я ходил зиму в валенках, не обращая внимания на ботинки. А потом как-то вдруг ботинки рассыпались, вместе с галошами... да здесь и нет вопроса: ботинки я немного подремонтировал, хожу в них, еще месяц смог бы проходить...

Получил я очень хорошее, как и всегда, письмо от Марианны. Она единственный человек из тех, кого я знал, к которому я сохранил благоговейное отношение, глубочайшее уважение. И, пожалуй, она единственный человек из близких мне людей (я не имею в виду свою семью, в широком смысле слова), в котором я не ошибался и не ошибся. Она очень сожалеет, что у нее прервалась связь с отцом: ей неудобно было звонить ему в те дни, когда вы так переживали отказ из прокуратуры, а теперь она просто стесняется позвонить ему...

33.

21.05.58г.

Мамочка, дорогая моя!

Получив последнее твое письмо, я было рассердился (это нашло отражение в моем письме Ирине), но потом одумался и сейчас уже жалею, что не сумел сдержаться. В конце концов я понял, что у вас есть достаточно серьезные основания к тому, чтобы сделать перерыв в хождении по мукам. И я буду терпеливо ждать приезда Иры. Только через два дня после получения твоего письма я реально и ясно подумал о том, что вы все переживаете гораздо больше,

чем я сам, потому что мне заключение стало уже привычным, заставило меня смириться с ним, как с фактом, вы же никогда не сможете ни привыкнуть, ни смириться. И ты извини меня за эту мою несдержанность. Ведь в целом я достаточно сдержан и обычно хорошо понимаю, что вы принципиально и последовательно боретесь за меня, насколько это в ваших силах. Но иногда бывают досадные срывы настроения, которые через очень короткое время приносят страдания мне самому, а главное — вам.

Но все же я не оставил мысли о том, чтобы еще раз написать Куусинену, по возможности кратко, с просьбой, чтобы он лично рассмотрел мою жалобу. И Стасовой тоже думаю написать. Ты не подумай, что во мне говорит сейчас какой-то осадок обиды или непонимания. Я просто считаю, что это совсем не будет лишним, а мне самому будет спокойнее от сознания того, что я тоже борюсь за свое освобождение...

34.

4.06.58 г.

Папа, дорогой, родной!

«...Знаешь, за последнее время я передумал писать Стасовой. Мне как-то обидно стало, что она так отнеслась к Ире, и нет никакого желания заискивать перед ней, искать ненужного сочувствия. Кроме того, не стоит переоценивать ее возможностей.

...Я не хочу, чтобы ты искал в моих рассуждениях отчаяние и настроение безнадежности. Я перестану считать себя человеком с того момента, когда утрачу надежду и веру в будущее. Хотя и крепко меня побили, но я не утратил веры в себя, чувствую свои силы и уверен, что сумею найти приложение им. В то же время я считаю недопустимой слабостью строить всю свою нынешнюю жизнь на основании весьма шаткой и совершенно слепой надежды на какое-то чудодейственное быстрое освобождение. Такое чувство было у меня в первые месяцы, но теперь ему нет места в моей душе. В такой обстановке, какая окружает меня сейчас, есть единственное средство сохранить свое человеческое достоинство, не превратиться в тряпку, в бессильное и жалкое существо. Это средство — максимальное мужество и собранность, умение трезво оценивать свое положение и из этой оценки делать практические выводы для организации своей жизни. Я не смог бы заниматься более или менее плодотворно, если бы жил слепой верой в чудесное освобождение.

Кроме того, я уже не один раз говорил, что теперь меня вовсе не пугает перспектива отбытия срока полностью, имея в виду зачеты. Пройдет июнь, и будет у меня за плечами уже почти полных три года отбытых¹⁵. А всегда тяжелее дается первая половина...

¹⁵е этом, как и в последующих подсчетах, Э. Г. исходит из возможности условно-досрочного освобождения после отбытия двух третей срока.

35.

25.07.58 г.

Папа, дорогой!

...Я тебе очень благодарен за ту огромную заботу и внимательность, которые ты постоянно проявляешь по отношению ко мне и Ирине, которые особенно проявились в организации ее поездки ко мне...

Теперь, после приезда Иры, я достаточно подробно освещен о вашей жизни, по крайней мере, о наиболее важных ее чертах... В целом я остался доволен. Но некоторые моменты вселяют беспокойство. Особенно мне не нравится то, что ты так сильно изматываешься и устаешь, таща на своих плечах огромное количество забот. Тебе не остается времени даже и для сна... Мне необыкновенно больно думать о том, что ты так переутомляешься, что каждый твой день насыщен таким напряжением...

Что же касается настроения, то оно гораздо лучше, чем я мог ожидать, если учесть такое удручающее обстоятельство, как отъезд Иры. Не знаю, чем именно это объяснить, но я теперь не только снова поверил в возможность скорого освобождения, но как-то совершенно твердо исхожу из того, что скоро буду дома, что мне осталось пробыть здесь считанные месяцы. Может быть, я ошибаюсь и на этот раз, но уверенности у меня больше, чем когда-нибудь раньше. Это нашло отражение и в заявлении на имя Хрущева, с которым ты уже знаком, и в жалобе, которую я отправил на имя Салина¹⁶. Боюсь сказать, что буду дома в этом году, но даже и такой возможности я пока не исключаю.

Но, конечно, это совсем не значит, что я не допускаю и менее оптимистических вариантов. Полтора года отучили меня от самонадеянности и легковерия. Поэтому я и просил Иру снова поднять вопрос о переводе. Тепеь уже это имеет под собою все основания.

Даже в том случае, если предположить наихудшие из возможных вариантов, я ничего не потеряю от перевода. В конце концов, новое законодательство будет принято в течение года, не больше. А это снимет проблему зачетов. Поэтому вполне можно сказать, что игра стоит свеч. Не нужно, конечно, объяснять, что моим переводом снимется и еще целый ряд проблем, которые сильно меня мучают. Достаточно сказать, что в новых условиях я смогу увидеть и тебя, и маму, и свою дочь. А сейчас, безусловно, нет такой возможности. Пожалуй, стоит подождать ответа на очередной визит в прокуратуру — все-таки этот визит не вполне безнадежен, даже по моему разумению (не говоря уже о мамином). Но в случае отрицательного ответа я бы хотел, чтобы вопрос о переводе был поставлен и разрешен как можно скорее...

¹⁶Салин — заместитель Генерального Прокурора СССР.

36.

26.07.58 г.

Мамочка, дорогая, родная!

...я попрошу тебя об одной вещи: когда будешь у Салина, попробуй узнать у него, когда, примерно, войдет в силу новое законодательство, на что можно в связи с ним рассчитывать, будет ли принят вместе с «Основами» Закон о государственных преступлениях и как выглядит в проекте этого закона моя статья, в первую очередь — ее срок. Думаю, что при любом отношении к моему делу он хотя бы в общих чертах ответит на эти вопросы. А мне хотелось бы иметь твердую уверенность хотя бы в том, что я освобожусь в 61 году, если будет нормально с зачетами. Правда, мне кажется, что законодательство будет обязательно принято в течение ближайшего года, что при этом условии я освобожусь по меньшей мере на год раньше, чем планирую. Но все же я привык на всякий случай запасаться и худшим из всех возможных вариантов...

37.

14.08.58 г.

Папа, дорогой!

Несмотря на свою краткость, твое последнее письмо вселило в меня беспокойство. Хотя ты ничего не пишешь об этом, но я чувствую, что ты слишком сильно за меня волнуешься. Мне очень трудно убедить тебя в том, что для этого нет оснований: уж больно далеко находимся мы друг от друга, да еще в таких несходных условиях. Но все же я хочу, чтобы твои волнения хотя бы уменьшились немного. Совершенно откровенно говорю тебе: я чувствую себя нормально и прочно, настолько, насколько это возможно в моем положении, притом прочность я ощущаю во всех отношениях. Честное слово, тебе не о чем беспокоиться.

В последние дни, правда, несколько поубавился мой оптимизм в отношении видов на будущее: я опять сильно сомневаюсь в возможности даже минимального успеха очередного визита в прокуратуру. Такое же настроение было у меня и до приезда Иры, но она как-то вселила в меня новую надежду. А сейчас эта надежда подорвалась. Собственно говоря, к этому нет никаких, абсолютно никаких видимых или невидимых причин: просто за прошедший год во мне окрепло неверие в возможность положительного результата от хождений по моему делу. И это неверие преобладает в моем настроении, иногда сменяясь кратковременными приступами надежды. Правда, я никогда не впадаю в мрачный безысходный пессимизм и считаю, что необходимо бороться до конца, хотя бы даже по чисто принципиальным соображениям, независимо от реальности шансов на успех.

Может быть, я почти сознательно избираю такое настроение, потому что оно, помимо всего прочего, наиболее удобно в моем

положении, так как позволяет сравнительно легко амортизировать любую неудачу, позволяет воспринимать ее как нечто естественное и неизбежное.

Во всяком случае, именно таково мое настроение. Сам я считаю его вполне здоровым и нормальным. Думаю, что и ты не увидишь здесь мрака.

В связи с этим, а также с тем, что принятие нового законодательства, по моим предположениям, вновь стало проблематичным на ближайшее время, мне кажется, что вновь нужно снять вопрос о моем переводе. Практика показывает, что досрочному освобождению я могу быть обязан пока только зачетами. На 1 августа у меня был 531 день зачетов. И пока нет веских, убедительных оснований отказываться от этого преимущества ради других, сомнительных преимуществ.

Конечно, от всех этих рассуждений веет грустью, они вряд ли могут внушить бодрость и легкость. Но я предпринял их только для того, чтобы ты не думал о худшем, чего я очень опасюсь (и, мне кажется, не без оснований), чтобы ты видел мое положение и перспективы такими, каковы они в действительности, без лишних черных красок.

Таково мое положение, каким я себе его представляю в «чистом виде». Но даже в самые худшие минуты меня не покидает уверенность в лучшем будущем. Я не знаю, кто или что его изменит, как оно начнется и когда это произойдет. Но я твердо знаю, что так обязательно, непременно будет. Быть может, именно этот визит мамы к Салину положит начало переменам к лучшему в моей судьбе, — я не исключаю и такой возможности, при всей своей осторожности...

Вообще, папа, не вешай носа! Сколько бы ни было у нас неприятностей, как они ни тяжелы, жизнь все-таки прекрасна! Даже и мое положение не так скверно, как кажется с первого взгляда, и не больше двух с половиной лет отделяет меня от свободы. Честное слово, я говорю это без всякого сарказма, с облегчением. Ведь от горьких пилюль никуда не денешься, а они всё-таки учат больше и глубже ценить прекрасное в жизни...

38.

ПРОКУРАТУРА
Союза Советских
Социалистических Республик
Москва-центр,
Пушкинская, 15-а.

10 сентября 1958 г.
№ 13/3-299-57

ТРУШКО Ю. С.
гор. Перово
Московской области,
Рязанское шоссе, д. 5, кв. 6

Сообщаю, что Ваше заявление от 20 августа с. г. рассмотрено Заместителем Генерального Прокурора СССР тов. Салиным Д. Е. Оснований для пересмотра дела не найдено.

Прокурор отдела по надзору за
следствием в органах госбезопасности
советник юстиции

/Соколова/

39.

26.08.58 г.

Мамочка, дорогая, родная!

Твое последнее письмо очень отчетливо передало состояние мучительной надежды и страха потерять ее, увидеть разрушенной. Только теперь я до конца понял, как много значили для тебя эти шесть месяцев, в течение которых ты ожидала нового приема в прокуратуре. Когда ты получишь это письмо, твой визит, по всей видимости, уже состоится. Поэтому я могу смело говорить то, что думаю, не боясь тебя огорчить или ухудшить твоё настроение. Я совершенно твердо уверен, что и на этот раз ты не добьешься никаких положительных результатов. У меня не вызывает сомнений бесплодность этой попытки. В лучшем случае тебе скажут, что нужно подождать еще год или полгода. И дело здесь вовсе не в том, что ты действуешь недостаточно энергично, — я вполне это понимаю, — а в том, что этот путь в данных конкретных условиях не может дать положительного результата. Насколько я понимаю свое положение, оно не только и не столько определяется приговором суда, сколько целым рядом других обстоятельств. Безусловно, мое неправильное поведение на следствии сыграло и продолжает играть серьезную отрицательную роль. Но и это не имеет решающего значения. Я глубоко убежден, что в том случае, если бы моя судьба зависела только от вопросов, лежащих в области юриспруденции, то она уже давно была бы изменена к лучшему. А раз это так, то сейчас, по моему мнению, к успеху может привести только один путь: попытка попасть на прием к кому-либо из членов Президиума ЦК. Если бы это удалось осуществить, то я бы нисколько не сомневался в полном успехе. Вопрос бы тогда стоял не только о снижении срока, а о реабилитации, с естественным после этого предоставлением возможности работать по специальности.

Слов нет, это очень трудно достижимая задача, она требует и большой энергии, и большого терпения, и, главное, времени. Но, с другой стороны, я не вижу в настоящих условиях иной возможности. К тому же мне кажется, что у тебя есть некоторые шансы на успех этого предприятия. Здесь, правда, я могу и ошибиться, потому что не имею ясного представления о том, как это конкретно делается. Но все же мне кажется, что осуществление этой задачи в твоих силах и возможностях. Правда, несмотря на это я далеко не уверен, что ты предпримешь попытку в этом направлении. Мне почему-то кажется, что над тобой иногда довлеет определенная неуверенность в моей невиновности в уголовном смысле.

Вообще же вопрос о моем сроке становится все менее и менее значительным с течением времени. В самом деле, всего месяц назад отбывтая часть моего срока насчитывала три года,

а через месяц с небольшим будет уже три с половиной года; после нового года пойдет уже вторая половина срока, который мне предстоит провести здесь, с учетом зачетов. И если иметь в виду, что каждая попытка что-нибудь изменить в моей судьбе занимает месяцы и даже полугодия, то нетрудно сделать тот вывод, который я и сделал. Честное слово, мама, я говорю это с полным философским спокойствием, без тени мрака и подавленности. Страстное нетерпение и ожидание могло бы владеть мною только в том случае, если бы я твердо знал, что досрочное освобождение принесет мне возможность снова работать в своей любимой области. А поскольку такая возможность лежит за пределами реального, вопрос о конкретном числе месяцев, которые мне предстоит провести здесь, не имеет принципиального значения. Если бы не тяжесть разлуки с семьей, со всеми вами, если бы не тяжелое сознание того, что я не только не помогаю своей семье, но в определенном смысле являюсь для нее обузой, то я, пожалуй, был бы совсем безразличен к этой стороне вопроса...

Очень хорошо ты написала о своей внучке. Мое чахоточное отцовское чувство было очень взволновано. Но на эту тему мне слишком трудно и слишком больно писать, хотя я страшно люблю, когда кто-нибудь пишет о моей дочери...

40.

24.09.58 г.

Папа, родной!

...Как ни печально это признавать, но я и на этот раз оказался злым пророком. Самого меня очередное поражение даже не огорчило — я не только не ждал успеха, но не сомневался в его невозможности. Все-таки над этим вопросом я думал и думаю около двух лет, почти столько же, сколько мы не виделись. И я анализирую не только ход своего собственного дела, но и сопоставляю его с тем, что мне приходится наблюдать здесь. Именно после целого ряда неудач я пришел к выводу о том, что неверен путь, по которому мы шли до сих пор. Салин не может ничего изменить, даже если бы он хотел этого (а в этом я сомневаюсь), это выше его возможностей в данном конкретном случае. Чтобы изменилась юридическая оценка моего дела, необходимо сначала добиться изменения его политической оценки. В этом, именно в этом весь вопрос, и именно поэтому не дело Салина его решать. Вот почему я с самого начала был скептически настроен по отношению к визиту мамы. С другой стороны, я абсолютно твердо убежден в возможности добиться полного успеха. Моя уверенность основывается в первую очередь на абсолютно ясном и твердом сознании своей невиновности. Я буду полностью реабилитирован — это только вопрос времени. А в последние месяцы меня не покидает уверенность в том, что срок моего освобождения совсем близок, что он измеряется уже не годами, а месяцами. Бесспорно, это произойдет не само собою, а только в результате того, что моя невиновность будет доказана...

Правда, насколько я понимаю, в последнее время обстановка несколько осложнилась, но это временное явление...

Теперь насчет моей работы. В принципе я согласен со всем, что ты пишешь. Только здесь есть несколько «но». Еще год назад вопрос о своей специализации по математике я считал ясным и простым. А теперь он кажется мне весьма проблематичным. Практика показала, что занятия идут очень медленно, вернее, вперед продвигаюсь я медленно. Каждая теоретическая тема требует большого времени для ее закрепления решением задач и примеров, а без этого смешно говорить о более или менее серьезных занятиях. Поэтому я и топчусь до сих пор на интегральном исчислении... общая задача поневоле сужается: теперь я ставлю перед собой цель только самой общей математической подготовки. Чтобы занятия были более продуктивными, я в ближайшее время начинаю одновременно изучать несколько предметов. Несколько дней назад через «Книгу — почтой» выписал штуки четыре книг. В частности, начну изучение физики.

Эту задачу, в целом, я и считаю основной. Что же касается остального, то у меня сейчас нет возможности для продуктивного труда. Работа по историческому материализму, о которой ты говоришь, заглохла надолго: ведь у меня не только нет никакой литературы, но я даже не имею возможности читать «Вопросы философии», а ведь за два года появилось очень много нового. Тут нужен богатый фактический материал, а для этого требуется основательно посидеть не в лагере, а в Ленинке. Да и душа у меня сейчас не лежит к этой теме. В голове уже созрела совсем другая работа — из области диалектики. Она несравненно значительнее и интереснее. Ее я мог бы разрабатывать даже в нынешних условиях. Мешает «только» отсутствие некоторой литературы, в особенности — Гегеля. Можно начать и сейчас, но я не хочу порхать по глубокой теме...

41.

6.11.58г.

Папа, родной!

...Меня поразило в твоём прошлом письме твоё пессимистическое, безнадежное настроение, когда речь идет о моем будущем.

Я вовсе не собираюсь отчитывать тебя или читать тебе мораль по этому поводу, а просто хочу высказать свое мнение, может быть, ты не согласишься с ним, но мне хочется, чтобы мое настроение хотя бы отчасти передалось тебе и в какой-то степени развеяло твой пессимизм.

Не могу сказать, что я рассчитываю на блестящую карьеру после освобождения, на то, что передо мной сразу и везде раскроются все двери. Прежде всего, само по себе освобождение я не считаю таким уж близким и полагаю, что оно станет фактом скорее всего благодаря зачетам, т. е. в 61 году; правда, я допускаю возможность и более быстрого освобождения — с этой целью я решил, в частности,

в ближайшие два-три дня написать еще одно заявление на имя Хрущева и на имя Куусинена (вообще, отсылку таких заявлений думаю превратить в систему).

Что же касается того, пока еще далекого, дня, когда я снова стану свободным, то здесь я придерживаюсь гораздо большего оптимизма. Без всякого воображения вижу я те огромные трудности, которые ждут меня во всех отношениях, начиная с получения паспорта и прописки и кончая устройством на работу. Если раньше мне казалось само собой разумеющимся, что я в ближайшем будущем смогу добиться не только освобождения, но и реабилитации, то теперь я несравненно осторожнее и сдержаннее в своих прогнозах. Для меня стала допустимой даже мысль о том, что свою судимость я унесу с собой из жизни. Но и это несколько не колеблет моей абсолютно твердой веры в свое призвание, в то, что я непременно найду путь к нему, как бы это ни было трудно. Может быть, для этого потребуются не один и даже не два-три года, но это будет. А если это будет, то остальное мне не страшно. Не страшно, что я дисквалифицируюсь, — такая опасность угрожает мне только в заключении, пока я не имею самых элементарных возможностей получать специальную литературу. Не страшно, что я останусь без работы, — я сумею найти работу и в том случае, если это будет сопряжено с самыми невероятными трудностями. Наконец, не страшит меня даже такой щекотливый вопрос, как материальная сторона моей будущей жизни: и здесь есть целый ряд возможностей добиться сравнительно быстрого успеха.

...я бесконечно благодарен тебе за подписку на Франса. Напиши, выкупаешь ли ты Достоевского, Гейне. Что касается Плеханова и Маркса, то я не могу тебя просить: если есть возможность, покупай, но если это трудно, то лучше не надо. А вот о Гегеле я тебя попрошу самым настоятельным образом: скоро должна быть (или уже была) подписка на него, он мне категорически необходим. Узнай, пожалуйста, и напиши мне...

42.

1.12.58г.

Мама, родная!

...я очень благодарен тебе за бодрый, оптимистический тон твоего последнего письма. В этом смысле оно пришло как раз кстати: у меня заканчивался необычно длительный период депрессии, сопровождавшийся полным выключением инициативы.

Теперь все опять пришло в норму, я чувствую себя спокойно. Правда, я еще пока ни разу не терял веры в будущее (если не считать короткого периода в тюрьме, принесшего такие горькие плоды). Но иногда мне становится очень трудно от сознания невозможности заниматься творческим трудом, делать хотя бы небольшие шаги вперед в осуществлении своих творческих планов, которые, не получая никакого материального воплощения, хиреют, вянут, теряют глубину и содержательность.

Годы, которые я прожил, убедительно показали мне, что я не могу жить без программы, что моими действиями должно руководить твердое сознание ясно поставленной цели, в основе своей творческой. Именно отсутствие такого рода программы (или, точнее говоря, невозможность ее выработки в моих нынешних условиях) и заставляет меня страдать, нагоняет самую мрачную ипохондрию.

Конечно, когда думаешь о неживых, жизнь представляется великим благом, и какие-то два-три года, списанные за бесполезностью, ничего не значат, особенно в том случае, если веришь в грядущие годы. Но ведь человек не умеет и не может довольствоваться только тем, что он имеет. Так и здесь: самого по себе обладания жизнью явно мало, необходимо сознание того, что жизнь проходит не бесполезно.

Может быть, несколько лет назад я не был бы так строг к себе. А сейчас — не могу иначе. Ведь мне уже почти три десятка лет, возраст достаточный для того, чтобы знать цену каждому году. Вот прошло уже два года, а впереди — еще больше этого. Не так страшно, что это годы лишений, но страшно думать, что они прошли и проходят почти впустую, без отдачи... И ведь эти годы мне никто, решительно никто не вернет.

Эта мысль никогда, даже в минуты самого радостного и бодрого настроения, не покидает меня. Она и является основной причиной того, что я сравнительно легко поддаюсь дурному настроению.

Но, конечно, ты глубоко права, когда говоришь, что жизненно необходимо быть оптимистом. Я уж не говорю о принципиальных соображениях, — даже чисто практическая, повседневная польза склоняет к такому выводу: никакие размышления не в состоянии изменить мое положение. И потому теперь, когда оно уже вполне осмыслено и прочно, всякие попытки его дальнейшего осмысливания могут дать только отрицательные результаты. А оптимизм помогает мудрее и проще подходить ко всему этому, он учит смотреть на самые тяжелые события, как на простые факты, которые случились, в силу этого стали неизбежными и потому должны быть пережиты.

Может быть, с первого взгляда этот оптимизм кажется несколько мрачноватым. Но на самом деле это совсем не так. Я убежден, что именно таков настоящий, здоровый оптимизм, что он вовсе не означает постоянных ухищрений в создании веселого настроения, наигранного благодушия и радости.

Ну, пожалуй, хватит на эту тему. Я и так, наверное, переборщил. Правда, эта проблема очень актуальна для меня сейчас, потому я так долго и распространялся о ней. Во всех остальных отношениях жизнь, как всегда, проходит без заметных перемен. Вот только в последнее время меня очень гнетет окружение, в котором по несчастью приходится находиться. Такая мерзкая, беспринципная публика, что порой тошнит, в самом буквальном смысле слова.

Конечно, я с ней не имел и не имею ничего общего. Но именно поэтому трудно переносить подобное общество. Я раньше не представлял себе, что могут быть подлецы по призванию, по натуре, которые делают подлости без каких бы то ни было оснований. До последнего времени вся эта гадость обходила меня. А сейчас и мне уже иногда достается. Ты только не пугайся: речь идет о мелких неприятностях на производстве, неприятностях, возникающих в результате распространения различного рода сплетен и гадостей. Это нисколько не может повредить мне, но портит немало крови и нервов. Иногда становится так тягостно, так хочется вырваться из этого ада, что деваться некуда...

43.

21.12.58г.

Мамочка, дорогая!

...Меня очень тронуло, что ты до сих пор продолжаешь верить в чудо моего досрочного освобождения. В этой вере проявляется весь твой характер. Я очень ценю эту черту и страшно жалею, что сам не могу так жить. Весь прошедший год это было основной причиной моего очень тяжелого настроения. Еще в феврале я понял, что мои шансы на скорую свободу равны нулю. И понадобилось добрых десять месяцев, чтобы я мог примириться с этим. Теперь я уже спокоен, меня могли бы вывести из равнодушия только перспективы отмены зачетов, но такая опасность, кажется, не угрожает мне. Когда позади уже два года, не кажется страшным и невыносимым пробыть в этих условиях еще столько же...

44.

3.01.59г.

Папа, родной!

...я сам собирался еще позавчера и вчера написать тебе, изложить свои чувства и впечатления в связи с утверждением нового законодательства.

Вчера же я получил поздравительную телеграмму от Иры, из которой понял, что вы не так, как я, прочли новое законодательство и ждете, что оно существенно облегчило мое положение. К глубокому сожалению, я не нашел в нем для себя почти ничего обнадеживающего, если не считать слабой надежды на то, что мой срок сократится до семи лет — в том случае, если в Указе о порядке введения в действие нового законодательства будет дано такое же толкование вопросу о сроке моей статьи, какое даю я... Я хочу сейчас еще раз сказать, что чувствую себя превосходно, что у меня нет и малейших признаков паники. Сейчас я уже начал практически новую серию жалоб и заявлений. В течение прошедших двух лет я надеялся прежде всего на вашу деятельность. В этом была одна

из моих ошибок — я переоценил ваши возможности. Теперь же я рассчитываю почти исключительно на свои собственные силы и потому буду писать беспрерывно...

Второй практический вывод, который я сделал для себя, состоит в том, что мне необходимо существенно усилить темпы своих занятий. Что касается математики и физики, то это я уже сделал в какой-то мере. Но мне хочется возобновить и свои философские занятия, несмотря на крайнюю ограниченность средств. Кстати, с Гегелем ты определенно напутал: в 56 году не было еще ни одного тома, так что трудно себе представить, чтобы за два года вышло 14 (!) томов, да еще чтобы я об этом ничего не знал. Скорее всего, что вышел 14-й том издания, которое начало печататься еще в 29 году. Поэтому я попрошу тебя уточнить этот вопрос. Если бы все оказалось так, как ты пишешь, я бы немедленно выслал тебе деньги, сколько их необходимо (конечно, относительно немедленно — ты бы их получил в течение двух-трех недель).

Однако вернусь к вопросу о своих занятиях. Я сейчас не только хочу, но и сделаю так, что если мне придется пробыть здесь больше двух лет, то я обязательно в основных чертах закончу изучение программы математического вуза. К этому и сводятся мои планы.

В программе заполнения моего времени есть только одно досадное пятно — художественная литература. О хороших книгах? я могу только слышать. И меня просто рассмешила твоя наивность, когда ты вполне серьезно советуешь мне что-то прочесть, как будто здесь если не библиотека им. Ленина, то в худшем случае межбиблиотечный абонемент...

45.

7.01.59 г.

Мама, родная!

Меня очень взволновало твое последнее письмо, полное тревоги и беспокойства за меня, за мое состояние...

У меня очень скверный, неровный характер. Но его достоинством является то, что обычно в трудные минуты жизни я как-то умею организовываться, внутренне дисциплинировать себя, заставить говорить и думать только о главном, принципиальном. Лишь один раз, на следствии, я не сумел этого сделать, за что и был жестоко наказан.

Сейчас, когда мое положение почти полностью прояснилось, я обрел полное спокойствие и уверенность. И хотя перспективы оказались хуже, чем я ожидал в первые дни после сессии, я чувствую себя вполне нормально. Могу смело сказать, без тени хвастовства и стремления ложно успокоить тебя, что вряд ли в

⁽¹⁾ Речь идет о сессии Верховного Совета, принявшей новое уголовное законодательство. На основе этого законодательства, в частности, была не только отменена система зачетов, но и, вопреки всем правовым нормам, у заключенных были сняты уже заработанные ими зачеты.

нашем лагере есть еще хоть несколько человек, настроенных так уверенно и бодро. Именно сейчас я питаюсь живительными соками своего оптимизма, отбросив прочь всякую хандру и капризную игру настроений...

Я уже писал и хочу еще раз повторить, что после всех этих изменений во мне лишь укрепилась уверенность в скором освобождении, в близком успехе борьбы за пересмотр дела.

...в связи с изменением законодательства было бы полезно, на мой взгляд, предварительно побывать в Прокуратуре или Верховном Суде Союза (быть может, у того же Салина), чтобы проконсультроваться и попробовать составить представление о том, как сейчас подходят к таким вопросам, в какой плоскости они должны ставиться. Жалобы же, которые я буду продолжать систематически присылать, следует, по моему, направлять независимо от тех шагов, какие предпринимаются вами.

Еще один вопрос, о котором я хотел написать, связан с моим переводом в Мордовию. Нет нужды распространяться о тех преимуществах, которые отсюда вытекают. А я уверен, что этот вопрос вполне можно решить, притом сравнительно быстро. Мне кажется, что уже весной я мог бы быть совсем близко от вас, кого-то из вас увидеть. А ведь свидания мне разрешены раз в месяц, т.е. чаще даже, чем это нужно практически при условии моего нахождения в Мордовии. Там есть довольно большой лагерь. А в последнее время в лагерях происходят перемещения по признакам судимостей и в связи с тем, что наша статья концентрируется в двух-трех пунктах страны. Это, на мой взгляд, создает благоприятные условия для постановки и разрешения вопроса о переводе, потому что в таких условиях легче добиться спецнаряда из ГУЛАГа для переброчки этапом...

46.

11.01.59 г.

Мама, дорогая!

Никогда раньше не получал я от тебя такого большого количества писем за такое короткое время. И письма эти сыграли для меня огромную роль. Сейчас, в это исключительно трудное для меня время, только твои письма были той ниточкой, которая связывает меня с большой, настоящей жизнью. Ведь никто больше мне не пишет в эти дни. Я понимаю, что именно сейчас писать мне особенно трудно. Вот поэтому я очень благодарен тебе за твою веру в меня, за твой оптимизм, хотя мне ясно, что ты сама страдаешь несколько не меньше других...

Я возлагаю надежды прежде всего на перевод в Европу. Эта проблема больше всего занимает меня: насколько мне удалось установить, мордовские лагеря расположены всего в 12—16 часах езды от Москвы. А это значит, что уже в первый месяц пребывания там я смог бы увидеть свою маленькую Ирину и вас.

Что же касается срока, то я твердо уверен, что до семи лет мне его определенно снизят после рассмотрения жалоб. Между прочим, у меня есть идея написать жалобу на имя Горкина — в связи с изменением формулировки моей статьи (это изменение расширяет пределы ее действия по сравнению с прежней формулировкой). Вероятно, в самые ближайшие дни вы получите такую жалобу.

Моя текущая жизнь идет вполне нормально. Сейчас много занимаюсь, так что не остается времени на чтение. В связи с ликвидацией прежней системы зачетов думаю в ближайшее время найти другую работу, которая давала бы больше возможностей для продуктивных занятий.

Посылаю запрос в Президиум Верховного Совета. Ты, по возможности, организуй его перепечатку и отправку. Мне кажется, что в этих вопросах еще не сказано последнее слово...

47.

6.02.59 г.

Мама, родная!

...Два круга проблем занимают сейчас мои мысли. Первый связан с Достоевским¹⁸, который просто потрясает всю душу глубиной и точностью психологического анализа, с исключительной силой шевелит мозги. Читая его, я испытываю, кроме всего прочего, страшное недовольство собою: ужасно мало до сих пор я читал, просто стыдно даже... теперь выработалась и вошла в привычку тяга к уединению, к размышлению, к книге. В этом, правда, есть и своя отрицательная сторона: голова все время перегружена, а нервное напряжение поэтому иногда бывает слишком ощутимым. Но я с глубокой радостью отмечаю, что несмотря на трудные условия, жизнь моя (духовная) сейчас неизмеримо полнее и содержательнее, чем в прежние времена. Единственное, что я утратил, это творческий труд. Но и здесь я работал бы совсем не так, как раньше. Ах, мама! Не могу тебе выразить, как хорошо бы я работал теперь, как целеустремленно и продуктивно!.., жизнь моя стала проще и целеустремленнее. А это дает мне все основания твердо верить в свое будущее, в то, что я сумею найти достойное применение своим силам. Как ни велики трудности, которые нужно преодолеть, не они все-таки решают дело в конечном счете. Это мое самое твердое убеждение.

Второй круг вопросов связан с прошедшим съездом партии¹⁹. И тут я рассуждаю прежде всего с точки зрения своей личной судьбы,

¹⁸ Впоследствии Э. Г. проводил со школьниками 7-ой московской школы семинары, на которых изучалась философия Достоевского. Эти занятия, впрочем, вызывали нарекания со стороны идеологических инстанций.

¹⁹ Речь идет о внеочередном, 21 съезде КПСС, осудившем антипартийную группу Маленкова, Молотова и др. В связи с этим возникли надежды на послабления в отношении тех, кто был осужден по ст. 58-10.

хотя прекрасно отдаю себе отчет в общеисторическом значении этого события.

Очень трудно объяснить это, но у меня сложилось впечатление, что теперь, после съезда, мои перспективы заметно улучшились. Я буквально физически теперь ощущаю, что мое освобождение теперь возможно, возможно в самом ближайшем будущем, что сейчас на мое дело будут смотреть иначе, не так, как в прошлом году.

Очень и очень жалею теперь, что не послал жалобы на имя съезда, как ты советовала. Это было бы в высшей степени важно и своевременно. Чувствую, что и вы не сделали этого, проявляя, быть может, излишнюю осторожность и неторопливость.

Но все равно необходимо действовать, действовать без промедления. Конечно, многое выяснится и уточнится после утверждения кодексов и порядка введения в действие нового законодательства. Нет сомнения в том, что мое положение изменится к лучшему по сравнению с тем, что имеется сейчас, в данный момент. Но я сердцем чувствую, что именно теперь наиболее благоприятный момент для начала нового этапа деятельности по пересмотру дела. И этот этап совершенно определенно должен состоять в обращении в партийные органы. Говорю тебе, я абсолютно убежден в том, что такое обращение непременно даст ход делу и принесет быстрые положительные результаты.

Только необходима максимальная оперативность, ни в коем случае нельзя откладывать этого дела до выяснения общих вопросов. Мое дело, по своему характеру, резко отличается от буквально всех других подобных дел, и отличается именно таким образом, что создает возможность самого решительного его пересмотра. Но этот пересмотр может явиться лишь результатом индивидуального обращения и, соответственно, индивидуальной постановки вопроса...

Очень, очень прошу тебя не откладывать дело до выяснения общих вопросов и как можно быстрее приступить к практическим действиям. Через Пикину нужно выяснить, можно ли добиться, чтобы дело было истребовано и изучено Комитетом Партийного Контроля. По выступлению Шверника на съезде я понял, что такая вещь возможна. Но я мог и ошибиться. Во всяком случае, это нужно узнать точно...

Ты что-то ничего не пишешь о переводе... Именно сейчас это дело легче сдвинуть с места, потом будет значительно труднее. Дело в том, что сейчас осуществляются общие передвижки людей, облегчающие решение моего частного вопроса, а после их завершения дело значительно осложнится...

48.

(рукописный черновик, без даты)

Товарищу Шелепину А. Н.

гр. Трушко Ю. С., проживающей г. Перово, Спортивная ул. 1/19 кв.6

Заявление

Александр Николаевич!

Я обращаюсь к Вам, как бывшему секретарю ЦК ВЛКСМ, государственному деятелю в настоящее время, прошу принять и выслушать меня. Вопрос касается судьбы моего сына, Юдина Эрика, в прошлом активного комсомольца, ныне отбывающего наказание по ст. 58—10. Ваше выступление на 21 съезде КПСС вселило в меня надежду на то, что Вы поймете роковую ошибку, которую совершил мой сын, и по-человечески с Вашего высокого государственного поста поддержите его просьбу о пересмотре дела.

Его заявление прилагаю.

Убедительно прошу Вас принять меня.

(Шелепин в это время возглавлял КГБ.)

49.

ПРОКУРАТУРА
Союза Советских
Социалистических Республик
Москва-Центр,
Пушкинская, 15-а.

27 февраля 1959 г.
№ 13/3-299-57

ТРУШКО Ю. С.
Московская область,
гор. Перово,
ул. Спортивная, дом 1/19, кв.6.

Ваше письмо на имя тов. Шелепина А. Н. о пересмотре дела по обвинению Вашего сына Юдина Э. Г. поступило в прокуратуру и рассмотрено.

Дело, по которому Юдин Э. Г. осужден в 1957 году Томским областным судом, прокуратурой проверялось.

Установлено, что Юдин был привлечен к ответственности обоснованно и приговор суда является правильным, поэтому ходатайство о пересмотре дела оставлено без удовлетворения.

Зам. начальника отдела по надзору за
следствием в органах госбезопасности
Государственный советник юстиции
3 класса

/Самолуков/

50.

17.02.59г.

Боря, дорогой!

...А теперь попробую рассказать о себе. Я уже подхожу к началу конца очередной сибирской зимы и хочу верить, что она будет последней. Собственно, я не против сибирских зим, но не в таких условиях. Сейчас, кажется, обстановка для меня изменилась к лучшему, а это укрепляет надежды на скорое возвращение. Может быть, удастся увидеться уже в этом году.

Формы же моей жизни изменились очень мало, настолько мало, что эти изменения даже выразить невозможно. Как и прежде, я работаю в сушилке, на прежней должности сушильщика, которую уже в достаточной степени освоил. Как и прежде, основную часть свободного времени отдаю занятиям и в меньшей степени — чтению. Как и прежде, продвижение мое в занятиях отмечается самыми незначительными шагами. Но меня это уже не смущает: ведь я решаю большую задачу, которая требует и большого времени. Из прочитанных мною за последнее время книг наибольшее впечатление произвели «Братья Карамазовы» Достоевского. Не знаю, читал ли ты что-нибудь у него, а если читал, то как тебе понравилось. Но я потрясен глубиной проникновения в самые тонкие изгибы человеческой души, точностью характеристики человеческих поступков...

51.

21.04.59 г.

Папа, дорогой!

Только вчера получил я грустное, тяжелое письмо от мамы, а сегодня такое же письмо пришло и от тебя. Учитывая характер этих писем, я отвечаю на них немедленно...

...дело мое оформлено мастерски и при взгляде на него любой посторонний человек подумает, что речь идет о матером враге.

Я еще никому не признавался в этом, но от тебя сегодня не могу скрыть: папа, я смирился со своим положением, со своим сроком. Сейчас я озабочен только тем, чтобы не смириться с мыслью о полной бесперспективности моего будущего, потому что это будет настоящей катастрофой, которую ничто уже не поправит. Иногда мне кажется, что жизнь моя раздавлена совершенно, но я каждый раз гоню прочь эту страшную мысль. А между тем я уже почти полностью потерял интерес к философии и если бы сейчас я оказался на свободе, то просто растерялся бы перел

проблемой конкретной точки приложения своих сил. Ты только не представляй себе моего положения и состояния в слишком мрачном виде. Совершенно честно и искренне говорю тебе, что я нисколько не опустил и не изменился, продолжаю все свободное время заниматься с твердой верой в то, что эти занятия безусловно окажутся полезными и нужными...

52.

13.05.59 г.

Папа, дорогой!

С каждым твоим письмом я не перестаю поражаться огромному сходству наших характеров. Мне, правда, трудно судить о своих собственных письмах, но тем не менее я чувствую, что они достаточно красноречиво отражают изменчивость, непостоянство моего настроения. Точно то же самое я могу сказать о тебе и твоих письмах. Месяца не прошло с тех пор, как я получил твое прошлое письмо. Но по духу своему оно почти диаметрально противоположно тому, которое я получил сейчас...

...Что же касается маминых надежд на общее решение вопроса, на пересмотр дел и, соответственно, сроков, то я, к глубокому своему сожалению, не вижу для этого достаточных оснований. Легко понять, что во всех этих вопросах до сих пор нет ясности, в частности, проблемы переквалификации и юридического значения старых зачетов каким-то образом будут решены. Но, во-первых, не видно, когда именно можно ожидать решения; во-вторых, время (особенно по отношению к зачетам) явно не на моей стороне; в-третьих, нет гарантии, что эти вопросы будут решены в положительном для меня смысле. Конечно, заявление Хрущева²⁰⁾, недавно подтвержденное им, имеет громадное значение, но его надо правильно понять. Ясно и другое: через несколько лет мое дело будет вызывать к себе не такое отношение, как сегодня. Но тут дело опять-таки упирается в эти самые несколько лет. Короче говоря, общее решение моей судьбы на сегодняшний день является в высшей степени проблематичным.*.

53.

19.07.59 г.

Боря, дорогой!

...Вообще говоря, неудовлетворенность, чувство неполноты извечно присуще человеку. Я сужу не только по себе, конечно (хотя по своему опыту тоже могу сказать, что даже в минуты наибольшей

²⁰⁾ Здесь, очевидно, имеется в виду заявление Хрущева о том, что в Советском Союзе нет политических заключенных.

радости в душе жило чувство какой-то ограниченности этой радости, сознание того, что она имеет свой предел). Сам я находил выход из этого состояния только в деятельности, которая отвергает ум от чисто абстрактных проблем и настраивает его практически. Тут существует неразрешимое противоречие, корни которого уходят в вечный вопрос, вопрос о неограниченности человеческого сознания и ограниченности человеческой жизни: умом мы можем постичь неизмеримо больше того, что нам дает жизнь с ее тесными, в общем, рамками. И никакие размышления не могут здесь ничего изменить. Поэтому выход состоит только в практической деятельности, в работе, которая просто снимает эту проблему, не решая ее.

Но все это самые общие рассуждения. А хотелось бы поговорить основательно. Жаль только, что такая возможность вряд ли представится в ближайшем будущем...

54.

7.09.59 г.

Папа, дорогой!

...Общее самочувствие у меня сейчас в полной норме. Около двух месяцев пришлось проработать диспетчером в гараже. За это время я сильно умотался и устал. Но в последние дни перешел на новую работу — учетчиком в том же гараже, и за эти несколько дней уже успел отдохнуть. Теперь в смысле моего устройства отрицательным является только то, что я должен выходить на работу все время в утреннюю смену. А при таких условиях очень мало остается для занятий. Но все же главное состоит в том, что ко мне возвращается прежняя работоспособность. А с нею я всегда сумею построить такой распорядок дня, который обеспечит предельно полезное использование времени. И это уже вопрос не будущего, а настоящего.

С деснами стало легче. Одно время они меня вконец замучили. С огромным трудом достал немного пенициллину и только он спас меня — все десны уже были в язвах...

В последнее время участились случаи снижения сроков по жалобам. Я тоже думаю написать еще одну-две жалобы, но что-то никак не раскачаюсь... Я, правда, не верю в успех, совсем не верю, но написать надо хотя бы для очистки совести. Болтают о скором приезде какой-то комиссии, но и в это я тоже не верю.

В остальном без перемен...

55.

7.09.59 г.

Папа, дорогой!

Вот уже три дня нахожусь я на новом месте²¹, но только сегодня собрался написать тебе. Правда, вы уже, видимо, осведомлены о моем перемещении из письма, которое я писал Ире. И тебе я бы написал сразу, но просто нет сил для этого. Ведь работаю сейчас на уборке картофеля, по десять часов в день, а я все-таки к этому не очень привык и пока довольно ощутимо устаю, хотя норму выполнить не могу...

Собирался я тебе написать сравнительно давно, сразу после отъезда Иры, но все время было неясно мое местоположение и я ждал выяснения этого вопроса.

...Я действительно переживал состояние глубокой апатии, по целому ряду причин. И только приезд Иры вывел меня из этого глубокого оцепенения... Безусловно, положительную роль в восстановлении у меня нормального состояния сыграло присутствие Иры. И ты понимаешь, насколько я тебе благодарен за то огромное участие, которое ты принял в организации ее поездки...

Что касается моего устройства на новом месте, то я описал его в общих чертах Ире. Да здесь, собственно, и писать-то нечего. Пока я в большей мере рад перемене места, чем недоволен ею. Но не знаю, насколько все это прочно и устойчиво. Конечно, работа здесь значительно тяжелее, к тому же я не имею возможности заработать даже на курево. Но это (тяжелая работа) явление временное, связанное лишь с периодом уборки урожая. К зиме, если я здесь останусь, работа будет легче. Что касается нескольких бытовых неполадок, то они устранятся еще быстрее, при твоей помощи. Пока в смысле быта приходится немножко туго: нет курева, нет жиров, нет сапог. Курево будет скоро, как только переведут сюда деньги, заработанные мною в ДОК'е. Что касается остального, то я буду ждать посылки. В первую очередь я нуждаюсь в простых кирзовых сапогах, потому что мои ботинки совершенно износились, а работать приходится в грязи...

В смысле перспектив на будущее нет ничего определенного, ровным счетом ничего. Ждут комиссию, но начальство говорит, что у нас все останется без перемен. Наверное, маме следует по возможности быстрее осуществить план с посещением Горкина. Было бы неплохо, если бы вы еще раз написали в ЦК от моего имени...

²¹ Это письмо отправлено из лагеря, находившегося в Тайшете Иркутской обл.

56.

Текст переписан рукой Ю. С. Трушко, очевидно, на основании письма Э. Г. из лагеря, от его имени; дата не указана

Все события, из-за которых я попал на строгий режим, произошли И сентября 1959 г. До этого дня нам говорил наш начальник, Зарва, что в дождливую погоду на работу ходить не будем (ведь обуви нам не дали, рукавиц и плащей тоже, а работа идет в открытом поле, где не хотят поставить даже навеса или палатки на случай дождя). А тут уже 10 дней работали без выходных, по 10 часов в день, не считая ежедневных двухчасовых переходов на работу и с работы.

11 с утра пошел дождь, как только мы вышли за вахту. Впереди нас шли бытовики. Они стали, а следом стала и наша колонна. Пришли начальник отряда Кузнецов, за ним Зарва. Требовали, чтобы люди шли на работу. Но из толпы просили, чтобы либо дали выходной ввиду дождя, либо хоть поставили палатку в поле. В том и другом отказали. Вместо этого стали в униженной форме сортировать людей. Под непрерывными угрозами из 113 человек 36 согласились идти на работу, а остальные не захотели (как я мог идти, когда у меня ботинки рваные, а ноги уже к этому времени были совсем мокрые). И тут этих 36 отправляют не на работу, а домой, а остальных оставляют стоять под проливным дождем. Когда дождь стал совсем невыносимым, с работы сняли всех, по всему сельхозотделению, так что непогода повсеместно сорвала рабочий день. В этот момент и нас стали вести домой. Но из колонны слышались голоса с просьбой прислать прокурора. Зарва отказался сделать это, заявив, что он сам прокурор и судья. Это, видимо, возмутило людей, измученных, промокших, грязных. И так ведь часа два или три на нас сыпались оскорбления со стороны конвоя и офицеров в таком роде: «Фашисты! Сволочи, перестрелять вас надо.» Колонна продолжала стоять, хотя Зарва требовал двигаться к жилой зоне. Тогда вызвали солдат, которые стали силой тащить людей. Некоторых побили. Послышалась стрельба, поток самых грубых оскорблений. После этого все люди пошли к зоне. Перед входом в зону 25 человек (в том числе и меня) посадили в «воронки», привезли в изолятор. На другой день нам объявили постановления, в которых каждого называли «организатором саботажа» и назначили 15 суток штрафного изолятора. Но 15 сентября меня и еще 14 человек отправили в Вихоревку на строгий режим по тем же самым причинам.

Вот так я и попал сюда. Никогда еще не приходилось бывать в таком дурацком положении. Ведь за все это время я ни одного слова не сказал, так что просто нелепо говорить о том, что я кого-то «организовывал». В этом инциденте никто не

разбирался, меня, например, ни разу ни о чем не спросили. Все это просто игра больного воображения нашего начальника отряда, которому, видно, не понравился мой рост. Весь конфликт возник стихийно, потому что с людьми обращались по-скотски. Я еще никогда не встречал ничего подобного.

Назвать меня саботажником — просто оскорбление. Ведь больше двух лет я честно работал, не имел никаких замечаний, ни малейшего нарушения. И вот — попал!

Так и было дело.

57.

ПРОКУРАТУРА
Союза Советских
Социалистических Республик
Москва-центр,
Пушкинская, 15-а
Г.
И!

№ 17/362-59
14/15 декабря 1959 г.

Гр. Трушко Ю. С.
Московская область, г. Перово
ул. Спортивная, д. 1/19, кв. 6

Ваше заявление о незаконном водворении на строгий режим > ЮДИНА Эрика Григорьевича проверено.

Юдин Э. Г. за нарушение правил содержания водворен на строгий режим правильно.

И.о. Нач. отдела по надзору за местами
лишения свободы — Государственный
советник юстиции 3 класса

(В. Андрианов)

58.

19.09.59 г.

Мама, дорогая!

Если бы моя жизнь продолжалась нормально, то от тебя бы уже пришло письмо в ответ на мое, которое я посылал недели три тому назад. К сожалению, независимо от моих стремлений и действий я попал в водоворот событий, о которых ты уже знаешь из моего письма Ире и в результате которых я оказался в лагере строгого режима²²¹. Это мое турне имеет одно в высшей степени неприятное последствие — уже целый месяц я не получаю никаких писем и, видимо, не получу их в течение ближайшей недели, если не больше.

Пожалуй, раньше мне никогда не приходилось нести наказание без малейших признаков вины с моей стороны. Наверное, именно поэтому до сих пор никак не могу освоиться со своим новым

²²¹ Это и последующие письма Э. Г. отправлены из лагеря, находившегося в пос. Вихоревка Иркутской обл.

положением. В постановлении о водворении меня на строгий режим говорится о таких вещах, которые мне никогда и не снились. Я не сомневаюсь, что при первой же проверке в дело будет внесена полная ясность и недоразумение будет исчерпано. С этой целью пишу жалобы...

Вообще же очень прошу тебя не волноваться и не расстраиваться понапрасну: в принципе ничего страшного не произошло, настроение у меня очень здоровое, деловитое, и я очень далек от всякого уныния. Неприятен лишь сам факт ниичем не заслуженного постановления. А само по себе мое положение не должно внушать тебе никаких тревог и волнений.

Я предполагал, что здесь придется прожить без работы, но это оказалось не так. Вчера меня зачислили в строительную бригаду и сегодня уже первый день был на работе, участвовал в строительстве коровника. Мое участие выражалось в том, что я копал довольно большую яму для навозной жижи. Надо сказать, что факт определения на работу в целом мне понравился: во-первых, лучше работать, чем не работать; во-вторых, участие в работе дает гарантию того, что меня здесь не задержат свыше положенного срока; в-третьих, я получаю возможность заработать на удовлетворение самых неотложных нужд, так что деньги мне высылать не надо, лучше вместо них высылать посылки (участие в работе расширяет мои права в этом отношении)...

В последние дни пошли слухи, по которым предстоящая (или уже начавшаяся) реформа сроков нас не коснется. Поэтому мне представляется целесообразным, чтобы ты сходила к Горкину, а Ира при первой же возможности осуществила свой старый план с передачей жалобы Ворошилову (кажется, такая возможность скоро возникнет, судя по печати)...

59.

7.10.59г.

Папа, родной!

...Письма, которые я посылал отсюда, все до единого подчеркивали мысль о том, что ничего страшного у меня не произошло. Только сейчас, после маминого письма, я понял, что вы мне не особенно поверили и чрезвычайно преувеличили значение происшедшего. Поэтому я еще раз со всей настойчивостью хочу подчеркнуть: не нужно так переживать эту историю, имейте в виду, что в принципе мое положение не изменилось, все перемены носят чисто внешний и, я бы сказал, формальный характер. Поверь, что я говорю вполне искренне, от всей души и не намерен ни в коей мере приукрашивать свое положение и настроение. К тому же я верю в то, что сравнительно скоро постановление будет пересмотрено и я вернусь на общий режим... Главное состоит в том, что надо увеличить усилия, направленные на пересмотр самого по себе моего дела. Буквально на этой неделе я думаю написать и отправить пару жалоб. А от мамы жду, что она сходит к Горкину. О комиссии

прекратились даже разговоры, хотя письма на эту тему приходят из самых различных мест. Я почему-то, вопреки всему, очень и очень верю в то, что мой срок будет существенно уменьшен в течение ближайшего полугодия.

Но все это не мешает мне заниматься. Вообще, надо сказать, морально я чувствую себя очень хорошо. И самое для меня приятное в том, что настроение все время держится ровное. Я, конечно, не могу сказать, что блаженствую или переживаю какой-то восторг. Но у меня нет чувства обреченности, бесперспективности, зато есть постоянно возрастающее желание работать. Сейчас могу сказать, что к работе я уже привык, привык настолько, что вечерами чувствую себя вполне нормально и могу читать, писать и заниматься...

Материальная сторона жизни складывается не так благополучно, как духовная. Вот здесь-то приходится ощущать, что я нахожусь не на общем режиме... Самое неприятное ограничение относится к посылкам. В первое время меня ввели в заблуждение, когда сказали, что работающим посылки выдаются без ограничений... Так что теперь я могу получать только одну посылку в два месяца... Поскольку в бандеролях у меня нет ограничений, кое-что можно посылать таким способом (кофе, перец, сухое молоко, яичный порошок, а иногда, в виде роскоши, курево)...

60.

21.10.59г.

Мама, дорогая!

...Не помню сейчас, что именно я писал о приезде сюда прокурора, но уверен, что в моем письме не было ничего категорически обнадеживающего. Вы, видимо, плохо представляете себе условия, в которых я нахожусь. А я этого не учел и опрометчиво написал о посещении прокурора, которого сам я не видел, т. к. он был здесь в то время, когда мы находились на работе. Местный прокурор ничего не сделал, а жалоба, которую я писал, до сих пор, кажется, еще не отправлена по назначению. Вот и получается, что больше месяца потеряно совершенно напрасно, а за это время кое-что можно было сделать. Надеюсь, что теперь ты не будешь медлить и сходишь в прокуратуру. Дело это далеко не безнадежное, его можно выиграть и даже в сравнительно короткие сроки.

Ты, наверное, уже располагаешь заявлением на имя Горкина. Но вряд ли ты успела сходить туда. Сам я хотел было послать жалобу на имя Аристов²³¹, но оказалось, что жалобы сейчас не принимаются. Сегодня был у нас начальник политотдела управления (из Тайшета), он сказал, что Москва официально сообщила им о том, что жалобы сейчас не рассматриваются в связи с предстоящим принятием уголовных кодексов и общим пересмотром всех дел. Этот же начальник сказал, что сейчас

²³¹ Аристов А. Б. — в то время — секретарь и член Президиума ЦК КПСС.

общая линия направлена на смягчение наказания и облегчение наших сроков — дело близкого будущего (по его словам, кодексы должны быть приняты до конца нынешнего года). Сейчас здесь работает комиссия из Москвы. Она рассматривает дела бытовиков и работает, надо сказать, очень и очень смело, освобождает массу людей... Но наших дел эта комиссия не рассматривает, нам надо ждать завершения реформы законодательства. Тем не менее общее положение сейчас обнадеживающее, совсем не такое, как было в начале этого года, когда перспективы были мрачными. Я думаю, что в ближайшие 3—4 месяца определится мой новый срок...

61.

5.11.59 г.

Мама, дорогая!

...Я очень рад, что ты приступила к действиям по моему делу. В нынешних условиях это сулит большие изменения в моей судьбе. В частности, я думаю, что твое обращение в прокуратуру очень может дать положительный результат. Ведь для этого требуется самый минимум: чтобы кто-то проверил дело, ничего больше. И на визит к Горкину я возлагаю очень много. Если тебе удастся к нему попасть и если после этого будет проверено дело, то я ни минуты не сомневаюсь, что мой срок изменится. А это, при любых условиях, означает, что уже скоро я смогу вырваться отсюда и вновь увидеться со всеми близкими и родными.

Конечно, я не хочу переоценивать возможностей и выдавать желаемое за действительное. Но обстановка сейчас определенно позволяет надеяться.

Мне только жаль, что у тебя так безалаберно пройдет отпуск. Опять ты совсем не отдохнешь. Видимо, для этого нет возможности. И мне неприятно думать, что тут виноват прежде всего я.

В моей жизни почти нет перемен. Последние несколько дней вынужден сидеть в зоне, т. к. на складе не оказалось валенок моего размера. Но этот вопрос должен быть урегулирован, так что скоро я смогу снова работать. А пока занимаюсь. Жаль, что нечего читать. Кстати, мне бы очень хотелось прочесть «Триумфальную арку». Если это возможно, пришли ее. Что касается вашего спора о Ремарке, то я больше склонен принять сторону Толи. Вряд ли ты права, когда говоришь, что герои Ремарка не борются. Быть может, в их борьбе мало выступает социальный мотив. Но это отнюдь не созерцатели. И потом, в наш век такой тип людей очень распространен. А самое главное — он очень глубоко раскрывает чистоту человеческих отношений...

62.

24.11.59 г.

Мама,, дорогая!

...я так привык писать вам всю правду о себе и своем положении, что просто не в силах и- на: этот раз скрыть что-либо. Речь идет о том, что у меня в последнюю пару дней как-то исчезли прочность и уверенность в своем положении. До этого. % чувствовал себя вполне определенно и исходил из того, что на нынешнем месте мне придется пробыть довольно долго. И вдруг без каких бы то ни было видимых причин: (я хочу это подчеркнуть, чтобы ты не волновалась, — действительно, внешне ничего* не произошло) я очень быстро утратил это состояние определенности и прочности. Может быть, тебе трудно меня понять, потому что в моем чувстве есть слишком много специфически, лагерного. Чтобы тебе было яснее, я попробую обратиться к сравнению. Аналогичное чувство непрочности существования возникло у меня незадолго до отправки из Чуны. Вот и сейчас я предчувствую какие-то перемены, относящиеся к моему положению. Возможно, ^{тм} мои предчувствия обманывают меня, а возможно, что они правильны и, в частности, связаны с той. жалобой, которую, ты подавала в прокуратуру. Но я почти уверен, что скоро, еще до нового года, мой адрес снова изменится. Только ты не придавай значения моим словам, я просто описываю тебе свое внутреннее состояние, потому что эти мысли не покидают меня.

Видимо, ты уже в отпуске. Теперь я буду с огромным нетерпением ждать результатов твоего визита к Горкину. Реализм не покидает меня, и я с готовностью приму известие об очередном отказе. Но на этот раз я почему-то верю, очень верю в твой успех. Сейчас почти не бывает случаев отказа тем людям, у которых большие сроки. Положительные ответы получают даже те, кто на протяжении двух лет получал десятки отказов, те, у кого дела значительно тяжелее моего. И характерно, что больше пяти лет никому не оставляют. Может быть, именно это и питает мои надежды на скорое улучшение в моей судьбе. Ведь при пятилетнем сроке уже в будущем году я смог бы рассчитывать на освобождение. Но не буду загадывать далеко вперед, а лучше подожду, благо теперь ждать недолго. Думаю и сам отправить отсюда одну-две жалобы...

63.

3.12.59 г.

Мама, дорогая!

...Со все возрастающим напряжением жду я результатов твоего отпуска в той части, которая касается меня. Правда, в смысле изменения моего нынешнего положения в лагере я уже не жду лучшего. Некоторые обстоятельства не позволяют на это надеяться.

Видимо, и не стоит тебе упорствовать в этом направлении: слишком трудно пробить эту стену. Здесь могло бы помочь только прямое обращение в ЦК, потому что лишь тогда можно было бы ожидать, что дело действительно проверят, а не поручат рассмотреть по инстанциям, вплоть до тех, кто меня несправедливо наказал. Но, повторяю, здесь я не жду перемен. Мои надежды связаны с твоим намерением попасть на прием к Горкину. Настолько вошли в систему положительные ответы на жалобы по аналогичным (и, как правило, гораздо более тяжелым) делам, что я просто не сомневаюсь в твоём успехе. Это лишь вопрос времени, но и время это измеряется теперь уже месяцами, а не годами. Словом, я надеюсь, что следующий новый год мы будем встречать вместе, а если даже не так, то к тому времени мои перспективы будут гораздо более обнадеживающими, чем теперь.

Между прочим, поскольку ты собираешься повидать Марианну, я прошу тебя узнать у нее и сообщить мне содержание Указа Президиума Верховного Совета СССР от 29.VII.59 г. «Об изменении условий содержания заключенных в ИТЛ».

Теперь попробую ответить на твои вопросы. В отношении работы пока перемен нет. Но, видимо, числа с 15 будет значительно расширен фронт работ и я думаю, что снова пойду трудиться на строительстве (на этот раз, кажется, будем строить жилые дома). Свой вынужденный перерыв я использовал для форсирования темпов занятий. И должен сказать, что сейчас я доволен тем, что сделал.

В смысле быта пока все нормально. Я перешел в нормальную жилую секцию и, наконец, смог осуществить свою мечту об одиночестве...

64

19.12.59г.

Мама, дорогая!

...я вижу, что ты развернула очень широкую и энергичную деятельность, сразу в нескольких направлениях. Я уже говорил тебе о своем настроении в этом отношении: сейчас мне нечего добавить, разве только сказать, что моя уверенность в очень близком успехе за прошедшую неделю еще больше укрепилась. Здесь очень и очень чувствуется, что атмосфера сейчас вполне благоприятна. Недели не проходит, чтобы кто-нибудь не получил положительного ответа на жалобу, причем в подавляющем большинстве случаев дела по меньшей мере не легче моего по своему составу. Так что теперь вопрос лишь в нескольких месяцах. Трудно, очень трудно в этом деле строить планы и прогнозы, но впервые за три года я решаюсь с достаточной твердостью сказать, что следующий новый год буду встречать вместе с вами.

Несколько слов хочу сказать по поводу твоего заявления о моем переводе на строгий режим. Я писал тебе, что сам тоже

посыла^А две жалобы на этот счет. Несколько дней назад я получил извещение из прокуратуры Союза о том, что мое заявление получено и проверяется. Видимо, это непосредственно связано с твоим заявлением. Сюда приезжал работник из Иркутского управления МВД по жалобе другого человека на ту же тему. Этот работник вызывал и меня, взял у меня подробное письменное объяснение. Так что, с одной стороны, налицо реальные признаки серьезной, деловой проверки. Но есть некоторые обстоятельства, которые заставляют насторожиться. Видно, есть люди, которым честь мундира дороже всего, поэтому они полны решимости настоять на своем, ничем не брезгуя при выборе средств. Этот самый работник в начале беседы с ходу заявляет, что вы (т.е. я), мол, не прекратили своей враждебной (?) деятельности против государства, состоите членом молодежной тайной организации (???). Я, конечно, заявил, что это провокация, притом очень неумно придуманная. Хотя больше никаких разговоров на эту тему не было, я все же обеспокоен...

Ты пишешь, что моя фотокарточка всех вас очень расстроила. Откровенно говоря, я этого не ожидал. Мне кажется, что сейчас я выгляжу лучше, чем летом. Тут, видимо, сказываются годы — все-таки прошло больше трех лет после нашего расставания, да еще каких три года. К тому же у каждого заключенного есть на лице какая-то особая печать и нельзя сказать, чтобы она придавала бодрый вид. Словом, не принимай это все близко к сердцу...

65.

19.12.59г.

Папа, дорогой!

...теперь я уверен, что возвращение уже не за горами. В последнее время я в каждом письме говорю об этом. Не знаю, насколько вы этому верите в действительности, но у меня такое чувство, что вы вполне разделяете мои чувства. А что касается меня, то я на все ЮОТы можешь судить об этом хотя бы по тому, что я впервые за все время совсем оставил обычные предупреждения о сдержанности, о необходимости избегать излишнего оптимизма и т. п. Я, конечно, не могу сказать, что вот именно это конкретное действие принесет положительный результат, но в то же время несколько не сомневаюсь, что уже в феврале-марте будущего года все наши ожидания оправдаются и мой срок будет исчисляться иначе, не так, как сейчас.

...что касается твоего предложения посылать жалобы через вас, то мне кажется, что его не стоит принимать. Жалобы, отправляемые отсюда, доходят по назначению довольно быстро, быстрее писем. Так что нет никакой надобности создавать излишнюю дополнительную инстанцию.

Видимо, на протяжении ближайших двух-трех дней ты получишь письмо, из которого узнаешь, что твою посылку вернули обратно, если только сама посылка не придет раньше письма. Я уже писал тебе по этому поводу и вряд ли могу что-нибудь добавить сегодня.

Просто мне подумалось о том, как ты будешь расстроен этим фактом. И потому еще раз хочется сказать, чтобы ты не переживал понапрасну.

...Могу тебя заверить, что одет я превосходно, к сапогам уже привык и ношу их с полным успехом, если только можно говорить об успехе в подобных вопросах. А что касается возможности ходить в сапогах на работу, то я уже писал тебе об этом. Не будь упрямым в своем легкомыслии и подумай о том, что я живу в Сибири, что морозы в эту зиму стоят не только у вас, в Москве, но и здесь. В ларек постоишь с полчаса — и то ноги сразу замерзают, а каково пробыть на морозе 9 часов? Да нет, ты просто говоришь что-то в высшей степени несерьезное, я даже не могу обсуждать эту проблему...

66.

25.12.59 г.

Мама, дорогая!

...Ты, наверное, уже была на приеме у генерального прокурора. Не знаю, что именно он тебе ответил, но у меня почему-то есть уверенность, что ты не получила отказа, что мое дело, как и два года назад, будет истребовано прокуратурой. А в условиях сегодняшнего дня это дает почти все сто процентов гарантии того, что будет рассмотрено не только дело, но и мой срок...

На тот случай, если ты не получила моего письма от 19 декабря (кстати, обязательно подтверди его получение), хочу еще раз сказать тебе относительно твоей жалобы о моем содержании на строгом режиме. Судя по всему, ты получишь отрицательный ответ на эту жалобу. Но я прошу тебя не прекращать на этом дела. Надо обязательно добиться, чтобы этим фактом заинтересовались и проверили его из Москвы, пусть хотя бы ознакомятся с моим лагерным делом. Если это дело бросить, то могут быть дальнейшие ухудшения в моем положении. Сам я этого не боюсь, но мне страшно подумать о вас, о том, как сильно все вы будете переживать, если что-нибудь у меня ухудшится...

67.

10.01.60 г.

Мама, дорогая!

Кажется, впервые за все эти годы я получил такое письмо, как твое вчерашнее. Пока еще рано говорить о результатах, но все-таки наши надежды начинают сбываться. Может быть, уже в этом году я буду вместе с вами. Я не хочу ничего загадывать, лучше подождать немного, когда определится решение моей судьбы. Думаю, что это произойдет не позднее марта. Я очень, очень верил в то, что на этот раз все должно быть хорошо, впервые надежда была такой сильной и страстной. Но все же до вчерашнего дня я чисто машинально

исходил из того, что передо мною еще семь лет срока, внутренне, психологически никак не мог перестроиться. А со вчерашнего дня я уже не считаю до десяти. Хотя до окончательного решения еще далеко, все же нет никакого сомнения, что мой срок будет снижен по меньшей мере наполовину.

Вот видишь, я уже несколько раз сказал, что не буду давать никаких зарок и ничего не буду загадывать, а между тем только и занимаюсь загадываниями, беру авансы. Это, мама, потому, что уж очень я настрадался за три года, очень измучился. И еще потому, что за последние несколько лет у меня выработалось чисто суеверное преклонение перед последними числами декабря. Ведь в самом деле: в 54 году декабрь был роковым для меня; в 55 году, наоборот, последние дни декабря принесли огромную радость; в 56 году те же числа ознакомили самую страшную катастрофу; на следующий год декабрьские дни принесли надежду: тогда было истребовано для проверки мое дело; в прошлом году конец декабря резко ухудшил мое положение после принятия нового законодательства; наконец, в нынешнем году (теперь уже прошлом) конец декабря снова посеял большую надежду. И вот так странно получается: в четные годы декабрь приносит мне горе, а в нечетные — радость и надежду. Но главное, конечно, не в этом странном совпадении, а в том, что сейчас нет факторов, которые могли бы воспрепятствовать пересмотру моего дела.

Теперь, после твоего письма, я уже не сомневаюсь, что характеристика, которую истребовала на меня прокуратура несколько дней назад, связана с этим вопросом, а не с жалобой по поводу водворения на строгий режим (правда, сам я еще не получил ответа на свою жалобу по этому вопросу, но теперь этот ответ мне уже вполне ясен, хотя я напишу еще раз, для страховки, на этот раз в ЦК КПСС). И это вдвойне радует меня: во-первых, ясно видно, что рассмотрение дела не затягивается, наоборот, идет очень быстро, так что если будет приноситься протест на приговор, то его можно будет ждать, наверное, еще в этом месяце; во-вторых, очень приятно, что характеристика на меня была дана положительная, ведь это тоже должно сыграть свою роль...

68.

ПРОКУРАТУРА
Союза Советских
Социалистических республик
Москва-центр,
Пушкинская, 15-а.

15 января 1960 г.
№ 13/3-299-57

ТРУШКО Ю.С.
гор. Перово,
Московской области,
Спортивная улица, д. 1/19, кв. 6.

Сообщаю Вам, что дело по обвинению ЮДИНА Эрика Григорьевича направлено для рассмотрения в Президиум Верховного суда РСФСР с протестом Генерального прокурора СССР.

О результатах рассмотрения дела Вам будет сообщено.

Прокурор отдела по надзору за
следствием в органах госбезопасности
Советник юстиции

/Соколова/

фамилия зачеркнута, стоит подпись другого лица

69.

01.02.60г.

Мама, дорогая!

Несколько дней мне не давали покоя зубы, вернее, один из них: раздуло всю правую сторону лица, две ночи не мог я спать. И как раз к тому времени, когда опухоль начала спадать и наступило облегчение, одновременно пришли письма от тебя, папы и Иры. И все эти письма содержали одно и то же известие: о том, что дело мое передано в суд для пересмотра. Хотя зуб до сих пор еще не прошел (я его вырву, как только спадет совсем опухоль), после этих писем боль совсем прекратилась, во всяком случае, я о ней не думаю. Теперь в моей жизни наступила совсем новая полоса, полоса ожидания. У всех вас и у меня, конечно, совершенно одинаковое состояние, состояние исключительного волнения и напряженности. Этот месяц здорово выбьет нас из колеи. Уже сейчас мне стало трудно писать письма: все остальное как-то утратило смысл, а о главном ничего не напишешь, тут надо просто ждать. Хорошо хот>, что уже наступил февраль, месяц, в котором должна окончательно решиться моя судьба.

Меня очень удивила и обрадовала быстрота, с которой был подготовлен протест. Я полагал, что в лучшем случае это будет сделано к концу января, а окончательный результат определится где-нибудь к концу марта. Конечно, смещение сроков на месяц не может не радовать. Такая быстрота и авторитет имени, которое стоит под протестом, еще больше укрепляют уверенность в том, что дело получит благоприятное разрешение. Я несколько не сомневаюсь в том, что срок мой будет снижен. Единственное, что вызывает у меня некоторые сомнения, это вопрос о том, в каком объеме будет удовлетворен протест. И здесь я исхожу из того, что он должен быть удовлетворен полностью, но все же не позволяю себе слишком абсолютно верить в это...

Ужасно трудно писать сейчас. Внешне я держусь совершенно спокойно, не проявляю никаких признаков волнения. Но это только внешне. А вообще я не ожидал, что так сильно буду волноваться. Только пусть это не мучает тебя. Я не потерял и вовсе не собираюсь терять благоразумия. Как бы там ни было, но любое снижение срока я считаю за огромный успех, за колоссальное облегчение. А пока я совсем не собираюсь принимать желаемое за действительное. Я только очень жду и очень верю в успех, потому что для успеха теперь есть все основания.

Но пока все это решится, придется, конечно, поволноваться. Я стараюсь не создавать ни одной свободной минуты, плотно заполнять весь день. И все-таки занятия у меня не идут, чтение подвигается очень медленно. Это, конечно, пройдет. Я думаю, что тут просто сказывается волнение первых дней. Завтра-послезавтра я, наверное, уже сумею привыкнуть к этой новости, в какой то мере сжиться с ней. А тогда снова все наладится, занятия пойдут нормально. Я ведь намерен непременно продолжить их после освобождения, осуществить свою программу, пусть даже на это уйдет десять-пятнадцать лет. То, что мне удалось до сих пор сделать, очень немного, я, собственно, только положил начало большой работе... При всех моих недостатках занятия все же стали для меня органической потребностью, делом жизненной необходимости, без них я считаю себя каким-то нищим, убогим духовно. И до сих пор мне неясно, каким образом и где я сумею найти приложения тем знаниям, которые накапливаю. Но сейчас меня эта проблема уже не беспокоит: я знаю, что так или иначе это непременно принесет свои плоды.

Жалобу на имя Президиума Верховного Суда РСФСР, о которой ты говоришь, я решил отослать тебе, потому что времени осталось мало, и при следовании обычным путем она может прибыть слишком поздно. Думаю, что ты успеешь получить ее своевременно. Но вообще это, мне кажется, особого значения не имеет, хотя и не будет лишним. Я просто сомневаюсь в том, что эти жалобы будут приобщены к протесту или к делу, но такая возможность не исключена, а потму пренебрегать ей не следует.

Несколько дней назад получил я ответ на жалобу по поводу строгого режима, еще на ту жалобу, которую я посылал в сентябре в ГУЛАГ. Ответ пришел не оттуда, а из Вихоревки. А на жалобу в прокуратуру до сих пор нет никакого ответа. Я его ждал, чтобы после этого написать еще одну жалобу, в ЦК. Но теперь думаю с этим воздержаться. Во-первых, надо подождать решения дела. Во-вторых, если решение окажется не совсем таким, как мы ожидаем и возникнет необходимость добиваться как можно более быстрого перевода на общий режим, то я и тогда успею написать жалобу. К тому же практика показывает, что решения этого вопроса добиться труднее, чем пересмотра моего дела. В общем, пока я не думаю писать по этому поводу. Сейчас было бы лучше куда не переезжать, оставаться на одном месте. Нас, правда, собираются в ближайшие дни перевести, но это недалеко и я даже не уверен, что изменятся какие-нибудь буквы или цифры на моем почтовом ящике. Переезд сугубо местного значения и, в общем, благоприятный...

70.

03.03.60г.

Мама, дорогая!

Вот и прошел февраль, а я до сих пор не знаю, рассмотрено ли мое дело, а если рассмотрено, то каковы результаты. Откро-

венно говоря, мое настроение несколько утратило бодрость, хотя я продолжая сохранять оптимизм и твердую уверенность в том, что ближайшие месяцы принесут мне освобождение. Самое основное, что сдерживает меня в моих ожиданиях, — это отсутствие вестей от тебя. А тут еще недавно попался на глаза первый номер журнала «Соц. законность», в котором помещена статья под заголовком «серьезные ошибки в работе Верховного суда РСФСР по рассмотрению уголовных дел». В статье идет речь о том, что этот суд часто не учитывает смягчающих вину обстоятельств многих осужденных и необоснованно отклоняет протесты, принесенные на этих основаниях.

Вот и приходится думать, что либо протест отклонен, либо рассмотрение его перенесено.

А за последние два дня меня совершенно выбили из нормальной колеи. Позавчера, совершенно неожиданно, мне сообщили, что я назначен на этап, меня возвращают на общий режим, туда же, откуда привезли сюда, т. е. в Тайшет. Должны были отправить вчера, но перенесли. Видимо, отправят завтра или в воскресенье. Так что теперь у меня старый адрес: Тайшет, ЖШ-4Ш/сх-11. Это был для меня гром среди ясного неба. По некоторым признакам, я предполагаю, что дело связано с моей ноябрьской жалобой (ведь я так и не получил на нее ответа, а она проверялась на месте). В таком случае постановление о строгом режиме должно быть изъято из дела. Но при всех условиях это, конечно, явление положительное.

Сегодня же меня поставили в состояние полного недоумения: вызвали и сообщили, что пришел запрос на мою характеристику. Это возможно только в связи с рассмотрением моего дела, точнее говоря, в связи с пересмотром вопроса о сроке наказания. В отличие от прошлого раза, я не знаю, какой орган истребовал характеристику. Но мне просто невозможно понять, кому это понадобилось. Ведь дело мое, по всем признакам, находится в Верховном суде РСФСР, а к делу, вместе с протестом Генерального Прокурора, приложена характеристика, написанная всего два месяца назад. И я просто теряюсь в догадках: без дела характеристику не могли запросить, а в деле характеристика есть, притом свежая. Может быть, ты прольешь свет на это явление, но пока я думаю, что один из возможных вариантов такой: протест Верховным судом РСФСР отклонен, но в связи с оформлением нового протеста (в Верховный суд СССР) истребована новая характеристика.

Во всяком случае, уезжаю я отсюда в полном недоумении. Конечно, в обоих этих фактах нельзя усмотреть ничего отрицательного (кстати, и на этот раз мне дана положительная характеристика). Но хотелось бы иметь хотя бы общее представление о том, что же произошло и происходит вокруг моей персоны. С этой точки зрения я сожалею о предстоящем отъезде: ведь в течение ближайшей недели пришло бы то письмо от тебя, которое должно было мне все объяснить, а теперь минимум две недели я не получу никакой корреспонденции.

В остальном у меня нет ничего нового. Сегодня получил очередную бандероль от папы, но с сожалением обнаружил, что она

не с куревом. Между прочим, чернила, которые были в посылке, полностью вылились на ее содержимое, так, что в пузырьке не осталось и на одну заправку. Правда, посылка не пострадала, но я по-прежнему без чернил.

Напишу сразу же после прибытия на новое место.

Большой привет всем дома!

Будь здорова, дорогая мама!

Крепко тебя обнимаю!

Твой Эрик.

5.03.60г. 9.00. Только что вызвал меня начальник и вручил папину телеграмму. Теперь подождать еще несколько дней — и я буду с вами!..

Крепко всех обнимаю!

Жду встречи!

71.

ПРОКУРАТУРА
Союза Советских
Социалистических республик
Москва-центр,
Пушкинская, 15-а.

4 марта 1960 г.
№ 13/3-299-57

ТРУШКО Ю.С.
гор. Перово,
Московской области,
Спортивная ул. д. 1/19 кв.6.

Дополнительно сообщая Вам, что дело по обвинению Юдина Эрика Григорьевича 12 февраля 1960 года рассмотрено Президиумом Верховного суда РСФСР, срок наказания Юдину снижен до 3-х лет лишения свободы и он подлежит освобождению из-под стражи.

Прокурор отдела по надзору за следствием
в органах госбезопасности
Старший советник юстиции

/ Соколова /

72.

Воспоминания Гз оргия Филипповича Швейника,
март 1997 г.

«Шестидесятники». Странно это слово, когда речь идет не о разночинцах прошлого века, а о современниках наших. Эрик Юдин, да и я тоже, в начале 60-го года уже успели выйти из тюрьмы, куда занесло нас внешним потоком «оттепели» 56-го. К 60-му в лагерях уже оформилась новая «масть» — «студенты». Так называли, независимо от возраста и социального статуса, всех попавших туда по статье 58—10, отмененной было до декабря 56-го. (Точнее, никто ее официально не отменял, но не применялась она какое-то время.)

А брожение в студенческой среде началось весной, сразу после XX съезда. «Секретный» доклад Хрущева о культе личности Сталина и его последствиях сначала читали на закрытых партийных собраниях, потом везде и всюду. Помню, какими раздавленными выходили мы из большого зала библиотеки Томского Гос. Университета, как шли мимо громадного бюста лучшего друга всех детей и величайшего корифея всех мыслимых наук... Прошли и ушли, а бюст остался. Некому было скатить его по лестнице и разбить на куски. Убрали его только летом, без нас, без шума.

Но шум все равно пошел. Весной был только доклад Хрущева, а за лето из лагерей по всему Союзу — из Воркуты и Норильска, из Караганды и Джезказгана, с Урала, с Колымы и Чукотки, и много откуда еще — за лето были выпущены сотни тысяч, если не миллионы, безвинных каторжан. Они были повсюду, они рассказывали... И всем стало ясно, что Хрущев говорил правду, что все это на самом деле было... А раз так — в какой же стране мы живем!?

С начала учебного года студенчество забурлило. Собрания, диспуты, письма в газеты... «Демократический централизм выродился в диктатуру!..», «Комсомол себя изжил, превратившись в бюрократическую организацию!..», «Даешь Союз Студентов!...» «Товарищи, Николай Иванович Бухарин учил нас!..» (это за 30 лет до его официальной реабилитации), «Что это за «Правда», если она врала двадцать лет подряд!.. И кому теперь верить?..»

Забавно вспоминать об этом сейчас, но вот я верил Хрущеву «и иже с ним», не подозревая, что пройдет чуть больше года и ближайшие его «соратники» окажутся в «антипартийной группе» (давшей, наверно, самую длинную фамилию в истории русского языка — «Ипримкнувшийкнимшепилов»), А самое забавное — мы же были воспитаны на Конституции СССР (был такой предмет в школе) и на песне «Широка страна моя родная». Мы на самом деле были уверены — очень многие — что государство — это мы, и если в нем что-нибудь не так, как надо бы — наш святой долг добиваться исправления всех недостатков... И в передовой статье «Правды» от 9-го декабря 1956 года развивалась та же мысль: гражданский долг каждого брать на себя ответственность за все вокруг... И я, вдохновленный той передовицей, свое выступление на диспуте о месте комсомола в жизни — 16 декабря — начинал словами Маяковского: «Я себя под Лениным чищу, чтобы плыть в революцию дальше...» — и все на того же Ленина ссылаясь чуть не ежеминутно, взывая к его светлой памяти и сетуя по поводу отхода от его заветов... (Чего только он нам не завещал! Но это так, к слову.) Это было время непуганых идеалистов (чтоб не сказать «карасей»), совсем короткое время. К осени 56-го, когда студенческие сходки в Будапеште вылились в вооруженное восстание, нашим отцам отечества стало ясно, что народ выходит из-под контроля — и пора пугать. Потому-то и принял Декабрьский (1956) пленум ЦК секретное постановление «О борьбе с демагогами и критиканами» (не знаю точно, как оно называлось), потому и засучили рукава гебисты, спущенные с поводка... Но мы всего

этого не знали тогда, и на первом допросе в Томском «большом доме» разговаривал я с каким-то полковником, как с отцом родным, как правоверный католик на исповеди. Не укладывалось в голове, что этот убеленный сединами и увешанный орденами джентльмен может оказаться не боевым офицером, а прожженным мерзавцем, повинным во всех тех чекистских преступлениях, о каких говорил Хрущев в своем докладе на съезде. (Кстати, и сам Хрущев был в них повинен, но и это тогда в голове не укладывалось.)

Полгода — пока в тюрьме — мы не видели свежих газет. А в лагерной библиотеке подшивка, и там дела китайские: «Пусть расцветают сто цветов, пусть соперничают сто школ!» Господи, ну почему они там могут — а наши нет?.. Только потом, когда 99 цветов были вырваны с корнем и пошла культурная революция, — только тогда дошло до меня, что та статья в «Правде» 9.12.56 была точно такой же провокацией, рассчитанной на выявление «внутренних врагов».

В июле 60-го был я в «Современнике», на «Голом короле». Сидел где-то в середине партера — и все время озирался невольно. Что здесь происходит? Чего мы все хохочем? Ведь сейчас придут автоматчики с овчарками и заметут всех — и актеров и зрителей!.. Почему их до сих пор не видно?..

Они так и не пришли, автоматчики. Наши лагерные друзья досаживали свои срока, к ним досаживали новых арестантов, и высылали из страны Солженицына, и ссылали Сахарова, и морили диссидентов в психушках... Но Генеральным Секретарям ЦК КПСС захотелось стать не хуже людей и быть принятыми в лучших домах!

Тоталитарное государство не имеет права расслабляться. Банда казнокрадов, правящая страной, должна и сама жить по суровому воровскому закону — чтобы каждый знал, что жизнью заплатит за любую попытку неповиновения пахану, — и держать в постоянном страхе своих верноподданных, регулярно отстреливая недостаточно-верно-подданных. Иначе — конец.

Жаль только, что конец государству, а не банде: за державу, на самом деле, обидно. Одна радость — интересно живем! Эрик, наверно, оставил бы сейчас свою любимую теорию познания и занялся бы социологией.

73.

Из сохранившихся материалов неясно, в чем суть заявления Э. Г. в адрес КПК. Обращает на себя внимание, однако, то, что оно адресовано Э.Г. уже не в лагерь, а домой, а еще больше — то, что от имени заместителя Генпрокурора выражено мнение об обоснованности осуждения, тогда как сам Генеральный Прокурор несколькими месяцами ранее опротестовал это решение суда.

ЗАМЕСТИТЕЛЬ
ГЕНЕРАЛЬНОГО ПРОКУРОРА № 13/3-299-57.
Союза Советских
Социалистических Республик ЮДИНУ Эрику Григорьевичу
Москва-центр, Московская область,
Пушкинская, 15-а. гор. Перово,
Рязанское шоссе, д. 5, кв. № 6.

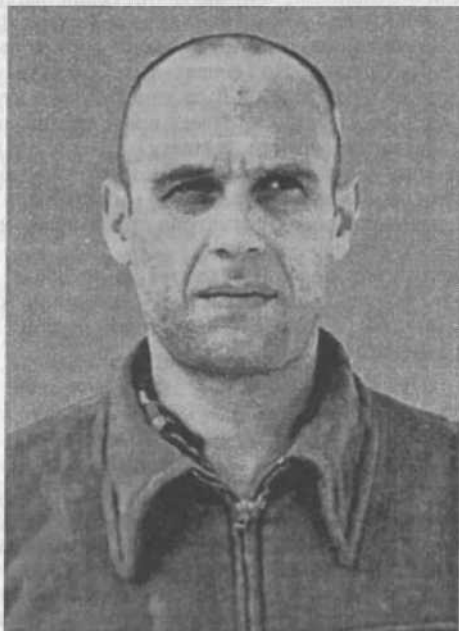
Сообщаю Вам, что заявление Ваше из КПК при ЦК КПСС, поступило в Прокуратуру СССР и мною рассмотрено.

Считаю, что за совершение преступления, предусмотренного ст. 58—10 ч. 1 УК РСФСР, Вы осуждены Томским областным судом обоснованно.

Ваше заявление оставлено без удовлетворения за отсутствием оснований к опротестованию приговора суда.

ГОСУДАРСТВЕННЫЙ СОВЕТНИК ЮСТИЦИИ
1 КЛАССА

А. МИШУТИН

Эрик Григорьевич Юдин
после возвращения из лагеря на свободу

ПРИЛОЖЕНИЕ 2

1.

В РЕДАКЦИЮ журнала
«КОММУНИСТ»

от ЮДИНА Эрика Григорьевича,
1930 г. рождения, проживающего в
Москве, по ул. Димитрова, д. 7, кв. 5

ЗАЯВЛЕНИЕ

20—22 марта 1956 г. Томский областной суд приговорил меня к 10 годам лишения свободы по ч. 1 ст. 58—10 УК РСФСР — по обвинению в антисоветской пропаганде. В марте 1960 г. по постановлению Президиума Верховного Суда РСФСР я был освобожден в связи со снижением мне срока наказания до трех лет лишения свободы.

Не желая умялять своих ошибок, я все же считаю, что был подвергнут незаслуженно тяжелому наказанию...

Приступив к работе в Томске в феврале 1956 г., я сразу же попал в сложную обстановку, вступив в конфликт с некоторыми работниками горкома партии, в частности, с секретарем горкома по пропаганде т. Соколовой. Этот конфликт возник в значительной мере по моей вине, поскольку я вел себя слишком резко, когда моя работа была подвергнута критике, которая казалась мне несправедливой. Но мне действительно были предъявлены необоснованные претензии. Например, т. Соколова обвинила меня в том, что я разлагаю студентов на том основании, что по ходу лекции о сущности религии я буквально в нескольких словах рассказал содержание мифа о Христе, а мой рассказ о том, что в годы войны имело место некоторое оживление религиозных пережитков под влиянием военных трудностей, она назвала отсебятиной. На основании такого рода замечаний моя работа подверглась резкой критике в постановлении бюро горкома партии о работе кафедры марксизма-ленинизма института.

Все это произошло в самые первые недели моей работы. После этого моя работа систематически, буквально каждую неделю проверялась работниками кафедры и администрацией, представителями

горкома партии. И каждый раз мне давалась положительная оценка. Уже в мае, в конце учебного года, кафедра констатировала, что я провожу лекции и семинары на высоком уровне, проявляя творческий подход, что заметно выросло и мое методическое умение. Аналогичный вывод сделала и т. Соколова в конце ноября 1956 г., т. е. за месяц до моего ареста.

14 ноября 1956 г. в пединституте проходило отчетно-выборное собрание парторганизации. На этом собрании я выступил с критикой работы партбюро. В конце выступления я кратко коснулся двух общих вопросов и внес предложение улучшить информацию о партийной и государственной жизни (имея в виду венгерские события осени 1956 г., когда в течение некоторого времени было трудно понять суть этих событий и дать ответы студентам по их вопросы) и, во-вторых, предложил, чтобы вышестоящие партийные органы — райком, горком — систематически информировали о своей работе первичные партийные организации. Присутствовавший на собрании первый секретарь горкома партии М. Б. Духнин в самой резкой форме обрушился на меня, назвав меня фарисеем, человеком, который признает критику только на словах. Когда я попросил, чтобы он аргументировал эти обвинения, Духнин отказался это сделать. Тогда я назвал его поведение не соответствующим нормам партийной этики. На этом же собрании меня избрали членом партийного бюро, хотя я настойчиво просил отвод, который энергично поддерживали Духнин и директор института Федоров.

После этого собрания мое положение резко ухудшилось. Буквально через несколько дней я обнаружил, что нахожусь под негласным надзором как на работе, так и дома. Из самых различных источников мне сообщали о том, что моя фамилия в отрицательном плане упоминается на совещаниях в районе и городе. При этом рассказывались самые нелепые вещи, ничего общего не имевшие с действительностью. Например, на районной партконференции секретарь обкома партии Лукьяненко рассказывал, будто я на семинаре заявил, что социализм у нас построен, а масла нет.

Работать в такой обстановке было совершенно невозможно. Поэтому я обращался во все партийные инстанции — в партбюро института, в райком и горком партии — с просьбой рассмотреть мое персональное дело, прямо и открыто указать мне на мои ошибки. В течение месяца я не мог добиться никакого ответа. Наконец, 21 декабря было создано бюро райкома, на котором, даже не дав мне высказаться, меня обвинили в троцкизме и, выразив политическое недоверие, сняли с работы и объявили строгий выговор. Я обратился в горком с просьбой пересмотреть это решение и оставить меня на работе. Партсобрание института, проходившее 25 декабря, также просило бюро горкома оставить меня на работе. С аналогичным письмом обратились в горком студенты, у которых я преподавал — свыше 150 чел. Однако бюро горкома не пожелало меня слушать. Без всякой проверки

фактов меня обвинили в том, что я разложил партийную организацию и спровоцировал письмо студентов. Я был исключен из партии.

На другой день, 29 декабря, я решил уехать в Москву и обратиться с жалобой в КПК при ЦК КПСС. Однако на вокзале меня остановил председатель парткомиссии обкома т. Козырев и, гарантируя объективное рассмотрение дела, попросил остаться на бюро обкома, которое проходило в этот день. Я остался, но и на бюро обкома не смог ничего сказать: лишь только я раскрыл рот, как секретарь обкома Москвин перебил меня вопросом «А за что Вы так ненавидите партию и Советскую власть?» Подтвердив решение горкома об исключении, обком дополнительно принял решение просить о лишении меня кандидатской степени (это решение было отклонено Президиумом ВАК'а после второго рассмотрения моей диссертации). Через несколько часов после этого я был арестован на станции Тайга, по дороге в Москву.

Первые дни на следствии я категорически отвергал настоячивые предложения признать себя виновным. Однако 12 января мне был устроен непрерывный почти суточный допрос. Уже ночью замначальника областного управления КГБ полковник Смородинский заявил, что я ставлю под удар своих родственников и знакомых. Он ясно дал мне понять, что все они сильно пострадают, если я не признаю своей вины. Это поколебало меня и, приняв всерьез эти угрозы, я признал себя виновным, а через некоторое время по настоянию того же Смородинского написал «собственноручные показания», в которых объявил себя сознательным врагом партии и государства чуть ли не с детских лет. На суде я понял свою ошибку, но было уже поздно: мне не поверили.

Мне было предъявлено три пункта обвинения: 1) извращения марксизма-ленинизма в преподавании, 2) антипартийное выступление на партсобрании 14 ноября 1956 г. и 3) высказывания антисоветского характера среди знакомых и близких. Что касается первых двух пунктов, то они не имеют под собой почвы. По поводу моего преподавания проводилась специальная философская экспертиза, в которую вошли два местных историка и один философ. Экспертиза была исключительно тенденциозной; совершенно произвольно обращаясь с фактами, она обвинила меня во всех смертных грехах, каждую мою фразу объявляя извращением марксизма (например, грубым извращением марксизма было названо то, что в одном из моих конспектов через запятую были поставлены слова «объективный» и «стихийный»). Суть своего выступления на партсобрании я уже изложил. (Несмотря на мои настоячивые просьбы, суд отказался приобщить к делу протокол собрания с этим выступлением).

О третьем пункте обвинения надо сказать особо. Он, действительно, имеет под собою основания. Осенью 1956 г. я допустил

ряд политически неправильных и вредных высказываний. В двух письмах, жене и матери, я неправильно истолковывал венгерские события, резко преувеличивал значение и место бюрократизма в нашей стране, проявлял грубые ошибки в оценке состава партии, заявляя, что она нуждается в чистке. В день исключения из партии, 28 декабря, находясь в крайне подавленном состоянии, я говорил об отсутствии справедливости в партии. Такого рода высказывания, конечно, недопустимы для коммуниста, тем более для преподавателя философии. Я полностью понимаю это и сознаю, что за это заслуживал наказания. Но в то же время мои ошибки нет основания квалифицировать как антисоветскую деятельность. Во-первых, эти высказывания относились к очень короткому, к тому же весьма сложному периоду — концу октября — декабрю 1956 г. Во-вторых, для меня это был вдвойне, даже втройне сложный период: обстановка на работе была чрезвычайно трудной и нервной, а в Москве в это время жена была накануне родов (дочь родилась 28 ноября 1956 г.). В-третьих, даже в своих заблуждениях, как они ни серьезны, я искренне считал себя коммунистом, и из материалов дела легко убедиться, что никаких антисоветских поползновений у меня не было и в помине. Наконец, понимая, что я в чем-то ошибаюсь, я в течение всего этого периода настойчиво просил партийные органы разобраться со мною, показать мне, в чем я неправ.

...После освобождения я сразу же пошел работать на Московский завод резино-технических изделий № 1; два года работал у станка, а затем был выдвинут мастером, в течение двух лет являюсь пропагандистом. В свободное от работы время на общественных началах занимаюсь научной деятельностью, работаю в нескольких семинарах (в Институте философии, в философской секции Совета по кибернетике, где являюсь руководителем исследовательской группы, в системе АПН РСФСР). За последние годы опубликовал несколько печатных работ.

Но роковые несколько месяцев в Томске до сих пор тяжким бременем лежат на моих плечах: я постоянно сталкиваюсь с недоверием, не могу работать по специальности, хотя, мне кажется, мог бы приносить пользу государству. За последние годы сильно подорвалось мое здоровье, а в будущем не видно никакого просвета. Невыносимо тяжело чувствовать, что на тебя смотрят как на потенциального шпиона. Часто это лишает всяких сил и желания бороться и жить.

Убедительно прошу Вас оказать мне содействие в пересмотре моего дела, в снятии с меня клейма преступника и в трудоустройстве по специальности.

«___» марта 1964 года.

2.

Пролетарии всех стран соединяйтесь!

КОММУНИСТИЧЕСКАЯ ПАРТИЯ СОВЕТСКОГО СОЮЗА
ТОМСКИЙ ОБЛАСТНОЙ КОМИТЕТ

Индекс 634050
г. Томск-50
пл. Ленина, 6.
тел. № 2-47-40,
2-41-66

№ Т. 2396
8 февраля 1989 г.

г. Москва
ул. В. Кожиной, 8,
корпус 2 кв. 63
Товарищу Трушко Ю. С.

Уважаемая Юлия Семеновна!

Работа, по Вашему заявлению о гражданской и партийной реабилитации Юдина Эрика Григорьевича, ведется. Прокуратурой Томской области изучены материалы его уголовного дела и по результатам проверки направлен проект протеста в порядке надзора в прокуратуру СССР, в котором поставлен вопрос о прекращении уголовного дела в отношении Юдина Э. Г. за отсутствием в его действиях состава преступления, предусмотренного ст. 58—10 ч.1 УК РСФСР.

При получении ответа из прокуратуры СССР будет рассмотрен вопрос о реабилитации Юдина Эрика Григорьевича в партийном отношении, о чем Вам будет сообщено незамедлительно.

Председатель комиссии
партийного контроля
при Томском обкоме КПСС

И. Старовойтов

3.

ВЕРХОВНЫЙ СУД СССР
121260, г. Москва, ул. Воровского, 15.
07.08.89 № 02ДС — 395 — 89

г. Москва, ул. Василисы
Кожиной, д. 8, кор. 2,
кв. 63
гр. Трушко Ю. С.

Справка

Постановлением Пленума Верховного Суда СССР от 18 июля 1989 года приговор Томского областного суда от 22 марта 1957 года и все последующие судебные решения в отношении ЮДИНА Эрика Григорьевича, 1930 года рождения, отменены и дело производством прекращено за отсутствием в его действиях состава преступления.

ЮДИН Э. Г. по настоящему делу реабилитирован.

По материалам данного дела ЮДИН Э. Г. до ареста 30 декабря 1956 года работал старшим преподавателем философии Томского государственного педагогического института.

Секретарь Пленума,
член Верховного Суда СССР

Р. К. Бризе.

4.

Пролетарии всех стран соединяйтесь!

КОММУНИСТИЧЕСКАЯ ПАРТИЯ СОВЕТСКОГО СОЮЗА
ТОМСКИЙ ОБЛАСТНОЙ КОМИТЕТ

Индекс 634050
г. Томск-50
пл. Ленина, 6.
тел. № 2—47—40,
2-41-66

14 ноября 1989 г.
№ Т. 2396

121096 г. Москва
ул. В.Кожинной, 8,
корпус 2, кв. 63
т. Трушко Ю. С.

Уважаемая Юлия Семеновна!

По сообщению Верховного Суда СССР Вас сын Юдин Э. Г. постановлением Пленума Верховного Суда СССР от 18 июля 1989 года реабилитирован. Дело в отношении его прекращено за отсутствием состава преступления. Об этом Вы должны получить сообщение из Верховного Суда СССР,

31 октября 1989 года Томский обком КПСС реабилитировал Юдина Э. Г. в партийном отношении, о чем мы высылаем Вам справку.

Председатель комиссии
партийного контроля
при Томском обкоме КПСС

А. Колтыков

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

КОММУНИСТИЧЕСКАЯ ПАРТИЯ СОВЕТСКОГО СОЮЗА
ТОМСКИЙ ОБЛАСТНОЙ КОМИТЕТ

Индекс 634050
г. Томск-50
пл. Ленина, 6
Тел. № 2-47-40,
2-41-66

№ 20-ПК
«13» ноября 1989 г.

СПРАВКА

Юдин Эрик Григорьевич 1930 года рождения, состоял членом КПСС с мая 1952 года по январь 1957 года, партбилет №00165148.

20 декабря 1956 года Кировский райком КПСС объявил Юдину Э. Г. строгий выговор с предупреждением с занесением в учетную карточку за антипартийные высказывания в выступлении на отчетно-выборном партийном собрании 14 ноября 1956 года и систематическое извращение марксистско-ленинской теории, допускаемое при проведении учебных занятий со студентами. 28 декабря 1956 года Томский горком КПСС исключил Юдина Э. Г. из членов партии с той же самой формулировкой. 2 января 1957 года Томский обком КПСС согласился с постановлением Томского горкома партии об исключении Юдина Э. Г. из членов КПСС. 22 марта 1957 года Юдин Э. Г. был осужден по ст. 58-10 ч. 1 УК РСФСР к 10 годам лишения свободы. Постановлением Президиума Верховного Суда РСФСР от 12 февраля 1960 года приговор Томского областного суда и определение судебной коллегии Верховного Суда РСФСР в отношении Юдина Э. Г. изменены со снижением меры наказания до трех лет лишения свободы. 18 июля 1989 года Постановлением Пленума Верховного Суда СССР Юдин Эрик Григорьевич реабилитирован в гражданском отношении. Уголовное дело прекращено за отсутствием в его действиях состава преступления.

31 октября 1989 года Томский обком КПСС, учитывая реабилитацию Юдина Э. Г. в гражданском отношении, а также то, что с позиций сегодняшнего времени его действия в 1956—1957 годах антипартийный характер не носили, принял решение реабилитировать Юдина Эрика Григорьевича в партийном отношении посмертно.

Секретарь Томского
обкома КПСС

А. Зарембо

М.п.
3-вс

6.

Газета «Советский учитель»,
Томский государственный педагогический институт.
№ 15 (1029), 21 мая 1990 года

Из истории Томского педагогического института

ПИСЬМО О НАБОЛЕВШЕМ

1956 год. Закончил работу XX съезд КПСС. В старом здании пединститута день за днем читают доклад Н. С. Хрущева. Читают на партийных собраниях, потом поочередно на комсомольских

собраниях факультетов. На чтение доклада уходило более двух часов, но аудитории были заполнены до отказа. Стояла полнейшая тишина, слышен был лишь голос докладчика.

Обсуждений не было, взрыва негодований тоже. Только внезапно обнаруживалось, что в каждой группе есть 2—3 человека, у кого отцов забрали в 37-м году. Им стало легче дышать, остальные, по-моему, с трудом переваривали услышанное. Наш декан Казачков Б. В., стоя перед нами на лекции, сказал так: «Конечно, вам трудно понять, но мы, старшее поколение, ждали этого».

Не прошло и года, и в стенах пединститута вновь стало неспокойно. Органами КГБ был арестован старший преподаватель кафедры марксизма-ленинизма Юдин Эрик Григорьевич.

Мы, студенты младших курсов, сразу почувствовали, какая тяжелая гнетущая атмосфера установилась вокруг: как в лихорадке были все преподаватели, каждый вечер проводились партийные собрания.

Нельзя было обойтись одним Юдиным, нужна была компания, и людей нашли. Ими оказались: Досекина Н. И., преподаватель литературы, Куперт Ю. В. и Хохлов Н. А., преподаватели кафедры марксизма-ленинизма.

Все они приказом за №65 от 12.04.57 (§§. 1, 2, 3) были освобождены от работы в институте с 15.04.57 как неудовлетворяющие требованиям преподавателя высшей школы.

О Хохлове в архиве ТГПИ есть еще одно упоминание — приказ от 1.07.57, который подтверждает предыдущий приказ о его увольнении, но уже с формулировкой «как проявивший политическую беспечность, притупление бдительности и беспринципность».

Не обошла чаша сия и студентов. Мне, тогда третьекурник, не довелось учиться у Юдина, не успела, но от старшекурсников отзывы о нем были самые хорошие. На семинарах своими вопросами он заставлял думать, анализировать, рассуждать, за это он, видимо, и поплатился.

Узнав о его аресте, студенты IV курса, выпускники (т.к. тогда учились 4 года) написали письмо в его защиту, подписались и с ним ходили по инстанциям, хлопотали. Очень скоро попало оно в КГБ. Вот тогда-то взялись и за нас. Состоялось комсомольское собрание всего физико-математического факультета. Перед нами выступили чужие дяди в штатском и довели до нашего сведения следующее: преподаватель Юдин арестован не зря, т.к. он против советского строя и тому подтверждение — выдержки из его лекций и из его писем к жене. Не постеснялись даже сказать нам, что провели обыск у его жены (она с 3-летним сыном жила у родителей в другом городе, вероятно, из-за квартиры). Нам прямо так и сказали, что нашли у жены письма, в которых он высказывал свои «крамольные» мысли. Что-то даже привели в пример, но это не запомнилось. На этом собрании мы узнали и о письме наших выпускников. Всю группу, естественно, наказать было нельзя, и отыгрались на двух, которых определили в зачинщики. Особенно досталось нашей гордости, сталинской стипендиатке. На нее собрали целое досье.

Подробностей за давностью лет уже не помню, но облили ее грязью с ног до головы. Якобы, сидела она на скамеечке с военным и вела неподобающие разговоры, а он взял, да на нее и донес, и дальше все в том же духе. Ничего конкретного нам не сообщили, а девочек строго наказали. Вот копии приказов на них из архива пединститута. Приказ №33 от 27.02.57.

§1.

Студентку IV курса ФМФ Фандюшкину Н.С. за недостойное поведение, порочащее звание советского студента, исключить из числа студентов.

Ходатайство Кировского райкома ВЛКСМ и комитета ВЛКСМ ТГПИ.

§2.

За совершенные поступки, порочащие звание сталинского стипендиата, снять студентку IV курса ФМФ Мартыненко З.Я. с 1.03.57 со сталинской стипендии и перевести на общую стипендию.

Ходатайство Кировского райкома ВЛКСМ и комитета ВЛКСМ ТГПИ.

Эти решения были приняты не на нашем собрании, их до нас довели, и мы приняли к сведению. Не знаю, кто какие сделал выводы. Мы с подружкой пришли к такому выводу: «Опять 1937 год. В письмах писать ничего нельзя, откровенные беседы вести только с близкими».

Мы опять замкнулись в себе, не успев раскрыться.

м. ПОЛЫНСКАЯ,
выпускница 1958 года ФМФ.

ОТ РЕДАКЦИИ. Письмо М. Б. Полынской заинтересовало нас, как ценное свидетельство истории нашего института 50-х годов. В то же время возникает очень много вопросов: «Кто он, Юдин Э. Г.?» В чем заключалось его преступление? Какова его последующая судьба?

Попытались ответить на некоторые из них члены Томского общества «Мемориал», преподаватели Томского пединститута и Томского военного училища связи Владимир Петрович Бойко и Игорь Николаевич Кузнецов.

ТАЙНА ЭРИКА ЮДИНА

Сталинщина в Томском пединституте после XX съезда КПСС

С большим интересом мы познакомились с письмом М. Б. Полынской и согласны с редакцией «Советского учителя» в том, что вопросов в нем поставлено больше чем достаточно. По роду своей деятельности занимаясь в различных архивах, мы собрали кое-какие материалы по делу Э. Г. Юдина и ситуации, возникшей в пединституте в 1956—1957 годах. Охотно делимся этой информацией и своими впечатлениями о ней со всеми читателями «Советского учителя».

1. Кто же Вы, Эрик Юдин?

Фамилия Юдиных довольно широко распространена в Сибири. Например, во второй половине XIX века был знаменит по всей Сибири красноярский золотопромышленник Геннадий Васильевич Юдин. Начало его состоянию положила фантастическая удачливость. Сначала по государственной лотерее он выиграл 200 тысяч рублей, а затем в частной — еще 75 тысяч. Деньги тратил на путешествия и «красивую жизнь», но не забывал и о своем будущем. Часть капитала Юдин вложил в добычу золота и производство хлебного очищенного вина. Прибыль от такого предпринимательства была чрезвычайно высокой, что давало ему возможность собрать колоссальную библиотеку (около 80 тысяч томов) редких книг и журналов, которую по достоинству оценили многие просвещенные, люди того времени, в том числе и В.И. Ленин, который работал в ней, когда остановился в Красноярске и ждал пароход на Шушенское. Сейчас эта библиотека составляет основу Русского отдела библиотеки Конгресса США в Вашингтоне.

В будущем, может быть, доведется рассказать историю везучего и просвещенного капиталиста поподробнее, но сейчас она вспомнилась в связи с бедами, которые обрушились на его однофамильца, а может быть, и родственника.

Начало жизни Эрика Юдина складывалось вполне благополучно. Казалось, что он тоже вытянул у судьбы счастливый билетик. Посудите сами: родился он в 1930 году в Днепрпетровской области. Редкой удачей было то, что в 1951 году Юдин окончил Московский юридический институт, а в 1955 — аспирантуру и защитил диссертацию на соискание ученой степени кандидата философских наук. В то время статус преподавателя вуза был значительно выше, чем ныне, хотя бы потому, что «остепененных» специалистов было очень мало. Например, в пединституте их можно было перечесать по пальцам. Распределение в наш вуз столичного аспиранта, согласитесь, не прошло бы незамеченным даже и сейчас. Таковы сухие данные анкет. Стоит добавить, что в 1952 году он вступил в партию, был женат, но семья в Томск не приехала. Проживал Юдин по адресу: ул. Герцена, 44, кв. 5.

2. Чем же тогда можно было разгневать горком партии?

Теперь о сути конфликта, который возник в стенах института. Итак, молодой столичный ученый едет преподавать философию в далекий провинциальный вуз. Политическая обстановка в стране была в то время, как, впрочем, и всегда в советской истории, сложной. Одной из отличительных черт было неравномерное распределение минимума свобод по территории страны. В столичных центрах этих свобод, как, впрочем, и всего остального, было побольше, а на периферии, естественно, поменьше. Поэтому Э. Г. Юдин учился и сформировался как зрелый человек в условиях острого неприятия сталинщины и деспотизма, в условиях относительной свободы и напряженных интеллектуальных поисков истины. Прибыв в Томск, которого еще не коснулась «порча» вольномыслием,

он своих взглядов не скрывал ни в частных беседах, ни на лекциях и семинарах. Нужно учитывать и его возраст — ему тогда было всего 26 лет, т.е. возраст, когда инстинкт самосохранения, по-другому его еще называют благоразумием, не позволяет себе подчинить все остальные человеческие качества. В условиях того времени смелые речи были необычны и не могли остаться незамеченными. Благодаря бдительности сексотов (слово это не имеет отношения к сексу, столь популярному нынче, сексот — это должностное лицо — секретный сотрудник соответствующих органов), которыми была напигована и студенческая среда, властям стало известно содержание разговоров Э. Г. Юдина.

Суть его якобы антипартийной точки зрения состояла в следующем: «Социализм у нас не построен, у нас нет того, что должно быть при социализме. Условия материальной жизни у нас нищенские...» Томский горком нашел, что это «неправильные трактовки марксизма-ленинизма» и предупредил его на заседании своего бюро. Кто был прав: Юдин или горком? Сейчас любой школьник на любом экзамене должен доказать, что тот горком был неправ и получить за это отличную оценку.

М. Б. Полинская хорошо передает атмосферу в институте после XX съезда партии, когда коммунистам и комсомольцам читали речь Н. С. Хрущева. По ее словам молодежь «с трудом переваривала услышанное», не могла поверить своим ушам. Как выяснилось чуть позже, она была права: теперь можно было слегка критиковать «человека с усам» (определение Л. Фейхтвангера), но не его клику, которая вся осталась у руля власти. Сейчас понятно, что партократия отдала своего недавнего вождя не для того, чтобы очиститься, а для того, чтобы укрепить свои позиции. Система политической власти оставалась прежней, тоталитарной и деспотической, и для думающих людей того времени это не было секретом. К их числу и относился Э. Г. Юдин.

3. Речь, которая потрясла Томск

Взрыв подготовленной им бомбы произошел на партийном собрании пединститута 14 ноября 1956 года. Вот краткие выдержки из доклада Юдина, которые затем инкриминировались ему в качестве обвинительных аргументов. «Говоря о докладе Хрущева на XX съезде КПСС, Юдин высказал, что он страдает непоследовательностью и несамокритичен, что наши партийные руководители не хотят признать свою вину в поддержке и насаждении культа личности».

Мы, авторы этой статьи, присоединяемся к тому недоумению, которое возникло у Эрика Григорьевича в 1956 году, когда все беды сваливались на деспота, а не на деспотический режим, основу которого составлял «орден меченосцев» (определение партии Сталиным). Недоумение у нас возникает и от усердного втаптывания в грязь незадачливых вождей-звездоносцев застойного периода, в то время как «каста неприкасаемых» (нынешнее определение партократии) опять отделалась легким испугом.

«Юдин говорил, что в стране сильно развился бюрократизм, что он проник в партию, где рядовые коммунисты не участвуют

литературного факультета выступала в защиту Юдина. Я не знаю, куда мне деваться от позора».

Хохлов Н.А.: «Дело Юдина — большой урок для нас. Мы оказались политическими ротозеями. Юдин — враг партии и советского государства и, следовательно, каждого из нас. Это надо глубоко осознать и сделать выводы. Юдин противопоставлял марксизм каким-то точкам зрения...».

Стеценко А. Н. \ «Юдин нанес огромный ущерб идейному воспитанию наших студентов. Наша вина состоит в том, что мы не сумели своевременно разоблачить враждебные действия Юдина и дать им надлежащую резкую отповедь».

Казачков Б. В. (М. Б. Полинская пишет, что он был деканом физмат, факультета): «Если проанализировать поведение Юдина, то каждый из членов нашей парторганизации может прийти к единственному выводу: мы все проявили полную политическую беспечность. Выступление Юдина (на партсобрании. — В. Б.) явно играет на руку идеологам международного империализма».

Цитирование можно было бы и продолжить. Однако из приведенных здесь выступлений довольно четко проглядывает время, когда, как говаривали в старину, «идет охота на ведьм» (у В.Высоцкого это тоже аллегория — «идет охота на волков...»), т. е. время запугивания и одурманивания населения террором. К 1957 году система политического воспитания страхом была уже не та, но «был еще порох в пороховницах» у карающих (или карательных — ?) органов продолжающейся революции. Убеждение, что все здесь осталось по-старому, укрепляется после чтения документов суда над Э. Г. Юдиным. Его обвиняют в том, что в 1956 г., работая преподавателем кафедры марксизма-ленинизма в Томском пединституте, будучи враждебно настроенным к существующему в СССР государственному строю и Коммунистической партии, проводил среди окружающих его лиц антисоветскую агитацию: в разговорах, в письмах к родным и знакомым Юдин проводил, возводил клевету на общественный и государственный строй в СССР, политику Коммунистической партии и советского правительства, на руководителей советского государства.

Все эти «преступления» были оценены судебной коллегией по уголовным делам Томского областного суда от 22 марта 1957 г. (нужно оценить оперативность: 21 января выгнали с работы, а 22 марта уже осудили и посадили) по ст. 58—10 ч. 1 УК РСФСР (призыв к свержению, подрыву или ослаблению Советской власти) на 10 лет лишения свободы.

В феврале 1960 года определено было Э. Г. Юдину послабление — коллегия Верховного Суда РСФСР пересмотрела приговор и срок «отсидки» был снижен до трех лет. Свое 30-летие Эрик Григорьевич встречал, вероятно, уже на свободе.

Продолжение следует

Такова печальная история краткого пребывания умного, смелого и честного человека в нашем пединституте. Все «преступление» его заключалось в том, что он опередил свое время, не смог, как в свое время Л.Н.Толстой, В.Г.Короленко, А.М.Горький и другие совестливые люди, больше молчать. В 1989 г. прокурор Томской области проверил, а Генеральный прокурор СССР отменил все судебные решения в отношении Юдина Э. Г., и дело прекратили за отсутствием состава преступления. Нам показалось странным, что заявление с просьбой о пересмотре и реабилитации поступило от матери бывшего «преступника» Трушко Ю.С., проживающей ныне в Москве. Мы обязательно пошлем ей газету с этой статьей и тогда, может быть, она попадет в руки ее сына.

Эрик Григорьевич, примите, пожалуйста, наши извинения за то, что Томск так неласково встретил Вас тогда, что пединститут не дал Вам возможности продолжить, а мы уверены — блестяще продолжить научную и педагогическую деятельность. Но 160 студентов тогда и подавляющее большинство студентов и преподавателей сейчас благодарны Вам за урок честности и стойкости, который Вы нам преподали в далеком теперь 1956 году. Простите нас, Эрик Григорьевич. Простите и отзовитесь. Мы будем с нетерпением ждать вестей от Вас, чтобы до конца открыть тайну Вашего пребывания в Томске, узнать, как сложилась Ваша жизнь после 1960 года.

В. БОЙКО,
И. КУЗНЕЦОВ

7.

Газета «Советский учитель», №26 (1036),
26 октября 1990 г.

«ОСТАВИЛ ЗАМЕТНЫЙ СЛЕД»

После публикации в мае ЭТОГО года материалов об Эрике Григорьевиче Юдине «Советским учителем» и автором статьи В. П. Бойко были получены многочисленные отклики горячо заинтересовавшихся судьбой этого человека читателей.

Сегодня мы публикуем письма матери и брата Э.Г.Юдина, проливающие свет на еще некоторые стороны биографии этого замечательного философа.

Уважаемый Владимир Петрович!

Сердечно благодарю вас за внимание к памяти моего покойного сына Эрика. Ваше письмо от 3 июня 1990 года вернуло меня ко временам 34-летней давности и заставило вновь пережить нашу семейную трагедию. Сообщение об аресте Эрика мы получили в

начале января 1957 года. В эти же дни был произведен обыск в нашей квартире (родителей) и в квартире жены Эрика, проживавшей вместе с матерью и родившейся за месяц до того дочерью.

С тех пор начались для меня хождения по мукам: в прокуратуру СССР, РСФСР, Верховный суд СССР и РСФСР. И только 30 декабря 1959 года я была принята Генеральным прокурором Союза ССР т. Руденко Р. А., который направил протест в Верховный суд РСФСР со снижением срока наказания Эрику до отбытого — 3 года.

В Москву Эрик вернулся в марте 1960 года, и начались трудности с пропиской в Москве и устройством на работу. В мае 1960 года Кировский райисполком направил его на завод резинотехнических изделий рабочим (прессовщиком). Это вызвало сенсацию на заводе, многие приходили в цех, чтобы посмотреть на «профессора-рабочего».

Вскоре друзья вовлекли его в работу философских семинаров, в печати стали появляться его статьи, сначала под чужой фамилией. После четырехлетней работы на заводе ему помогли перейти на работу в издательство «Советская энциклопедия», в философскую редакцию. Затем он работал старшим научным сотрудником — сначала в Институте истории естествознания и техники Академии наук СССР, а позже — в Институте технической эстетики Госкомитета по науке и техники при Совете Министров СССР. Периодически он читал лекции в учебных заведениях. Его статьи печатались в журнале «Вопросы философии» и других изданиях. Итогом его краткой научной деятельности явилось посмертное издание в 1978 году книги «Системный подход и принцип деятельности». Все годы после его освобождения он жил в условиях дискриминации, над ним всегда висел груз незаслуженных репрессий, что не позволяло ему в полную силу реализовать свои способности.

Три года сибирских лагерей сделали свое дело, подорвали здоровье моего сына и сократили срок его жизни. 5 января 1976 года по пути на работу он внезапно скончался.

Его дочь Ирина Эриковна окончила биофак МГУ и защитила диссертацию на соискание ученой степени кандидата биологических наук. Растет его внучка Аня*ей 8 лет.

ТРУШКО
Юлия Семеновна

Уважаемый Владимир Петрович!

В дополнение к письму Ю. С. Трушко, я, брат Эрика Григорьевича Юдина, хотел бы сообщить вам некоторые сведения о нем и исправить неточности, содержащиеся в публикации «Советского учителя» от 21 мая 1990 г.

Начну с последнего. В письме М. Полынской говорится о том, что жена Эрика Григорьевича с трехлетним сыном жила у родителей в другом городе. Реальная же история более драматична. Когда мой брат после окончания аспирантуры в Московском городском пединституте имени Потемкина приехал работать в Томск, с ним

была и его жена Ирина Игоревна Юдина, студентка того же института, которая перевелась в Томский пединститут. Однако позже, когда она ждала ребенка, было решено, что на период родов она будет жить в Москве у своей матери. 28 ноября 1956 года, как раз в то время, когда над его головой сгустились тучи, родилась дочь Эрика Григорьевича. Таким образом, он впервые увидел свою дочь лишь после того, как освободился в 1960 году.

Предположение о родстве Эрика Григорьевича со знаменитым золотопромышленником, увы, не соответствует действительности.

В конце декабря 1956 года, после своего исключения из партии и увольнения с работы, Эрик Григорьевич выехал из Томска в Москву, надеясь там добиться восстановления справедливости. Однако в пути он был снят с поезда сотрудниками КГБ и доставлен в Томскую тюрьму. Вскоре после этого, в начале января в Москве были произведены обыски. Были изъяты письма моего брата, в которых высказывались критические суждения о тогдашней политической и нравственной жизни общества — позже они фигурировали на суде как обвинительный материал. Брат рассказывал мне, что в ходе следствия он поддался на шантаж со стороны следователей — они угрожали арестом отца, и во избежание этого он стал признавать себя виновным.

Отмечу и такой факт. Тогдашние власти Томска направили материалы об Э. Г. Юдине в Высшую аттестационную комиссию с тем, чтобы та лишила его ученой степени кандидата философских наук. В ВАКе, однако же, нашлись принципиальные люди, отказавшиеся сделать это.

Из письма моей матери вы знаете о последующей жизни Эрика Григорьевича. Хотелось бы к этому добавить следующее. Несмотря на то, что ему довелось работать в науке немногим более десяти лет, Э. Г. Юдин оставил заметный след в развитии советской философии. Он стал одним из основоположников разработки системных исследований, в частности, их философско-методологических оснований. В ежегоднике «Системные исследования» (он издается Всесоюзным научно-исследовательским институтом системных исследований, Эрик Григорьевич был одним из организаторов этого издания) намечена публикация специального раздела, посвященного его памяти и современному значению выдвинутых им идей.

Эрик Григорьевич был в числе первых в нашей философии, кто обратился к изучению категории деятельности, которую он считал одной из основных философских категории, необходимых для того, чтобы понять и объяснить мир человека. В сферу его интересов всегда входила философия науки, и он был одним из ведущих советских специалистов по методологии научного познания. Эрик Григорьевич всегда в своем творчестве стремился найти новые пути для движения философской мысли, разорвать тенета догматизма, которыми была опутана философия в нашей стране. Иными словами, он боролся за свободу, за раскрепощение мысли в те времена, когда эта свобода всячески подавлялась. По этой причине он неоднократно навлекал на себя гнев идеологических надсмотр-

щиков, которые частенько поминали его прошлые «прегрешения». Насколько я знаю, сейчас журнал «Вопросы философии» готовит подборку материалов о деятельности Эрика Григорьевича, и, если вы не возражаете, я передам туда и ксерокопию вашей публикации.

Для меня память об Эрике Григорьевиче особенно дорога, ибо именно под его влиянием я, получивший инженерное образование, «обратился» в философию.

Сердечно благодарю вас и вашего соавтора за то, что вы сделали для памяти моего брата, и за вашу благородную деятельность по восстановлению истинной картины минувших тяжелых времен.

С пожеланием успехов
Юдин Борис Григорьевич,
доктор философских наук,
главный редактор журнала * Человек»

НАУЧНЫЕ ТРУДЫ
ЭРИКА ГРИГОРЬЕВИЧА ЮДИНА
(1930-1976 гг.)

т

1963

- 1) О некоторых аспектах логического исследования содержания обучения в зависимости от целей образования // Тезисы докладов на II съезде Общества психологов, вып. 2. М., Изд-во АПН РСФСР: 1963, с. 165-167.

1964

- 1) О применении понятия «управление» в психологических и педагогических исследованиях // Вопросы активизации мышления и творческой деятельности учащихся. М., 1964, с. 80-84. В соавторстве с Г. П. Щедровицким.
- 2) Проблемы диалектического материализма в работах советских философов // Вопросы философии, 1964, № 12, с. 149—162. В соавторстве с Н. Г. Алексеевым. Опубликовано также на нем. яз.

1965

- 1) Выступление на дискуссии «Наука и учебный предмет» // Советская педагогика, 1965, № 7, с. 19—20.
- 2) Краткий словарь терминов // Социология в СССР, т. 2. М.: Мысль, 1965.
- 3) Структура и генезис как предметы исследования // Проблемы исследования систем и структур. Материалы к конференции. М., Научный совет по философским вопросам естествознания АН СССР, 1965, с. 45-49.
- 4) «Естественное» и «искусственное» в семиотических системах // Там же, с. 141—149. В соавторстве с Г. П. Щедровицким и др.
- 5) Основные законы материалистической диалектики // Политическое самообразование, 1965, № 11, с. 51—58. Под псевдонимом Э. Варягин.

1966

- 1) Педагогика и социология. Сообщение 1. Основные линии связи педагогики и социологии // Новые исследования в педагогических науках, вып. VII. М.: Просвещение, с. 80—88. В соавторстве с Г. П. Щедровицким.
- 2) Ступени и формы научного познания // Политическое самообразование, 1966, № 1, с. 28—36. Опубликовано также на исп. яз.
- 3) Качественное и математическое моделирование в биологии // Тезисы докладов и выступлений на симпозиуме «Метод моделирования в естествознании». Тарту: ТГУ, 1966, с. 69-70.
- 4) Актуальные проблемы марксистской социологии. — Вопросы философии, 1966, № 2, с. 146—153. В соавторстве с А. Г. Аганбегяном. Опубликовано также на нем. яз.

- 5) Системно-структурные исследования и их место в современной науке // Категория структуры и развитие физики элементарных частиц. Дубна: ОИЯИ, 1966, с. 37-46. В соавторстве с В. Н. Садовским.
- 6) Жан Пиаже — психолог, логик, философ // Вопросы психологии, 1966, №4, с. 106-120. В соавторстве с В.Н.Садовским.
- 7) Краткий словарь по философии. Под ред. И. В. Блауберга, П. В. Копнина, И. К. Пантина. М., Политиздат, 1966 (2-е изд. М., Политиздат, 1970). Статьи: Внешнее и внутреннее. Воспитание и образование. Группа социальная. Движение (в соавторстве). Логика науки. Методология науки. Моделирование. Науковедение. Норма. Отражение. Понятие. Связь. Семиотика. Система. Системный подход. Структура. Структурализм. Структурно-функциональный анализ. Суждение. Язык.

1967

- 1) «Естественное» и «искусственное» в семиотических системах // Семиотика и восточные языки. М.: Наука, 1967. В соавторстве с В. А. Леферовым и Г. П. Щедровицким.
- 2) О специфике методологического подхода к исследованию систем и структур // Логика и методология науки. М.: Наука, 1967, с. 191-199. В соавторстве с В.Н.Садовским. Опубликовано также на словацком яз.
- 3) Как понимать объект и предмет научного познания? // Политическое самообразование, 1967, №3, с. 93—98.
- 4) Логико-психологический анализ научного творчества и проблемное обучение // Проблемы научного и технического творчества. Материалы к симпозиуму. М., 1967, с. 61-71. В соавторстве с Н. Г. Алексеевым.
- 5) Концепция «точной педагогики» и ее основания // Вопросы философии, 1967, №6, с. 168-174. В соавторстве с Д. А. Поспеловым.
- 6) Поведение // Философская энциклопедия, т. 4, 1967, с. 280-281.
- 7) Системный подход и количественные методы в социологии // Количественные методы в социальных исследованиях. Материалы к совещанию в Сухуми. Москва — Сухуми, Научный совет по проблемам социальных исследований АН СССР, 1967, с. 132—147. В соавторстве с И. В. Блаубергом.
- 8) Системный подход в социальных исследованиях // Вопросы философии, 1967, №9, с. 100-111. В соавторстве с И. В. Блаубергом.
- 9) Методологические проблемы построения общей теории систем // Методологические вопросы системно-структурного исследования. Тезисы докладов на теорет. конф. М.: Изд-во МГУ, 1967, с. 34-39. В соавторстве с И. В. Блаубергом, В. Н. Садовским.

1968

- 1) Системный подход в социологии // Философский словарь. Под ред. М.М.Розенталя и П.Ф.Юдина. Изд. 2-е. М., Политиздат, 1968, с. 320-321.
- 2) Количественные методы в социологии и их концептуальные основания // Количественные методы в социальных исследованиях. Информационный бюллетень ИКСИ АН СССР и ССА, 1968, № 8, с. 105-115. В соавторстве с И. В. Блаубергом.
- 3) Мировоззрение личности, его связь с философией // Политическое самообразование, 1968, №9, с. 40—48.
- 4) Философский анализ структуры деятельности. Рецензия на кн.: Трубников Н. И. О категориях «цель», «средство», «результат». М.: Высшая школа, 1968 // Вопросы философии, 1968, №9, с. 161-165.
- 5) Категории материалистической диалектики // Политическое самообразование, 1968, №12, с. 74-83. Под псевдонимом Ю. Григорьев.

- 1969

- 1) Системный подход: предпосылки, проблемы, трудности. М.: Знание, 1969, 48 с. В соавторстве с И. В. Блаубергом и В. Н. Садовским.
- 2) Рецензия на кн.: Науменко Л. К. Монизм как принцип диалектической логики. Алма-Ата, 1968 // Вопросы философии, 1969, №4, с. 160-165.
- 3) Исследование творчества в науке и обучение творчеству в школе // Научное творчество. М.: Наука, 1969, с. 387—404. В соавторстве с Н.Г.Алексеевым.
- 4) Задачи, методы и приложения общей теории систем. Вступительная статья // Исследования по общей теории систем. М.: Прогресс, 1969, с.3—22. В соавторстве с В.Н.Садовским.
- 5) Предисловие // Системные исследования. Ежегодник 1969. М.: Наука, 1969, с. 5-6. В соавторстве. Опубликовано также на венг. яз.
- 6) Системные исследования и общая теория систем // Системные исследования. Ежегодник 1969. М.: Наука, с. 7—29. В соавторстве с И.В.Блаубергом и В.Н.Садовским. Опубликовано также на венг. яз.
- 7) О так называемом сциентизме в философии // Вопросы философии, 1969, №8, с. 116-128. В соавторстве с В. С. Швыревым.
- 8) Жан Пиаже. Избранные психологические труды. М.: Просвещение, 1969, 660 с. Редактор-составитель. Совместно с В. Н. Садовским.

- 9) Операциональная концепция интеллекта в работах Жана Пиаже. Вступительная статья // Ж. Пиаже. Избранные психологические труды. М.: Просвещение, 1969, с. 9—53. В соавторстве с В. А. Лекторским и В. Н. Садовским.
- 10) Комментарии к кн.: Пиаже Ж. Избранные психологические труды. М.: Просвещение, 1969, с. 613-639. В соавторстве с В. А. Лекторским и В. Н. Садовским.

1970

- 1) Агностицизм // БСЭ, 3-е изд., т. 1.
- 2) Общественное сознание // Политическое самообразование, 1970, № 1, с. 92—99. Под псевдонимом Ю. Григорьев.
- 3) Предисловие редакторов // Проблемы методологии системного исследования. М.: Мысль, 1970, с. 3—4. В соавторстве с И. В. Блаубергом и В. Н. Садовским. Опубликовано также на румын, яз.
- 4) Системный подход в современной науке // Проблемы методологии системного исследования. М.: Мысль, 1970, с. 7—48. В соавторстве с И. В. Блаубергом и В. Н. Садовским. Опубликовано также на польск. и румын, яз.
- 5) К анализу внутреннего строения обобщенных системных концепций // Проблемы методологии системного исследования. М.: Мысль, 1970, с. 443—458. Опубликовано также на польск. и румын, яз.
- 6) Философские проблемы исследования систем и структур // Вопросы философии, 1970, №5, с. 57—68. В соавторстве с И. В. Блаубергом. Опубликовано также на нем. и польск. яз.
- 7) Методологические проблемы системного подхода в социальных исследованиях // Структурно-системные исследования педагогических явлений и процессов (тезисы докладов и сообщений). М., 1970, с. 3-8.
- 8) Рецензия на кн.: Ойзерман Т. И. Проблемы историко-философской науки. М.: Мысль, 1969 // Вопросы философии, 1970, № 12, с. 139—145. В соавторстве с В. А. Лекторским.
- 9) Предисловие // Системные исследования. Ежегодник 1970. М.: Наука, 1970, с. 5—6. В соавторстве.
- 10) Комментарии и выступления // Системные исследования. Ежегодник 1970. М.: Наука, 1970, с. 5-8, 30-31, 62-64, 128-136 и др. Коммент. совместно с И. В. Блаубергом и К. М. Хайловым.
- 11) Система // Философская энциклопедия, т. 5, с. 18—21. В соавторстве с В. Н. Садовским.
- 12) Сциентизм // Философская энциклопедия, т. 5, с. 173—175. В соавторстве с В. С. Швыревым.

- 13) Философия // Философская энциклопедия, т. 5, с. 322—342. В соавторстве с В. А. Лекторским, А. П. Огурцовым и В. С. Швыревым.
- 14) Брентано Ф. // Философская энциклопедия, т. 5, с. 624.
- 15) Методологическая функция философии в естествознании // Диалектика и современное естествознание. М.: Наука, 1970, с. 339-342.
- 16) Рецензия на кн.: Киссель М. А. Идеализм против науки. Лениздат, 1969 // Вопросы философии, 1970, №2, с. 151-156. Под псевдонимом К. Г. Биреров; в соавторстве с А. П. Огурцовым.

1971

- 1) О психологических методах изучения творчества // Проблемы научного творчества в современной психологии. М.: Наука, 1971, с. 151—203. В соавторстве с Н. Г. Алексеевым.
- 2) Философские аспекты системного подхода // XIII Международный конгресс по истории науки. Секция 1. Подсекция: История и перспективы развития системного подхода и общей теории систем. М.: Наука, 1971, с. 53.
- 3) Место системного подхода в современном научном познании // Тезисы республиканской научовой конференции «Диалектичний матеріалізм і сучасне природознавство. (Проблема методу в філософії і природознавстві)». Киев, КГУ, 1971.
- 4) Социальное знание и социальное управление // Вопросы философии, 1971, № 12, с. 17-29. В соавторстве с Ю. П. Сенокосовым.
- 5) Брентано Ф. // БСЭ, т. 4.

1972

- 1) Деятельность НБСЭ, т. 8. В соавторстве с А. П. Огурцовым.
- 2) Рецензия на кн.: Озерман Т. И. Главные философские направления. М.: Мысль, 1971 // Вопросы философии, 1972, №10, с. 165-168. В соавт. с В. А. Лекторским.
- 3) Системный подход в социальном познании // Исторический материализм как теория социального познания и деятельности. М.: Наука, 1972, с. 157—189. В соавторстве с И. В. Блаубергом.
- 4) Отношение философии и науки как методологическая проблема // Философия в современном мире. Философия и наука. М.: Наука, 1972, с. 146-179. Опубликовано также на болгар. яз.
- 5) Социально—психологические факторы повышения эффективности пропаганды // Методика политического образования. М.: Политиздат, 1972, с. 111-124. Опубликовано также на нем. и болгар. яз.

- 6) Мировоззрение // Философский словарь. Под ред. М. М. Розенталя. М.: Политиздат, 1972. (3-е изд. М., 1975).
- 7) Системные методы исследования // Философский словарь. Под ред. М. М. Розенталя. М.: Политиздат, 1972. 3-е изд. М., 1975. В соавторстве с В. Н. Садовским.
- 8) Предисловие // Системные исследования. Ежегодник 1972. М.: Наука, 1972, 5-8. В соавторстве.

1973

- 1) Рецензия на книгу «Философия, методология, наука». М.: Наука, 1972 // Вопросы философии, 1973, № 1, с. 169-172.
- 2) Становление и сущность системного подхода. М.: Наука, 1973. 230 с. В соавторстве с И. В. Блаубергом. Опубликовано также на венг. яз.
- 3) Мировоззренческая оценка науки: критика буржуазных концепций сциентизма и антисциентизма. М.: Знание, 1973. В соавторстве с В. С. Швыревым.
- 4) Какой будет школа? // Новый мир, 1973, №9, с. 277-280. (Рец. на кн.: Давыдов В. В. Виды обобщения в обучении. М.: Педагогика, 1972).
- 5) Сциентизм и антисциентизм — различные мировоззренческие ориентации в современном капиталистическом обществе // Человек — наука — техника. Москва—Прага, 1973. В соавторстве с В. С. Швыревым. Опубликовано на рус., чеш. и англ. яз.
- 6) Сциентизм и антисциентизм как типы мировоззренческой ориентации (к дискуссии о социально-культурной роли науки в условиях научно-технической революции) // Вопросы идеологической борьбы в связи с сосуществованием двух мировых систем, Информационный бюллетень проблемной комиссии представителей академий наук социалистических стран, 1973, № 4. В соавторстве с В. С. Швыревым.
- 7) Выступление на круглом столе журн. «Вопросы философии» по проблеме «Наука — этика — гуманизм» // Вопросы философии, 1973, №8, с. 102-104.
- 8) Предисловие // Системные исследования. Ежегодник 1973. М.: Наука, 1973, с. 5—6. В соавторстве.
- 9) Методологическая природа системного подхода // Системные исследования. Ежегодник 1973. М.: Наука, 1973, с. 38—51.
- 10) Рец. на кн.: Кмита Ежи. Некоторые методологические проблемы гуманитарной интерпретации. Варшава, 1971, 193 с. // Вопросы философии, 1973, №5, с. 178-179.
- 11) Сциентизмът и антисциентизмът като типове на мирогледна ориентация в условията на научно-техническата революция // Философска мисъл. София, 1973, кн. 4, с. 104—113. В соавторстве с В. С. Швыревым.

- 12) Some Problems of General Systems Development // Unity Through Diversity. A Festschrift for Ludwig von Bertalanffy, ed. by W. Gray and N. Rizzo. Part I. New York, London. Paris, Gordon and Breach Science Publishers, 1973, p. 245—170. В соавторстве с И. В. Блаубергом и В. Н. Садовским.

1974

- 1) Выступление на круглом столе журнала «Вопросы философии» о качестве философской литературы // Вопросы философии, 1974, №6, с. 152-154.
- 2) Концептуальные схемы и эмпирический материал в изучении научного творчества // Семинар по методологическим проблемам творчества (тезисы выступлений). Симферополь, 1974. В соавторстве с Э. М. Мирским.
- 3) Методология // БСЭ, т. 16. В соавторстве с А. Г. Спиркиным.
- 4) Онтология // БСЭ, т. 18.
- 5) Системный подход и современная наука. София: Наука и искусство, 1974. 316 с. В соавторстве с Н. К. Стефановым, И. В. Блаубергом, В. Н. Садовским.
- 6) Системный подход при исследовании рекреационной деятельности // Изв. АН СССР. Сер. геогр., 1974, №1, с. 18-26. В соавторстве с В. С. Преображенским и др.
- 7) Системный подход как предмет философского анализа // Труды XIII Междунар. конгр. по истории науки. Секция IА, II. М.: Наука, 1974, с. 174-176.
- 8) Анализ категории «социальная задача» // Политическое самообразование, 1974, №3, с. 135-138. Под псевдонимом Ю. Григорьев.
- 9) Study of Science as a System: History and Prospects // XIV—International Congress of the History of Science. Tokyo and Kyoto, Japan, 19-27 August 1974. Abstracts of papers. Science Council of Japan, 1974, p. 6. В соавторстве с И. В. Блаубергом, А. А. Игнатевым, Э. М. Мирским и В. Н. Садовским.

1975

- 1) Рецензия на кн.: Зинченко В. П., Мунипов В. М., Смолян Г. Л. Эргономические основы организации труда. М.: Экономика, 1974 // Вопросы философии, 1975, №3, с. 177-180.
- 2) Природа // БСЭ, т. 20.
- 3) Методологический анализ, его основные задачи и формы // Политическое самообразование, 1975, №8, с. 46—55.
- 4) Рецензия на кн.: Левин А. О системе воспитания. Построение системы в школе — проблемы и методы. 2-е изд. Варшава, 1972 // Вопросы философии, 1975, №2, с. 175.

- 5) Старые и новые проблемы древней науки. Послесловие к кн.: Домбровский А. Рассказы о философах. М.: Молодая гвардия, 1975, с. 185-214.
- 6) Словарь философских терминов // Домбровский А. Рассказы о философах. М.: Молодая гвардия, 1975, с. 215—221.
- 7) Рецензия на кн.: Петер Ю. Психология науки. Варшава, 1971 // Реферативный сборник «Науковедение за рубежом». Вып.1. Психология научного творчества. Под ред. А. М.Кулькина и А.Н.Лука. М.: НИИОН АН СССР, 1975, с.43-57.
- 8) Рецензия на кн.: Абдильдин Ж. М. Диалектика Канта. Алма-Ата: Изд-во «Казахстан», 1974 // Вопросы философии, 1975, №11, с. 175-178.
- 9) Развитие//БСЭ, т. 21.
- 10) Системные идеи в этнографии // Природа, 1975, №7, с. 23—28.
- 11) Системный подход к оптимизации биосферы // Вопросы анализа воздействия человека на природную среду (по материалам к теоретической конференции). М., 1975, с. 41—44.

1976

- 1) Связь // БСЭ, т. 23.
- 2) Системный подход // БСЭ, т. 24. В соавторстве с И. В. Блаубергом.
- 3) Систематика (часть статьи) // БСЭ, т. 24.
- 4) Типология // БСЭ, т. 25. В соавторстве с А. П. Огурцовым.
- 5) Деятельность как объяснительный принцип и как предмет научного изучения // Вопросы философии, 1976, №5, с. 65—78. Опубликовано также на нем. яз.
- 6) Предисловие // Эргономика. Труды ВНИИТЭ, вып. 10. М., 1976, с. 5-8.
- 7) Понятие деятельности как методологическая проблема // Эргономика. Труды ВНИИТЭ, вып. 10, М., 1976, с. 81-89.

1977

- 1) Деятельность и системность // Системные исследования. Ежегодник 1976. М.: Наука, 1977, с. 11—39. Опубликовано также на польск. яз.
- 2) Проблема системности исследования в психологии. Рецензия на кн.: Опыт системного исследования психики ребенка. Под ред. Н. И. Непомнящей. М.: Педагогика, 1975 // Вопросы психологии, 1977, №3, с. 174—177. В соавторстве с Н.Г.Алексеевым.
- 3) Systems theory. Philosophical and methodological problems. Moscow, Progr. Publ., 1977, 318 p. В соавторстве с И. В. Блаубергом и В. Н. Садовским.

1978

- 1) Наука и мир человека. М.: Знание, 1978, 64 с. В соавторстве с Б. Г. Юдиным. Опубликовано также на болг. языке.
- 2) Системный подход и принцип деятельности. Методологические проблемы современной науки. М.: Наука, 1978, 392 с.

ИМЕННОЙ УКАЗАТЕЛЬ

Акофф Р., 20
Алексеев В. П., 190-193, 198—
201, 203
Алексеев Н. Г., 292, 304
Амстердамский С., 36, 39
Анохин П. К., 290
Аристотель, 51, 57, 100
Арнольд Р., 295

Бенусси В., 184
Бернштейн Н. А., 137, 290
Бергаланфи Л. фон, 20, 42—
44, 118, 144, 156,
158, 178, 181, 183,
188-190, 214, 221
Блауберг И. В., 20, 22, 212
Богданов А. А., 42—44, 49
Боудинг К., 207
Брентано Ф., 103
Бэкон Ф., 57, 93

Вернадский В. И., 42, 72, 82,
85, 148, 149, 259
Викерс Дж., 20
Винер Н., 42, 44
Выготский Л. С., 79, 137, 146,
186, 189, 264, 272,
273

Гаазе-Рапопорт М. Г., 213
Гайденко П. П., 37, 38
Галантер Ю., 295
Гегель Г. В. Ф., 9, 58, 90-92,
262, 263, 269, 274,
363, 365, 381, 382,
385
Гизелин Б., 295
Грениевский Г., 179
Грузинцев Г. А., 149

Гуссерль Э., 103

Дарвин Ч., 74, 78, 282
Декарт Р., 58, 90, 93, 94, 100,
261
Демокрит, 258
Дриш Г., 144
Дункер К., 184

Жане П., 271

Завадский К. М., 50
Зайка В. Е., 152
Зельц О., 184

Кант И., 37, 54, 58, 66, 93,
94, 104, 105, 110,
261, 262, 323
Кассирер Э., 48, 263
Келер В., 146, 184
Киркегор С., 87, 263
Клир Дж., 20, 46
Коперник Н., 78
Коффка К., 146, 184
Крестьянский В. И., 50
Крис И., 295
Кун Т., 51

Лавуазье А., 63
Ламарк Ж., 92
Ланге О., 20, 45, 46, 173-180
Леви-Стросс К., 150
Левин К., 184, 191
Лейбниц Г. В., 90, 122
Лекторский В. А., 38, 65, 66,
104, 304
Ленин В. И., 339, 372, 408,
420

Леонтьев А. Н., 12, 137, 246,
273, 275, 283, 287,
312
Лефевр В. А., 117, 205-210,
231
Линней К., 92
Лобачевский Н. И., 63
Локк Дж., 58, 122
Любичев А. А., 51, 53, 150

Майкельсон А., 79
Малиновский А. А., 158
Мамардашвили М. К., 252
Марков М. А., 48
Маркс К., 9, 21, 72, 76, 95,
127, 255, 265, 282,
321, 382
Мейнонг Л., 184
Месарович М., 20
Миллер Д., 295
Мирский Э. М., 6, 150

Ницше Ф., 263

Ойзерман Т. И., 92*
Олпорт Г., 188, 246

Пиаже Ж., 72, 137, 146, 147,
186-188, 190, 304
Пифагор, 258
Платон, 105, 251, 258
Помян К., 36
Прайс Д., 225
Прибрам К., 295
Пушкин В. Н., 296

Рабинович В. Л., 90
Рубинштейн С. Л., 137
Руссо Ж. Ж., 89, 258, 368
Рыбаков Б. А., 218, 219, 225

Садовский В. Н., 6, 20, 157,
212, 215, 304
Сент-Экзюпери А. де, 10
Сетров М. И., 50
Соловьев Э. Ю., 97
Соссюр Ф. де, 147, 276
Спиноза Б., 90, 92
Сэв Л., 275, 276

Тахтаджян А. Л., 44
Тейяр де Шарден П., 148
Тихомиров О. К., 295, 296
Тода М., 20
Толстов С. П., 425
Трубников Н. Н., 248, 249

Уоллес Г., 295

Фейербах Л., 105, 265
Фихте И. Г., 90, 91, 261, 262

Хайлов К. М., 38, 50, 148,
196, 223

Чебоксаров Н. Н., 191
Черчмен К. Уэст, 20

Швырев В. С., 19, 65, 66, 97,
274
Шеллинг Ф. В., 208
Шопенгауэр А., 263
Шуфорт Э., 20

ГЦедровицкий Г. П., 117

Эйнштейн А., 76, 79
Эйнштейн А., 76, 79
Энгельгардт В. А., 224
Энгельс Ф., 91, 100, 265
Эренфельс Х. фон, 184
Эшби У. Росс, 20, 42, 44, 137

Юдин Б. Г., 157, 228, 238,
239
Юм Д., 58

Ярошевский М. Г., 295
Ястшембовский В., 306

ОГЛАВЛЕНИЕ

Предисловие (Б. Г. Юдин).	5
СЛОВО О ДРУГЕ (А. П. Огурцов, Б. Г. Юдин).	7

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

СТРОЕНИЕ И ФУНКЦИИ МЕТОДОЛОГИЧЕСКОГО ЗНАНИЯ	33
---	----

Глава первая

Развитие форм самосознания науки	35
1. Изменение типа внутринаучной рефлексии	37
2. Общенаучные концепции и дисциплины	41
3. Изменение схем объяснения в научном познании	47
4. Функция, форма и время	51

Глава вторая

Основные задачи и формы методологического анализа	56
1. Природа методологического знания	56
2. Общая характеристика и уровни современного методологического знания	60
3. Соотношение теоретического и методологического знания	69
4. Структура научного исследования	73
5. Методологическая характеристика процесса научного исследования	83

Глава третья

Отношение философии и науки как методологическая проблема	87
1. Наука в теоретическом самосознании нового времени	87
2. Трансформация представлений об отношении науки и философии	95
3. Различие конкретно-научного и философского типов знания	98
Литература к части первой	по

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

СИСТЕМНЫЙ ПОДХОД: ЕГО РАЗВИТИЕ И ОСНОВЫ	115
---	-----

Глава первая

Системный подход в современной науке	117
1. О некоторых средствах методологии системно-структурных исследований*	117
2. Общая характеристика системного подхода	136

Глава вторая

Становление системного подхода	143
1. Общенаучные предпосылки возникновения системного подхода	143
2. Методологические предпосылки системного подхода	149

Глава третья

Системный подход как методологическое направление научного исследования	156
1. Место и функции системного подхода в современном методологическом знании	156
2. Методологическое строение системного подхода	165
3. К анализу внутреннего строения обобщенных системных концепций	171

Глава четвертая

Применение системного подхода к построению современного научного знания	181
1. Системные идеи в психологии	181
2. Методы системного исследования в этнографии	190
3. Принципы исследования рефлексивных систем	205

Глава пятая

О перспективах дальнейшего развития системного подхода	211
1. Основные принципы общенаучной методологии: сопоставление системного подхода с кибернетикой	211
2. Принцип целостности в системных исследованиях	218

Литература к части второй	227
---------------------------	-----

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ

ПРОБЛЕМА ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В ФИЛОСОФИИ И НАУКЕ	243
---	-----

Глава первая

Определение и функции категории деятельности	245
--	-----

Глава вторая**Эволюция понятия деятельности в истории мышления. 252**

1. Природа и деятельность. 254
2. От природы к деятельности
как объяснительному принципу. 260

Глава третья**Деятельность как объяснительный принцип. 268**Глава четвертая**Деятельность как предмет изучения в психологии. 279**

1. Деятельность и предметное действие. 283
2. Деятельность и операция*. 287
3. Деятельность и поведение. 289
4. Деятельность и творчество*. 292

Глава пятая**Деятельность как предмет проектирования в эргономике 306**Глава шестая**Деятельность и наука. 315****Литература к части третьей. 326****Приложение 1. 328****Приложение 2. 411****НАУЧНЫЕ ТРУДЫ ЭРИКА ГРИГОРЬЕВИЧА ЮДИНА****(1930-1976 гг.). 429****ИМЕННОЙ УКАЗАТЕЛЬ. 440****ФИЛОСОФЫ РОССИИ XX ВЕКА****Эрик Григорьевич Юдин****МЕТОДОЛОГИЯ НАУКИ. СИСТЕМНОСТЬ.
ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ**

Группа подготовки издания:

Директор	Доминго Марин Рикой
Зам. директора	Паталья Фишогцова, Ирина Макеева
Макет	Василий Подобед, Наталья Бекетова
Технический редактор	Марина Кошыллова, Марина Крупко
Редактор	Л. В. Блишников
Техническая поддержка	Виктор Романов, Анна Тюрина

Формат 84 x 108/32. Тираж 1000 экз.

Бумага офсетная. Гарнитура «Таймс». Печ. л. 14. Зак. № 80 в 2.

Лицензия ЛР № 064418 от 24.01.96 г.

113208, г. Москва, ул. Чертаповская, д. 2/11, ком. прав.

Отпечатано в АОТ «Политех-4». 129110, г. Москва, Б. Переславская, 46